МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра археологии, этнологии, истории древнего мира
ВОСТОЧНО-СИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии

ЕВРАЗИЙСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ

Материалы докладов ведущих ученых
на V (L) Российской (с международным участием)
археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых
4-9 апреля 2010 г., Иркутск

Иркутск
2010

УДК 902/904+39+572](063)
ББК 64.4+63.5+28.7]л0
Е 22

Рецензенты:
д.и.н., профессор Н.И. Дроздов
д.и.н., профессор А.И. Харинский

Е 22

Евразийское культурное пространство. Актуальные проблемы археологии, этнологии, антропологии: Материалы докладов ведущих ученых на V (L) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, Иркутск, 4-9 апреля 2010 г. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2010. – 214с.

ISBN 978-5-93219-231-3

Сборник содержит материалы докладов ведущих ученых, представленных на V (L) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, проходившей 4–9 апреля 2010 г. в Иркутске.

В статьях отражены актуальные проблемы археологических, этнологических, антропологических исследований древних и традиционных обществ Евразии. Издание предназначено для археологов, этнологов, историков, культурологов, музейных работников, студентов, краеведов и всех, интересующихся древнейшим прошлым и современными этнокультурными процессами Евразии.

УДК 902/904+39+572](063)
ББК 64.4+63.5+28.7]л0

Ответственный редактор:
д.и.н., профессор Г.И. Медведев

Редакционная коллегия:
Н.А. Батракова, Т.Н. Кононова, Г.Н. Михнюк, к.и.н. М.Г. Туров

В статьях сохранена авторская стилистика

ISBN 978-5-93219-231-3

© ГОУ ВПО Иркутский государственный университет
©Авторы статей
© И.М. Бердников, дизайн обложки
© Издательство «Оттиск»

Уважаемые коллеги!

Вашему вниманию предложено издание материалов докладов ведущих отечественных и зарубежных ученых, принявших активное участие в работе юбилейной, Пятидесятой по счету конференции студентов и начинающих исследователей, присягнувших делу решения непростых задач по изучению археологии, палеоистории и этнологии населения многонациональной России, ближнего и дальнего Зарубежья.

Уникальность настоящего сборника не только в юбилейной дате конференции, к которой приурочено его издание. Вряд ли ошибемся в том, что в истории становления и развития российской археологии, палеоантропологии и этнологии этим изданием впервые обозначился прецедент участия в РАЭСКе старшего по возрасту и молодого по жажде познания поколения. Большая часть представленных в сборнике авторов хорошо известна далеко за пределами России. Как и нынешние начинающие коллеги – участники РАЭСКа, они в своё время прошли «школу» первого поколения российских археологов, антропологов и этнологов, получили от своих наставников неистощимый заряд интереса к истории: к тем наиболее древним периодам формирования человеческого сообщества и многообразных форм его культурных традиций.

Как и нынешнее поколение, авторы собранных здесь статей приняли от своих учителей эстафету научного поиска, озарений и открытий, разочарований и надежд на открывающиеся перед ними обширные горизонты знаний. В этом контексте сборник, как составная часть общего собрания материалов к 50-й РАЭСК, без сомнения, знаменует собой торжественное событие передачи эстафеты. Его авторы, руководствуясь искренними и благородными намерениями, желают **передать идущим вслед** свой индивидуальный, выношенный трудным «полем» и «камералкой» опыт борьбы с чаще всего бытующим, то есть обывательским взглядом на преисторию и этническую истории народов.

Дорогие коллеги. начинающие свой путь в науке, и зрелые исследователи. От имени Оргкомитета Юбилейной РАЭСК и редакционной коллегии хотим во-первых, поблагодарить авторов за их твердое согласие, несмотря ни на что, участвовать в этом собрании. Во-вторых, поздравить всех нас с тем, что и сегодня интерес к нашим наукам не иссяк, что богатство накопленного и прогнозируемого знания растет и количественно, и качественно.

Уверены, что состоявшееся всероссийское рабочее обсуждение текущих результатов, проблем и перспектив развития наук о Человеке и Обществе не останется в летописи свершений развития знания разовым событием, а будет иметь продолжение и обретет характер постоянно действующей творческой лаборатории, работа в которой стала бы потребностью, осознанной необходимостью и доброй традицией для всех молодых и коллаборантов.

Оргкомитет V (L) РАЭСК

Статьи

С.В. Алкин
Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

К ВОПРОСУ О СВЯЗИ КУЛЬТУРЫ ПЛИТОЧНЫХ МОГИЛ ЗАБАЙКАЛЬЯ И КУЛЬТУР ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА ВНУТРЕННЕЙ МАНЬЧЖУРИИ*

Не часто приходится обращаться к старой гипотезе не для того, чтобы дежурно отметить историографический факт её существования. В нашем же случае полвека существует гипотеза, которую практически сразу же и не без оснований подвергли сомнениям коллеги, а после она была почти всеми забыта. Тем не менее, накопленные за десятилетия археологами трёх сопредельных государств археологические данные позволяют вернуться к основательно подзабытой идее.

В конце 50-х годов прошлого столетия в г. Улан-Удэ увидел свет первый выпуск (увы, и последний в своём роде) «Археологического сборника» Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР под редакцией А.П. Окладникова и Г.Н. Румянцева [Археологический сборник, 1959]. Небольшой том в аскетично оформленной обложке стал этапным в изучении древностей Забайкалья. Он включил в себя публикацию новейших археологических материалов и аналитические работы с изложением существовавших на тот момент гипотез этнокультурного развития региона. Сделано это было пока ещё без оглядки на сложности политических взаимоотношений с южным соседом. В очерке «Палеолит Забайкалья» А.П. Окладникова и в статьях В.Е. Ларичева о неолите Северо-Восточного Китая и о происхождении культуры плиточных могил отчётливо проводилась мысль о невозможности построения корректных схем развития археологических культур Северо-Восточной Азии без учёта результатов исследований в северных районах Китая. Истина, которая многократно была подтверждена временем и определила логику развития новосибирской школы археологического востоковедения.

Работы, опубликованные в этом сборнике, при соответствующих подсчётах вышли бы в лидеры по индексу цитирования. Таковой была и статья В.Е. Ларичева, посвящённая проблеме происхождения культуры плиточных могил [Ларичев, 1959]. Истоки этой культуры автор видел на обширных просторах Внутренней Маньчжурии, где ряд изученных на тот момент погребальных памятников эпохи ранних металлов содержал захоронения в каменных ящиках. К этой теме исследователь возвращается в ряде своих статей по проблемам культуры раннего металла Северного Китая конца 50-х – начала 60-х гг. Что касается истории изучения самой культуры плиточных могил, то она достаточно подробно описана её исследователем А.Д. Цыбиктаровым, что позволяет отослать читателя к его работам [Цыбиктаров, 1997, 1998, с. 18], где к числу приверженцев идеи миграции носителей культуры из Северо-Восточного Китая названы В.Е. Ларичев и П.Б. Коновалов.

Безусловно, проблема происхождения культуры плиточных могил сложна и многогранна. О ней написаны десятки работ российских и монгольских специалистов, которые посвятили себя изучению этого археологического феномена. Но следует признать, что вопрос юго-восточного направления связей носителей культуры оказался практически вне рассмотрения исследователей. Причина, прежде всего, в том, что сама информация о культурах эпохи бронзы и раннего железного века из районов Северо-Восточного Китая поступает к российским исследователям спорадически и в недостаточно полном объёме. В предлагаемой статье мы не ставим целью заполнить эти лакуны или показать развёрнутую картину этнокультурных связей. Такая работа требует иного формата и её результаты, надеемся, будут представлены позже. Пока же есть

* *Работа выполнена в рамках тематического плана (НИР 1.5.09) и АВЦП «Развитие научного потенциала ВШ (2009-2010 годы)» (проект РНП.2.2.1.1/1822) Рособразования.*

желание поделиться с коллегами некоторыми соображениями насчёт возможного содержания связей (включая и генетические) между Внутренней Маньчжурией и основным ареалом распространения культуры плиточных могил.

Как известно, памятники культуры плиточных могил занимают, в основном, центральную и восточную часть Монголии, но её ареал выходит за пределы этой территории. На севере – это Забайкалье и Прибайкалье. Предполагалось, что плиточные могилы должны быть и на крайнем северо-востоке Китая, а именно в районе Барги. Самые ранние сведения о сооружениях типа плиточных могил вблизи оз. Далай-нор были сообщены в первой половине XVIII в. российским исследователем Д.Г. Мессершмидтом [см.: Диков, 1958]. Но лишь недавно это нашло документальное подтверждение благодаря работе в этом районе китайских археологов [Алкин, 1992].

Барга – это традиционное название западной степной части Северной Маньчжурии, ограниченной р. Аргунь, Большим Хинганом и р. Халхин-гол [Кормазов, 1925, с. 1-2; Мурзаев, 1955, с. 146-155]. По своим экологическим характеристикам она является продолжением южнозабайкальских степных ландшафтов с их характерными мягкими формами мелкосопочного и холмистого рельефа и граничит с таёжными районами Хингана. В глубоких котловинах располагается множество пресных озёр. Среди них выделяются размерами два крупных озера – Хулуньчи (Далай-нор) и Буир-нур, давших название аймаку Хулуньбуир автономного района Внутренняя Монголия с центром в г. Хайлар, который граничит на севере с российским Забайкальским краем, а на западе и юге – с МНР.

Крупный могильник культуры плиточных был обследован в 1975 г. под руководством Ян Ху [Хао Сыдэ, 1988]. Могильник находится юго-западнее г. Чжалайнор в 13 км восточнее западного берега оз. Далайнор, на солнечной стороне сопки Хаулашань.

Могильное поле в Хаула включает в себя два участка, расстояние между которыми составляет около 600 м. Размеры восточного (85 могил) участка 145×50 м. У его северо-восточной оконечности установлен оленный камень без изображений на поверхности. Высота видимой части – 0,9 м, ширина – 0,37 м. Информации о площади западного участка (21 могила) нет. С восточной стороны поставлены две прямоугольные плиты оленных камней высотой 0,55 и 0,4 м. Расстояние между ними 5 м. Изображения также отсутствуют.

Могилы восточной части могильника составляют параллельные ряды, ориентированные в меридиональном направлении. Наибольшая концентрация сооружений (50) отмечена в северной половине участка. Самая длинная из цепочек состоит из 9 погребений. Расстояние между большинством могил от 2 до 4 м. Некоторые расположены очень близко друг к другу. Первая с северной стороны и довольно крупная конструкция № 101 вынесена на 8 м от общей группы. Погребения западного участка расположены более разреженно. Выявленные здесь ряды тоже ориентированы поперёк склона. Размеры могил различны. В восточной части преобладают конструкции среднего размера: 2,4-3,7×1,8-2,7 м. Из общего ряда там выделяются своими размерами две могилы с размерами 1,5×1 м и 4×3,6 м. Самое крупное сооружение западного участка имеет размеры 4,6×2,6 м.

Китайские исследователи произвели раскопки четырёх погребений восточного участка. Внешне они представляли собой прямоугольные в плане конструкции из поставленных вертикально каменных плит. Все они имеют широтную ориентацию по длинной оси. Раскопками выявлены способы возведения и некоторые конструктивные особенности. На первом этапе подготавливалась неглубокая грунтовая яма с отвесными стенками. Входное отверстие собственно погребальной камеры было меньших размеров, в результате чего образовывался уступ. Каменные плиты ограждения помещались на верхней поверхности уступа, непосредственно у стенок ямы. Оставшаяся поверхность до края отверстия могильной камеры покрывалась мелкой щебёнкой. С внешней стороны плиты подпирались каменной кладкой на уровне дневной поверхности. Плиты ставились впритык или внахлёст, иногда между ними сохранялось свободное пространство. Количество плит зависело в каждом случае, как от размеров ямы, так и от величины самих камней: от 4 до 7 – по длине и от 1 до 3 – в торце ямы. В углах обычно располагались наиболее массивные и высокие камни. Отмечены конструкции, где концевые плиты продольных сторон несколько выступают, что служит дополнительным креплением для

плит поперечных сторон. Дно могильной ямы засыпалось песком. Следов каких-либо внутримогильных конструкций не отмечено. В некоторых случаях, после заполнения могильной камеры, она закрывалась каменной плитой. В погребении № 141 (размеры 4,6×2,08×0,9 м) по периметру могильной ямы сделана каменная подсыпка шириной 0,2 м и мощностью 0,4 м. Останки погребённого отсутствуют. На восточном крае уступа собрано 20 фрагментов керамики. Информация о ней скудна: керамическое тесто с крупнозернистым песчаным отощителем, цвет черепка жёлто-коричневый, температура обжига низкая. Имеется описание фрагментов одного плоскодонного сосуда с низкой горловиной и отогнутым ровным венчиком, который орнаментирован полосой из овальных ямочных вдавлений. Найден фрагмент ножа из раковины речного двустворчатого моллюска. На дне погребения № 108 (размеры 2,75×1,09×0,93 м) было собрано множество костей конечностей и позвонков погребённого, в т.ч. обе бедренные, правая берцовая и правая плечевая кости. Тело было помещено в вытянутом положении на спине, головой на запад. Краевые камни длинных сторон плиточной конструкции погребения № 121 (3,3×2,3×0,75 м) несколько выступают за пределы трапециевидной в плане ограды. В верхней части заполнения могильной ямы на уровне верхней поверхности уступа расчищен слой из тонких плит перекрытия, самая крупная из которых имеет размеры 1,1×0,95 м. На дне камеры собрано некоторое количество человеческих костей, а также три шлифованные овально-уплощённые бусины из диопсида.

Хао Сыдэ считает, что захоронения в могилах № 108 и № 121 были произведены по обряду вторичного погребения, а плиточную могилу № 124 (размеры 2,4×1×1 м) он относит к кенотафам. Определённую систему в расположении погребений китайский исследователь считает «отражением кровнородственных связей родоплеменного строя» [Хао Сыдэ, 1988, с. 7-8]. Некоторую сложность он испытывает в объяснении наличия двух участков могильника. Полагаем, что если при дальнейших исследованиях выявится их одновременность, то это может быть одним из подтверждений фратриальной организации общества культуры плиточных могил.

Хотя сведения о других памятниках культуры плиточных могил в Барге очень скудные, они дают возможность определить границы её распространения в этом районе. Известно, что имеется ряд других могильников на берегах оз. Далай-нор, есть они также на китайском участке р. Керулен, на берегах рр. Хайлар и Аргунь. Два могильника на оз. Далай-нор (по сообщению Ми Вэньпина) открыты в 1978 г. в 20 км западнее и в 10 км северо-восточнее Хаула. Могильник Дэула включает два участка захоронений общим числом около 80. Количество плиточных могил в Далиньчулу более 120. В обоих случаях с северо-востока установлены оленные камни с изображениями. В литературе упоминались плиточные могильники в хошуне Синьбаэрхуцзо (территория юго-восточнее оз. Далай-нор) – в местностях Ихэула и Ханьдагай. Есть сведения о восьми группах плиточных могил на пятнадцатикилометровом участке от Багэула до Хэламуту по северному берегу р. Хайлар. Самые крупные из них насчитывают по одной-две сотни плиточных могил, но есть и малые скопления из семи-восьми погребений [Ян Ху и др., 1980, с. 81-82].

Дополняют картину краткие упоминания о сооружениях, которые могут быть идентифицированы как плиточные могилы. Они содержатся в работах русских исследователей археологии Маньчжурии в первой половине XX в. В.С. Макаров сообщает о «дольменообразном сооружении, сложенном из неотёсанных гранитных плит» на правом берегу р. Иминьхэ и о сходных объектах в районе т.н. «вала Чингисхана» напротив Староцурухайтуя [см.: Поносов, 1991].

Следует признать, что археологи Внутренней Монголии изучение культуры плиточных могил среди приоритетных направлений своей работы не числят. Тем не менее, их данные из района Барги, а также обширные материалы из внутренних районов Маньчжурии, где изучение памятников эпохи бронзы и раннего железного века в последние десятилетия шло чрезвычайно результативно, позволяет вернуться к обсуждению давней гипотезы В.Е. Ларичева о происхождении культуры плиточных могил.

Одним из серьёзных вопросов, требующих объяснения, является существенное различие в подходе к сооружению каменных ящиков Забайкалья и Монголии, с одной стороны, и каменных ящиков маньчжурских культур восточнее Хингана, с другой. То, на что критики идеи о маньчжурских корнях культуры сразу обратили внимание. Действительно, камни оградок

забайкальских ящиков слабо задернованы и нередко значительно возвышаются над дневной поверхностью. В то время как каменные ящики в погребальных комплексах культур раннего металла в Хэйлунцзяне, Цзилине и Ляонине помещались в предварительно подготовленную грунтовую яму. Однако, вслед за В.Е. Ларичевым заметим, что в данном случае гораздо более важным является сходство конструктивных особенностей самих погребальных камер: перекрытие их сверху каменными плитами и наличие дополнительной пристройки для помещения погребального инвентаря [Ларичев, 1959, с. 70].

Почему же каменные ящики в одном случае размещались на поверхности, а в другом опускались ниже её? Как неоднократно отмечали исследователи, хозяйственно-культурный тип населения, оставившего плиточные могилы в монгольско-забайкальском ареале, и археологических культур внутренних районов Маньчжурии имеет различия [Волков, 1967, с. 44 и др.]. Вероятно, на этом направлении следует искать ответ на вопрос о причинах различий в архитектурных особенностях погребальных памятников. Известно, что общества, ориентированные на кочевой тип хозяйства, имеют наиболее заметные в ландшафтной ситуации погребальные сооружения. Не случайно в нерчинских говорах русского языка Забайкалья плиточные могилы с особо высокими стенками оград именуются «маяками» [Аникин, 1997, с. 398: см. маяк – ‘могильник’]. Любопытно в этом плане свидетельство помощника областного врачебного инспектора в Чите конца XIX в. П.С. Алексеева [см. о нём: Петряев, 1981, с. 8]. Во время путешествия по Восточному Забайкалью он неоднократно наблюдал могильники «плиточников»: «на повороте реки и тракта вблизи строений [Урульги] рассыпаны по степи «маяки»... Высокие плиты дикого камня стоят друг возле друга и образуют четырёхугольник продолговатой формы... В Ундурге могилы стоят кругами и образуют большой могильник ... На возвышенностях, на так называемых «весёлых местах» не затопляемых разливами Ингоды и преимущественно на поворотах реки, на местах видимых далеко вниз и вверх по реке, начиная с Маковеевской станицы вплоть до города Нерчинска, на протяжении полутораста вёрст мы ехали вдоль маяков. Здесь могильников так много, что каменные плиты стоящие ребром в степи и на холмах по берегу реки перестают привлекать к себе внимание путешественника... Всего гуще стоят маяки около Урульги, но и дальше встречаются обширные площади, на которых торчат щетиной узкие плиты, то ребром, то широкой поверхностью обращённые к проезжающему». Автор замечает, что издали такие камни могут приниматься за пасущуюся скотину или лошадей. К слову сказать, я и сам во время работы в Забайкалье и в Хакасии обращал внимание на это сходство каменных оград плиточных могил и тагарских курганов. П.С. Алексеев приводит два варианта объяснения слова «маяк»: 1) «... они «маят», мучают казаков, выехавших в степь искать отбившихся коней. Так обманчив иной раз бывает облик плит, что и дальнозоркий степняк скачет и скачет всё думая, что завидел своего пропавшего коня»; 2) этим словом обозначают в степи, всё, что выдаётся над её поверхностью [Алексеев, 1900, с. 432-433]. Что можно сравнить со значением слова маяк – ‘вершина холма’ в иркутских говорах или ‘дорожный знак: ветка, кол, прут’ в вятских [Аникин, 1997, с. 398].

Погребальный обряд относится к ряду важнейших ритуалов перехода со своим сложным комплексом представлений и действий, которые включают и специфические приёмы организации сакрального пространства, являющегося местом проведения ритуальных – в данном случае погребальных и поминальных – церемоний. Можно предположить, что в обществе номадов произошла модификация плиточных ящиков, при которой их вертикально расположенные камни стали видны над поверхностью земли. Тем самым отмечалось место расположения могильника, что является немаловажным при отсутствии постоянных поселений. Причём символика визуально различимых на ландшафте каменных оград могла быть весьма многозначна. Описание возможных интерпретаций выходит за рамки этой работы.

В культурах развитой бронзы и раннего железного века Маньчжурии (а именно *верхнего слоя сяцзядянь* и *ситуаньшань* – тех, материалы погребального обряда которых были в распоряжении у В.Е. Ларичева), где могильники и поселенческие комплексы располагались вблизи друг друга, очевидно, существовали иные формы архитектурной организации и сакрального огораживания отдельных погребений и всего могильного поля. Обусловлено это было смешанным земледельческо-скотоводческий типом хозяйства.

И, наконец, с точки зрения проблем этно- и культурогенеза перспективным для изучения возможных связей представляется тот факт, что в Восточной Азии хронологически наиболее ранние погребения в каменных ящиках связаны маньчжурским регионом, а именно с неолитической культурой *хуншань* [Алкин, 2007, с. 47, 124]. Она оказала существенное воздействие на генезис культуры эпохи ранней бронзы бассейна р. Ляохэ [Алкин, Беляков, 1998], на смену которой пришли памятники культуры *верхнего слоя сяцзядянь*.

Очевидным свидетельством существования связей между культурами развитой бронзы юго-восточной части Внутренней Маньчжурии и культурой этого же времени в Забайкалье и Восточной Монголии является обнаружение в последних бронзовых изделий, типичных для культуры *верхнего слоя сяцзядянь*. Наиболее яркие примеры сходства демонстрируют верхнесяцзядяньские и дворцовские бронзы. Однако, здесь мы остановимся лишь на одной редкой категории находок, которая встречается как на памятниках культуры *верхнего слоя сяцзядянь*, так и на памятниках культуры плиточных могил, но отсутствует в дворцовских комплексах. Речь пойдёт о бронзовых шлемах.

В настоящее время известно три бронзовых шлема из районов Забайкалья и Монголии, которые своим происхождением могут быть связаны с культурой верхнего слоя сяцзядянь.

Два из них опубликованы монгольским исследователем Д. Эрдэнэбаатаром [1994][1]. Оба шлема происходят из плиточных могил в сомоне Хутаг-Ундыр Булганского аймака на р. Эгийн-гол, которая на территории этого аймака впадает в Селенгу. Оба шлема имеют гладкий бортик-поясок шириной 0,5 см по всему периметру обреза, включая линии лицевого и затылочного вырезов. На макушке обоих имеются квадратные петельки. Третья находка шлема в регионе распространения культуры плиточных могил наиболее удалена от ареала культуры верхнего слоя сяцзядянь. Шлем был обнаружен в конце прошлого века в районе с. Новый Олов Чернышевского района Читинской области и хранится в Забайкальском краевом краеведческом музее[2]. То, что нам известно об условиях обнаружения оловского шлема, к сожалению, не позволяет однозначно судить об обстоятельствах его археологизации [Кириллов, 1996]. Найден он был на склоне правого берега р. Олов. Возможно, в том месте находилось разрушенное погребение. Во всяком случае, в междуречье Нерчи и Куэнги – притоком последней является р. Олов – известны памятники культуры плиточных могил и памятники дворцовского типа. И это самый северо-восточный район их распространения [Шамсутдинов, 1963, с. 69; Членова, 1992а, с. 248].

Исследователи, опубликовавшие бронзовые шлемы из Монголии и Забайкалья, указали, что их ближайшие аналоги происходят из района Ляоси в юго-восточной части Внутренней Монголии. Действительно, на памятниках культуры *верхнего слоя сяцзядянь* отмечено более десятка случаев обнаружения этого предмета защитного вооружения, появление которого в Китае относится к иньской эпохе и считается связанным с началом использования колесниц [Горелик, 1993, с. 162]. Отдельные шлемы культуры *верхнего слоя сяцзядянь* уже привлекали внимание российских исследователей [Варёнов, 1984, с. 43-45; Комиссаров, 1984, с. 48-49]. К известным следует добавить ряд находок в уезде Нинчэн Внутренней Монголии [Цзинь Фэнъи, 1987]. Все сяцзядяньские шлемы найдены на памятниках локально-хронологического типа *наньшань-гэнь*. Хронология всей культуры по традиционной китайской шкале соответствует времени с середины эпохи Западная Чжоу до периода Чуньцю [Чжу Юнган, 1998, с. 140-141]. Методами абсолютной хронологии её материалы датированы X–V вв. до н.э. [Алкин, 1995, с. 245-246 и др.]. Что касается сяцзядяньских шлемов, то начало их бытования надлежит определить не позднее конца VIII – начала VII вв. до н.э.

Некоторый свет на характер взаимоотношений плиточников и их южных соседей, по мнению Д. Эрдэнэбаатара, проливает сюжетное изображение на бронзовом зеркале из сомона Хувд Средне-Гобийского аймака МНР. По форме это типичное для Монголии и сопредельных территорий Саяно-Алтая и Минусинской котловины плоское медалевидное зеркало с прямоугольным выступом. Подобные изделия обычно датируют временем V-III вв. [Волков, 1967, с. 55, рис. 16: *1-3, 5*; Членова, 1992б, с. 216] или рубежом III-II вв. до н.э. [Пшеницына, 1992, с. 232] и считаются привнесёнными из районов Восточного Казахстана. Ранее зеркала этого типа были найдены в забайкальских плиточных могилах [Диков, 1958, с. 41; Ступников, 1974, с. 109;

Членова, 1993, с. 60, рис. 28: *12, 12в*]. Зеркало из сомона Хувд имеет диаметр 8,5 см, толщину 0,2-0,3 см и выступ-держатель размером 2×3,5 см с пятью отверстиями для крепления на поясе [Эрдэнэбаатар, 1994, с. 41]. По аналогии с саянтуйским зеркалом из Забайкалья можно предположить, что держатель оформлен в виде схематично изображённой фигуры стоящего животного (лошади-?) [Гришин, 1981, с. 133, рис. 42: *б*]. Держатели медалевидных зеркал западных районов распространения имеют более простую форму: в виде петли или прямоугольного выступа с одним отверстием [Кубарев, 1991, с. 98-99].

На тыльной стороне зеркала нанесено изображение схватки двух верховых воинов. Один из них вооружён луком, второй, кроме этого, имеет щит и оружие ударного типа (клевец или булава). И на его голове находится головной убор, который монгольский археолог считает изображением металлической каски. Соглашаясь в целом с этой интерпретацией, замечу, что аналогичным образом мог быть изображен кожаный или войлочный головной убор, выполнявший роль защитного боевого наголовия.

Другим важным атрибутом воина с оголовьем является щит. Близкие изображения щитов широко распространены в составе композиций на оленных камнях [Волков, 2002, с. 17 и др.; Новгородова, 1989, с. 197]. Деревянные щиты известны на Алтае в пазырыкской культуре [Руденко, 1960, с. 111; Кубарев, 1987, с. 74-75; Полосьмак, 1994, с. 34-35 и др.]. Можно предположить, что и в культурах Забайкалья и Маньчжурии такие щиты тоже использовались. То, что до сих пор они не обнаружены в погребениях культуры *верхнего слоя сяцзядянь*, не означает, что их не было вообще. Ведь алтайские сохранились лишь благодаря особым условиям археологизации. В то же время известна находка металлического щита из погребения № 101 в Наньшаньгэнь [Комиссаров, 1987, с. 50-51].

Таким образом, с некоторой долей условности можно предположить, что на зеркале из Хулд сомона изображена сцена единоборства, где один из воинов имеет защитное вооружение, археологические аналоги которого распространены, прежде всего, во внутренних районах Маньчжурии.

Предметное рассмотрение маньчжурских коллекций эпохи развитой бронзы и раннего железного века, чему будет посвящена отдельная работа, позволит расширить список свидетельств тесных связей культуры плиточных могил с этим регионом. Полагаем, что их содержание на разных этапах развития было различным. Имея в виду бо̀льшую древность традиции использования каменного материала при возведении погребальных сооружений во внутренних районах Маньчжурии, нельзя исключать генетического родства части её древнего населения с населением, оставившим археологические памятники дворцовской культуры и культуры плиточных могил. Находки сяцзядяньских бронз в Забайкалье свидетельствуют о том, что связи эти не прерывались и в дальнейшем. Кроме того, с привлечением материалов из Северо-Восточного Китая появляется возможность уточнить характер взаимодействия носителей дворцовской культуры и населения, оставившего плиточные могилы.

Итак, давняя гипотеза, наполненная новыми фактами, приобрела несколько иные очертания. Но нельзя не заметить того, что на весьма скудных, ещё не до конца понятных материалах В.Е. Ларичев во многом интуитивно указал перспективное направление исследований.

Примечания

[1]Признателен А.Д. Цыбиктарову, который поделился информацией об этой публикации. Благодарен А.И. Кривошапкину за усилия по её поиску во время посещения Улан-Батора и монгольскому коллеге Я. Церендагва за консультацию по переводу на русский язык необходимых отрывков. Позже подробная информация о могильниках и находках была представлена в совместной работе Д. Эрдэнэбаатара и Ю.С. Худякова [2000].

[2]Выражаю благодарность главному хранителю ЗККМ М.И. Алфериной за предоставленную в сентябре 1997 г. возможность осмотра этой находки в фондах. В настоящее время шлем находится в постоянной экспозиции. В сентябре 2004 г. вместе с сотрудниками музея С.Г. Васильевым и В.В. Нестеренко были проведены рекогносцировочные работы по течению р. Олов. В результате выявлены перспективные в археологическом плане пункты, в т.ч.

с каменными выкладками, возможно могильного характера. Однако плиточных могил, которые по данным предыдущих исследователей там имеются, обнаружить не удалось.

Литература

Археологический сборник. – Улан-Удэ, 1959. – Вып. 1. – 132 с.

Алексеев П.С. Из Читы на Амур (выдержки из путевого журнала) // Русский вестник. – 1900. – Т. VIII. – С. 425-436.

Алкин С.В. Памятники культуры плиточных могил в Барге // Петр Алексеевич Кропоткин – гуманист, ученый, революционер. – Чита: Изд-во ЧГПИ, 1992. – С. 90-93.

Алкин С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников северных территорий Китая // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. – Новосибирск, 1995. – Ч. II. – С. 233-250.

Алкин С.В. Древние культуры Северо-Восточного Китая: неолит южной Маньчжурии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – 168 с.

Алкин С.В., Беляков А.В. Культура ранней бронзы Юго-Восточной Маньчжурии // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток, 1998. – С. 103-110.

Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1997. – 774 с.

Варёнов А.В. Иньские шлемы и проблемы боевого оголовья эпохи поздней бронзы // Изв. / СО АН СССР. – 1984. – № 14, вып. 3. – С. 41-47.

Волков В.В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. – Улан-Батор, 1967. – 167 с.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. – М.: Научный мир, 2002. – 248 с.

Горелик М.В. Оружие древнего Востока. – М.: Наука, 1993. – 349 с.

Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. – М.: Наука, 1981. – 204 с.

Диков Н.Н. Бронзовый век Забайкалья. – Улан-Удэ, 1958. – 140 с.

Кириллов О.И. Бронзовый шлем (из коллекции Читинского краеведческого музея) // Забайкалье: судьба провинции: К столетию областного краеведческого музея. – Чита, 1996. – С. 21-23.

Комиссаров С.А. Чжоуское защитное вооружение // Изв. / СО АН СССР. – 1984. – №14, вып. 3. – С. 47-56.

Комиссаров С.А. Комплекс вооружения культуры верхнего слоя сяцзядянь // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 39-53.

Кормазов В.А. Юго-Восточная Барга и её обитатели // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 5-7. – С. 1-18.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 302 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

Ларичев В.Е. О происхождении культуры плиточных могил Забайкалья // Археологический сборник. – Улан-Удэ, 1959. – Вып. 1. – С. 63-73.

Мурзаев Э.М. Северо-Восточный Китай: физико-географическое описание. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 252 с.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. – М., 1989. – 383 с.

Петряев Е.Д. Краеведы и литераторы Забайкалья: Дореволюционный период / Биобиблиограф. указатель. – Чита, 1981. – 128 с.

Полосьмак Н.В. «Стерегущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). – Новосибирск: Наука, 1994. – 124 с.

Поносов В.В. История археологического изучения Северной Маньчжурии // Хэйлунцзян каогу миньцзу цзыляо и вэньцзи (Сборник переводных материалов по археологии и этнографии Хэйлунцзяна). – Харбин: Музей провинции Хэйлунцзян, 1991. – С. 182-191 (на кит. яз.).

Пшеницина М.Н. Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 224-235. – (Археология СССР).

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 360 с.

Ступников Р.Н. Плиточные могилы у станции Оловянной Читинской области // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 104-109.

Хао Сыдэ. Плиточные могилы Хаула в хошуне Синьбаэрхую во Внутренней Монголии // Бэйфан вэньу. – 1988. – № 4. – С. 2-8 (на китайском языке).

Цзинь Фэнъи. Вновь открытые погребения культуры верхнего слоя сяцзядянь в уезде Нинчэн // Вэньу цзыляо цункань. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1987. – Вып. 9. – С. 23-53 (на кит. яз.).

Цыбиктаров А.Д. История исследования культуры плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ, 1997. – 37 с.

Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во Бур. гос. ун-та, 1998. – 288 с.

Чжу Юнган. Стадии развития и региональная система культур эпохи бронзы Северо-Востока [Китая] // Каогу сюэбао. – 1998. – № 2. – С. 130-141 (на кит. яз.).

Членова Н.Л. Культура плиточных могил // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992а. – С. 247-254. – (Археология СССР).

Членова Н.Л. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992б. – С. 206-224. – (Археология СССР).

Членова Н.Л. О поздней дате карасукских бронз в Монголии, Горном Алтае, Забайкалье и Ордосе // Петербургский археологический вестник. – СПб., 1993. – № 4. – С. 31-72.

Шамсутдинов В.Х. Новые археологические памятники в Забайкалье // Зап. / Заб. отдела Географ. об-ва СССР. – Чита, 1963. – Вып. XX. – С. 63-70.

Эрдэнэбаатар Д. Хурлийн уеийн шинэ олдворууд (Новые находки бронзового века) // Studia Archaeologika Instituti Historiae Academiae Scientiarum Mongoli. – 1994. – T. XV, fasc. 4. – P. 39-52 (на монг. яз.).

Эрдэнэбаатар Д., Худяков Ю.С. Находки бронзовых шлемов в плиточных могилах Северной Монголии // РА. – 2000. – № 2. – С. 140-148.

Ян Ху, Тан Инцзе, Чжан Тайсян. Предварительный обзор древних культур Хэйлунцзяна // Чжунго каогу сюэхуй ди и цы няньхуй луньвэньцзи 1979 (Сборник статей первого съезда Археологического общества Китая в 1979 г.). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1980. – С. 80-96 (на кит. яз.).

О.В. Бураева

Улан-Удэ, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

К ВОПРОСУ О ПРИСОЕДИНЕНИИ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА К РОССИИ*

По вопросу о характере присоединения Сибири, и, в частности, Байкальского региона к России в разные исторические периоды существовали различные точки зрения. Существующую российскую историографическую традицию, в целом, можно свести к трем основным. Первая точка зрения отождествляет присоединение Сибири с колониальными захватами, которые вела Европа, осваивая континенты Азии и Африки (И.С. Фишер, Н.М. Карамзин, А.П. Щапов, С.В. Бахрушин, М.Н. Богданов, В.А. Кудрявцев и др.). Другая точка зрения, характерная для марксистско-ленинской историографии, акцентирует внимание на тезисе о добровольном характере присоединения народов Сибири к России (Б.Д. Цибиков, А.П. Окладников, Е.М. Залкинд и др.). Третья точка зрения рассматривает движение России на

* *Работа выполнена в рамках проекта № 25.3.6. Программы фундаментальных исследований Президиума РАН*

восток как естественный процесс формирования многонационального государства, а вновь присоединенные области Сибири не как колониально вассальными, а втянутыми в единую государственную народнохозяйственную систему (И.А. Ильин, Н.С. Трубецкой, Н.Н. Молчанов, Л.Р. Павлинская).

В дореволюционной историографии присоединение Сибири к России однозначно трактовалось как завоевание. Концепция завоевания безраздельно господствовала и в первое двадцатилетие советской исторической науки, поскольку отвечала стремлениям разоблачить «великорусский шовинизм», царизм и его колониальную политику.

Коренной перелом в оценке «сибирского взятия» произошел в конце 1940-1950-х гг. и был связан с именем известного историка-сибиреведа В.И. Шункова, который предложил заменить термин «завоевание» на термин «присоединение», понимая под последним явления различного порядка – от прямого завоевания до «добровольного вхождения».

Термин «присоединение» сразу был принят на вооружение советскими историками и вошел как аксиома в их работы. Но при этом в исследованиях 1950-60-х гг. достаточно быстро произошла подмена трактовки самого характера присоединения. В результате в советской историографии к 1970-м гг. восторжествовала концепция преимущественно мирного и добровольного присоединения Сибири к России.

Начиная с 1990-х гг., наметился поворот к более взвешенному подходу, учитывается сложный и противоречивый характер взаимоотношений русских первопроходцев и аборигенного населения Сибири в период присоединения. К тому же, на наш взгляд, необходимо различать присоединение территории и присоединение народов.

Факты сибирской истории XVII–XVIII вв. свидетельствуют, что большинство сибирских народов покорилось русской власти только после вооруженного сопротивления. Несомненно, часть аборигенов сразу признала русское подданство. Однако, вряд ли это дает основание говорить о «добровольности» присоединения, так как оно диктовалось стремлением предотвратить набеги ратных людей, либо надеждой на русскую помощь и защиту в борьбе с более сильными соседними племенами, либо желанием поучаствовать в русских походах с целью грабежа «немирных иноземцев». Необходимо четко развести понятия «присоединение» и «освоение».

В.В. Трепавлов справедливо отмечает, что как российская историография XIX – начала XX вв., так и советская и зарубежная историография XX в. при исследовании проблем присоединения народов к России концентрировались, в основном, на последствиях этого процесса (отечественные историки писали главным образом о позитивных последствиях, западные – о негативных) [Трепавлов, 2007, с. 158]. Нельзя не согласиться с В.В. Трепавловым и в том, что за «за долгий период исследований определились ведущие методологические принципы освещения этого круга проблем – своего рода «центроцентризм» и русоцентризм, т.е. взгляд на них, во-первых, с точки зрения политического Центра, столичной и региональной администрации; во-вторых, (если брать этническую составляющую) с позиций русских участников строительства государства. Такой односторонний подход вызван объективными обстоятельствами. С одной стороны, русские изначально составляли в государстве численно преобладающее этническое сообщество. Соответственно и интерпретация политических событий прошлого, созданная в среде русских политиков и интеллектуалов, стала в науке господствующей (как и в любом обществе, доминирующий этнос заложил основополагающие традиции). С другой стороны, источниковую базу, которой располагают историки, составляют в основном документы, исходящие главным образом из среды правящей бюрократии» [Трепавлов, 2007, с. 158]. Для полноты картины следует знать позицию и взгляды других народов.

Основной архивный фонд по истории Сибири XVII в. – архив Сибирского приказа (ф. 214) – при огромном количестве хранящихся в нем документов все же отражает, в основном, деятельность центрального учреждения и поэтому сравнительно слабо иллюстрирует внутреннюю жизнь колонии (еще Н. Оглоблин отмечал, что уцелело мало «челобитных дел» ясачных людей), публикации «Дополнений к актам историческим» строились не на подлинниках, а на основании подчас неисправных копий, снятых Г.Ф. Миллером во время его си-

бирской экспедиции [Колониальная политика.., 1936, с. I]. В РГАДА (ф. 199) и архиве РАН в Санкт-Петербурге (ф. 21) хранятся материалы и труды Миллера, написанные на немецком языке, большая часть которых не переведена на русский язык и не введена в научный оборот. В РГАДА в фондах № 24 (Сибирский приказ и управление Сибирью), № 1121 (Иркутская приказная изба), № 1177 (Якутская приказная изба) есть документы, имеющие прямое отношение к проблеме присоединения Бурятии к России.

В конце XV – начале XVI вв. передовые европейские государства вступили в новую фазу своего развития, начался кризис феодально-крепостнических отношений. Развитие капитализма означало отказ от использования принудительного крепостного труда и переход к наемному труду, расширение производства товаров на рынок. В связи с этим росла потребность в рынках сбыта и рынках сырья. Началась эпоха великих географических открытий, логическим следствием которых стал захват развитыми европейскими странами огромных колониальных территорий, ставших неистощимыми источниками сырья, дешевой рабочей силы и новыми рынками сбыта.

В России в этот период завершается процесс создания централизованного государства, становления и укрепления самодержавной власти царя. Ведя частые войны с соседями, подавляя внутреннее сопротивление, аппарат царизма и расширяющийся класс дворянства также нуждались в территориальном росте государства. Расширение же территории страны в северо-западном, западном и южном направлениях для России было в то время невозможно, так как ей на этих рубежах противостояли такие сильные государства, как Швеция, Речь Посполитая и Оттоманская империя. Оставалось лишь одно восточное направление, где на бескрайних сибирских просторах ей могло противостоять крайне ослабленное феодальной междоусобицей Сибирское ханство. Дальше к востоку от него обитали народы, не имевшие своей государственности и потому не могущие оказать серьезного сопротивления России. Именно земли, лежавшие к востоку от Москвы, становятся в XVII в. средоточием политических интересов молодого укрепляющегося Московского государства.

Россия исторически находилась на пересечении двух колонизационных волн, идущих: одна – на запад, другая – на восток. Потому порожденная панмонгольским евразийским единством, Великая русская держава всецело была укоренена и этнографически, и географически, и политически в евразийское всеединство. Ее расширение по своему историческому замыслу не имело ничего общего с завоеваниями в европейском колониальном смысле. Это было такое же расширение Евразийской державы с запада на восток для собирания разрозненных народов восточной Евразии, каким было в свое время движение великой панмонгольской державы на запад, собиравшее разрозненные народы Евразии западной.

Эта идея была высказана в 20-е гг. XX в. русскими философами (И. Ильин, Н. Трубецкой и др.). Считая, что объединительные тенденции лежали в основе внутренней пульсации и динамики евразийской культуры, континентальной по своему геополитическому и этносоциальному типу, философы выдвинули идею о том, что именно империя Чингисхана, территориально соответствовавшая будущей российской империи, а не Киевская Русь, составлявшая всего двадцатую ее часть, стала прообразом Московского государства. Позднее эта идея была дополнена этнографическими исследованиями Льва Гумилева. Согласно концепции Гумилева, в середине XV в. на месте древнерусского этноса возникли три новых, непохожих на своего одряхлевшего предка. Свою культуру новый русский этнос, связанный с подъемом Московского государства, наследовал уже не от одного киевского предка, а от многих этнических субстратов, интегрированных в новую этническую систему.

Формированию нового типа культуры, в которую идея степи входила важнейшей психологической, этнической и смысловой доминантой, немало способствовало активное включение в новый «московский» суперэтнос соседних этнических субстратов и, прежде всего, угро-финских и монгольских этносов.

Анализируя этническую историю Руси, Л. Гумилев писал, «что с точки зрения пассионарной теории этногенеза причина возвышения Москвы состоит в том, что именно Московское княжество привлекло множество пассионарных людей: татар, литовцев, русичей, половцев – всех, кто хотел иметь и уверенность в завтрашнем дне, и общественное положение, сооб-

разное своим заслугам. Всех этих пришельцев Москва сумела использовать, применяясь к их наклонностям, и объединить единой православной верой. … Совершившийся на московской земле этнический синтез в фазе пассионарного подъема оказался решающим фактором» [Гумилев, 1994, с. 161-162].

Этот пассионарный потенциал стал основой стремительного роста Московского государства, связанного с продвижением русских на восток. Восточное расширение границ Московского государства стало для новых пассионариев освоением привычного этнического ландшафта, проходя все в тех же знакомых и родных евразийских степях. Для нового великорусского этноса собственным антропогенным ландшафтом, привычным ареалом обитания становится вся евразийская ойкумена. Следуя своей этнической доминанте, великорусский этнос, включивший в свой этнический субстрат множество тюркских и монгольских этносов, огромной миграционной волной устремляется на восток.

Началом присоединения и освоения Восточной Сибири можно считать 1619 г. – год постройки Енисейского (Тунгусского) острога. Русские казаки столкнулись в бассейне Енисея с сильным сопротивлением западных тунгусов. Это можно объяснить тем, что тунгусы не хотели терять свое господство над остяцким населением по Енисею и Чуне [Щеглов, 1883, с. 72].

Попытки проникнуть к бурятам по Ангаре, предпринятые в 20-е гг. XVII в., удались не сразу. Казакам приходилось преодолевать ангарские пороги, волочить струги и кочи, пробираться по глухой тайге.

В.И. Щеглов писал, что русские впервые познакомились с братскими (бурятами) в 1622 г. [Щеглов, 1883, с. 80-81]. Енисейский воевода Яков Хрипунов, прознав об их приходе на реку Кан для сбора ясака с живших там народов, отправил к ним казака Ждана Козлова с приглашением вступить в русское подданство (результаты этого похода неизвестны) (Однако, в «Собрании государственных грамот и договоров» (т. 3, № 66) опубликована «Наказная память» от 11 декабря 1623 г. енисейского воеводы Якова Хрипунова служилым людям – Ждану Козлову с товарищами, отправленным в Братскую землю для призыва бурят «под высокую царскую руку»).

В 1625 г. вверх по Ангаре был отправлен отряд в 40 человек во главе с атаманами Фирсовым и Тюменцем. Они собрали ясак с ангарских тунгусов, но до бурятской земли не дошли. В 1626 г. из Енисейска отправился новый отряд под командой атамана Максима Перфирьева. Они добрались до Шаманского порога, но дальше не пошли, взяв ясак с местных эвенков. В 1627 г. этот отряд снова отправился в Приангарье, собрал ясак с эвенков, но к бурятам опять не попал из-за малой воды на порогах. На обратном пути отряд подвергся нападению эвенков во главе с «князцами» Иркинеем, Мукотеем и Болкеем [Сборник документов, 1960, с. 14].

В 1628 г. вверх по Ангаре был отправлен отряд сотника Бекетова для ясачного сбора и постройки Рыбинского острога [Александров, 1984, с. 10]. Отряду удалось преодолеть ангарские пороги и подняться до устья реки Оки – левого притока Ангары – и непосредственно встретиться с бурятами [Щеглов, 1883, с. 84]. Встреча прошла мирно, «князцы» Кохонь и Кадым с людьми дали 59 соболей [Сборник документов. 1960, с. 18]. Окинские буряты во главе с «князцами» Кодогунем, Кулзузом и Адаем согласились принять российское подданство и платить ясак в пользу царя (дали 87 соболей). Затем отряд Бекетова поднялся по Ангаре до бурятских кочевий по Уде – правому притоку Ангары. В устье Уды проживал «над всеми братцкими людьми большой» князь Омонгул. Здесь встреча также прошла в мирной обстановке [Сборник документов, 1960, с. 23].

Желание платить ясак «белому царю», вероятно, можно объяснить причинами политического и экономического характера. Со времен Чингис-хана Предбайкалье и Забайкалье входили в состав Монгольского государства. Но в XVI–XVII вв. в Монголии разгорается междоусобная война. Ввиду этого монгольские феодалы время от времени совершают военные набеги для сбора дани на предбайкальских бурят, грабят, убивают, уводят в плен людей, угоняют скот, разоряют хозяйства. В силу этих причин буряты нуждались в могущественном покровителе, который мог бы защитить их от постоянных грабительских набегов, создать условия для ведения хозяйства в спокойной мирной обстановке. С другой стороны, междоу-

собная война в Монголии надолго прервала торговые отношения бурят с Монголией, Китаем, Средней Азией. В 1626 г. атаман Максим Перфирьев сообщал, что «ждут брацкие люди к себе тех государевых служилых людей, а хотят тебе, великому государю, брацкие люди поклонитися и ясак платить и с служилыми людьми торговатися» [Сборник документов, 1960, с. 15].

Однако в 1629 г. произошли следующие события. Отряд Якова Хрипунова, не найдя в Предбайкалье серебряных руд, решил повторно собрать ясак с удинских и окинских бурят, у которых только что собрал ясак отряд енисейских казаков. Одновременно казаки вновь учрежденного Красноярского острога, желая нарушить монополию Енисейска, вторглись в бурятские улусы, разгромили их, захватили ясырь. Буряты ответили вооруженным сопротивлением [Залкинд, 1958, с. 21].

Именно тогда, в ходе строительства Ленского (Илимского) (1630) [Щеглов, 1883, с. 85], Усть-Кутского и Братского (1631), Тутурского и Якутского острогов (1632) [Щеглов, 1883, с. 87] как опорных пунктов колонизации края, позиция бурятских «князцов» начинает меняться: они выступают против русских отрядов с оружием в руках. «Князцы» соглашались платить ясак русским, как раньше они платили его монголам, видя в этом средство обезопасить себя от нападений и рассчитывая на русскую помощь в случае набегов из Монголии. Русские были сильнее монголов, и их покровительство представляло большой интерес. Вероятно, бурятские «князцы» полагали, что проникновение русских закончится установлением обычных кыштымных отношений. Но русские пошли дальше монголов: не ограничиваясь периодическими наездами для сбора дани, они строят остроги и прочно обосновываются в Прибайкалье. С закреплением русских на Ангаре и Лене становится ясным, что номинальным признанием власти «белого царя» и поднесением ему соболей дело не ограничится. Дальнейшая история взаимоотношений русских с бурятами и эвенками рисует нам весьма неприглядную картину. История Западной Бурятии в 20-50-х гг. XVII в. знает немало случаев столкновений между казачьими отрядами и бурятами.

В 1635 г. на Ангаре, недалеко от Братского острога, восставшие тунгусы и буряты полностью уничтожили отряд казаков. В 1636 г. был осажден и сожжен Братский острог [Сборник документов, 1960, с. 29]. Причиной этих выступлений служили, вероятно, злоупотребления, произвол, насилие казаков при сборе ясака. В 1637 г. отряду Николая Радуковского удалось восстановить даннические отношения удинских и окинских бурят и ангарских тунгусов и недалеко от сгоревшего построить новый Братский острог. В 1641 г. был построен Верхоленский острог [Александров, 1984, с. 12].

В 1640-х гг. на Верхней Лене происходили серьезные военные столкновения русских отрядов с эхиритскими, ашебагатскими и хоринскими бурятами, длившиеся несколько лет. В 1644 г. буряты трижды осаждали Верхоленский острог [Щеглов, 1883, с. 95]. И только после упорного сопротивления, из-за невозможности устоять против огнестрельного оружия и отработанной военной тактики русских отрядов, верхоленские буряты были вынуждены согласиться на принятие российского подданства и регулярный сбор с них ясака.

В начале 1650-х гг. произошли военные столкновения в Балаганской степи и затем по Ангаре вплоть до Байкала, в которых участвовали булагаты, эхириты, ашебагаты. Эти столкновения приводили к большим людским потерям, особенно среди бурят. Наряду с известиями о столкновениях на протяжении всей первой половины XVII в. в русские остроги поступали сообщения о мирном приведении бурятских родов к шерти (присяге) и об уплате ими ясака [Сборник документов, 1960, с. 37, 38, 44, 45, 95, 109, 112,123,154].

К середине XVII в. в Предбайкалье были основаны Илимский, Братский, Тутурский, Осинский (1644) и Нижнеудинский (1648) [Щеглов, 1883, с. 97] остроги. Число острогов быстро растет, причем соображения военно-административные сочетаются тут с экономическими.

Ленский волок с середины 30-х гг. XVII в. был основной дорогой в Якутию, по которой ежегодно проходили сотни русских «гулящих и промышленных людей», русских крестьян. Некоторые из них оставались в Прибайкалье и основывали там земледельческие поселения. Наиболее успешно русское земледелие стало развиваться около Братского острога, где были «места прямые пашенные теплые».

Так как с середины XVII в. усилились набеги монгольских феодалов, то постройка Верхоленского, Удинского, а затем на Ангаре Балаганского (1654) [Щеглов, 1883, с. 106] и Иркутского (1652-1661 – зимовье, с 1661 по 1682 – острог) [Щеглов, 1883, с. 105] острогов содействовала укреплению безопасности бурят и эвенков и ускорила окончательное вхождение западнобурятского и эвенкийского населения в состав России.

Присоединение Западной Бурятии к России имело свои особенности и осложнялось внешними обстоятельствами. Бурятские князья до рассматриваемого времени подчинили себе часть тунгусов, проживавших по Ангаре, и даже стремились поставить под свою зависимость приенисейское тюркское население. В свою очередь, буряты подвергались постоянным набегам феодалов Халхи. Монгольские князья не желали терять своих данников по Ангаре и противились включению их русскими властями в общую систему ясачных отношений.

Присоединение Забайкалья к России началось с севера и с запада вскоре после появления первых служилых людей на берегах Байкала. В 1643 г. отряд С. Скороходова прошел вдоль берегов Байкала и вышел к реке Баргузин, где и погиб в столкновении с тунгусами. Однако, уже в 1645-1647 гг. отряды В. Колесникова и И. Похабова вместе с промышленными людьми установили в Забайкалье мирные контакты с бурятским и тунгусским населением и монгольскими князьями, стремившимися распространить свою власть на местное население.

В 1646 г. казачий атаман Василий Колесников заложил Верхнеангарский острог [Артемьев, 1999, с. 43]. В 1648 г. сын боярский Иван Галкин построил на реке Баргузин острог [Артемьев, 1999, с. 40] и привел в русское подданство тунгусское население, жившее в верховьях Витима, у озер Еравнинских и Буженай и по реке Маме. В 1652 г. на озере Баунт был поставлен Баунтовский острог [Артемьев, 1999, с. 43]. На следующий год сотник П. Бекетов основал Иргенский острог [Там же] на водоразделе рек Хилок и Ингода, в устье реки Нерчи казачьим десятником Максимом Уразовым был построен Нерчинский острог [Артемьев, 1999, с. 47]. В 1658 г. возведен Телембинский [Артемьев, 1999, с. 63], в 1662 – на р. Витим Кучидский [Артемьев, 1999, с. 43], в 1665 – Верхнеудинский [Артемьев, 1999, с. 72] и Селенгинский [Артемьев, 1999, с. 64] остроги. Эти остроги образовали сеть укреплений, которые защищали Забайкалье от внешних набегов и способствовали хозяйственному освоению этого района русским населением.

Царское правительство рассматривало покоренные народы как данников, взятых в ясачный платеж. Малейшее колебание в уплате ясака, исполнении приказов воевод считалось «шатостью», «изменой» и жестоко каралось. Все средства разрешалось употреблять при сборе ясака, начиная с «подарочной казны», угроз, захвата аманатов (заложников).

Из-за увеличения числа острогов и желания их управителей подчинить себе как можно большее число бурят и эвенков общая обстановка была чрезвычайно сложной. На почве дележа военной добычи происходили столкновения между самими служилыми людьми. Едва одни служилые успевали собрать ясак, как приходили другие, и снова начинались поборы. Бесчинства, чинимые казаками в бурятских улусах и эвенкийских стойбищах, являлись серьезным стимулом к борьбе против них. Тяготы столкновения основной тяжестью ложились на рядовых бурят и эвенков, которые в большей мере страдали от войны, теряя жен и детей, скот и домашнее имущество.

Собирая ясак, захватывая пушнину, скот и другое имущество, служилые посягали и на личность покоряемых. При набегах захватывался ясырь (пленные), брались аманаты (заложники) в обеспечение уплаты ясака и других требований. За аманатов приходилось уплачивать выкуп. После погромов взятые в плен бурятские и эвенкийские мужчины и женщины увозились в Енисейский острог и там продавались. Правда, в документе, датированном 18 октября 1649 г., есть ссылка на грамоту царя Алексея Михайловича, в которой запрещалось людям всяких чинов вывозить из Сибири ясырь (пленников) и давалось предписание крещеных аборигенов «верстать в службу, кто в какую статью пригодится, а некрещенных... строить в ясак, ... а крещенных девок и жонок велено выдавать замуж за служилых людей, за кого пригоже, а который де ясырь взяты в немирных землицах, и тот ясырь велено держать в Енисейском остроге на аманацком дворе» [Сборник документов, 1960, с. 145]. Но, по всей вероятности, это предписание часто нарушалось.

В случае непомерных воеводских поборов или казачьих погромов буряты вынуждены были покидать «породные земли», спасаясь в Монголии. Массовым явился побег балаганских бурят в 1658 г., вызванный бесчинствами известного Ивана Похабова. Известны и челобитные пашенных крестьян Нижнебратского острога о злоупотреблениях Ивана Похабова. В.И. Щеглов писал о «поголовном восстании бурят» вследствие притеснений балаганского правителя. Буряты убили собиравших по улусам ясак русских и бежали в монгольские владения, после чего местность вокруг Балаганского острога опустела, а острог лишился своего значения [Щеглов, 1883, с. 112]. Преемник И. Похабова Тургенев отправил его в 1659 г. с караулом в Енисейск, но тот бежал по дороге, добрался до Илимска и снова «вошел в милость и приобрел доверие воеводы» [Щеглов, 1883, с. 112].

Местами буряты, доведенные до отчаяния насилиями управителей острогов, замышляли побег, но редко приводили это намерение в исполнение, так как многолетний повторный опыт показал им истинное лицо монгольских феодалов. В челобитных на имя воевод буряты, жалуясь на бесчинства казаков и приказчиков, добавляли: «и они де ясачные люди хотят бежать к мунгальскому царю». Подобные заявления побуждали воевод проводить следствия, результаты которых обычно были ничтожны, так как наиболее возможное достижение – смена приказчика – ровно ничего по существу не меняло.

В 1660 г. из Монголии из-за «различных притеснений» перекочевали узоны и поселились в местности Нанки на Селенге. В 1661 г. Яков Похабов совершил поход в Монголию для отыскания бежавших ясачных. В 1663 г. состоялся совместный поход служилых и тунгусов против монголов (по просьбе баргузинских ясачных тунгусов).

В 1667 г. пришел из китайских владений в Нерчинск под государеву высокую руку даурский князь Гантемир (в 1654 г. он со своими людьми сжег Нерчинский острог, все посевы казаков и ушел в Маньчжурию к своим даурским сородичам) с детьми и братьями и улусными людьми, всего сорок человек, обещаясь платить ясак по три соболя с человека. Его примеру последовали другие даурские племена, ранее бежавшие в страхе перед русскими в пределы Маньчжурии. Их численность исчислялась сотнями.

Борьба между острогами, которая продолжалась и в 60-е гг., была для местного населения большим злом. Но как ни тяжелы были для них посещения служилых из других острогов, главную опасность в этот период они видят в набегах из Монголии. И буряты просят о постройке острогов и усилении казачьих гарнизонов. Защита бурят от монголов вполне соответствовала русским интересам. Иногда в отражении монгольских набегов принимали участие и русские, и буряты, и эвенки.

Так, в 1674 г. монгольский тайша Гыган вторгся в бурятские земли, угрожая Иркутскому, Балаганскому, Братскому и Верхоленскому острогам. Малочисленные острожные гарнизоны, испытывавшие недостаток в оружии и военных припасах, оказались в чрезвычайно тяжелом положении. Тогда на помощь им пришли ангарские буряты, немало натерпевшиеся от монгольских набегов. С помощью бурят служилые люди вытеснили Гыгана в Монголию. В 1687 г. на Удинский и Селенгинский остроги напали войска Очирой-хана. На помощь осажденным были отправлены отряды, состоящие из верхоленских и балаганских бурят.

В 1673 г. табангуты приняли подданство России и заселили земли вокруг Селенгинского острога. В 1675 г. более тысячи баргузинских и ольхонских бурят вышли из Монголии к Нерчинску. Летом 1684 г. ашебагатами «на всенародном обсуждении было решено перекочевать на север в российские земли» [Бурятские летописи, 1995, с. 137].

15 января 1689 г. семь монгольских тайшей заключили с русским послом Ф. Головиным договор о принятии русского подданства. А 12 марта 1689 г. табангутские сайты и шуленги заключили договор о подданстве. В 1694 г. приняли подданство России цонголы [Бурятские летописи, 1995, с. 144]. В 1696 г. пришел зайсан Ухин Хонторгын с сыновьями и 150 людьми. В 1700 г. вышел из Монголии Андахай, сын Ухина, служившего Тушету-хану [Бурятские летописи, 1995, с. 146, 152].

Надо отметить, что если в 90-е гг. набеги и продолжаются, то, в основном, в районе Нерчинска и Селенгинска, тогда как вторжения вглубь территории уже не наблюдаются. К концу XVII в. положение в Байкальском регионе относительно стабилизируется. Вместо монголь-

ских князей России противостоит теперь Китай, и решение спорных вопросов переносится в сферу дипломатических отношений. Нерчинский трактат 1689 г. зафиксировал закрепление Забайкалья под властью России, хотя вопрос о южной границе оставался неразрешенным вплоть до 20 августа 1727 г., когда был заключен Буринский пограничный трактат, а 21 октября – Кяхтинский, ратифицированный в июне 1728 г. Наиболее важным для урегулирования положения в пограничной полосе был пункт о запрещении впредь всяких переходов границы. Не приходится говорить о скрупулезной добросовестности в его выполнении, однако русские власти принимают в ряде случаев серьезные меры, вплоть до применения воинской силы, для недопущения массовых переходов. Но переходы бурят и монголов из Монголии в Россию не прекращались. Массовое движение объяснялось стремлением вернуться на свои «породные земли», а также усилением феодальной эксплуатации в Монголии.

Как известно, первоначально русская колонизация распространялась к западу от Байкала, где вокруг острогов возникали многолюдные слободы, и на периферии быстро множились поселения пашенных крестьян. Уже с середины 40-х гг. мы встречаем сведения об их возникновении.

Образование системы оборонительных пунктов содействовало укреплению административного управления Забайкалья, определению основного пути от Байкала к верховьям Амура. Административно остроги Западного Забайкалья во второй половине XVII в. входили в состав Иркутского уезда и подчинялись воеводам Иркутска, а Восточное Забайкалье, за Яблоновым хребтом, стало западной часть Нерчинского уезда (Еравнинский, Телембинский, Иргенский).

Постройки острогов указывают на путь продвижения русских в Ангаро-Ленском крае. С наибольшими усилиями для русских были заняты Приангарье и Верхоленский край из-за сопротивления, оказанного здесь бурятами. Без особых усилий было подчинено русскому влиянию тунгусское население по реке Лене и ее притокам Киренге и Витиму, по рекам Нижней Тунгуске, Илиму и Верхней Ангаре. Поэтому сравнительно легко и свободно пошло сразу же заселение долины реки Лены, от устья Куленги и далее вниз, и ее больших притоков, долин рек Илима и Верхней Ангары. Более осторожно шло заселение Верхоленского края и Приангарья, в особенности в стороне от Лены и Ангары. В конце XVII в., однако, появился ряд селений как по Лене, выше Верхоленского острога, так и в стороне от этой реки. В XVII в. уже существовали селения: Бирюльское, Качиково, Анга, Манзурское и Мало-Манзурское, Илимское, Монастырское и др.

Во второй половине XVII в. стали возникать селения в долине р. Ангары и ее притоков: Иды, Оки, Иркута, Белой и др. Расселяясь по берегам больших рек, русские отодвигали местное население вглубь береговых долин и междуречных пространств. Занимались обычно несколько большие пространства береговых полос от устья притоков рек, «инородцы» же оттеснялись по направлению к верховьям этих притоков. Так были вытеснены буряты, кочевавшие по реке Иркуту, и русскими было сразу же занято все нижнее течение этой реки. Оттеснены были от реки Лены буряты, обитавшие по Куленге, нижнее течение которой было занято русскими вскоре после постройки Верхоленского острога.

В XVII в. возникают новые земледельческие поселения на Лене между Усть-Кутским и Усть-Витимским острогами у впадения в Лену ее притоков. Вверх по Лене от Усть-Кутска в течение XVII в. образовалось несколько волостей. Возникновение земледельческих поселений в этом районе происходило в течение всего XVII в. Первые поселения позже всего возникли в районе реки Банзюрки в самом конце 70-х гг. Отдельные же заимки возникли в 80-90-е гг. В этом юго-западном углу Ленского района к концу XVII в. сосредоточилась большая часть земледельческого населения района.

В Забайкалье первые русские поселения стали возникать с середины XVII в. Русское население, преимущественно служилые люди, концентрировалось вокруг острогов, возведенных на основном пути к верховьям Амура. Около них возникали заимки и, в основном, силами тех же служилых создавались пашни. Спафарий, один из первых европейских путешественников, посетивший Забайкалье в конце XVII в., отмечал, что полоса русской земледельческой колонизации шла по долине реки Селенги, и буряты вытеснялись из речных долин в худшие

места. Он сообщал также о том, что в устье реки Куды, по всему течению которой до завоевания кочевали буряты, уже образовалось «займище», т.е. ряд захваченных и отобранных у бурят земельных участков иркутскими служилыми людьми. Спафарий впервые отметил, что на Уде и Куде буряты живут вперемешку с русскими.

Как верно отметил В.В. Трепавлов, «разрастание Российского государства, включение в его состав новых подданных влекло за собой кардинальные перемены в жизни присоединенных народов… Как бы историки не оценивали ход и последствия вхождения каждого отдельного народа в состав России, в любом случае это событие оказывалось стрессовым, кризисным, переломным в его судьбе. Привычные жизненные модели и ориентиры переставали работать, а новые модели только еще формировались и к тому же зачастую вступали в противоречие со старыми» [Трепавлов, 2007, с. 158].

Итак, можно сделать следующие выводы. 1. Присоединение народов, населяющих юг Восточной Сибири, происходило на протяжении 20–80-х гг. XVII в. И хотя завоевание было совершено небольшими силами, сам процесс покорения не был кратковременным и легким. Приведенные к покорности и обложенные ясаком буряты и эвенки неоднократно восставали. Однако, усиление маньчжуро-китайской экспансии не могло не сказаться на характере присоединения бурят и эвенков к России. К концу 60-х гг. XVII в. у этих народов проявилось стремление к закреплению в составе России.

2. Сразу за присоединением началось заселение завоеванных территорий. Население сначала концентрировалось вокруг основанных острогов, которые являлись центрами сбора ясака, охраны границ и транспортных путей. Вокруг них стали расти деревни, заимки, слободы, которые появлялись по берегам рек по мере продвижения русских на юг и восток от Байкала.

3. В результате появления русских в Байкальском регионе уже в XVII в. существенно изменилась этнографическая карта края. После присоединения Прибайкалья к Российскому государству, как в расселении, так и в численности родоплеменных групп, вошедших в состав бурятского этноса, произошли значительные изменения. Наиболее интенсивно они происходят в середине XVII в., когда Прибайкалье стало покрываться сетью острогов и поселений, а сбор ясака приобрел регулярный характер. В этих условиях население Предбайкалья стало мигрировать не только в пределах региона, осваивая труднодоступные и менее благоприятные для ведения скотоводства земли, но и вынуждено было большими группами уходить в Монголию. С продвижением казаков вглубь Забайкалья аналогичные процессы происходят и здесь. Итогом всех подвижек на протяжении XVII в. стал наметившийся сдвиг ареала расселения бурятских групп на восток. В Забайкалье переселилось несколько предбайкальских родов в виду исхода из него значительной части населения в Монголию и наличия свободных земель, а также для несения охраны границы.

Литература

Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). – Хабаровск: Кн. изд-во, 1984. – 271 с.

Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII вв. – Владивосток, 1999. – 335 с.

Бурятские летописи / Сост. Ш.Б. Чимитдоржиев, Ц.П. Ванчикова. – Улан-Удэ, 1885. – 197 с.

Гумилев Л.Н. От Руси до России: Очерки этнической истории. – М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994. – 553 с.

Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – 320 с.

Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.: Сб. док. – Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. – 281 с.+14 табл.

Сборник документов по истории Бурятии: XVII век / Сост. Г.Н. Румянцев, С.Б. Окунь. – Улан-Удэ, 1960. – Вып. 1. – 493 с.

Трепавлов В.В. «Добровольное вхождение в состав России»: торжественные юбилеи и историческая действительность // Вопросы истории. – 2007. – № 11. – С. 155-163.

Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032-1882 гг. – Иркутск, 1883. – 779 с.

С.А. Васильев
Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТА В РОССИИ*

Цель доклада – кратко обрисовать основные этапы развития археологии палеолита в нашей стране, акцентируя внимание на доминировавших в различные периоды теоретических концепциях и методологии подхода к материалу (см. основные монографические труды по теме: [Илларионов, 1947; Ларичев, 1969, 1972; Формозов, 1986; Васильев, 2008]). Общепризнанно, что российская доисторическая археология представляет собой особое оригинальное явление среди крупнейших национальных школ исследования первобытности. Напомним только два достижения отечественных археологов, вошедшие в золотой фонд мировой науки о древностях, а именно – открытие феномена палеолитических жилищ С.Н. Замятниным и трасологический метод С.А. Семенова. Гораздо меньшей известностью (причем, не только за рубежом, но и в России) пользуются такие факты как создание опередивших свое время методических приемов изучения пещерных памятников Г.А. Бонч-Осмоловским и стоянок открытого типа М.Я. Рудинским, технологический и статистический анализ каменной индустрии у того же Г.А. Бонч-Осмоловского, гендерный подход к доистории в работах начала 1930-х гг. у П.П. Ефименко.

Начало изучения древнекаменного века в нашей стране было положено в 1871 г., когда И.Д. Черский, А.Д. Чекановский и В.А. Бельцов в Иркутске открыли залегавшие вместе с остатками плейстоценовой фауны каменные изделия, необычные предметы из бивня мамонта и обожженной глины. Говоря о первых шагах сибирского палеолитоведения, нельзя не отметить уникальный опыт планиграфического исследования, проведенного Н.Ф. Кащенко на Томской стоянке. Памятник представлял собой образец «места забоя и разделки», содержавший остатки одного мамонта в сопровождении углей и немногочисленных каменных орудий. Исследователь тщательно зафиксировал расположение объектов на вскрытой площади при помощи квадратной сетки, снабдив итоговый труд цветным планом распространения находок. Отметим, что перед нами, по сути, дела первая монографическая публикация палеолитического памятника на русском языке [Кащенко, 1901].

Начав свое формирование в 80-е гг. XIX в. в рамках эволюционной парадигмы, русская археология уже в начале XX в. вышла на уровень мировой науки, создав собственную терминологию для описания индустрий и заложив основы ряда направлений научного поиска в области периодизации и культурного расчленения древнего каменного века Восточной Европы и Сибири.

Подобно другим национальным школам исследования палеолита, русская формируется под непосредственным воздействием французской доистории. Речь идет о палеоэтнологическом направлении, у истоков которого в России стоял Д.Н. Анучин. Он рассматривал доисторическую археологию (или палеоэтнологию) как составную часть антропологии в широком смысле слова, охватывающую также физическую антропологию, лингвистику и этнографию. При этом для Д.Н. Анучина антропология являлась частью естествознания, приложением принципов естественной истории к изучению человека [Анучин, 1900]. Эту точку зрения разделяли как исследователи палеолита 80-х гг. XIX в. (И.С. Поляков, К.С. Мережковский), так и позднее Ф.К. Волков, который выступил против «археологов», стремившихся перевести изучение доисторических древностей в русло гуманитарного знания [Волков, 1915]. Такая постановка вопроса противостояла основной линии официальной русской археологии

* *Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»*

того времени, ориентированной на изучение «национальных древностей». Недаром попытка обобщить сведения по палеолиту страны со стороны сотрудника Императорской археологической Комиссии [Спицын, 1915] вызвала резко негативную реакцию среди учеников Ф.К. Волкова.

Одной из первых систематических раскопочных кампаний по палеолиту в России стало изучение Мезинской стоянки. Ее исследование, проведенное в 1909-1916 гг. Ф.К. Волковым и его учениками, позволило открыть мир «южнорусского мадлена» со своеобразным искусством и орнаментикой [Волков, 1913]. Однако основная заслуга Ф.К. Волкова не только и не столько в собственных полевых работах, но в преподавательской и научно-организационной деятельности. Под его руководством усваивали азы доисторической археологии П.П. Ефименко и Г.А. Бонч-Осмоловский. Статьи П.П. Ефименко были первыми в России профессиональными исследованиями по палеолиту в полном современном смысле этого слова [Ефименко, 1913, 1915]. Отметим выдающуюся роль Ф.К. Волкова и П.П. Ефименко в формировании русской терминологии для описания и классификации изделий из камня.

Если Ф.К. Волков до конца дней оставался последовательным представителем классического эволюционизма, то уже в ранних работах П.П. Ефименко намечается переход от линейного эволюционизма Мортилье к исследованию ареалов палеолитических культур, осознается своеобразие восточноевропейского палеолита [Ефименко, 1915].

Эти новаторские разработки находились в стадии формирования и в обобщающих трудах дореволюционного периода материалы по палеолиту России были представлены в виде списков памятников, организованных по географическому принципу. Таким образом, несмотря на прогресс в деле аккумуляции фактических данных, русская археология той поры еще не вышла на уровень создания собственных схем периодизации палеолита.

Несмотря на чудовищные по размаху потрясения революции и гражданской войны, в 1920-е гг. отечественная археология продолжила заложенные до революции Д.Н. Анучиным и Ф.К. Волковым традиции палеоэтнологических школ. В эти годы развертывается полевая деятельность, охватывая как новые территории, так и расширяя хронологические рамки российского палеолита. Обозначается интерес к исследованию ранее практически неизвестного среднего палеолита в Крыму и на Кавказе. Однако центром притяжения исследовательских сил продолжает оставаться верхний палеолит Русской равнины. 1920-е гг. – время возобновления работ в Костенках, что было, по сути дела, началом непрерывного исследования серии стоянок, имеющих ключевое значение для всей доистории Восточной Европы. В Сибири основными центрами доисторических исследований в 1920-е гг. были Красноярск и Иркутск. В первом городе традиции И.Т. Савенкова были продолжены Г.К. Мергартом, Н.К. Ауэрбахом, Г.П. Сосновским и В.И. Громовым, а в Иркутске в стенах университета Б.Э. Петри основал самостоятельный палеоэтнологический центр. К числу сенсационных открытий, без сомнения, относится обнаружение стоянки в Мальте, изучение которой, начатое М.М. Герасимовым в 1928 г., дало уникальные результаты в виде яркой самобытной культуры.

Русская палеоэтнология этого времени наметила ряд принципиально новых моментов, во многом опередив развитие мировой науки. К ним относятся, прежде всего, совершенствование приемов полевого исследования, нацеленного на реконструкцию облика древних поселений. Всемирное признание получило открытие С.Н. Замятниным феномена палеолитических жилищ. В 1927 г. на стоянке Гагарино он раскапывает остатки углубленного жилища, окруженного камнями, и интерпретирует его как шалаш или чум [Замятнин, 1935]. Говоря о развитии методики полевых исследований, нельзя обойти вниманием вклад М.Я. Рудинского. Еще в 1929 г. при раскопках Журавки, когда расчистка слоя осуществлялась в традиционной манере – путем последовательного вскрытия рядов квадратных метров, исследователь применил индивидуальную регистрацию координат и глубины залегания всех находок [Рудинский, 1930]. Во время этой кампании ему пришла идея фотофиксации вскрываемого слоя по квадратным метрам и расчистки остатков с досчатого настила, закрепляемого над исследуемой поверхностью. Позднее, в 1933 г. в Пушкарях, М.Я. Рудинскому удалось реализовать на практике эти соображения. В раскопе размерами 12х12 м, разделенном бровками на «кессоны» (участки 2х2 м), он осуществил полную расчистку слоя, ведя фотофиксацию

каждого кессона в вертикальной проекции с помощью переносной деревянной вышки. В итоговой публикации [Рудинский, 1947] представлен сводный фотоплан из 36 снимков. К сожалению, этот новаторский опыт, непосредственно предвосхищающий методику А. Леруа-Гурана в Пенсеване, остался незамеченным со стороны русских коллег и никогда здесь не применялся.

Г.А. Бонч-Осмоловским была разработана оригинальная методика изучения пещерных комплексов, сочетающая анализ стратиграфического и планиграфического распределения остатков [Бонч-Осмоловский, 1940]. Данная методика заметно опережала приемы, практиковавшиеся в то время на западе, и в ряде существенных моментов была близка методике, примененной уже после Второй мировой войны Ф. Бордом в Пеш–дель–Азе.

В области изучения изделий из камня Г.А. Бонч-Осмоловский предложил методику статистической обработки массового материала и одним из первых рассмотрел в комплексе технологию каменной индустрии. В основу сравнения стоянок Г.А. Бонч-Осмоловский положил «количественный учет различных типов орудий» [Бонч-Осмоловский, 1928, 1940]. Таким образом, в теоретическом плане здесь содержалась база для «бордовского» подхода к изучению инвентаря. Г.А. Бонч-Осмоловский остановился «за полшага» до Ф. Борда, следующие усовершенствования (создание типлистов, построение системы индексов и кумулятивных графиков как метода наглядного представления результатов) на этом пути уже являются заслугой французского археолога.

Этим же автором был проведен предвосхищающий современные археозоологические разработки опыт фиксации распределения нарезок на костях животных и реконструкция на этой основе характера разделки охотничьей добычи [Бонч-Осмоловский, 1931].

В сфере обобщения данных заслуживает внимания разработка периодизации палеолита Восточной Европы с привязкой к выделенным во Франции фазам развития [Ефименко, 1928]. Интересно при этом отметить, что П.П. Ефименко почти одновременно с Г. Чайлдом поставил вопрос о возможности выделения археологических культур в верхнем палеолите. Особо отметим труды Г.А. Бонч-Осмоловского, нацеленные на анализ взаимосвязи ранних этапов развития человека с изменениями природной среды [Бонч-Осмоловский, 1932].

К сожалению, эти перспективные направления исследования оказались не реализованными в полной мере, а частью были отброшены в сторону последующим ходом развития науки в нашей стране.

С начала 1930-х гг. советская археология вступает в принципиально новую фазу развития. Начиная с этого периода, большевики приступили, хотя и с запозданием, к решительной «марксизации» науки. Этот единый для всего комплекса общественных наук процесс имел свою специфическую окраску в среде основного центра тогдашней археологии – ГАИМКа, связанный с деятельностью всемогущего руководителя учреждения – Н.Я. Марра и его пресловутого «нового учения о языке». Начало 1930-х гг. – время коренной ломки традиционной структуры археологии. Меняется все – работа научных центров, система преподавания, музейные экспозиции.

Переломные события сдвинули акценты в проблематике изучения древнекаменного века. На первый план вышли такие моменты как реконструкция облика палеолитических жилищ и поселений. П.П. Ефименко предпринимает новаторский проект раскопок на широкой площади сложного жилого комплекса Костенок I. В Сибири продолжились раскопки Мальты. А.П. Окладников неподалеку открыл «двойник» Мальты – стоянку Буреть, также доставившую следы искусственных конструкций. В данной области советские исследователи, действительно, опережали мировую науку того времени, хотя эти успехи имели обратную сторону. Чрезмерное увлечение единовременным вскрытием культурного слоя на широкой площади приводило к игнорированию микростратиграфии, а нацеленность ученых на выделение следов жилищ к тому, что в ряде случаев естественные структуры интерпретировались как остатки построек.

Была разработана оригинальная стадиальная версия развития палеолитической культуры, в которой особое значение придавалось исследованию проблемы культурных изменений у автохтонного населения под влиянием сдвигов в хозяйственной деятельности и социальной

организации. В основе стадиальной концепции лежало положение о внутренней структурированности развития палеолитической культуры, наличии ряда закономерных стадий или ступеней, выделяемых для культуры на обширных территориях [Ефименко, 1931б; Борисковский, 1932]. В этом плане стадиализм явно обнаруживает родство с поздним эволюционизмом. Стадиализм господствовал в отечественной археологии 1930-1950-х гг., когда на его основе были созданы периодизационные схемы расчленения палеолита Восточной Европы [Ефименко, 1953; Борисковский, 1953], Кавказа [Замятнин, 1957] и Сибири [Сосновский, 1934]. Существенно отметить, что именно в рамках стадиализма был впервые поставлен вопрос о причинах и характере культурных изменений у древних обществ без смены населения. Не так уж важно для нас теперь, что такая трактовка проблемы в теоретическом плане опиралась на гипертрофированный автохтонизм Н.Я. Марра. Интересно другое – то, что в данном аспекте наши исследователи 1930-х гг. намного опередили современную им зарубежную науку, где миграции оставались едва ли не единственным приемлемым объяснением разрывов в преемственности культуры. Лишь много позднее западная археология обратилась к вопросу о внутренних причинах смены культур.

Популярная в свое время оценка стадиализма как «социологического схематизма» выглядит сейчас несколько односторонней. Представление о внутренней структурированности развития палеолитической культуры, поиск причин культурных изменений в сфере социально-экономического развития кажутся вполне актуальными. Вместе с тем, пренебрежение ролью природной среды заметно сужало круг объяснительных гипотез и отрицательно сказывалось на прогрессе междисциплинарных исследований.

Одна из острейших проблем, стоявших перед создателями «истории материальной культуры», заключалась в явном противоречии между заявленными целями исследования и отсутствием адекватных методов реконструкции общества прошлого. Без этого смелые гипотезы оставались лишь общими рассуждениями, лишенным подкрепления фактами и наблюдениями. Вторая половина 1930-х гг. ознаменовалась первыми опытами С.А. Семенова по изучению функций каменных орудий. Нужно сказать, что интерес к функционально-технологической стороне индустрии в 1930-е гг. прослеживался довольно отчетливо, хотя попытки подойти к палеолитическим материалам с такой точки зрения до С.А. Семенова сводились к набору догадок и спекулятивных гипотез. В этом плане можно сказать, что открытие С.А. Семенова было открытием долгожданным и необходимым для советской археологии того времени.

Работая с коллекциями из Костенок I, Тимоновки и Сакажиа, С.А. Семенов обратил внимание на следы, особенно заполировку, остающиеся на поверхности кремневых изделий, и применил микроскопическое исследование, изучая их с помощью бинокулярной лупы. Он же сделал первые микрофотографии рабочих краев орудий, осуществленные с использованием магниевого напыления. Исследователь установил факт использования наконечников с боковой выемкой в качестве ножей для резания мяса, а также практику широчайшего употребления не ретушированных отщепов в хозяйственных целях [Семенов, 1940].

Нужно сказать, что С.А. Семенов не был одинок в 1930-е гг. в технологической направленности исследований. Одновременно с ним М.М. Герасимов усиленно занимался реконструкцией техники обработки кости, рога и бивня на материалах стоянки Мальта, привлекая, наряду с наблюдениями и этнографическими сопоставлениями, данные собственных экспериментов. Статья М.М. Герасимова представляет собой один из пионерских опытов функционально–технологического подхода к изучению палеолитических материалов, причем ориентированного на целостную реконструкцию процессов работы, выявление связи между морфологией каменных орудий и приемов обработки кости [Герасимов, 1941].

Еще один примечательный аспект советской археологии 1930-х гг. – интерес к изучению палеолитического искусства в его социальном контексте, анализ роли женских статуэток в связи с представлениями об особой роли женщины в древних обществах. Пионерами социологического направления в интерпретации древнейшего искусства выступили П.П. Ефименко и С.Н. Замятнин. П.П. Ефименко посвятил образу женщины в палеолите специальную и одну из наиболее интересных своих работ, озаглавленную «Значение женщины в ориньякскую эпоху» [Ефименко, 1931а]. По его мнению, распространение женских статуэток в ориньяке

было связано со спецификой жизни древних охотников на мамонта и лошадь. Продуктивность подобной экономики приводила к возникновению прочной оседлости, причем ряд жилищ на стоянке образовывал единое целое, своего рода место обитания первобытной коммуны. В этих условиях домашнехозяйственная деятельность, в которой доминирующую роль играли женщины, приобретала особое значение, которое к тому же связывалось со счетом родства по материнской линии. Статуэтки, вероятно, изображали женщин–прародительниц. Интересно, что перед нами, вероятно, один из первых опытов в области бурно развивающейся ныне на западе так называемой «гендерной археологии».

Послевоенное время ознаменовалось продолжением активных экспедиционных исследований по палеолиту в различных уголках страны. В Сибири и на Дальнем Востоке изучал палеолит А.П. Окладников. В конце 1950-х г.г. М.М. Герасимов провел вторую кампанию раскопок Мальты.

В 1960-е гг. начала формироваться современная организационная структура археологических исследований в нашей стране. Возникают региональные центры, постепенно осваивающие все новые территории. Если в предшествовавшие десятилетия практически вся археологическая активность сосредотачивалась в Москве и Ленинграде, то с 1960-х гг. начинается ускоренный прирост кадров и экспоненциальное увеличение числа публикаций. При этом основное накопление информационного фонда отныне идет за счет региональных научных учреждений. Таким образом, произошла нормальная реакция на сверх-централизованный характер советской археологии 1930-1950-х гг. В Сибири данный процесс проявился в формировании под руководством А.П. Окладникова новосибирского центра, появлении самостоятельных групп исследователей в Иркутске, Якутске, Магадане, Чите, а позднее в Красноярске, Барнауле и др.

В области анализа каменных индустрий основным событием 1960-х гг. стало освоение бордовской статистической типологии [Любин, 1965]. Много споров велось вокруг определения понятия «леваллуа» и значения данной техники в плане развития обработки камня в палеолите. Особое внимание в тот период уделялось поиску оптимальных таксономических схем классификации индустрий, попыткам усовершенствования типологического метода.

Начиная с 1950-х гг., в центре внимания советских исследователей находился вопрос о соотношении локальных и стадиальных черт в развитии палеолитической культуры. Дискуссия была инициирована учеником П.П. Ефименко А.Н. Рогачевым. Первоначально исследователь считал открытую им неравномерность развития, явно противоречившую наиболее авторитетным тогда схемам П.П. Ефименко и П.И. Борисковского, отражением «этнографических особенностей» культуры отдельных общин позднего палеолита, пестроты обособленных групп древнего населения [Рогачев, 1953]. Вскоре он начал использовать термин «археологическая культура» [Рогачев, 1957]. А.Н. Рогачев впервые четко отделил хронологию палеолита от классификации культурного развития, тем самым решительно отказавшись от одного из центральных постулатов эволюционизма, а затем и стадиализма, а именно идеи о датирующем значении комплексов каменного инвентаря. В ходе ожесточенных дискуссий стадиальная концепция уступила место партикуляристским культурно-историческим моделям, основанным на понятии локальной археологической культуры как центральной.

1960-1980-е гг. – время почти полного господства локально-культурной версии развития палеолитической культуры, страстно пропагандируемой А.Н. Рогачевым и его учениками [Григорьев, 1968]. За это время десятки локальных культур были выделены для верхнего палеолита Восточной Европы. Позднее сходные явления были выявлены в среднем и даже нижнем палеолите. Что касается палеолита Сибири, то локально-культурный подход впервые был применен З.А. Абрамовой. Начав с тезиса о параллельно развивавшихся в долине Енисея кокоревской и афонтовской культур [Абрамова, 1966], она затем идентифицировала ряд локальных культур в различных регионах Сибири, объединенных в несколько культурных областей.

В области интерпретации выделяемых явлений доминировала этническая версия археологической культуры, хотя были попытки соотнести культуры с другими понятиями (хозяйственно-культурный тип, историко-этнографическая область и др.). Можно конста-

тировать, что наша археология свернула на привычный путь консервативного культурно-исторического подхода с тягой с членению материала на все увеличивающееся число пресловутых «локальных культур», отождествляемых с некими «этносами». Такой подход мало стимулировал новаторские поиски. Вряд ли случайно то обстоятельство, что все действительно ценные идеи, высказанные в России и обогатившие мировую науку о древностях, были сформулированы именно в 1920-1930-е гг., а не позднее.

Для современного этапа развития палеолитоведения в России характерна диверсификация подходов и сближение с практикой мировой археологической науки. Это проявляется в анализе каменных и костяных индустрий в технологическом аспекте, археозоологическом анализе фаунистических комплексов, геоархеологическом исследовании процессов формирования и разрушения культурного слоя и др. Несмотря на указанные новые моменты, наше палеолитоведение в целом продолжает оставаться на позициях традиционной культурно-исторической археологии, причем в ее «дробительном» варианте, нацеленном на выделение, в первую очередь, локальных вариаций культуры. По-прежнему большинство исследователей трактует комплексы каменного инвентаря как статичные хранилища культурной информации, влияние же на их состав технологических процессов, характера сырья, функциональных особенностей памятников и т.д. неизменно преуменьшается или игнорируется.

В целом, невозможность адекватного описания вариабельности культуры с помощью базового понятия локальной культуры и его производных, как и упрощенность представления о палеолите как сумме разграниченных в пространстве-времени культурных общностей, вырисовывается сейчас все более отчетливо. Можно констатировать, что в современной археологии локально-культурные схемы сдают позиции, вытесняясь более сложным пониманием многофакторного характера вариации наборов каменного инвентаря. Идет постепенный отказ от использования понятия «археологическая культура» применительно к нижнему и среднему палеолиту. Да и при анализе верхнепалеолитических индустрий Восточной Европы все большее число исследователей предпочитают пользоваться принятыми в европейской археологии терминами широкого культурно-хронологического плана (ориньяк, граветт, мадлен и др.) и их производными.

Новые направления научного поиска с большим трудом пробивают себе дорогу, что связано как с последствиями долговременной изоляции отечественной науки, так и с огромными еще возможностями «экстенсивного» развития, изучения новых эпох и территорий, подменяющего более глубокий анализ уже полученных материалов. Тормозит дело и давняя нерасположенность нашей археологии к экологическому подходу, подкрепляемая официальным гуманитарным статусом дисциплины как составной части истории.

Литература

Абрамова З.А. Локальные особенности палеолитических культур Сибири // VII Международный Конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР. – М.: Наука, 1966. – С. 46–55.

Анучин Д.Н. Беглый взгляд на прошлое антропологии и на ее задачи в России // РАЖ. – 1900. – № 1. – С. 25–42.

Бонч-Осмоловский Г.А. К вопросу об эволюции древне–палеолитических индустрий // Человек. – 1928. – № 2–4. – С. 147–186.

Бонч-Осмоловский Г.А. О нарезках на палеолитических костях // СГАИМК. – 1931. – № 8. – С. 25–27.

Бонч-Осмоловский Г.А. О комплексном изучении четвертичного периода // СГАИМК. – 1932. – № 3–4. – С. 44–49.

Бонч-Осмоловский Г.А. Палеолит Крыма. – М.; Л.: Изд–во АН СССР, 1940. – Вып. 1: Грот Киик–Коба. – 266 с.

Борисковский П.И. К вопросу о стадиальности в развитии верхнего палеолита. – ИГАИМК. – 1932. – Т. 14, № 4. – 40 с.

Борисковский П.И. Палеолит Украины // МИА. – 1953. – № 40. – 464 с.

Васильев С.А. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. – СПб.: ИИМК РАН, 2008. – 179 с.

Волков Ф.К. Палеолит в Европейской России и стоянка в селе Мезине Черниговской губ. // Зап. / Отд. рус. и славян. археологии РАО. – 1913. – Т. IX. – С. 299–306.

Волков Ф.К. Антропология и ее университетское преподавание // Ежегодник Русского антропологического Общества. – 1915. – Т. V. – С. 99–107.

Герасимов М.М. Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта // МИА. – 1941. – № 2. – С. 65–85.

Григорьев Г.П. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. – М.; Л.: Наука, 1968. – 176 с.

Ефименко П.П. Каменные орудия стоянки в с. Мезине, Черниговской губ. // Ежегодник Русского антропологического Общества. – 1913. – Т. IV. – С. 67–102.

Ефименко П.П. Костенковская палеолитическая стоянка // Ежегодник Русского антропологического Общества. – 1915. – Т. V. – С. 13–26.

Ефименко П.П. Некоторые итоги изучения палеолита СССР // Человек. – 1928. – № 1. – С. 45–59.

Ефименко П.П. Значение женщины в ориньякскую эпоху. – ИГАИМК. – 1931а. – Т. 11, вып. 3–4. – 73 с.

Ефименко П.П. Палеолит СССР. Итоги и перспективы его изучения // СГАИМК. – 1931б. – № 3. – С. 7–9.

Ефименко П.П. Первобытное общество. – Киев: Изд-во АН УССР, 1953. – 664 с.

Замятнин С.Н. Раскопки у с. Гагарино (верховья Дона) // ИГАИМК. – 1935. – Вып. 118. – С. 26–77.

Замятнин С.Н. Палеолит Западного Закавказья // Сборник МАЭ. – 1957. – Т. XVII. – С. 432–499.

Илларионов В.Т. Опыт историографии палеолита СССР. – Горький: Горьковское обл. изд-во, 1947. – 208 с.

Кащенко Н.Ф. Скелет мамонта со следами употребления некоторых частей тела этого животного в пищу современным ему человеком // Записки АН по физико-математическому отделению. – 1901. – Т. XI (7). – 60 с.

Ларичев В.Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1969. – Т. 1. – 390 с.

Ларичев В.Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1972. – Т. 2. – 416 с.

Любин В.П. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий // МИА. – 1965. – № 131. – С. 7–75.

Рогачев А.Н. Новые данные о стратиграфии верхнего палеолита Восточно-европейской равнины // МИА. – 1953. – № 39. – С. 39–55.

Рогачев А.Н. Многослойные стоянки Костенковско–Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. –1957. – № 59. – С. 9–134.

Рудинский М.Я. Журавка // Антропологія. – 1930. – Кн. III. – С. 97–122.

Рудинский М.Я. Пушкари // СА. – 1947. – Т. IX. – С. 171–198.

Семенов С.А. Изучение следов работы на каменных орудиях // КСИИМК. – 1940. – № 4. – С. 21–26.

Сосновский Г.П. Палеолитические стоянки Северной Азии // Труды II Международной конференции АИЧПЕ. – 1934. – Вып. 5 – С. 246–292.

Спицын А.А. Русский палеолит // Зап. / Отд. рус. и славян. археологии РАО. – 1915. – Т. XI. – С. 133–172.

Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. – М.: Наука, 1986. – 240 с.

П.В. Волков
Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ ПЕРСОНАЛЬНЫХ УКРАШЕНИЙ*

Забайкальская коллекция изделий, свидетельствующих о развитой знаковой деятельности человека, составляет более 60 предметов из кости, скорлупы, камня, раковин. Предметы обнаружены при раскопках стратифицированных комплексов Каменка, Варварина Гора, Хотык, Подзвонкая и датированы в пределах 30–40 тыс. л.н. [Лбова, 2000, 2004; Лбова, Волков, 2007; Ташак, 2002]. Столь древний возраст и уиникальность находок определяют целесообразность изучения технологии изготовления таких предметов.

Долговременными исследованиями местонахождения Хотык выявлено 6 разновременных уровней залегания материала, приуроченных к различным стратиграфическим образованиям, возраст которых определяется в хронологическом интервале от 22–25 до 90–110 тыс. л.н. Предварительная оценка выявленных разновидностей индустрий нижних уровней (5–6) свидетельствует о существовании особой традиций обработки камня в докаргинскую эпоху. Технико-типологическим стандартам пластинчатых индустрий, получивших широкое распространение во второй половине каргинского времени, соответствуют комплексы уровней 3 и 4 (ранняя стадия верхнего палеолита) и уровней 1 и 2 (средняя стадии верхнего палеолита) [Лбова, 2000; Kuzmin et al., 2006].

Описываемые ниже находки приурочены к комплексу артефактов уровня залегания 3, расположенного в средней части разреза, представленной лессовидными супесями и суглинками и датированной от 25 до 60 тыс. л.н., т.е. в целом каргинским временем [Лбова, 2000; Волков, Лбова, 2009]. И выполнены из материала, представленного мягкими породами разновидностей талька, агальматолита, стеатита различного цвета (молочно-белого, желтоватого, розоватого, зеленоватого, черного).

Для проведения технологического анализа изделий потребовалось их микроскопическое исследование. При общем трасологическом обследовании артефактов применялся бинокуляр МБС-10 с односторонним боковым освещением наблюдаемого объекта и с дискретным рабочим режимом увеличения от 16 до 56 крат. При детальном функциональном анализе дополнительно использовался специализированный микроскоп МСПЭ-1 с панкратическим зумом от 19 до 95 крат. Макросъемка производилась фотокамерой Pentax WR-43 при освещении объекта по волоконно-оптическим жгутам. Для сравнительного анализа следов изношенности на древних орудиях из камня использовались материалы Сибирской эталонной коллекции трасологических стандартов. В работе, при обозначении изучаемого инструментария, использована терминология, применяемая при экспериментально-трасологических и экспериментально-технологических исследованиях [Волков, 1999].

Итогом микроскопического и экспериментально-технологического анализа материалов коллекции стало выявление особенностей производства количественно значительной серии изделий. Приведены данные по определению инструментария, использованного в процессе обработки изделий.

Предмет 1 (коллекционный номер ОФ Музея БНЦ СО РАН–508) представляет собой небольшую гальку черного кремнистого материала с красноватыми прожилками подтреугольной формы (рис. 1, *1*). Размеры изделия: длина 17 мм, ширина в средней части 12 мм, диаметр отверстия 3 мм.

Первоначальным этапом работы с камнем явилось образование плоскостей путем пришлифовки артефакта на мелкозернистой, жесткой абразивной поверхности. В результате

* *Работа выполнена в рамках ФПЦ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-213 годы (госконтракт 02.470.11.0353), программы Президиума РАН «Культурное наследие населения Юга Дальнего востока России в эпоху неолита и раннего металла» 25.1.3. и по плану НИР IX.81.1.1. Развитие культурных традиций и адаптационные стратегии древнейшего населения Северной и Центральной Азии*

операции были сформированы две противолежащие плоскости (не параллельные друг друга и не полностью совпадающие с естественной уплощенностью заготовки).

Второй этап – двустороннее сверление. Использовался, предположительно, специально подготовленный инструмент. Сверление качественное, с оборотом орудия более 180 градусов; вероятно лучковое, о чем свидетельствует заметное отклонение оси вращения инструмента от перпендикуляра к плоскости обработки.

Последующими операциями явилось стачивание на жестком абразиве изначально приостренных углов заготовки и полировка изделия на мягкой коже. В ходе последней операции, вероятно, слегка загрязненная поверхность шкуры оставила на артефакте фрагментарные, неглубокие царапины.

Предмет 2 (артефакт с коллекционным номером 517) представляет собой симметричную округлую бусину-пронизку, уплощенную, выполненную из раковины речного моллюска (рис. 1, *2*). Размеры изделия: внешний диаметр 17 мм, внутренний – 7 мм.

Поверхность артефакта несет следы тщательной завершающей отделки посредством полировки о мягкую шкуру. Следы такого рода работы распространены на торцы изделия и одну из плоскостей. Вторая плоскость не обработана и сохраняет естественную, шероховатую поверхность. Двустороннее сверление отверстия выполнено проверткой из относительно твердого материала с рабочим оборотом менее 180°. Способ обработки периметра изделия не установлен.

Предмет 3 (артефакт с коллекционным номером 518) аналогичен морфологически предыдущему изделию, изготовлен из камня (рис. 1, *3*); размеры: внешний диаметр 10 мм, внутренний – 6 мм. Сохранность поверхности изделия плохая. Этапность и способы обработки установить крайне затруднительно. Выработка отверстия произведена с двух противолежащих сторон проверткой с рабочим оборотом менее 180°. Для окончательной отделки артефакта произведена полировка о кожаную поверхность.

Предмет 4 (артефакт с коллекционным номером 516) представляет собой плоское асимметричное изделие на пластине белого талька (рис. 1, *4*). Длина изделия 22 мм, максимальная ширина 13 мм, диаметр отверстия 6 мм.

Уплощенная поверхность изделия представляет собой результат преднамеренного раскола заготовки. Очевидно, это было первым этапом работы с артефактом. Следов обработки галечной поверхности не прослеживается, но именно с этой стороны, предположительно, проверткой произведена выработка крупного отверстия в артефакте. Точка сверления смещена к краю изделия, очевидно, сознательно, так как последующей задачей работы с заготовкой было совмещение созданного отверстия с краевой выемкой на латерали. Для формирования упомянутой выемки произведено два несквозных сверления со стороны плоскости продольного раскалывания артефакта. Способ обработки зоны соединения выемки и основного отверстия не установлен – завершающий этап обработки изделия (полировка о мягкую кожу) уничтожил следы такого рода работы.

Предмет 5 (артефакт с коллекционным номером 506) выполнен на гальке талька розовато-серого тона (рис. 1, *7*). Изделие довольно крупное для категории нательных украшений. Его размеры: длина 37 мм, ширина 13 мм, диаметр отверстия 3 мм.

Технология производства этого изделия очень похожа на работу с артефактом 516: выемка основного отверстия с помощью развертки (на этот раз с двух противолежащих сторон) и последующее формирование соединения его с выемкой на латерали. «Сверление» с каждой из сторон производилось одним и тем же инструментом, но в несколько попыток. Вероятно, эта же провертка использовалась и как резчик, но с несколько странной кинематикой – на заключительных этапах формирования отверстия ею совершались движения, более характерные для работы стамеской.

Для второго этапа работы, для расширения устья отверстия, очевидно использование резчика (возможно, из неретушированного отщепа) с узким рабочим краем. Работа этим инструментом проведена относительно небрежно. Следы резания выходят далеко за зону необходимой обработки.

В финальной стадии работы с артефактом, предположительно, тем же резчиком, на одной из плоскостей изделия произведена и выработка щелевидной прорези, совмещенной с основным отверстием.

На этой же плоскости артефакта, на выступающих частях поверхности, отмечаются следы его относительно непродолжительного контакта с поверхностью мягкой кожи.

Предмет 6 (артефакт с коллекционным номером 507) представлен двумя фрагментами изначально, вероятно, единого кольца (рис. 1, *5, 6*). Технология изготовления фрагментов идентична, материал аналогичен. Это позволяет предположить, что оба фрагмента от одного изделия. Кольцо уплощенное, максимальная толщина кольца 21 мм, минимальная – 7 мм.

Первоначальным этапом работы являлась выборка центрального отверстия и обработка изделия по периметру. Работа производилась, предположительно, резчиком. Движения инструмента линейны. На втором этапе обработки использовалась крупнозернистая, плоская, жесткая абразивная поверхность, по которой изделие перемещалось возвратно-поступательными движениями. Значительная часть линейных следов может быть интерпретирована и как работа резчика для нанесения орнаментации (о чем свидетельствует непараллельность наблюдаемых следов с маловероятным их генезисом от абразивного воздействия). На финальной стадии работы производилась легкая полировка изделия на кожаной поверхности, фрагментарные следы которой отмечаются на плоскостях и торцевой части артефактов.

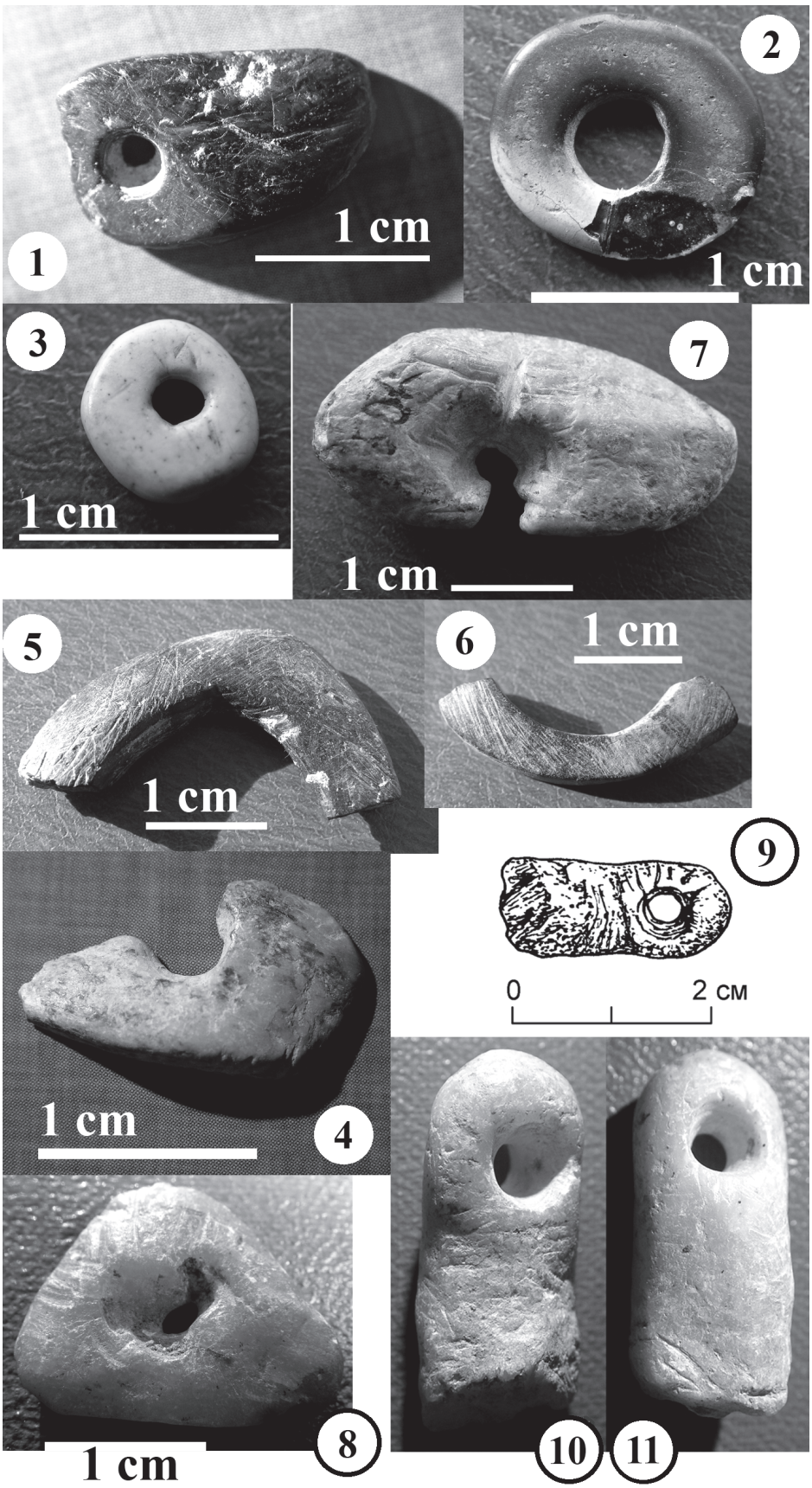
В целом, технология обработки материалов характеризуется определенной, свойственной эпохе, архаичностью. Однако яркой чертой, характеризующей используемую технологию, следует считать эпизодическое применение пришлифовки изделий. Данная операция осуществлялась для придачи артефакту определенной формы путем обработки контура уплощенных заготовок. Обработки широких площадей не производилось.

Установлен факт использования следующих приемов обработки камня: скалывание, разнообразное сверление, резьба, шлифовка, полировка (подробнее об использованной терминологии инструментария [Волков, 1999, с. 17-29]. В процессе обработки изделий использовались следующие обрабатывающие инструменты: отбойники, ретушеры, лучковые сверла, провёртки, развёртки, резчики, шлифовальные плитки. Судя по следам, оставленными инструментами на поверхности обрабатываемых материалов, следует особо отметить использование таких высокотехнологичных инструментов как сверла с относительно узким, тщательно подготовленным рабочим участком. Все остальные перечисленные выше инструменты использовались в работе предположительно без специальной подготовки рабочих краев. Рабочее время, затраченное на производство обследованных изделий коллекции, можно охарактеризовать как относительно непродолжительное.

В целом, на основе анализа совокупности материалов памятника, использовавшуюся технологию можно охарактеризовать как позднепалеолитическую с инновационными, для данного времени, элементами сверления и использования пришлифовки изделий при их формообразовании.

Генезис зафиксированной техники пришлифовки узких граней изделий из камня, с технологической точки зрения, может быть следствием опыта применения отжимной обработки заостренных, относительно тонких краевых участков обрабатываемых предметов. Незначительное изменение кинематики работы на наковаленке-ретушере вполне логично могло привести к удачным результатам при выравнивании краев изделий не только посредством отжима, но и путем их стачивания.

Фиксируемые факты использования шлифовки при формообразовании изделий из камня в исследуемое палеолитическое время могут рассматриваться как уникальные. Причем, и это следует особо подчеркнуть, технологический анализ изделий исследованной коллекции свидетельствует о, вероятно, первых, еще только «пробных» попытках использования абразивных технологий в эпоху палеолита.



Более поздние по времени находки памятника приурочены к комплексу артефактов уровня залегания 2. Литологически культуровмещающий слой характеризует суглинок светло-серый лессовидный, белесый, опесчаненный, сильно карбонатизированный, при высыхании пылеватый, с включением линз и отдельных зерен дресвы, щебня, небольших глыб. В подошве слой неровный, карманообразный, карманы широкие, глубиной до 10 см. Наблюдается

концентрации глыбового материала в средней части слоя. Археологический материал и фаунистические находки 2-го уровня приурочены к средней части слоя. Мощность слоя в среднем 0,28-0,55 м. Культуросодержащие отложения датированы от 22 до 40 тыс. л.н. по данным РТЛ (корректные образцы). Мы склонны оценивать возраст комплекса в пределах верхних границ, поскольку естественнонаучные данные (литологические, палинологические и палеопедологические) определяют культуровмещающие отложения не ранее финала каргинского периода – 25-30 тыс. л.н. Имеющаяся дата по С-14 (уровень 2, раскоп 2), полученная в лаборатории радиоуглеродного датирования Аризонского университета, г. Туссон – 26 220±550 л.н. не противоречит общим представлениям о времени формирования данного комплекса [Лбова, 2000].

Интересующие артефакты представлены в коллекции двумя изделиями.

Бусина треугольной формы из розового талька, линзовидная в сечении с биконическим отверстием (рис. 1, *8*). Углы предмета закруглены. Размеры сторон треугольника: 16,76-14,71-15,85 мм, максимальная толщина предмета 4,1 мм. Отверстие расположено в центральной части, имеет неправильную форму, размеры 1,3х1,0 мм. Артефакт имеет хорошую сохранность поверхности, на которой, при микроскопическом исследовании, были выявлены отчётливые следы производства изделия. Анализ следов дал основание утверждать, что использовалось два типа обрабатывающих инструментов: резец и провёртка.

Предположительно, первым этапом работы было формирование сквозного отверстия в изначально естественно-уплощенной заготовке. Формирование отверстия производилось с двух противолежащих плоскостей заготовки проверткой с рабочим оборотом вокруг своей оси менее 180°. Рабочий участок провертки не имел достаточной длины, очевидно, не имел и следов специальной подготовки (не был оформлен ретушью).

Вторым этапом формоизменений артефакта явилась выравнивание его плоскостей посредством срезания незначительных выпуклостей. Для этой цели в качестве резца использовалось неспециализированное орудие. Завершающей операцией явилась полировка артефакта на шкуре, предположительно, при опоре на упругую плоскость.

Резец, в функциональном понимании этого термина, схож с резчиком. Но, если резчик, подобно ножу, *расчленяет* обрабатываемый материал. Резец же производит удаление, *выемку* части материала часто в виде стружки. При работе резчиком по краям образующегося канала-углубления происходит уплотнение обрабатываемого сырья. После аналогичного прохода резца плотность по всему объему материала остается практически прежней. Отличаются и следы, оставляемые в материале от работы резца и резчика. Резец благодаря «затупленному» рабочему участку значительно прочнее резчика, не столь глубоко проникает при работе в толщу обрабатываемого материала. Резец имеет более стабильное положение при рабочем ходе. Резчик же более «верток», а, следовательно, более хрупок. Резец можно легко «подточить» подправкой (снятием новой фасетки). Резчик же после ретуширования его рабочего края превращается фактически в плохой резец. Орудие теряет свое основное преимущество (эффективно расчленять) и начинает приобретать качество резца (удалять при работе частицы обрабатываемого материала). В работе оба орудия имеют определенную специализацию. Если резчик удобнее использовать для сложных, можно сказать, ювелирных работ по дереву, кости, рогу, камню, то резцом сподручнее делать более грубую работу.

Провертка использовалась как ручной инструмент и удерживалась таким образом, что ее рабочий ход по окружности всегда меньше 180°. Образуемое инструментом углубление имеет, как правило, коническую форму. Обрабатываемый материал обычно сравнительно мягкий. Сверло отличает от провертки, прежде всего, скорость его вращения и угол поворота инструмента вокруг своей оси. Каменная часть инструмента является лишь небольшой частью сложной конструкции сверла, а его разворот в ходе работы всегда значительно больше 180°. Работа ручным сверлом заметно эффективнее работы. Иными по сравнению с проверткой выглядят морфологические признаки изделия. Отличается, соответственно, след, оставляемый им в обрабатываемом материале. Сверло способно вырабатывать сравнительно удлиненные отверстия, формой приближающиеся к цилиндру.

Следы работы провёртки отчётливо фиксируются. Погружение обрабатывающего инструмента в материал происходило сравнительно легко и на фотографиях хорошо заметны (отмеченные стрелками) участки остановки вращательно-поступательного движения провёртки.

Достаточно отчётливых следов утилизации на поверхности артефакта не выявлено, однако предположительно изделие можно определить как подвеску-бусину, или часть более сложного украшения.

Второе изделие представляет собой продольно удлиненное изделие из зеленовато-молочного талька – мономинерального средне чешуйчатого агрегата (определение к.г.-м.н. Н.А. Кулик). Размеры изделия: по длинной оси 22,46 мм – ширина «головки» 9,95 мм – ширина «туловища 9,90 мм – минимальная толщина изделия 6,18 мм, максимальная толщина 7,38 мм. Отверстие диаметром 2,7 мм. Верхняя часть изделия (рис. 1, *9-11*) округлая, имеет небольшое утолщение (валик), на котором выполнены радиальные нарезки (риски), длина которых в среднем 1,5-1,9 мм, хорошо прослеживаются 11 рисок. Всего, предположительно, было нанесено 12 или 13 нарезок, исходя из предполагаемой симметрии орнамента.

Верхняя часть подвески отделена проработанным углубленным и оконтуренным пояском, ширина которого 2,16 мм. Ниже, в зоне «туловища» отмечены отдельные глубокие следы, царапины, намеренные нарезки, расположенные довольно хаотично. В нижней части предмета, в центре отмечается небольшой объемный симметричный выступ, выполненный намеренными формообразующими действиями резца.

Артефакт имеет хорошую сохранность поверхности, на которой, при микроскопическом исследовании, были выявлены отчётливые следы производства изделия и его утилизации. Анализ следов дал основание утверждать об использовании также двух типов обрабатывающих инструментов: резца и провёртки.

Процесс изготовления артефакта имел несколько этапов. Первоначально, вероятно, уплощенно-овальная заготовка подверглась двустороннему «сверлению» с помощью провертки. Работа инструмента производилась с одной точки на каждой поверхности. Отверстие выполнено качественно, его поперечное сечение почти симметрично.

На втором этапе работы с изделием производилось формообразование поверхностей с помощью резца. Резцом выполнен ряд желобообразных линий, которые можно интерпретировать как орнаментальные. Однако, помимо этого, резец применялся и для нетипичной для подобного инструмента работы, как и на артефакте, описанном выше. С помощью резца производилось формирование рельефа изделия, формирование его объемной конфигурации.

Следы утилизации артефакта представлены в виде характерных следов заполировки, образующейся от контакта изделия с относительно мягкой, вероятно, органической поверхностью. Примечателен факт выделения такого рода следов только с одной стороны изучаемого артефакта. Это может свидетельствовать о довольно специфической системе вязки изучаемой подвески. То, что изделие таковым являлось – не вызывает сомнений. Характерная заполировка, образовавшаяся вокруг отверстия изделия и дислокация описанной выше зоны вполне могут дать основание для реконструкции утилитарного положения подвески.

Нижний фрагмент подвески утрачен. Следы излома зафиксированы при микроскопическом исследовании это участка. Однако рассмотрение совокупности следов обработки артефакта дает основания видеть определенную антропоморфность в общих очертаниях изделия.

В забайкальских комплексах начального периода верхнего палеолита предметы так называемого неутилитарного назначения, свидетельствующие о символотворчестве древнего человека, составляют особую категорию. Хорошо известны материалы таких комплексов как Толбага, Каменка, Варварина. Гора, Подзвонкая. Намеренная орнаментация подвесок встречена нами впервые и, следует отметить, что в более ранних коллекциях (уровень 3 Хотыка, Каменка-А, Подзвонкая) этот вид оформления нательного украшения не встречался.

Особо следует остановиться на характеристике следов использования резца. Обычно (в палеолитическое время) резец использовался для формирования различного рода желобообразных углублений в обрабатываемом материале. Резец применялся при изготовлении рукоятей ножей, разнообразных вкладышевых и составных инструментов. На исследуемом же

артефакте резец используется для выполнения совершенно необычных функций – при обработке выпуклых поверхностей в процессе формообразования обрабатываемого изделия. На снимке хорошо видны соприкасающиеся параллельные друг другу трассы, оставшиеся на поверхности изделия вследствие работы резца.

Существует устойчивое мнение – удаление какого-либо «лишнего» объема с изделия в палеолите всегда производилось путем скалывания. В неолите – путем применения абразивных инструментов. Известны отдельные случаи использования абразива для уплощения изделий в позднем палеолите [Деревянко, Шуньков, Цыбанков и др., 2008]. Отмечены следы аналогичной работы, что удивительно, и на более древних артефактах [Деревянко, Шуньков, Волков, 2008].

Использование резца не только для прорези «каналов» в рукоятях вкладышевых инструментов, не только для формирования каких-либо других углубленных участков или уплощения обрабатываемых поверхностей, но и для формирования выпуклой поверхности изделий – случай, редчайший для эпохи палеолита.

Изученные артефакты демонстрируют наличие развитого в технологическом и типологическом отношениях комплекса предметов с устоявшейся системой изготовления и обработки, выраженного в стилистически выдержанных сериях изделий. На серии изученных предметов хорошо прослеживается совершенствование технологии обработки каменных изделий. Вероятно, что столь ещё редкие в палеолите технологии отнюдь не случайно использовались при изготовлении именно неутилитарных предметов. Особое назначение описываемых артефактов определило и неординарность приемов их изготовления. Функциональный анализ коллекции зафиксировал, таким образом, следы зарождения и использования самых передовых, по тому времени, технологий, получивших широкое распространение только на последующем этапе человеческой истории – в неолите.

Дальнейшее изучение подобного рода позднепалеолитических технических приемов будет способствовать дальнейшему нашему пониманию революционной смены технологий в обработке камня человеком в последующую эпоху неолита.

Литература

Волков П.В. Трасологические исследования в археологии Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 192 с.

Волков П.В., Лбова Л.В. Технология изготовления нательных украшений на ранней стадии верхнего палеолита (по материалам Западного Забайкалья) // Вестник НГУ. Сер.: Археология и этнография. – 2009. – Т. 8, вып. 5. – С. 62-73.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Волков П.В. Палеолитический браслет из Денисовой пещеры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2 (34). – С. 13-25.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Цыбанков А.А., Ульянов В.А., Волков П.В. Изучение верхнепалеолитических слоев в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Год. сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 60-66.

Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 240 с.

Лбова Л.В. Ранняя символическая деятельность в комплексах начальной поры позднего палеолита в Забайкалье (структурно-семиотический подход) // Искусство народов Сибири: прошлое, настоящее, будущее. – Омск: Изд-во Омского художественного музея, 2004. – С. 5-9.

Лбова Л.В., Волков П.В. Технологии изготовления предметов изобразительной деятельности в комплексах начальной поры верхнего палеолита в Западном Забайкалье // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-т, 2007. – С. 40-43. – (Труды САИПИ. – Вып. 3).

Ташак В.И. Подзвонкая: палеолитические материалы Нижнего комплекса (Республика Бурятия) // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток: Изд-во ИИАЭНДВ ДВО РАН, 2002. – С. 25-33.

Kuzmin Y.V., Lbova L.V., Jull T.A.J., Cruz R.J. The Middle-to-Upper-Paleolithic Transition in Transbaikal, Siberia: The Khotyk Site Chronology and Archaeology // Current Research. – 2006. – № 23. – P. 23-26.

М.М. Герасимова
Москва, Отдел физической антропологии
Института этнологии и антропологии РАН

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЯ ПРИБАЙКАЛЬСКОГО НЕОЛИТА: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ*

Вопросы о характере антропологических особенностей населения Прибайкалья, о его происхождении и дальнейших судьбах этого древнего населения являются, в известной мере, центральными вопросами антропологии Восточной Сибири. Дело в том, что таежные и лесостепные области Восточной Сибири в силу огромной протяженности и труднодоступности исследованы и в настоящее время выборочно. Лучше всего эта огромная территория изучена в Прибайкалье и Забайкалье. В антропологической литературе лесные культуры V-II тыс. до н.э. довольно устойчиво до сих пор описываются под названием «неолитических». Название это, не имеющее хронологического значения, часто употребляется при описании памятников байкальской культуры (по А.П. Окладникову), территория которой распространялась в бассейне озера Байкал, рек Лены, Енисея и верховьев Амура. Палеоантропологические материалы из Прибайкалья являются, т.о. ключевым пунктом для решения не только сугубо антропологических задач истории формирования антропологических типов Восточной Сибири, но и для решения многих историко-археологических проблем.

О накоплении палеоантропологического материала и его относительной и абсолютной хронологии

Первый антропологический материал из «неолитических» погребений был получен из раскопок Н.И. Витковского в 1880-1881 гг., когда он раскопал могильник в устье р. Китой. В 1887 г. им же были описаны черепа из обширного Глазковского могильника, через который спустя десять лет прошла линия железной дороги [Витковский, 1881, 1887]. Могильник строительством дороги был разрушен, и только незначительная часть плохо датированного археологического и антропологического материала была спасена местным краеведом М.П. Овчинниковым. Он же доставил в Иркутский музей в течение 1900-1911 гг. несколько черепов, обнаруженных при строительных работах. В 1925 г. М.М. Герасимовым было раскопано несколько уцелевших погребений Глазковского могильника, в 1927 г. – пять погребений в саду «Циклодром» в Иркутске [Герасимов, 1955, с. 414 и далее].

К концу 20-х гг. прошлого века известные к этому времени погребения различались по положению скелета, наличию или отсутствию охры или медных вещей. Относительная хронология этих погребений не была разработана. Б.Э. Петри полагал, что погребения с охрой (китойский этап) относятся к позднему неолиту [Петри, 1926], В.А. Городцов датировал их еще более поздним временем, синхронным ямной культуре юга России. Свой обзор общих признаков китойских погребений с ямными он заключал словами: «несмотря на огромное расстояние, отделяющее одну область от другой, погребения доказывают положительную связь их древнейших обитателей. В настоящее время эта связь для нас загадочна и темна, но, при развитии знания разъяснение ее не представит затруднений» [Городцов, 1907, с. 219]. В своей первой работе, посвященной исследованию неолитических погребений, Г.Ф. Дебец, вышедший из палеоэтнологической школы Б.Э. Петри,[1] предложил свою последо-

** Работа выполнена при финансовой поддержке проекта фундаментальных исследований президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»*

вательность погребений: положение тела вытянутое на спине, с охрой, без медных вещей – наиболее ранние, затем – положение вытянутое, без охры и без медных вещей, и, наконец, положение тела скорченное, без охры иногда с медными вещами. Все выделенные типы погребений были отнесены им к относительно узкому временному отрезку позднего неолита, называемому «энеолитом» [Дебец, 1930, с. 8-10]. Именно Г.Ф. Дебецу принадлежит право быть названным первым исследователем палеоантропологии восточносибирского неолитического населения, к исследованию которого он неоднократно возвращался [Дебец, 1930, 1932, 1948, 1951, 1956].

Дальнейшее накопление археологического материала и разработка его дифференциации связана с именем А.П. Окладникова, воспитанника той же палеоэтнологической школы Б.Э. Петри, но в силу определенных причин отказавшегося от концептуальных идей этой школы. Уже в конце 30-х гг. XX в. им были обнаружены сотни погребений на верхней Лене и среднем течении Ангары. В 1938 г. А.П. Окладниковым была предпринята первая попытка дифференциации байкальской культуры [Окладников, 1938]. Впоследствии он предложил развернутую периодизацию неолита и раннего бронзового века Предбайкалья и Забайкалья, разделив ее на хронологические стадии или этапы: хиньский, исаковский, серовский, китойский, глазковский и шиверский [Окладников, 1941, 1950а, 1955]. Следует напомнить нынешнему читателю, что схема эта разрабатывалась в непонятных сейчас жестких рамках стадиализма, в основе которого лежало представление о внутренней структурированности культуры и наличии ряда закономерных стадий или ступеней, выделяемых для культуры на обширной территории.

В 1955 г. с критикой этой схемы выступил М.М. Герасимов, приводя данные, противоречащие этой периодизации, и предлагая свою схему развития байкальской культуры. В частности, он китойский этап датировал более ранним временем, глазковский – более поздним, а место исаковского и серовского этапов помещал между ними. М.М. Герасимовым были отмечены некоторые погрешности в типологических рядах, выстроенных А.П. Окладниковым. Так, с точки зрения М.М. Герасимова, вызывает недоумение, почему техника мелкого кремневого инвентаря, достигшая на серовском этапе совершенства, на китойском – обнаруживает регресс, а затем новый подъем на глазковском этапе. Непонятно, почему сплошь полированные орудия из сланца или нефрита уступают место орудиям со шлифованным рабочим краем, а затем техника шлифовки камня вновь возрождается в глазковское время. Почему вдруг в китое исчезает сложный лук, характерный для серовского этапа.[2] О большой роли лука в глазково свидетельствует количество наконечников стрел из камня и кости, во много раз превосходящее число подобных находок китойского этапа. Не буду вдаваться в детальный анализ аргументации М.М. Герасимова, она изложена достаточно подробно в его работе. [Герасимов, 1955, с. 414-460].

В 1957 г., окончив Университет, как антрополог я работала в экспедиции А.П. Окладникова, принимала участие в раскопках в отряде Л.Я. Крижевской, работавшем в устье р. Белой, в отряде Г.А. Максименкова в устье р. Китоя, в Нижнем Середкино и т.д. Не надо было быть специалистом, чтобы увидеть яркие специфические отличия китойских погребений от прочих раскопанных нами. Спутать эти погребения с очень характерным инвентарем и густо засыпанные красной охрой с погребениями других этапов просто невозможно. В этой связи хочу отметить те внутренние противоречия в схеме А.П. Окладникова, которые с очевидностью бросились мне в глаза еще в начале моей профессиональной деятельности. Характеризуя китойский этап, и в своих ранних работах, и позднее еще не раз возвращаясь к своей схеме членения байкальской культуры, А.П. Окладников отмечал несколько существенных моментов, аналогии которым он не находил среди элементов культуры других этапов или находил в весьма отдаленных культурах или территориях. Это преимущественная роль рыболовства (исключительное и обособленное положение по количеству предметов, связанных с рыбной ловлей); это засыпка погребенных красной охрой, широкое распространение культа кабана-клыкача, появление мужских антропоморфных идолов, погребений мужчин с детьми, погребений по антитезе, двойных погребений [Окладников, 1950а, 1974, 1978]. Казалось бы, что эти характеристики подтверждают точку зрения М.М. Герасимова о том, что китойский

этап «… разрывает стройную картину единого развития материальной культуры Прибайкалья. Он как бы врезается инородным телом между серовским и глазковским этапами, не обнаруживая элементов перехода от серовского к глазковскому. Китойский этап не имеет преемственной связи ни с предшествующим, ни с последующим этапом истории. Такое внедрение инородной культуры можно объяснить только вторжением нового населения на данную территорию, что вряд ли вероятно» [Герасимов, 1955, с. 445-450]. И здесь точки зрения оппонентов сходятся. Особенности китойского комплекса М.М. Герасимов, также как и А.П. Окладников, считал особенностями хронологического развития культуры.

Существенный вклад в решение этой проблемы внесли раскопки в бухте Улан-Хода в районе Малого Моря на Байкале, позволившие Л.П. Хлобыстину сделать вывод о локальном характере памятников китойской культуры, соседствующей с серовской, а по времени существования синхронной ей или времени перерастания серовской в глазковскую [Хлобыстин, 1964, 1965]. В связи с вопросом о самой возможности существования в неолите Прибайкалья локальных культур необходимо вспомнить также работу Г.И. Медведева и Н.А. Савельева о раннем керамическом комплексе многослойного поселения Усть-Белая [Савельев, Медведев, 1973, с. 56-64]. Дискутируя с молодыми тогда исследователями, А.П. Окладников категорически отрицал саму возможность существования в неолите Прибайкалья локальных культур и китойской культуры, в частности. Он настаивал на определении «китоя» как финального этапа неолита, переходного к следующему этапу, обусловленному появлением в быту местного населения металла [Окладников, 1974, с. 8-17]. Дальнейшее накопление материала, изучение археологического материала из раскопок 1959 г. известного могильника Фофаново на Селенге вообще показало, что ни о какой постепенности перехода от группы погребений, сближаемых с китойской культурой, к глазковской говорить не приходится. Между ними имелся значительный хронологический разрыв [Герасимов, Черных, 1975, с. 23-48]. Даже спустя двадцать лет, несмотря на поступательное развитие теории археологических исследований и огромного накопления материала в результате многочисленных экспедиционных работ, А.П. Окладников продолжал придерживаться своей схемы культурно-исторических этапов в рамках стадиальной концепции.

Несмотря на обширную археологическую литературу, в известной мере развивающую взгляды М.М. Герасимова на место китоя в хронологическом членении неолита Прибайкалья и уточняющую процесс сложения голоценовых культур в регионе, схема А.П. Окладникова продолжает иметь место в разработках антропологов [Гохман, 1980; Алексеев, Гохман, 1984]. К сожалению, после указанной сводки обобщающих работ по палеоантропологии этого региона до сих пор не появилось. Но здесь совершенно необходимо остановиться на результатах работ Н.Н. Мамоновой и Л.Д. Сулержицкого по радиоуглеродному абсолютному датированию по костям человека [Мамонова, Сулержицкий, 1989]. Из Приангарья, верховьев Лены, района Малого моря Байкала, Западного и Восточного Забайкалья имеется 274 даты. Полученные радиоуглеродные даты показали, что, действительно, погребения с китойским комплексом погребальной обрядовости (китойский этап или китойская культура – обсуждение соотношений хронологических и культурологических понятий вне компетенции автора настоящей статьи – М.Г.) имеют наиболее ранний возраст из всех анализируемых погребений. Наиболее ранняя дата (по охре) имеется для погребения из местности Ярки в устье Китоя – 7990±350 (ГИН-4469), что может быть не так показательно, однако, дата по костям волка из погребения Райсовет, вероятнее всего, синхронная времени жизни погребенного человека, одна из самых ранних – 7230±40 (ГИН-8841а). Остальные даты варьируют в пределах 6870±70 – 5210±70 для могильника Локомотив, 6750±160 – 6100±400 для погребений в устье р. Белой, самой ранней оказалась группа погребений из Фофановского могильника на Селенге – даты находятся в диапазоне 7610±50 – 6640±140, во всяком случае для погребений №№ 2, 5, 6 – из которых опубликованы черепа [Герасимова, 1992, с. 107-111]. Самым древним оказалось погребение у с. Никольское, череп из которого был опубликован [Гохман, 1977, с. 158-164], и ошибочно принятый мной за глазковский (МАЭ, 5913-16), поскольку он был включен в суммарную серию из Фофаново глазковского времени. Его дата – 8020±100 (ГИН-4805).

Почему я так много места уделила рассмотрению вопроса хронологии памятников прибайкальского неолита, имеющего, казалось, в настоящий момент всего лишь исторический интерес?[3] Проблема периодизации и хронологии памятников напрямую связана с пониманием морфологической дифференциации древних популяций и самой логики развития расогенетических процессов, с вопросом о месте морфологического типа неолитического населения Прибайкалья в систематике рас Северной Азии, о генеалогическом соотношении выделенных типов с современным населением, т.е решением чисто антропологических задач, с одной стороны, а, с другой – с вопросами происхождения и развития археологических культур, направления их связей, и других конкретных задач археологии неолита, и, наконец, с изучением той совокупности исторических процессов, которые имеют место в ходе формирования того или иного народа и приводят к сложению его этнического лица, т.е. этногенетической реконструкцией [Дебец, 1948. с. 323-324, 330-331; Алексеев, 1986, с. 3].

Об антропологических особенностях древнего населения Прибайкалья и о гипотезах его происхождения

Возвратимся к истории палеоантропологического изучения, так называемого, прибайкальского «неолита», к работам Г.Ф. Дебеца, занимающим особое место в этих исследованиях. Работам, до сей поры не потерявших своей концептуальной энергетики, несмотря на значительное увеличение конкретного палеоантропологического материала, уточнение датировок, и даже смену парадигмы.[4]

Итак, первая публикация Г.Ф. Дебеца появилась в 1930 г. Молодой исследователь собрал и измерил все имеющиеся в то время неолитические черепа из Прибайкалья из могильников по берегам Лены, Ангары и ее притоков – Иркута, Китоя и Белой, а также Селенги. В его распоряжении оказалось 59 черепов. Корреляционный анализ суммарной серии позволил выделить два типа: монголоидный, долихокранный, с низким черепом, который он назвал байкальским типом палеосибирской расы, и европеоидный, мезокранный с более высоким черепом, аналогии которому он видел в черепах андроновской культуры и неолитических черепах Ладожского канала. Кроме того, им был проведен анализ по методу Я. Чекановского, который увеличил число выделенных вариантов. Причем только два из пяти соответствуют типам, выделенным в ходе корреляционного анализа, остальные относятся к вариантам, промежуточным между ними. К слову сказать, впоследствии Г.Ф. Дебец стал ярым противником метода Чекановского [Дебец, 1959]. В работе 1932 г. вывод о присутствии европеоидного варианта был подтвержден сравнением костей скелета. Костяки, чьи черепа несли на себе некоторые европеоидные признаки, оказались по своим метрическим характеристикам ближе к костякам из могильников андроновской культуры, чем к костякам с черепами монголоидного облика [Дебец, 1932]. В работе 1948 г., своей знаменитой «Палеоантропологии СССР», Г.Ф. Дебец анализирует сборную серию уже из 80 черепов, дополненную сборами из обширных раскопок А.П. Окладникова 1936-1937 гг. Серия опять рассматривается суммарно, без какого-либо членения на хронологические группы. Однако, новый материал позволил распределение по географическим районам: верхнее течение Ангары, среднее течение Ангары и верхняя Лена. Оказалось, что небольшая группа средне-ангарских черепов имеют ярко выраженные монголоидные особенности. На Лене европеоидная примесь проявляется несколько больше, чем на Ангаре, причем и череп там более высокий. Кстати, Г.Ф. Дебец делает как бы между прочим одно интересное замечание, как окажется впоследствии, весьма существенное: большая высота черепа и менее выраженная «монголоидность» (кавычки – мои. М.Г.) связаны, скорее, с понижением, чем повышением черепного указателя. В неолите Прибайкалья намечается три типа: 1 – эскимоидный (среднее течение Ангары), 2 – палеосибирский (верхнее течение Ангары и Лены), 3 – европеоидный, только в виде примеси (верховья Ангары и Лены). Дальнейшее накопление палеоантропологических материалов и изучение физических особенностей современных народов Северной Азии в ходе предпринятых Г.Ф. Дебецем экспедиций на Чукотку и Камчатку неожиданно привели его к заключению о том, что антропологический тип неолитических насельников Прибайкалья представляет собой недифференцированный вариант, древнюю форму, не обнаруживаемую в современном населении. Суммарная характеристика неолитического населения отличалась своеобразием

по сравнению с современными монголоидными группами: черепа имели больший угол выступания носовых костей, менее высокое лицо и орбиты, менее уплощенный лицевой скелет. Средние метрические характеристики указывали на сходство неолитических черепов Прибайкалья с черепами индейцев шомоне, пуэбло. Логическим продолжением этих взглядов явилось представление о некоей протоморфности неолитического населения, близости к исходному азиатско-американскому типу. По отношению ко всем современным антропологическим типам населения Сибири палеосибирский тип неолитического населения занимает, примерно, такое же положение, как кроманьонский или протоевропейский тип по отношению к современным типам европеоидной расы» [Дебец, 1951, с. 95]. Что послужило аргументами к принятию такой точки зрения? Новый значительно более многочисленный материал побудил Г.Ф. Дебеца распределить черепа не только по территориальным (верхнеленская, верхнеангарская и среднеангарская) группам, но и по хронологическим (исаковско-серовская, китойская, глазково-шиверская). Анализ краниологических характеристик этих групп показал отсутствие между ними различий, которые бы указывали на большую или меньшую степень «европеоидности» отдельных хронологических или территориальных групп. Отличия между ними не обнаруживали закономерных сочетаний. Повсеместное распространение таких специфических особенностей является аргументом в пользу объяснения отличий неолитического населения Прибайкалья от современного сохранением древних «американоидных» признаков. Однако, как взыскательный исследователь, Г.Ф. Дебец пишет, что в свете этих данных предлагаемая им гипотеза представляется хотя и более вероятной, но недоказанной [Дебец, 1951, с. 93]. Каких-либо конкретных находок, подтверждающих его гипотезу, тогда еще не было. Однако, в своей последней работе, посвященной этой проблематике, Г.Ф. Дебец публикует новую очень интересную находку черепа из местности Туой-Хая. Этот череп, представляющий собой случайную находку на берегу р. Чоны, притока Вилюя в западной Якутии, по косвенным соображениям был определен как неолитический. Он обнаруживает выраженные монголоидные черты: очень плоское, исключительно широкое лицо, слабо выступающий нос. Г.Ф. Дебец акцентирует внимание на таких особенностях, как низкое лицо и низкие орбиты, и рассматривает эти особенности не как индивидуальную вариацию, а как свидетельство существования на территории Сибири протоморфного типа [Дебец, 1956].

Идея недифференцированности, протоморфности антропологического типа древнего населения Прибайкалья вызвала возражения как теоретического, так и фактического плана. Одним из серьезных оппонентов был М.Г. Левин, контраргументы которого и в настоящее время не утратили своей убедительности и, в известной степени, сыграли свою роль в формировании современных представлений таких исследователей, как В.П. Алексеев и И.И. Гохман [Левин, 1953, 1956, 1958; Гохман, 1980; Алексеев, Гохман, 1984]. Контраргументы М.Г. Левина кратко сводились к следующему. 1. Все имеющиеся материалы неолита и бронзы за пределами Западного Прибайкалья (черепа из Фофаново, череп с р. Шилки, из Богучана, Туой-Хая) свидетельствуют о несомненной монголоидной принадлежности населения к востоку от Байкала. 2. Внутригрупповой анализ наиболее представительной серии из Верхоленского могильника (содержащего погребения серовского и глазковского времени) показал наличие исторических корреляций между признаками, наиболее отчетливо дифференцирующими монголоидные и европеоидные группы, что является основанием для выделения в серии европеоидного компонента. 3. Различия между краниологическими характеристиками серий из Западного Прибайкалья и черепов из более восточных районов трудно объяснимы гипотезой недифференцированности и легко объясняются метисной гипотезой.

Насколько эта проблема сложна и далека от разрешения иллюстрирует факт привлечения оппонентами для своей аргументации одних и тех же находок. Я имею в виду череп из Туой-Хая.

В 60-е гг. прошлого века в связи с изучением черепов из Фофановского могильника, из раскопок М.М. Герасимова 1959 г. [Герасимов, Черных, 1975] и явным своеобразием краниологического комплекса китойских черепов из этого могильника я воспользовалась данными Г.Ф. Дебеца, опубликованными в уже упоминавшейся работе 1951 г. Расположив серии согласно схеме М.М. Герасимова, я попыталась проследить изменения характеристик черепов

по этапам, и здесь, в отличие от Г.Ф. Дебеца, мною была обнаружена определенная закономерность. Хотя в каждом отдельном случае разница в величине признака может быть и недостоверной, но направленность отличий говорит об определенной тенденции. Угол носа на черепах китойского времени меньше, чем на черепах серовского и глазковского этапов. Увеличение % антропинных форм нижнего края грушевидного отверстия идет от китойских к серовским и глазковским черепам. Уменьшение горизонтальной уплощенности лица на уровне назиона также происходит в этом направлении. Черепа китойского времени отличаются более узким лбом, более низким черепом, чем черепа серовского или глазковского этапов. Поскольку анализ материалов из Верхоленского могильника, проведенный М.Г. Левиным, подтверждает отсутствие типологических отличий между сериями серовского и глазковского этапов, я позволила себе объединить черепа ранней и поздней групп (по Окладникову). Различия выявились еще более определенно. Таким образом, «наибольшая относительная выраженность европеоидных признаков» (это выражение Дебеца ни в коем случае нельзя понимать буквально) наблюдается на черепах ранней и поздней, по А.П. Окладникову, групп, а китойские черепа выделяются из всей совокупности неолитических черепов Прибайкалья, отличаясь как от серовских, так и глазковских. Обособленное положение китойских черепов среди неолитических черепов Прибайкалья, отличие китойского культурного комплекса от серовского и глазковского – эти факты показались мне весьма показательными. Своеобразие китойских черепов могло быть объяснено их древностью, протоморфностью. Протоморфность черепов, несущих на себе противоречивое сочетание признаков, из могильника Локомотив, Китойского и Качуга на Лене отмечал М.М. Герасимов [Герасимов, 1955, с. 416-420]. В серовское время, в эпоху развитого неолита, можно констатировать активные контакты с западом. Начавшийся в неолите контакт с европеоидным населением, проживающим в исаковско-серовское время в Канской лесостепи [Герасимова, 1964] в серовское время делает европеоидную примесь настолько ощутимой, что это определяет облик неолитического населения серовского и глазковского этапов, в отличие от китойского. Отсутствие типологических различий между серово и глазково дает основание считать, что появление металла не сопровождалось усилением европеоидной примеси. Эти мои соображения появились в печати спустя тридцать лет [Герасимова, 1992].

Следующий крупный этап в изучении палеоантропологии неолита Прибайкалья связан с именем Н.Н. Мамоновой, принимавшей самое деятельное участие в сборе материалов в составе экспедиций А.П. Окладникова в 50-е гг. прошлого столетия, в приведении в порядок коллекций из старых сборов, хранящихся в Иркутском краеведческом музее. Ею были перемерены также все сохранившиеся черепа, изученные когда-то Г.Ф. Дебецем, по более полной программе, вошедшей в практику палеоантропологических исследований в 50-е гг. прошлого века, включая углы горизонтальной профилировки. Напомню также о ее вкладе в науку как организатора работ по углеродному датированию погребений по костям скелета, о чем я писала выше. Стараниями Н.Н. Мамоновой численность суммарной серии увеличилась до 149 черепов. Надо сказать, что новая сводка Н.Н. Мамоновой, хотя и не привела к существенной переориентировке взглядов в свете рассмотренных гипотез о природе прибайкальского «неолита», отчетливо показала, что различия между группами превосходят таковые в гомогенных популяциях. В своей сводной работе В.П. Алексеев и И.И. Гохман полагали, что эти различия касаются признаков, дифференцирующих европеоидов и монголоидов [Алексеев, Гохман, 1984]. Однако, позволю себе не согласиться с утверждением этих авторов. Как раз напротив, Н.Н. Мамонова отводила ничтожную роль европеоидным популяциям в формировании антропологического типа древнего населения Прибайкалья. Термин «недифференцированность» употреблялся ею в том же плане, что и вышеупомянутыми авторами при оценке находок из Усть-Бельского могильника (р. Анадырь), Диринг-Юряха и некоторых других, сочетающих черты крупных расовых подразделений современного населения Восточной Сибири (арктической, центральноазиатской и байкальской рас) [Алексеев, Гохман, 1984, с. 34]

Как мне представляется, на формирование взглядов Н.Н. Мамоновой оказала большое влияние работа Ю.Г. Рычкова «Некоторые популяционно-генетические подходы к антропологии Сибири» [1969]. Ю.Г. Рычков в своих построениях исходил из взгляда на современное

разнообразие антропологических типов Сибири, как результата микроэволюционных преобразований единого генофонда первоначальных насельников Северной Азии. В этом процессе генетической дивергенции, анализируемом на основании данных генетики, происходящей в рамках единой системы, основная роль принадлежит фактору изоляции при малых эффективных размерах популяции. В свете этой точки зрения Ю.Г. Рычков выступил с критикой типологического подхода к краниологическим характеристикам неолитического населения Прибайкалья с позиций большей или меньшей выраженности «европеоидности» или «монголоидности». Такому взвешиванию антропологических особенностей на «европеоидно-монголоидных» весах противоречит распространение между Енисеем и Леной, включая горы Восточных Саян, своеобразного морфологического типа, противоречиво сочетающего в себе резко выраженную «монголоидность» (темную пигментацию, крайне плоское и широкое лицо) с менее «монголоидными» особенностями (низкое лицо, довольно выступающее переносье, почти полное отсутствие гена В и высокую концентрацию гена 0 групп крови АВ0). В этом комплексе можно усмотреть переживание, возможно, в силу былой изоляции, особенностей протоморфного варианта монголоидной расы. Ретроспективно с этим типом можно связать череп с Бугачана и Туой-Хая.

Таким образом, суммарное изучение населения неолитического Приангарья продолжало оставлять нерешенной проблему места этой древней группы населения в рамках существующей расовой систематики, хотя в настоящее время в различных модификациях метисная гипотеза приобретает все большую аргументированность. Этому способствует как увеличение материала в самом Прибайкалье, так и палеоантропологическая изученность смежных территорий.

Н.Н. Мамонова наибольшее внимание в своих исследованиях придавала сравнительному анализу краниологических характеристик хронологических и территориальных групп [Мамонова, 1973, 1980, 1983]. Приняв в качестве рабочей гипотезы идею М.М. Герасимова о культурном своеобразии китойского этапа и протоморфности носителей китойского культурного комплекса, Н.Н. Мамонова, в отличие от автора идеи, стала развивать гипотезу пришлого происхождения китойского населения. Те небольшие различия, которые наблюдались между серовцами и глазковцами, вызваны, с ее точки зрения, влиянием китойского населения, которое жило здесь недолго и пришло, видимо, с юго-востока, с территории Забайкалья. Эту же точку зрения разделял В.Н. Чернецов, считая китойскую культуру результатом проникновения на верхнюю Ангару в поздне-серовское время даурского населения [Чернецов, 1973].

Результаты межгруппового анализа, проведенного Н.Н. Мамоновой, показали, что различия между территориальными группами выражены сильнее, чем между хронологическими. Таким образом, по соотношению общих размеров лица и черепа и степени уплощенности лица можно говорить о существовании двух больших региональных групп – ангаро-ленской и забайкальской. Однако, комплекс признаков, характеризующий уплощенность лица, соотношения общих размеров лицевой и мозговой частей черепа, а также набор и частоты встречаемости неметрических признаков позволяют сближать между собой китойцев Приангарья и Забайкалья [Мамонова, 1973, 1983]. Н.Н. Мамоновой были сделаны интересные наблюдения более частного характера, которые несут в себе определенную историческую информацию. Например, ангарская и ленская группы населения в серовское время различались сильнее, чем в глазковское; серовская и глазковская группы на Ангаре обнаруживают большее сходство, чем эти же группы на Лене. Не говорит ли это о направлении связей древнего населения? Представляет интерес наблюдение, что черепа из Братского и Серовского могильников, из разных зон концентрации могильников на Ангаре, значительно отличаются друг от друга. Возможно, этот факт подтверждает точку зрения А.П. Окладникова о совпадении зон концентрации могильников с территорией расселения родов.

Целенаправленно проблемами палеоантропологии неолита и ранней бронзы Прибайкалья после работ Н.Н. Мамоновой практически никто не занимался. Хотя заслуживает упоминания работа В.И. Хартановича [1986]. Динамика антропологических типов в неолите и энеолите Прибайкалья оценивалась с помощью таксономических расстояний, вычисленных по

Пенрозу в модификации А.Г. Козинцева. Хотя В.И. Хартанович не ставил себе специальной задачи выделить из всей совокупности анализируемых серий китойскую, внутригрупповой анализ суммарной прибайкальской серии показал обособленное положение этой группы от других прибайкальских и близость к суммарной фофановской серии. С другой стороны, расстояния между ангарскими серовскими и глазковскими черепами были настолько малы (от 0,05 до 0,13 в зависимости от набора признаков), что можно было говорить об их идентичности и, следовательно, о прямых генетических связях «серовцев» и «глазковцев».

Спорадически возникавший интерес к этой тематике после фундаментальных исследований Н.Н. Мамоновой был обусловлен отдельными новыми находками в Прибайкалье и с территории Восточной Сибири. Можно упомянуть публикацию М.М. Герасимовой серии черепов из «сидячих» погребений могильника Шумилиха на р. Белой, где также опубликованы ее измерения черепов из могильника Улярба (раскопки Л.П. Зяблина в 1959 г.), и некоторые метрические характеристики черепов из китойских погребений Ангары, Лены и Селенги [Бронзовый век.., 1981]. Интереснейший материал происходит из могильника Шаманка II, раскопанного В.И. Базалийским [Базалийский и др., 2006] на юго-западном побережье Байкала. К сожалению, публикация носит предварительный характер, особенно это касается исследования палеоантропологического материала. Авторы отмечают некоторые особенности в ритуале захоронений, новые, неизвестные ранее категории предметов в составе погребального инвентаря, находки, позволяющие предположить культ медведя, и т.о. подчеркивают существенные территориальные различия в погребальной обрядовости «китойцев» на территории Байкальской Сибири. Одну локальную группу погребальных комплексов представляют могильники Локомотив, Китой, Усть-Белая и Галашиха в Южном Приангарье. Вторую – могильники Макрушино, Юшино, Ст. Качуг и др. на верхней Лене. И третью – вероятнее всего, могильник Шаманка и отдельные погребения с юго-западного побережья Байкала. Краниологическая серия из Шаманки, изученная Д.В. Пежемским, обнаруживает особенности, выделяющие ее из всей совокупности территориально-хронологических групп. Она наиболее малоголова и узколица (в пределах больших все-таки величин признака). Наибольшие различия «китойцы» Шаманки обнаруживают с «китойцами» ленской группы. Имеющиеся краниологические серии из этих локальных территорий обнаруживают различия, что может свидетельствовать о разнородности, отсутствии антропологической консолидированности ранненеолитического населения.

Палеоантропология неолита Забайкалья и внутренних районов Восточной Сибири

В непосредственной связи с решением вопроса о характере особенностей прибайкальского «неолита» находится изучение палеоантропологии смежных, более восточных территорий, прежде всего Забайкалья. Первый материал из Забайкалья происходил из раскопок М.М. Герасимовым в 1931-1936 гг. нескольких погребений Фофановского могильника на Селенге, из раскопок Сосновского могильника Тологой и случайных сборов в местностях Тудгу-дабан и Кокуй. Опубликованы они были Г.Ф. Дебецем, который писал, что они принадлежали представителям азиатского расового ствола. «В отношении более детальной характеристики ничего сказать нельзя: имеющиеся данные указывают на большое разнообразие в строении черепной коробки» [Дебец, 1948, с. 55-56]. Позднее серия неолитических и энеолитических черепов была пополнена в результате раскопок А.П. Окладникова в 1948-1950 гг. Черепа, изученные Г.Ф. Дебецем, и новые черепа, датируемые глазково, изученные И.И. Гохманом [1954], по мнению последнего автора, отличаются удивительным единообразием и по выраженности монголоидных признаков не уступают краниологическим сериям современных монголоидов Сибири, но заметно отличаются от них низким лицом. Поскольку у автора не было оснований объяснять эту особенность европеоидной примесью, то был сделан вывод о своеобразии антропологического типа, характерного для Фофановского могильника, в расовой систематике монголоидов. Наиболее вероятной представлялось предположение, что этот антропологический тип является древней формой, не встречаемой среди современного населения. Напомню, что выводы эти были сделаны более полувека тому назад. Позднее этот особый тип, которому приписывается значительная древность, получил название катангского, его отличительной особенностью была сильная выраженность монголоидных признаков

при тенденции к понижению высоты лица [Рычков, 1961, 1969]. Новые поступления и увеличение серии в результате раскопок М.М. Герасимова в 1959 г. [Герасимов, Черных, 1975] показали, что вывод о низколицести забайкальского населения был преждевременен. Суммарная серия из Фофановского могильника, включающая в себя и вновь полученные материалы, и ранее опубликованные, не отличается по высоте лица от бурятских или тунгусских черепов и морфологически занимает промежуточное положение между центральноазиатскими и байкальскими монголоидами. Отчетливо выраженные плосколицесть и высоколицесть Фофановской серии подтверждают монголоидность забайкальского населения и, тем самым, наличие европеоидной примеси в Прибайкалье [Гохман, 1980; Алексеев, Гохман, 1984, с. 33]. Между тем, среди черепов из раскопок 1959 г. не все черепа происходили из погребений глазковского времени, как ранее изученные. Три мужских черепа датировались китойским временем. Мной было отмечено их значительное своеобразие. Они отличались массивностью, крупными размерами черепной коробки и лицевого скелета, узким покатым лбом, сильной уплощенностью переднего плана широкого и высокого лица. С другой стороны – для них характерна общая архаика облика и некоторые конструктивные особенности, не свойственные консолидированному монголоидному типу более позднего времени: «европеоидная» форма скуловой вырезки верхнечелюстной кости, четко выраженная клыковая ямка, невысокие орбиты, некоторая мезогнатность [Герасимова, 1992, с. 97-111]. Эти специфические протоморфные особенности китойских черепов сближают их с китойскими черепами из Приангарья. Позднее, в эпоху развитого неолита (серово) и ранней бронзы (глазково) эти территориальные группы начинают довольно сильно различаться, возможно, в силу того, что приток европеоидного населения в Забайкалье был слабее, чем в Прибайкалье [Мамонова, 1973; Герасимова, 1981, 1992].

Хотя внутренние районы Восточной Сибири продолжали оставаться практически неизученными, произошло некоторое накопление палеоантропологического материала. Из таежной полосы в центральной и южной Якутии происходит череп из Джикинды и из Оннес. Череп из Джикинды имеет долихокранную мозговую коробку с очень узким лбом, значительную ширину плоского лица. Особенности черепа из Оннес на р. Олекме, плохо сохранившегося, не выходят за пределы круга форм, очерченных уже упоминавшимися известными находками в Бугачане [Якимов, 1950] и Туой-Хая [Дебец, 1956]. Кроме того, в 1982 г. Ю.А. Мочановым и С.А. Федосеевой обнаружены неолитические погребения ымыяхтахской культуры на р. Диринг-Юрях, откуда имеется 5 черепов. Строение черепов подтверждает тезис о монголоидности населения восточносибирской тайги и его отличие от антропологического типа населения Прибайкалья. На них выраженная брахикрания сочетается с высокой черепной коробкой и равномерно уплощенным на обоих горизонтальных уровнях, ортогнатным, широким и очень высоким лицом, со слабо выступающими носовыми косточками, но узким грушевидным отверстием. Эти черепа наибольшее сходство обнаруживают с черепами современных представителей как центральноазиатской, так и арктической рас [Gochman, Tomtosova, 1983; Алексеев, Гохман, 1984, с. 34]. Это противоречивое сочетание признаков, с точки зрения их исследователей, ставит под сомнение утвердившееся в литературе мнение о широкой распространенности и древности байкальской расы.

Безусловно, заслуживает внимания находка на правом берегу Витима (Бурятия), фрагментированного костяка из погребения на стоянке Нижняя Джилинда I, раскопанного В.М. Ветровым в 1982 г. [Ветров, Задонин, Инешин, 1993, с. 104-108]. Авторы атрибутировали это погребение как ранненеолитическое, культурная принадлежность его не определена. Радиоуглеродная дата, полученная по костям скелета – 7230±40 л.н. [Мамонова, Сулержицкий, 1989, с. 24]. Материалы поступили в распоряжение Н.Н. Мамоновой, долго лежали в запаснике Кабинета антропологии ИЭА РАН и, наконец, были изучены и опубликованы Д.В. Пежемским и Г.В. Рыкушиной [Пежемский, Рыкушина, 1998, с. 115-134; Пежемский, 1998, с. 66-68]. Это одна из самых древних находок из Восточной Сибири. Череп характеризуется признаками, позволяющими его без сомнения отнести к монголоидной расе (очень широкое и уплощенное на обоих уровнях в горизонтальной плоскости лицо, малая глубина клыковой ямки, широкая ветвь нижней челюсти, массивный архаический тип зубной системы

с преобладанием черт восточного одонтологического ствола). Отличительными особенностями черепа из Джилинды являются брахикранная форма мозговой коробки, средней высоты лицо, низкая орбита. Эти особенности находки из Джилинды, вкупе с упомянутыми выше находками из Якутии, подтверждают когда-то высказанную точку зрения Г.Ф. Дебеца о том, что подобный морфотип, описанный им на черепе из Туой-Хая, представлял собой реальное явление, характерное для древнего протоморфного населения Восточной Сибири. Одонтологические признаки южного происхождения заставляют обратиться за аналогиями к южно-монголоидным популяциям. Напомню, что когда-то на южно-монголоидные черты ранненеолитического населения обращал внимание М.М. Герасимов, но его точка зрения не получила тогда доказательств [Герасимов, 1955, с. 421].

О путях и времени проникновения европеоидного населения в Прибайкалье

В связи с признанием возможной европеоидной примеси в Прибайкалье встает вопрос о происхождении этого европеоидного типа и времени его проникновения. Как мне кажется, время его проникновения в Прибайкалье достаточно убедительно продемонстрировано всем вышесказанным. Г.Ф. Дебец высказал мысль, что область распространения этого типа в Прибайкалье ограничивается южными его районами, прилегающими к островкам степей, цепочка которых тянется от Минусинского края Каннской лесостепи [Дебец, 1948, с. 61]. Как известно, по верхнему Енисею, в южной части Красноярского края и в Хакасии проживало в это время смешанное население, известное нам по черепам из могильников Базаиха, Перевозное, Батени, Детские дачи Красноярска, Канск, Усть-Иша и Иткуль [Дебец, 1948; Алексеев, 1960, 1961; Герасимова, 1964; Дремов, 1980]. Можно считать установленным, что граница между европеоидными и монголоидными популяциями проходила иначе, чем она проходит сейчас: степные районы Южной Сибири входили в ареал распространения европеоидных групп. Даже в Западной Монголии черепа из погребений в местности Баян-Хонгор сходны с афанасьевскими черепами из Южной Сибири [Мамонова, 1980], что говорит о проникновении европеоидного населения в Центральную Азию в бронзовую эпоху. В Центральной Туве черепа из погребений окуневской культуры, в отличие от окуневцев Минусинской котловины, также имеют выраженно европеоидный облик. Таким образом, мы можем говорить о широких миграционных потоках между населением лесных массивов и степей и не исключать возможности европеоидной примеси и в Забайкалье [Гохман, 1980]. Последующие исследования неолитического населения Западной и Южной Сибири позволили Т.А. Чикишевой подразделить его по комплексу признаков, традиционно используемых для расовой диагностики, на три группы. Первая включает материалы из Барабинской лесостепи, характеризуется комплексом признаков, промежуточным между монголоидным и европеоидным. Его ареал соответствует ареалу западносибирской расы. Черты этой формации прослеживаются без перерыва вплоть до современности и лежат в основе современных групп Западной Сибири. Вторая группа неолитических черепов из Красноярско-Канской лесостепи и Горного Алтая также характеризуется комплексом, промежуточным между монголоидами и европеоидами, который, в отличие от предыдущего, просуществовал без резких трансформаций до начала нашей эры. Он лег в основу населения окуневской и каракольской культур, культуры безвещевых погребений Тувы и Монголии эпохи поздней бронзы и ряда групп скифо-сакской этнокультурной общности. Третья группа объединяет материалы из Кузнецкой котловины, Верхнего и Барнаульско-Бийского Приобья. Этой группе свойственен значительный удельный вес монголоидного компонента, тяготеющего к неолитическому населению Прибайкалья, вероятнее всего, к носителям серовской культурной традиции [Чикишева, 2004, с. 48-59].

В 1980 г. И.И. Гохман выступил с достаточно сенсационным предположением о возможной европеоидной примеси в составе центральноазиатской расы, что в корне меняет ее систематическое положение и отрывает от байкальской, приближая к южносибирской. Не последним аргументом были особенности некоторых черепов из Фофановского могильника. Анализируя обобщенную серию черепов из Забайкалья, он делает вывод о том, что антропологический состав древнего забайкальского населения формировался из двух компонентов: долихокранного, высоколицего с профилированным лицом (читай – европеоидного) и мезо- или

брахикранного с более низким и очень плоским лицом и плоским переносьем (байкальская раса). С моей точки зрения, выделение долихокранных черепов из суммарной серии Фофановского могильника без учета хронологической периодизации или культурной принадлежности, только на основании морфологического критерия, не совсем корректно. Тем не менее, на основании некоторого сходства черепов из могильника Аймырлыг III и долихокранных черепов из Фофаново вырисовывается направление связей древнего населения.

Как ни странно, эта идея о европеоидном компоненте в составе центральноазиатской расы нашла свое подтверждение в данных одонтологии [Зубов, Золотарева, 1980]. Правда, время ее проникновения в Забайкалье – вне рамок настоящей статьи.

Хотелось бы остановиться еще на одном моменте. Когда-то Г.Ф. Дебецем в виде предположения была высказана мысль о том, что европеоидная примесь, если она и была, то имела древнее донеолитическое происхождение [Дебец, 1951, с. 91, 93]. Предположение о европеоидном происхождении палеолитического населения Прибайкалья было высказано и А.П. Окладниковым [1949, 1950а]. Сходство ряда элементов каменной и костяной индустрии и искусства Мальты трактовалось им как свидетельство миграций и заселения Сибири с запада, и эта фаза синхронизировалась им с памятниками типа Костенки 1 в Восточной Европе. Эта точка зрения немедленно была встречена возражениями со стороны М.Г. Левина. Между тем, проведенное одонтологическое исследование останков детей из погребения в Мальте показало, что их одонтологический тип характеризуется практически вполне современным типом зубной системы в его «западном» (европеоидном) варианте. Этот факт свидетельствует об очень раннем проникновении формирующихся групп европеоидного типа далеко на восток [Зубов, 2004, с. 419-421].

О связи неолитического населения Прибайкалья с современными народами Сибири

Очень коротко, почти в тезисной форме, попробую изложить вопрос о связи неолитического населения Прибайкалья с современными народами Сибири. Он неоднократно рассматривался в антропологической, этнографической и археологической литературе. Особенно тесно этот вопрос связан с этногенезом тунгусоязычных народов. Сложность разрешения его очевидна, т.к. заключается в неясности вопроса о наличии или отсутствии европеоидной примеси в предковом населении и в отсутствии достаточно твердых знаний о характере эпохальных изменений физического типа во внутренних областях Сибири, которыми мы не вправе пренебречь.

Г.Ф. Дебец, выдвинувший тезис о близком сходстве основного типа неолитического населения Прибайкалья с современными эвенками той же территории [Дебец, 1930], впоследствии пересмотрел его и, как это явствует из литературы, отстаивал гипотезу протоморфности этого типа по отношению ко всем современным монголоидным расам. Между тем, эта точка зрения была высказана в очень осторожной форме. Г.Ф. Дебец писал: «Эта преемственность пока не доказана, но вполне возможна. Антропологические материалы не противопоставляются всей сумме археологических и этнографических фактов, говорящих об этой преемственности, но не так ясно с ними согласуются, как это казалось прежде» [Дебец, 1951, с. 93]. Рассмотрим его аргументы. Сравнение прибайкальских черепов с современными по тем признакам, которые положены в основу классификации монголоидных народов Сибири, показало, что по величине общей суммы различий неолитические черепа обнаруживают наибольшее сходство с уральскими, в особенности с ненецкими. Тунгусо-манчжурские серии по этим же признакам в среднем отличаются от неолитических серий больше, чем все остальные. Конечно, морфологический критерий является основным для генеалогических построений, но при современном состоянии наших знаний должен непременно контролироваться, по меньшей мере, тремя дополнительными: 1) палеоантропологическим, 2) географическим 3) историческим. Первый, т.е. прослеживание преемственности сравниваемых типов во времени, не применим, практически из-за слабой изученности палеоантропологического материала, отсутствия репрезентативных выборок с других территорий, кроме Байкальской Сибири, и огромным временным разрывом между имеющимися материалами и современностью. Второй критерий, играющий свою роль только при сравнении синхронных серий или форм, из-за отсутствия материалов, также не может быть применим. Исторический критерий

в данном случае категорически против установления преемственности между неолитом Прибайкалья и культурой ненцев. Наиболее очевидна линия преемственности к тунгусам. Для устранения этих противоречий и согласования фактов Г.Ф. Дебец предлагал наиболее вероятным одно объяснение: считать неолитическое население Прибайкалья предковой формой по отношению ко всем современным монголоидным типам населения Сибири (не только к байкальскому) [Дебец, 1951, с. 95].

Представление о том, что эвенки сохранили антропологический тип древнего населения Прибайкалья, послужило импульсом к разработке А.П. Окладниковым теории об автохтонном происхождении тунгусов, основанной на близости тунгусо-манчжурских культурных комплексов и прибайкальских неолитических [Окладников, 1950а, 1950б, 1955, 1974 и т.д.] Он писал, что тот этнографический комплекс, который характерен для тунгусских племен Прибайкалья, и их антропологический тип уже полностью был представлен здесь в глазковское время.

М.Г. Левин, стоявший на позициях признания европеоидной примеси в составе неолитического населения Прибайкалья, древний монголоидный компонент этого населения увязывал с местным дотунгусским населением Прибайкалья и смежных территорий, которое позднее было ассимилировано тунгусоязычными племенами. Байкальский антропологический тип, характерный для современных эвенкийских групп, выводил из древних палеоазиатов, остатками которых являются современные юкагиры [Левин, 1953, 1956, 1958].

В.П. Алексеев считал, что тип, представленный в составе эвенков и юкагиров, в наибольшей чистоте сохраняет основные особенности исходного байкальского «протокомплекса», а Прибайкалье, Забайкалье и таежная зона Восточной Сибири могут претендовать на роль прародины и исходных районов расселения представителей этого комплекса [Алексеев, 1980; Алексеев, Гохман, 1984]. В этой последней сводке по антропологии Сибири точка зрения авторов достаточно эклектична и противоречива. Сначала авторы предполагают вероятную преемственность тунгусо-манчжурских народов Сибири с неолитическими популяциями из Забайкалья [Алексеев, Гохман, 1984, с. 131]. Несколькими страницами ниже считают, что наиболее вероятными потомками неолитического населения были эвенки или буряты [Там же, с. 136]. И, наконец, что байкальский тип, характерный для эвенков, был одним из древнейших в пределах сибирской ветви монголоидов и в формировании своем был приурочен к таежным районам юга Восточной Сибири и Северному Прибайкалью [Алексеев, Гохман, 1984, с. 168]. Не совсем понятно, как эти утверждения согласуются с представлениями авторов о наличии европеоидной примеси в составе неолитического населения Прибайкалья [Алексеев, Гохман, 1984, с. 33]. Увы! Сейчас мы не можем получить на эти вопросы ответа. К сожалению, и спустя четверть века после выхода этой сводки, нельзя не согласиться со словами авторов о том, что использование антропологических данных для более детального этногенетического анализа происхождения и этнической истории тунгусо-манчжурских народов затруднено их неполнотой, методической несопоставимостью и отсутствием палеоантропологических материалов, заполнивших временные лакуны от эпохи неолита до современности.

Итоги и перспективы

Подведем некоторые итоги. Наши представления о распространении и взаимодействии антропологических типов в неолитическую и энеолитическую эпоху в Восточной Сибири до сих пор строятся, главным образом, на серийных материалах из могильников Прибайкалья и менее многочисленных – из Забайкалья. Остальные просторы Восточной Сибири представлены одиночными находками. Антропологические особенности неолитического и энеолитического населения, оставившего многочисленные могильники на берегах Ангары, Лены и их притоков и на побережье Байкала, характеризуются рядом особенностей, отличающих их от современных монголоидов. Черепные серии отличаются несколько большим углом выступания носа, менее уплощенным и менее высоким лицом и более низкими орбитами, чем черепа современных монголоидных групп. По всем основным признакам, дифференцирующим европеоидов и монголоидов, они занимают промежуточное положение, тяготея, впрочем, к сериям современных монголоидных групп.

В литературе существует две альтернативных точки зрения на характер антропологических особенностей этого населения. Одна говорит об участии в формировании его особенностей европеоидных элементов. Вторая объясняет эти особенности гипотезой недифференцированности. Каждая из гипотез имеет свои pro contra. Дело в том, что если мы не имеем приуроченности палеоматериала к началу смешения, т.е. благоприятной для антрополога ситуации, то мы не имеем краниологических критериев для разграничения групп смешанного или протоморфного происхождения. Если характер сочетания средних значений признаков, т.е. ослабление выраженности монголоидных особенностей по всему комплексу, разграничивающему европеоидные и монголоидные популяции, соответствует гипотезе смешанного происхождения, то некоторая несогласованность, наблюдаемая в вариациях средних значений признаков отдельных групп, или в характеристиках отдельных находок, напротив, подтверждает гипотезу недифференцированности.

Суммарное изучение населения неолитического Прибайкалья продолжает оставлять нерешенной проблему места этой древней группы в рамках существующей расовой систематики. Мне представляется перспективным отказ от альтернативного решения этой проблемы. Наиболее вероятная гипотеза сводится к следующему: на физическом облике прибайкальских черепов, наряду с европеоидной примесью, которая в различное время и на различных территориях (Ангара, Лена, Селенга, побережье Байкала и Ольхон) проявлялась различно, сказались морфологические особенности древнего протоморфного монголоидного населения, известного нам по черепам из погребений с китойским комплексом. Как показало все предшествующее изложение, неолит и энеолит таежных и лесостепных пространств Восточной Сибири характеризовался существованием нескольких локальных вариантов монголоидного населения, причем долихокранные и брахикранные формы, высоколицые и низколицые, высокоголовые и низкоголовые фиксируются здесь достаточно давно. Весьма вероятно, что для ранненеолитического населения, состоявшего из сравнительно небольших коллективов охотников и рыболовов, одним из факторов формообразования был фактор изоляции, что при малых эффективных размерах популяции способствовало формированию специфического типа в пределах одной группы и, в известной степени, сохранению протоморфности.

Население Прибайкалья и Забайкалья, оставившее нам погребения с китойским вещевым комплексом, представляет собой наиболее раннюю группу из известных нам на данной территории. Его морфологические особенности, известные нам по сериям, происходящим из могильников на приустьевых участках Иркута, Китоя, Белой и Селенги, объясняются сохранением черт древнего недифференцированного протоморфного комплекса. Антропологические особенности населения Прибайкалья, характерные для серий из погребений с серовским вещевым комплексом, сформировались благодаря постоянному притоку европеоидного населения или смешанного происхождения, проживавшего в то время по верхнему Енисею, югу Красноярско-Канской лесостепи и Хакасии, и его контактов с местным монголоидным населением. В Забайкалье этот приток был, возможно, менее интенсивен, и потому население Забайкалья отличается от предбайкальского большей выраженностью монголоидных черт. Отсутствие существенных отличий в антропологических особенностях серий из погребений с серовским комплексом и глазковских свидетельствует о том, что появление металла не сопровождалось сменой населения.

Хочу заметить, что идеи прошлых лет, касающиеся древнего населения Сибири, несмотря на малочисленность материала, неразработанность многих вопросов археологической проблематики, отсутствие точных методов датирования и т.д., до сих пор во многом сохраняют свою научную актуальность. Многие идеи, высказанные в качестве предположения, в осторожной форме, нашли некоторое подтверждение в последующих исследованиях.

1. Идея Г.Ф. Дебеца, трактующая особенности населения Прибайкалья как протоморфные, не свойственные современному населению, как мне кажется, в настоящее время достаточно аргументирована для населения «китоя».

2 Высказанное им в очень осторожной форме предположение о возможном проникновении европеоидов в Прибайкалье в донеолитическое время неожиданно находит подтверждение в одонтологических особенностях младенцев из Мальтинского погребения.

3. Одно из замечаний Г.Ф. Дебеца, сделанное, как бы между прочим, о возможной связи большей высоты черепа и менее выраженной «монголоидности» скорее с понижением, чем повышением черепного указателя, получит затем подтверждение на материалах из могильника Шумилиха.

4. Дискуссия А.П. Окладникова и М.М. Герасимова по проблеме периодизации прибайкальского «неолита» и хронологической позиции погребений с китойским комплексом будет разрешена методом абсолютного датирования, показавшего ранненеолитический возраст этого комплекса.

5. Предположение Н.Н. Мамоновой о пришлом происхождении китойского населения с юго-востока, с территории Забайкалья, разделяемое В.Н. Чернецовым, получает поддержку в особенностях черепа из Н. Джилинды.

В настоящее время антропологи вынуждены признать, что уровень и степень изученности палеоантропологических материалов из Байкальской Сибири не соответствует современному уровню и уровню археологических исследований. Во первых, новые материалы из богатейших и ярких памятников, таких как Локомотив, Галашиха и ряда других, не только не введены в научный оборот, но и не изучены. Во-вторых, материалы из старых сборов изучены, главным образом, по краниологической программе, которая в настоящий момент должна быть дополнена краниоскопией. Остеология палеоматериалов, в лучшем случае, содержит некоторые измерения длинных костей, без реконструкции пропорций и общего габитуса, а также фиксации показателей двигательной активности, травм и патологий. Практически не изучена одонтология этого населения. Необходима ревизия палеоантропологических материалов из старых сборов. Формировать серии из отдельных могильников необходимо с учетом стратиграфии и планиграфии погребений, их культурной атрибуции и особенностями погребального обряда. Детальное изучение палеоантропологических материалов позволит осветить основные этапы формирования антропологических типов Восточной Сибири, наметить основные линии истории заселения Байкальской Сибири.

Примечания

[1]Палеоэтнология в России, у истоков которой стоял Д.Н. Анучин, является составляющей антропологии в широком смысле слова («анучинской триады»), причем антропология определялась в рамках естественно-научных дисциплин. Это направление научной мысли и создание палеоэтнологических школ, во главе которых стояли С.А. Теплоухов, С.Н. Руденко, Б.Э. Петри и др., было насильственно прервано, как известно, в 30-е гг. прошлого века В известной мере возвращением к идеям палеоэтнологии можно считать концепцию «антропогеоценозов» В.П. Алексеева.

[2]В то время, когда полемизировали А.П. Окладников и М.М. Герасимов, находки лука в китойских комплексах. действительно, отсутствовали. В настоящее время мы имеем возможное редкое свидетельство о наличие сложного лука (роговая пластинка) в китойском погребальном комплексе из погребения № 8 в Шаманке II [Базалийский и др., 2006].

[3]Не все авторы согласны с предлагаемыми радиоуглеродными датировками, поскольку они противоречат иногда данным других методов, например, стратиграфии или перекрестному датированию. С моей точки зрения, некоторая несогласованность в датировках вызвана, как ни грустно в этом признаться, смешением полевой и последующей нумерации погребений, измененной при формировании групп в результате анализа археологического материала. Во всяком случае, на костях из Фофановского могильника, могильника Улярба II и Шумилихи всегда была полевая документация, не всегда совпадающая с тем, что мы имеем в публикациях дат по ^{14}C и «переходных» таблицах. Но это тема особого разговора.

[4]Существовавшая многие годы тенденция суммировать данные по отдельным могильникам для получения обобщенных характеристик проистекала не только из-за малочисленности палеоантропологических материалов, а являлась отражением бытовавших тогда представлений об антропологических типах или вариантах, как сумме типологически тождественных индивидуумов. Средняя арифметическая являлась основным параметром при сравнении групп, т.к. это давало направление отличий и возможность определить место изучаемой группы

среди других. Накопленный огромный фактический материал и открытие в генетике популяционного фактора привели к разработке популяционной концепции расы, к представлению, что групповая изменчивость является реальностью, а комплексы признаков складываются в пределах популяций (отдельных групп) не совсем так, как у отдельных индивидуумов. Широко применяемый ранее метод индивидуальной типологической расовой диагностики перестал быть основным. На смену ему пришли методы многомерной статистики.

Литература

Алексеев В.П. Антропологические типы Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье) в эпоху неолита и бронзы // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Секция археологии, этнографии и истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода: Тез. докл. и сообщ. Подсекции археологии, этнографии и антропологии Сибири и Дальнего востока: Докл. – Иркутск, 1960. – С. 13-15.

Алексеев В.П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Антропологический сборник. – М., 1961. – № 3. – С. 107-206.

Алексеев В.П. Проблема расы в современной антропологии // Современные проблемы и новые методы в антропологии. – Л., 1980. – С. 3-25.

Алексеев В.П. Этногенез. – М.: Высш. шк., 1986. – 176 с.

Алексеев В.П., Гохман И.И Антропология азиатской части СССР. – М.: Наука, 1984. – 207 с.

Базалийский В.И., Ливерс А.Р., Хаверкот К.М., Пежемский Д.В., Тютрин А.А., Туркин Г.В., Вебер А.В. Могильник Шаманка на Южном Байкале // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2006. – Вып. 4. – С. 80-103.

Бронзовый век Приангарья. Могильник Шумилиха. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1981. – 108 с.

Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М. Многослойное местонахождение Ниж. Джилинда (Сивакон)–1 в Бамбуйской котловине // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 98-113.

Витковский Н.И. Отчет о раскопках могил каменного века в Иркутской губернии, на левом берегу Ангары, произведенных летом 1881 г. // Изв. / ВСОРГО. – 1881. – Т. XIII, № 1-2.

Витковский Н.И. Следы каменного века в долине р. Ангары // Изв. / ВСОРГО. – 1887. – Т. XXI, № 1.

Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек) // ТИЭ. – 1955. – Т. 28. – С. 454-460.

Герасимов М.М., Черных Е.Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. – Л., 1975. – С. 23-48.

Герасимова М.М Неолитические погребения у Долгого озера (Канск) // ВА. – 1964. – Вып. 18. – С. 134-143.

Герасимова М.М. Краниологический материал из могильника Шумилиха // Бронзовый век Приангарья. – Иркутск, 1981.

Герасимова М.М. Черепа Фофановского могильника (р. Селенга) // Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1992. – С. 97-111.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутовском уезде Екатеринославской губернии 1903 г. // Тр. XIII Археол.съезда. – М., 1907. – С. 219.

Гохман И.И. Материалы по антропологии древнего населения низовьев Селенги // КСИЭ. – 1954. – Вып. 20. – С. 59-67.

Гохман И.И. Антропологическое изучение Забайкалья в Троицко-Кяхтинском отделении Русского географического общества // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. – Л., 1977. – Вып. 7. – С. 158-164.

Гохман И.И. Происхождение центрально-азиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Сб. МАЭ. – 1980. – Т. 36. – С. 5-34.

Дебец Г.Ф. Антропологический состав населения Прибайкалья в эпоху позднего неолита // РАЖ. – 1930. – Т. XIX, вып. 1-2. – С. 7-20.

Дебец Г.Ф. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя (К вопросу о миграциях в доклассовом обществе) // АЖ. – 1932. – № 2. – С. 26-48.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ (нов. серия). – М.; Л., 1948. – Т. IV.

Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области // ТИЭ (нов. серия). – М., 1951. – Т. XVII.

Дебец Г.Ф. Древний череп из Якутии // КСИЭ. – 1956. – Вып. XXV. – С. 60-63.

Дебец Г.Ф. Методы расового анализа в работах Я.В. Чекановского // СЭ. – 1959. – № 1.

Дремов В.А. Антропологические материалы из могильников Усть-Иша и Иткуль (К вопросу о происхождении неолитического населения Верхнего Приобья) // Палеоантропология Сибири. – Новосибирск, 1980. – С. 19-46.

Зубов А.А. Палеоантропологическая родословная человека. – М.: ИЭА РАН, 2004. – 551 с.

Зубов А.А., Золотарева И.М. Монголы в мировой систематике одонтологических типов // ВА. – 1980. – Вып. 64. – С. 69-88.

Левин М.Г. Древний череп с р. Шилки // КСИЭ. – 1953. – Вып. 18. – С. 69-75.

Левин М.Г.Антропологический материал из Верхоленского могильника // ТИЭ (нов. серия). – 1956. – Т. 33. – С. 299-339.

Левин М.Г.Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока // ТИЭ (нов. серия). – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – Т. 36.

Мамонова Н.Н. К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 18-28.

Мамонова Н.Н. Население Ангары и Лены в серовское время по данным палеоантропологии (к вопросу о межгрупповых различиях в эпоху неолита) // Палеоантропология Сибири. – М., 1980. – С. 64-88.

Мамонова Н.Н. К вопросу о межгрупповых различиях в неолите Прибайкалья // ВА. – 1983. – Вып. 71. – С. 88-103.

Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Опыт датирования по С14 погребений Прибайкалья эпохи голоцена // СА. – 1989. – № 1.

Окладников А.П. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья // ВДИ. – 1938. – № 4. – С. 181-186.

Окладников А.П. Неолитические памятники как источники по этнографии Сибири и Дальнего Востока // КСИИМК. – 1941. – Вып. 9. – С. 5-14.

Окладников А.П. Неолитические погребения на Афонтовой горе (Красноярск) // КСИИМК. – 1949. – Вып. 25. – С. 7-13.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л., Изд-во АН СССР, 1950а. – Ч. 1-2. – (МИА. – № 18).

Окладников А.П. Освоение палеолитическим человеком Сибири // Материалы по четвертичному периоду СССР. – М., 1950б. – Вып. 2. – С. 150-158.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л., Изд-во АН СССР, 1955. – Ч. 3: Глазковское время. – (МИА. – № 43).

Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары (от Щукино до Бурети). – Новосибирск, 1974.

Окладников А.П. Верхоленский могильник – памятник древней культуры народов Сибири. – Новосибирск, 1978.

Пежемский Д.В. Проблема недифференцированного монголоидного краниологического типа Восточной Сибири // Раса: миф или реальность: Тез. докл. междунар. конф. – М., 1998. – С. 66-68.

Пежемский Д.В., Рыкушина Г.В. Человек из Нижней Джилинды 1 (Предварительное сообщение) // ВкА. – М., 1998. – № 4. – С. 115-135.

Петри Б.Э. Сибирский неолит. – Иркутск, 1926. – 40 с.

Рычков Ю.Г. Материалы по антропологии западных тунгусов // ТИЭ (нов. серия). – 1961. – Т. LXXI. – С. 242-268.

Рычков Ю.Г. Некоторые популяционно-генетические подходы к антропологии Сибири // ВА. – 1969. – Вып. 21. – С. 18-33.

Савельев Н.А., Медведев Г.И. Ранний неолитический комплекс многослойного поселения Усть-Белая // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 56-64.

Хартанович В.И. Использование коэффициента обобщенных расстояний при рассмотрении проблем генезиса древнего населения Прибайкалья // Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии. – Новосибирск, 1986. – С. 74-87.

Хлобыстин Л.П Многослойное поселение Улан-Хода на Байкале: (по материалам Б.Э. Петри) // КСИА. – 1964. – Вып. 97. – С. 25-32.

Хлобыстин Л.П. Древнейшие памятники Байкала // Палеолит и неолит СССР. – М.; Л, 1965. – Т. 5. – С. 252-279.

Чернецов В.Н Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М., 1973. – С. 10-17.

Чикишева Т.А. К вопросу об антропологическом составе населения Западной и Южной Сибири в эпоху неолита // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез. – СПб., МАЭ РАН. – 2004. – С. 48-59.

Якимов В.П Череп человека бронзового века из Якутии // Окладников А.П. Ленские древности. – М.; Л., 1950. – Вып. 3. – С. 189-198.

Gochman I. Tomtosova L. The anthropological composition of the population of the Eastern Siberia in the light of the latest paleoanthropological finds in Yakutia Studies in ethnography and anthropology. – M., 1983. – P. 1. – P. 57-67.

А.П. Деревянко
Новосибирск, институт археологии и этнографии СО РАН

ДРЕВНЕЙШИЕ МИГРАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В ЕВРАЗИИ

Введение

Проблема происхождения человека, как и происхождения жизни, является одной из фундаментальных в науке и в течение многих сотен лет волнует ученых. В этой проблеме необходимо выделить три основных аспекта [Деревянко, 2009а, б]:

Во-первых, критерии, на основании которых можно утверждать о выделении нашего прямого предка – раннего *Homo* – из животного мира, чтобы установить время, когда произошло это важнейшее событие в биосфере.

Во-вторых, где был центр антропогенеза и в каких направлениях происходило распространение миграционных потоков древних популяций на сопредельные территории.

В-третьих, когда произошло формирование человека современного физического и генетического типа (*Homo sapiens sapiens*) и пути его расселения по планете Земля.

Процесс расселения древних людей по планете имел космическое значение, потому что с появлением человека начался новый этап в эволюции биосферы – антропогенный, как его назвал в 1922 г. геолог А.П. Павлов, или ноосфера по определению В.И. Вернадского и Р. Тейяр де Шардена.

24 ноября 1859 г. выходит книга выдающегося ученого-естествоиспытателя Чарльза Дарвина «Происхождение видов» в которой он сформулировал основные положения эволюционной теории, в основе которой лежал механизм естественного отбора. Еще, пожалуй, большой резонанс вызвала его работа «Происхождение человека и половой отбор», которая вышла в 1871 г. Мир разделился на два лагеря: одни отстаивали теорию божественного происхождения человека, другие – поддержали Ч. Дарвина в том, что антропогенез связан с животным миром и в результате длительной эволюции и действия механизма естественного отбора и произошел человек. Один из последователей эволюционной теории талантливый естествоиспытатель Эрнст Геккель в 1866 г. пришел к выводу, что в древности в процессе постепенного превращения человекообразной обезьяны в человека должно быть промежуточное звено

– обезьяночеловек или питекантроп. Где происходил этот процесс? Существовало несколько точек зрения на возможные географические центры антропогенеза.

Сторонник эволюционной теории голландец Эжен Дюбуа отправился в 1890 г. врачем в колониальные войска на о-в Ява для поиска переходного звена. Для многих это была сумасшедшая и сумасбродная идея. Почему для поиска питекантропа он выбрал именно Юго-Восточную Азию? Эта территория огромная и где искать останки древнего человека? Это все равно, что найти иголку в стоге сена. Но, тем не менее, Э. Дюбуа отказывается от обеспеченной жизни преподавателя в Европе и отправляется в Юго-Восточную Азию с ее тропическим климатом, болезнями, неустроенным бытом, где он ведет неустанные раскопки на о-ве Ява. 24 ноября 1890 г. Э. Дюбуа извлекает при раскопках небольшой фрагмент правой нижней челюсти очень примитивного человекообразного существа. Но настоящей сенсацией стала находка в октябре 1891 г. на глубине 12 м. на левом берегу реки Бенгаван (Соло) черепной крышки, которую Э. Дюбуа определил первоначально как «человекообразную переходную форму». В научном мире разгорелись ожесточенные споры об отношении этой находки, которая могла пролить свет в разгадке проблемы происхождения человека. В частности авторитетный в то время ученый Р. Вирхов высказал точку зрения, что эта находка принадлежала гигантскому гиббону.

В конце XIX – начале XX века достаточна популярна была гипотеза о центрально-азиатской прародине человечества. В 1920-х гг. на территории Монголии несколько лет работала Американская центрально-азиатская экспедиция под руководством Р.Ч. Эндрюса, которая сделала много важных открытий, в том числе нашла крупное кладбище динозавров в местности Баиндзак в Гоби, но ее участникам так и не удалось решить поставленную перед экспедицией главную задачу. Открытые во время работы экспедиции палеолитические местонахождения оказались достаточно поздними и по древности не превышали 150–200 тыс. лет. Более поздние Российско-Монгольские экспедиции открыли десятки палеолитических местонахождений древностью около 1 млн. лет и позже, но этого явно было недостаточно, чтобы считать Центральную Азию прародиной человека.

Африка – центр антропогенеза и первая глобальная волна древних архантропов в Евразии

С 1925 г. прошлого века после публикации Р. Дарта о первой находке в восточной части пустыни Калахари останков гоминида, названного им австралопитеком, на первое место среди географических районов, претендующих на прародину человека, выдвигается Африка. За 80 лет в Южной и Восточной Африке найдены сотни находок костных остатков австралопитековых различной степени сохранности. Систематика австралопитековых рассматривалась во многих сотнях публикаций, были выделены различные роды и виды и их филогенетические взаимоотношения друг с другом. Время существования австралопитековых 7 (6)–2,5 (1,5) млн. л.н. Они подразделяются на три основные группы: ранние, грацильные и массивные австралопитековые. Для всех австралопитековых характерны прямохождение и малые размеры клыков, что их в основном и отличает от человекообразных обезьян.

Многие проблемы антропогенеза еще остаются дискуссионными. Бесспорно одно – палеоантропологический материал, найденный в Восточной и Южной Африке, свидетельствует о том, что 7–6 млн. л.н. на этой территории начался процесс, который в дальнейшем изменил судьбу планеты: от общей предковой формы плиоценовых и более ранних гоминоидов развивались две разные линии: одна в сторону сапиентации, при которой подразумевается эволюция в сторону *Homo sapiens* и формирование человека разумного, т.е. нас с вами; другая – тупиковая, в сторону формирования человекообразных обезьян. Об этом свидетельствуют и генетические исследования. Время разделения единой предковой ветви на сапиентную и человекообразных обезьян ученые называют разное. Пожалуй, на современном уровне исследований наиболее обоснованной является точка зрения К. Сидли и Дж. Олквиста, которые пришли к выводу, что эволюционные ветви человека и шимпанзе разошлись 6,3–7,7 млн. л.н., человека и гориллы – 8–10 млн. л.н., человека и орангутанга – 13–16 млн. л.н., человека и гиббона – 18–22 млн. л.н. Все ныне живущие обезьяны, так же как и человек, относятся к отряду приматов.

Почему именно в Африке начался процесс эволюции позднемиоценовых и раннеплиоценовых гоминоидов в австралопитековых и человеческую линию, т.е. наметился сапиентный путь развития? Причин было, видимо, несколько. Но наиболее аргументированной, с нашей точки зрения, является точка зрения о решающем значении экологического фактора. В конце миоцена – начале плиоцена наступают периодические похолодания. На Африканском континенте усиливается аридизация и становится прохладнее. Тропические леса во многих районах, особенно в нагорьях, исчезают, уступая место саванне. В этих регионах Африки гоминоиды должны были приспосабливаться к более открытым пространствам, которые требовали выработки новых адаптационных стратегий, развития биопедии, уменьшения употребления в рационе питания пищи растительной и увеличения белковой.

Выделение из австралопитековых линии развития в сторону современного человека произошло в хронологическом диапазоне 2,5–3 млн. л.н. И главным критерием, на основании которого нашего далекого предка можно выделить из животного мира, является изготовление каменных орудий. Человекообразные обезьяны могли использовать для добывания пищи палки и другие приспособления. Как показали опыты, шимпанзе могли получать отщепы при раскалывании орехов на наковальне, но они никогда не использовали их в качестве орудий. Именно изготовление очень примитивных вначале орудий является тем рубежом, с которого можно вести отсчет рода *Homo*. Анатомические отличия первых *Homo,* в частности *Homo habilis* (человека умелого) от австралопитековых было крайне незначительное. По многим анатомическим характеристикам *Homo habilis* мало чем отличался от тех австралопитековых, которые пошли по тупиковому пути развития и исчезли с лица Земли около 1,5–2 млн. л.н., но в области морфологии и функционального уровня его мозга возможно произошли довольно значительные изменения, которые трудно зафиксировать на немногочисленных палеоантропологических находках, но это выразилось в усложнении поведения, способности к изготовлению каменных орудий, примитивной охоте.

Решающее подтверждение того, что Африка – родина человечества, было получено благодаря палеогенетике. В 1987 г. опубликована первая работа, в которой проанализированы различия в последовательностях оснований митохондриальной ДНК (mtДНК) у людей разного географического и расового происхождения и на основе этого построено филогенетическое дерево, корни которого находились в Африке [Cann et al., 1987]. Эта работа сыграла роль катализатора. К тому времени многих генетиков привлекала проблема происхождения человека, и после выхода первой работы по анализу mtДНК пошло лавинообразное увеличение количества работ – к началу XXI в. их насчитывается около тысячи. В настоящее время все ученые – антропологи, археологи, генетики и др., занимающиеся проблемой эволюции человека, придерживаются единой точки зрения, что Африка – прародина человека.

Наиболее древние стоянки человека с каменными орудиями (чопперами, чоппингами, сфероидами, полиэдрами, грубо ретушированными отщепами) дислоцируются в основном в Восточной Африке в районе Восточно-Африканского рифта, тянущегося в меридиональном направлении от впадины Мертвого моря через Красное море и далее по территории Эфиопии, Кении, Танзании. В бассейне р. Када Гона (Cada Gona) на 15 местонахождениях на поверхности и в слое обнаружено более 3 тыс. артефактов [Semaw, 2000]. Каменные орудия извлечены из слоя ниже уровня туфа, датированного возрастом 2,6 млн. лет. Очень важно, что впервые была установлена одновременность артефактов и древних гоминид. Ископаемые остатки раннего *Homo*, обнаруженные в долине р. Омо (2,4–2,0 млн. лет) в Хадаре (2,4–2,3 млн. лет), также одновременны и достаточно надежно связаны с каменными орудиями. Индустрию с начала появления первых каменных орудий до раннего ашеля принято называть олдувайской. Для нее характерны галечные и дисковидные нуклеусы, различные рубящие орудия типа чопперов, чоппингов, полиэдры, грубо ретушированные отщепы.

Первая глобальная миграционная волна из Африки в Евразию началась 2–1,5 млн. л.н. *Homo–ergaster–erectus* покинули свою «колыбель» и двинулись за ее пределы, что положило начало первому Великому переселению, ознаменовавшему событие величайшей важности – заселение планеты человеком (рис. 1). Расселение древнейших популяций по Земному шару нельзя рассматривать как какой-то закономерный этап. Сам «выход» человека из Африки

был для него совершенно случайным событием. На рубеже финала плиоцена–раннего плейстоцена Африка соединялась с Евразией не только на северо-востоке с Ближним Востоком, но и на востоке с Аравийским полуостровом. В то время в Восточной Африке и в западных районах Евразии были очень близкие природные условия, и, проникнув на новый континент, человек оставался, по существу, в прежней экологической нише. Процесс заселения Евразии древнейшими популяциями проходил очень медленно. Он отмечен успехами в освоении новых территорий и драматическими событиями, когда под воздействием ухудшающихся природных условий и других причин, в том числе и биологических, ойкумена расселения существенно сокращалась.

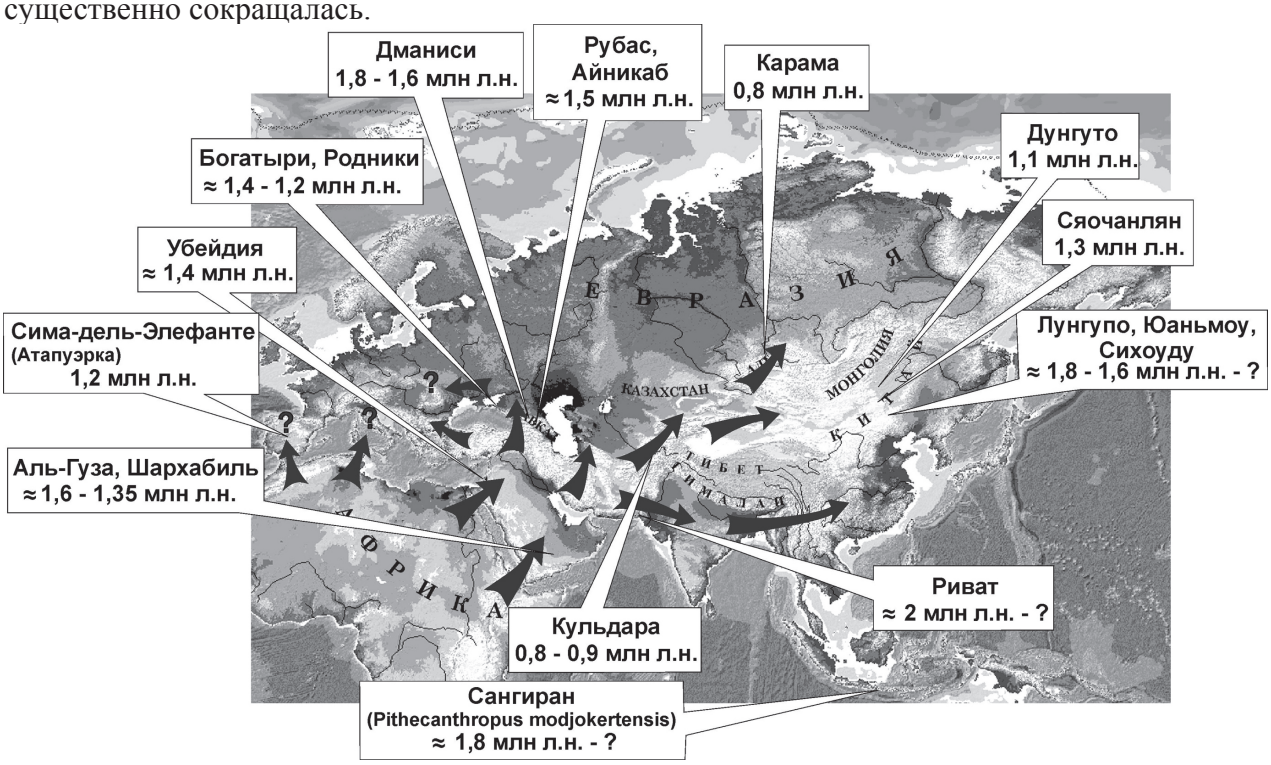


Рис. 1. Первая глобальная миграционная волна – заселение Евразии архантропами

В настоящее время можно наметить два основных направления первого миграционного потока древнейших популяций. Одно направление было связано с распространением древних гоминид через Ближний Восток и Иран на Кавказ и, возможно, в Малую Азию. Свидетельством этого расселения являются найденные в Дманиси (Восточная Грузия) костные остатки гоминидов и галечные орудия, возраст которых 1,6–1,8 млн. лет.

Другое направление связано с заселением Южной, Юго-Восточной, Восточной Азии. Стоянка Убейдия и Гешер-Бенот-Яааков в Израиле датируются временем 1,4–0,9 млн. л.н. В Южной Аравии найдены галечные орудия в пещерах Аль-Гуза и Шархабиль, датированные временем 1,65–1,35 млн. л.н. Далее на восток Азии древнейшие популяции двигались в двух направлениях. Одно, северное – в районы Центральной Азии (Таджикистан, Узбекистан, Казахстан, Монголия, Южная Сибирь), другая миграционная волна двигалась южнее Гималаев и Тибета в Пакистан, Индию, Китай, Юго-Восточную Азию.

Мнения ученых относительно возраста местонахождений в Китае (Дунгуто, Лунгупо, Сяочанлян, Юаньмоу и др.) сильно расходятся: от 1,67–1,87 млн. лет до 1 млн. лет. Неоднозначен подход к датировке останков *Homo erectus* в Индонезии. Ранее находки питекантропов были датированы в пределах 1 млн. лет или немного древнее. Исследованиями геологического горизонта, где в 1936 г. в Моджакерто на о-ве Ява был обнаружен юношеский череп, относимый к *Pithecanthropus modjokertensis*, были определены даты: 1,81±0,07; 1,79±0,07; 1,80±0,07; 1,82±0,09 млн. л.н. Среднее значение возраста составило 1,81±0,09 млн. л.н. Две другие палеоантропологические находки, обнаруженные в 1974 г. в центральной части Сангиранского плато на о-ве Ява и состоявшие из относительно целого лицевого отдела и фрагментов шейного отдела, а также части черепа, были датированы 1,66±0,04 млн. лет [Swisher,

Curtis, Jacob et al., 1999]. Если столь ранние даты обитания *Homo erectus* в Азии корректны, то заселение Юго-Восточной и Восточной Азии проходило не позднее 1,6–1,8 млн. л.н.

Несколько позднее популяции архантропов (древних людей) проникли в Южную Европу. Одним из выдающихся палеолитических местонахождений является Сьерра-де-Атапуэрка, которая представляет ряд пещерных стоянок, расположенных на небольшой возвышенности на севере центральной части Испании в 14 км от г. Бургос. На возвышенности много карстовых полостей, некоторые из них полностью заполнены неоплейстоценовыми осадками. На возвышенности Атапуэрка около 30 лет ведутся стационарные исследования большой командой археологов, антропологов, геоморфологов, палеоботаников, геохронологов и других специалистов. Наиболее древние находки обнаружены на местонахождении Сима-дель-Элефанте [Carbonell et al., 2008]. Здесь в нижнем культуросодержащем горизонте обнаружены фрагмент нижней челюсти человека, галечные каменные орудия и кости раннеплейстоценовых животных со следами обработки. Для вышележащего горизонта получена дата 1,22±0,16 млн. л.н. В настоящее время Сима-дель-Элефанте является одной из самых древних и бесспорных стоянок человека в Южной Европе.

В Атапуэрке в других карстовых полостях раскопаны культуросодержащие горизонты с большим количеством палеоантропологических находок, каменных орудий в хронологическом диапазоне от 900 до 500 тыс. лет. На юге Европы, помимо Испании, во Франции, Италии также найдены палеолитические местонахождения древностью около 1 млн. лет, но некоторые из них дискуссионны.

На основании современных результатов полевых исследований можно утверждать, что архантропы вначале проникли в Южную, Юго-Восточную и Восточную Азию. Древнейшим местонахождением в Евразии, где найден уникальный палеоантропологический материал с каменными орудиями, является Дманиси в Восточной Грузии, древностью 1,8–1,6 млн. лет. В Европу архантропы проникают 1,3–1,2 млн. л.н.

Несколько позднее северная миграционная волна древних популяций обошла Гималаи и Тибет с севера и проникла в Центральную Азию. Наиболее ранние стратифицированные местонахождения в Центральной Азии открыты в Таджикистане: стоянки Кульдара, Хонако II и Лахути, возраст которых от 800 до 500 тыс. лет. В Казахстане на стоянках Мангышлака, Каратау обнаружены древние галечные комплексы, которые свидетельствуют о заселении человеком данной территории в это же время. За последние годы на северо-восточном склоне хребта Каратау, получившем название Кызыл-Тау, в Южном Казахстане открыты десятки местонахождений с поверхностным залеганием артефактов в виде сплошного покрова на очень древних поверхностях и на больших площадях. На некоторых стоянках насчитываются десятки тысяч галечных орудий на площади в несколько квадратных километров. В результате полевых работ собрано большое количество изделий, которые находятся в стадии изучения, но большая древность отдельных местонахождений несомненна.

В Монгольском и Гобийском Алтае найдено более 30 раннепалеолитических местонахождений открытого типа, которые по геоморфологической ситуации, технико-типологическим показателям, коррадированности галечных орудий можно отнести к древнейшим. Для наиболее ранних из них (Нарийн-Гол-17 и др.) характерны сильно коррадированные галечные орудия типа чопперов, чоппингов, орудий с носиком, галечных нуклеусов, массивных скребел, залегающих на поверхности позднеплиоценовых террас. Архантропы появляются в Монголии около 900 тыс. лет, а может быть и ранее.

Территория России начала заселяться архантропами ранее 1 млн. лет. Одни из наиболее древних местонахождений открыты на Таманском полуострове в Южном Приазовье. Еще в начале XX в. стало известно палеонтологическое местонахождение Синяя Балка, рассматривавшееся палеонтологами и геологами как стратотип Таманского фаунистического комплекса [Щелинский, Кулаков, 2007, 2008]. С 2003 г. на этом местонахождении стали проводить исследования археологи, которые выявили на этом местонахождении вместе с костями раннеплейстоценовых животных каменные орудия. Последние шесть лет археологи вместе с палеонтологами проводят стационарные исследования на двух основных местонахождениях Богатыри (Синяя Балка) и Родники, расположенные на расстоянии сотни метров друг от дру-

га. Выявленная там индустрия, судя по первичной обработке и оформлению орудий труда, архаичная. В орудийном наборе представлены чопперы, различной модификации скребла, пиковидные орудия, нуклевидные скребки и скребки высокой формы, клювовидные орудия, изделия с зубчатым и выемчатым лезвием и др. В фаунистическом комплексе преобладают кости слонов и эласмотерии (до 93%), что определяет эоплейстоценовый возраст этих стоянок. Исследователи датируют эти местонахождения возрастом 0,8–1,2 млн. лет.

К этому или более раннему возрасту относятся местонахождения на Северном Кавказе, в Дагестане, где исследуется несколько местонахождений. Наиболее ранние Айникаб и на р. Рубас, возраст около 1,5 млн. лет, а может быть и древнее [Амирханов, 2007; Деревянко и др., 2009]. Открытия палеолитических местонахождений древнее 1 млн лет в Дагестане позволяет высказать гипотезу о возможности древних миграций архантропов вдоль западной прибрежной полосы Каспия, и дальнейшего их продвижения в Европу. В подтверждении этой гипотезы являются находки костей эоплейстоценовых животных и единичных каменных орудий древностью более 1 млн. лет, сделанных у пос. Жуковский Ставропольского края [Деревянко, Амирханов, Шуньков и др., 2009].

Древние палеолитические местонахождения, свидетельствующие о расселении территории первой глобальной волны архантропов, сделаны и на территории Южной Сибири, в Горном Алтае. С 2001 г. исследуются стоянки Карама, расположенные недалеко друг от друга, некоторые из них имеют до четырех культуросодержащих горизонтов [Деревянко, Шуньков, Болиховская и др., 2005]. Стоянки Карама приурочены к поверхности одного из террасоувалов левого берега р. Ануя в Солонешенском районе Алтайского края на границе с Горно-Алтайской Республикой. На этих стоянках древностью от 500 до 800 тыс. лет обнаружены галечные орудия, включающие чопперы, чоппинги, орудия с острием, скребла различных модификаций, скребки высокой формы и др. каменные изделия.

Культуросодержащие горизонты Карамы с галечной индустрией свидетельствуют о заселении территории низкогорного Алтая первой миграционной волной (*Homo ergaster–Homo erectus)*, которая вышла из Африки чуть позже 2 млн. л.н. Если верны даты для ранних яванских питекантропов и самых ранних палеолитических стоянок, то Восточная и Юго-Восточная Азия были заселены человеком ок. 1,8 млн. л.н. Северный Кавказ, судя по хронологии местонахождения Дманиси, также заселялся в это время, а Европа, видимо, несколько позже, 1,3–1,2 млн. л.н. Первая волна древнейших популяций человека не только расселялась на юге Евразии, но и продвигалась в северные широты, и стоянка Карама – бесспорное свидетельство этих процессов. Человек достиг 50º с.ш. ок. 800 тыс. л.н., а может быть, и в более раннее время.

Рассмотренные палеолитические местонахождения в Евразии, связанные с первой волной миграции древних популяций человека из Африки, характеризуются индустрией олдувайской традиции. Процесс длительного расселения на новых территориях, где были разные экологические условия, требовал выработки соответствующих адаптационных стратегий, новых приемов в первичной и вторичной обработке камня. Небольшие по численности человеческие коллективы проникли в Южную Сибирь спустя около миллиона лет от начала исхода человека из Африки, и индустрию Карамы представляется правильным называть не олдувайской или постолдувайской, а караминской индустрией галечной традиции. Безусловно, на самых ранних палеолитических местонахождениях Европы, Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии, Южной Сибири можно проследить сходные формы каменных изделий различных модификаций: чопперы, чоппинги, скребла, орудия с острием-«носиком» или стрельчатые и т.д. Это сходство имеет простое объяснение – все индустрии восходят к единой материнской основе. В то же время появление в процессе расселения человека некоторых специфических орудий, например, галечных высокой формы с очень крутой или отвесной оббивкой рабочего края, близкой по морфологии африканским нуклевидным скребкам, на Караме, связано не с новой миграционной волной, а с конвергенцией. В Евразии такие орудия известны на Ближнем Востоке, в Аравии, на Кавказе и в других местах в широком хронологическом диапазоне 1400–600 тыс. л.н., и объяснить это новыми миграционными процессами никак нельзя. Во-первых, человек в сходных экологических условиях мог неза-

висимо вырабатывать сходные адаптационные стратегии и изготавливать близкие по форме и типу каменные орудия. Во-вторых, древний мастер, делая из гальки либо куска породы чоппер, скребло или какое-то другое орудие, имел очень ограниченные вариативные возможности, что приводило к появлению в раннем палеолите, да и не только в раннем, сходных по форме, технике обработки и функциональному назначению каменных изделий.

Вторая миграционная волна в Евразии: распространение ашельской индустрии

В развитии культуры человека огромную роль сыграла ашельская индустрия, которая зародилась в Африке и распространилась на большей части Евразии. Это была вторая глобальная волна миграции древних популяций (рис. 2). Анализируя роль ашельской индустрии в истории человечества, не следует впадать в крайности: преувеличивать или недооценивать ее. Во-первых, ашельскую индустрию нельзя рассматривать как культурную дефиницию. Некоторые исследователи под ашелем понимают некий хронологический диапазон: одни допускают существование в его временных рамках различных индустриальных технокомплексов, а другие считают обязательным наличие на местонахождениях раннего палеолита бифасиальной техники. Эта техника, зародившись в Африке, сменила олдувайскую и распространялась в течении длительного времени на значительной части Евразии. Но в некоторых регионах, например в Восточной и Юго-Восточной Азии, бифасиальная техника появилась конвергентно, и эти индустрии нельзя относить к ашельским. На многие вопросы, связанные с распространением ашельской индустрии в Евразии, нет достаточно убедительных ответов. Почему в одном и том же хронологическом диапазоне в Европе существуют местонахождения с бифасами и без них? Это были одни и те же в антропологическом плане популяции или разные? И таких вопросов много. Рассмотрим эту проблему с точки зрения миграционных процессов древних популяций в раннем и среднем неоплейстоцене.

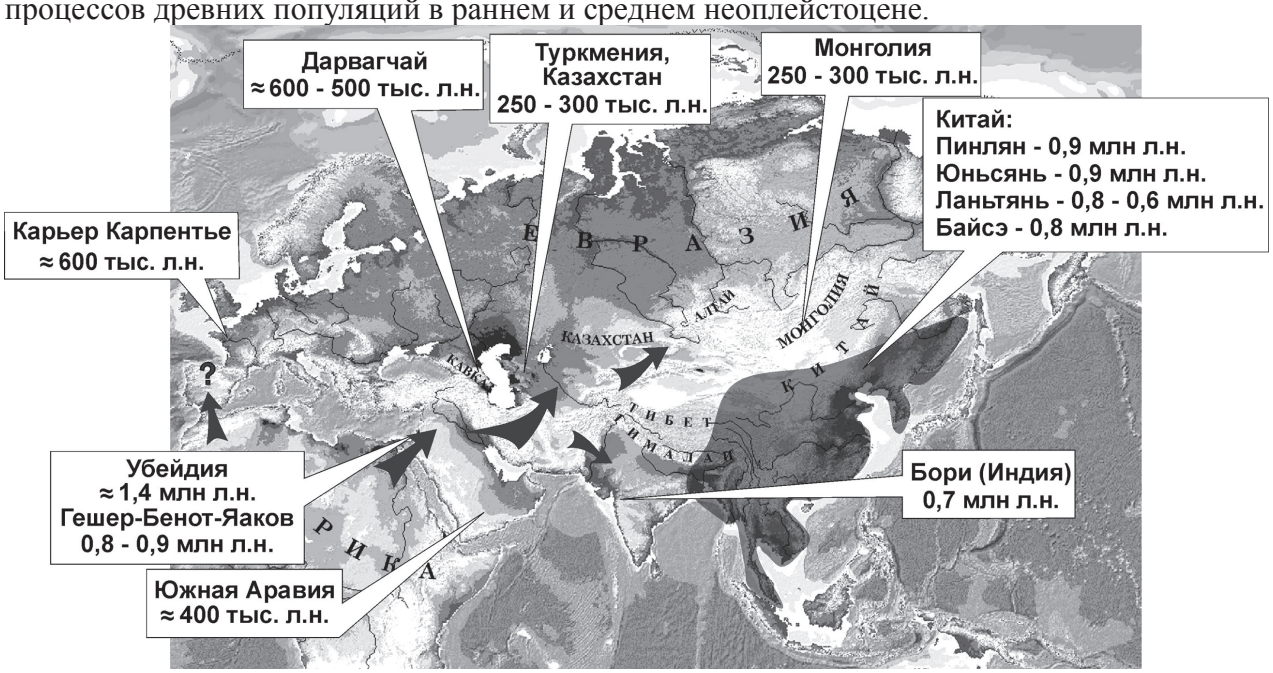


Рис. 2. Вторая глобальная миграционная волна – распространение ашельской индустрии

Формирование ашельской индустрии происходило, по мнению многих исследователей, на основе олдувайской. Хотя существуют и другие точки зрения. На местонахождениях Стеркфонтейн и Сварткран в Южной Африке были обнаружены артефакты раннего ашеля или развитого олдувая, ориентировочно датированные временем ок. 1,7–1,6 млн. л.н. Помимо галечных орудий и сколов, найдено несколько ручных рубил, что позволило отнести эту индустрию к раннему ашелю. Первые рубила были выявлены на памятниках Олдувай II и Капсо-Гардуло – 1,6–1,5 млн. л.н., и в Западной Туркане – 1,7–1,6 млн. л.н. [Roche, 2000].

В Европе наиболее раннее появление ашельской индустрии зафиксировано в Испании, Франции и Италии на местонахождениях Карьер Карпантье – ок. 600 тыс. л.н., Томапрупуко – более 600 тыс. л.н., Фонтана-Ропукио – более 400 тыс. л.н., Атапуэрка – ок. 450 тыс. л.н., а последние уточнения возраста местонахождения Сима-де-лос-Хуэзос в Атапуэрке позволя-

ют датировать найденный там бифас в пределах 530 тыс. л.н. Позднее 400 тыс. л.н. ашельская индустрия широко распространилась на территории многих стран Европы.

На Ближнем Востоке распространение ашельской индустрии началось значительно раньше. Уже в нижних слоях Убейдии, относящихся ко времени ок. 1,4 млн. л.н., найдены первые бифасы. На стоянке Гешер-Бенот-Яаков, которая датируется 0,9 млн. л.н., они составляют значительный процент в орудийном наборе. Очень важно отметить, что рубила и другой сопутствующий инвентарь этой стоянки свидетельствуют о несомненных африканских корнях индустрии, но наличие леваллуазской системы первичного расщепления, самой ранней в Евразии, выделяет данное местонахождение из всех известных в Старом Свете. На многих ашельских местонахождениях в Леванте ручные рубила являются непременным компонентом раннепалеолитического каменного инвентаря.

Не позднее 450–400 тыс. л.н. с Ближнего Востока на восток Евразии началось продвижение нового миграционного потока древних популяций. Оно сопровождалось распространением позднеашельской индустрии, связанной с леваллуазской системой первичного расщепления и бифасов. На многих территориях новая популяция человека встречала представителей первой миграционной волны (*Homo erectus*), и поэтому там происходило смешение двух индустрий – галечной и позднеашельской. Процесс аккультурации в Центральной Азии и Индии проявляется в разной степени: в одних районах прослеживается больше ашельских элементов в первичной и вторичной обработке, в других – галечных.

В Южной Аравии несколько ранее 400 тыс. л.н. распространилась ашельская индустрия убейдийско-латамской традиции [Амирханов, 2006]. Основными ее диагностическими показателями являются обилие рубил, орудий на отщепах, незначительное количество чопперов, абсолютное господство техники одноплощадочного нуклеуса параллельного принципа скалывания леваллуазского типа и отсутствие кливеров.

Одной из важнейших территорий, через которую проходили глобальные миграции человека из Африки и с Ближнего Востока, было Иранское нагорье. Но, к сожалению, территория Ирана, за исключением Загроса, изучена очень плохо. В 2006 г. участниками российско-иранской экспедиции обнаружено одно местонахождение с доашельской индустрией. За последние десять лет в нескольких районах Ирана интернациональными экспедициями были открыты раннепалеолитические местонахождения с немногочисленными рубилами, но без точных геохронологических привязок.

В Центральной Азии наиболее ярко ашельская индустрия проявилась на территории Туркмении и Казахстана. В Туркмении наиболее древние каменные артефакты обнаружены в Янгаджа-Каратенгирском комплексе местонахождений с рубилами ашельского типа [Любин, 1989; Вишняцкий, 1996]. С моей точки зрения, самые ранние из них относятся к позднему ашелю и имеют древность не более 300 тыс. лет.

В западной, южной, центральной и северо-восточной частях Казахстана еще в 70–80-е гг. обнаружено более десяти местонахождений с рубилами и леваллуазским принципом первичного расщепления. Новый район дислокации позднеашельских стоянок открыт совместной Российско-казахстанской экспедицией в 1999–2000 гг. на севере Казахстана, на западном склоне Мугоджарских гор в верховьях р. Эмбы. Здесь обнаружено более десяти местонахождений открытого типа [Деревянко, Петрин, Гладышев и др., 2001]. Они отличаются друг от друга количеством и концентрацией материала. Одни представляли собой остатки поселенческих комплексов, другие – мастерские на выходах сырья.

Наиболее ранние артефакты на мугоджарских местонахождениях имели средне- и сильнокоррадированную поверхность. Их ориентировочный возраст 250–300 тыс. лет (финал ашеля). По целому ряду показателей эти технокомплексы достаточно хорошо отличались от более ранних в данном регионе и более поздних, среднепалеолитических. Следует подчеркнуть, что наличие на мугоджарских местонахождениях рубил отражает не конвергенцию, а аккультурацию – смешение ашельской и местной индустриальных традиций каменного века в результате переселения на эту территорию популяций человека с индустрией ашельского типа.

Одним из ключевых районов, где фиксируется приход новой волны мигрантов с позднеашельской индустрией является Монголия. Ашельские бифасы найдены на нескольких местонахождениях в Южном Гоби. На стоянках открытого типа Ярх, Дно Гоби, Баралгин-Гол и др. древностью 250–300 тыс. лет найдены типичные ашельские рубила-бифасы, леваллуазские нуклеусы и орудия, изготовленные на леваллуазских остриях и пластинах со следами ретуши.

Одно из самых ярких местонахождений с позднеашельской индустрией – Кремневая Долина на юго-востоке хребта Арц-Богдо, в пустыне Гоби, открытая в 1995 г. [Деревянко, Зенин, Олсен и др., 1992]. Древние поверхности здесь перекрыты плиоценовыми кремневыми брекчиями, которые в раннем и среднем палеолите постоянно использовались как сырьевая база. На отдельных участках на 1 м^2 приходится до 600 находок, а площадь, занятая мастерскими, составляет ок. 20 км^2. Это уникальный природно-антропогенный комплекс с миллионами артефактов, где представлена эволюция индустрии от позднего ашеля до позднего палеолита. На памятнике Кремневая Долина выделены комплексы с рубилами, поверхность которых сильно, средне и слабо коррадирована. Материалы этих и других местонахождений свидетельствуют о том, что бифасиальная техника наряду с леваллуазским расщеплением, бесспорно, использовалась на финальном этапе раннего и в среднем палеолите.

Индустрия Монголии является ярким примером аккультурации: с приходом на эту территорию миграционной волны с позднеашельской технологией здесь наряду со многими элементами галечной традиции распространились леваллуазский метод первичного расщепления и бифасиальная техника.

Наиболее яркое проявление ашельской индустрии прослеживается на п-ове Индостан. Первое рубило ашельского типа было найдено в Индии еще в 1863 г. неподалеку от Мадраса. Ашельская индустрия с бифасами и леваллуазским первичным расщеплением появляется около 400–350 тыс. лет. Но грубо обработанные двусторонние бифасы известны в Индии ранее 700–800 тыс. л.н. [Paddaya et al., 2002]. По технике обработки и форме они принципиально отличаются от ашельских. Появление бифасиальной, т.е. техники двусторонней обработки каменных орудий, в Индии появляется конвергентно, независимо от западных источников. Позднее, около 300–400 тыс. лет Индию достигает вторая миграционная волна древних популяций, которая приносит на эту территорию ашельскую индустрию и на Индостанском п-ове происходит процесс аккультурации местных культур и пришлой. Восточнее Монголии и Индии ашельская культура не распространяется.

Это хорошо прослеживается на раннепалеолитических местонахождениях Восточной и Юго-Восточной Азии. На территории Китая в раннем палеолите около 1 млн. лет встречаются двусторонне обработанные орудия и изделия типа кливеров. На протяжении всего раннего палеолита в хронологическом диапазоне 900–100 тыс. лет в Китае могли появляться и исчезать бифасы. Двусторонняя техника на этой территории, безусловно, появилась конвергентно, так же как и в Индии, гораздо раньше, чем на других территориях Евразии. Это можно объяснить тем, что на территории Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии, начиная с раннего палеолита, в жизни и хозяйстве большую роль играли орудия из древесных пород и бамбука. Галечные рубящие орудия, бифасы и изделия типа кливера применялись в основном для обработки дерева и бамбука.

Кто были носители ашельской индустрии в настоящее время пока установить достоверно невозможно.

Была ли третья глобальная волна в Евразии?

Одной из дискуссионных в науке является проблема происхождения человека современного физического и генетического типа, т.е. нас с вами (*Homo sapiens sapiens*), а также его культуры. Сложность развития живой природы, в том числе и человека, в том, что это не линейный процесс от простого к сложному, а бег с препятствием. В процессе эволюции, выработке новых адаптационных стратегий, в связи с меняющимися экологическими условиями, длительной изоляции отдельных популяций, в силу малочисленности людей на земле и других биологических и социальных причин, беспрерывно шел очень сложный процесс совершенствования древней культуры архантропов и палеоантропов и их физического типа.

Время появления человека современного физического и генетического типа (*Homo s.s.*) большинством генетиков, антропологов и археологов определяется в диапазоне 200–150 тыс. л.н. Самые ранние костные остатки этого вида известны в Восточной Африке. Становление культуры верхнего палеолита, которую относят к человеку современного физического типа, происходило 50–40 тыс. л.н., причем это прослеживается почти одновременно на очень удаленных друг от друга территориях Старого Света. Возникает вопрос: какова была материальная культура раннего *Homo sapiens sapiens* в Восточной Африке и чем она превосходила культуры палеоантропа? Почему потребовалось более 100 тыс. лет на формирование верхнепалеолитической индустрии? Где впервые произошел процесс становления *Homo s.s.*, какими путями шло распространение человека современного физического типа и каковы были его взаимоотношения с автохтонным населением? Перед исследователями возникает много вопросов, требующих ответа, но, пожалуй, ни по одному из них нет однозначного ответа.

Наиболее острой является дискуссия между полицентристами и моноцентристами. Сторонники гипотезы мультирегиональной эволюции человека (полицентристы) считают, что становление *Homo sapiens sapiens* могло происходить в разных регионах Африки и Евразии. По нашему мнению, там, где расселялся *Homo erectus,* мог самостоятельно и независимо проходить процесс становления человека современного физического типа. В настоящее время больше сторонников имеет точка зрения моноцентристов, согласно которой *Homo sapiens* сформировался в Африке и 80–60 тыс. л.н. начался процесс его расселения оттуда на другие континенты. Взгляды моноцентристов на последствия этого различны. Одни считают, что происходил процесс замещения, когда новые популяции истребляли аборигенное население или вытесняли его в менее удобные экологические районы, где у него увеличивалась смертность, особенно детская, снижалась рождаемость, и в итоге неандертальцы постепенно исчезали с лица земли. Другие сторонники моноцентристской гипотезы не исключают возможности в отдельных случаях длительного сосуществования *Homo sapiens sapiens* и *Homo neanderthalensis* (например, в Западной Европе, на Пиренеях). Во время контактов пришлого и автохтонного населения мог происходить процесс диффузии культур, а иногда гибридизации. Третьи полагают, что происходил процесс аккультурации и ассимиляции, в результате чего автохтонное население растворилось в пришлом.

Полицентристская гипотеза мультирегиональной эволюции имеет больше сторонников среди археологов и антропологов, занимающихся изучением палеолита Восточной и Юго-Восточной Азии, но она противоречит некоторым выводам палеогенетики. В системе доказательств происхождения *Homo sapiens sapiens* из Восточной Африки и дальнейшего его расселения по земному шару много пробелов. На ряд вопросов пока нет ответов, или они есть, но дискуссионны и требуют дополнительных исследований и аргументов. В связи с этим хотелось бы задать моноцентристам вопрос: если человек современного физического типа сформировался 200–150 тыс. л.н. только в Восточной Африке, то почему так поздно начался его выход из Африки? Моноцентристы предполагают, что 80–60 тыс. л.н. в Африке происходило быстрое увеличение населения – «демографический взрыв» – и миграционная волна *Homo sapiens sapiens* «выплеснулась» в Евразию. Говорить о возможности «демографического взрыва» в палеолите, не располагая убедительными археологическими и антропологическими свидетельствами, крайне безответственно. Необходимо иметь в виду, что при средней продолжительности жизни около 25 лет потомство оставалось без родителей в незрелом возрасте и, конечно, у архантропов, палеоантропов, да и ранних неоантропов была очень велика детская и подростковая смертность, это замедляло рост населения, и изолированные популяции при численности менее 500 человек вообще не были гарантированы от вымирания. Поэтому утверждения о «демографическом взрыве» 80–60 тыс. л.н. не убедительны.

Моноцентристы утверждают, что первая миграционная волна *Homo sapiens sapiens* вначале проникла в Азию, а затем уже в Европу. По археологическим данным, 50, а может быть, и 60 тыс. л.н. человек современного физического типа начал заселение Австралии. Тогда чем можно объяснить то, что *Homo sapiens sapiens* из Африки за 5–10 тыс. лет смог преодолеть гигантские расстояния (более 10 тыс. км) и появился в Австралии, к тому же не оставив никаких материальных следов в виде стоянок на пути своего движения? В культуре автохтон-

ного населения Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии в хронологическом диапазоне 80–30 тыс. л.н. не наблюдается не только никаких революционных изменений, но и никаких принципиальных инноваций, которые бы свидетельствовали о проникновении на эти территории человека с другой индустрией. Если даже согласиться, что при контактах пришлого и автохтонного населения происходил процесс аккультурации в интервале 70–60 тыс. л.н., то в культуре человека все равно должны были произойти существенные изменения, которые обязательно зафиксировали бы археологи. В случае замещения автохтонного населения популяциями *Homo sapiens sapiens* на транзитной территории должна была произойти полная смена индустрий и культуры. Но в реальности, на огромной территории продвижения гипотетического южного потока не фиксируется никаких существенных изменений. Столь явному парадоксу может быть только одно объяснение: человек современного физического типа перемещался из Африки в Австралию 70–60 тыс. л.н. «регулярными или чартерными авиарейсами».

Наиболее вероятное объяснение этому феномену – человек современного физического и генетического типа сформировался в Восточной и Юго-Восточной Азии в результате длительной эволюции, независимо от африканского очага происхождения *Homo s.s.* т.е. подтверждается гипотеза мультирегиональной эволюции человека. Подтверждением этой гипотезы, с нашей точки зрения, является тот факт, что даже в Африке, на сопредельных с Восточной Африкой территориях, человек современного физического типа появляется поздно. В Южной Африке, судя по антропологическим находкам, – позже 40 тыс. л.н., в Центральной и Западной – видимо, позже 30 тыс. л.н. и только в Северной Африке – ок. 50 тыс. л.н. Таким образом, потребовалось 100 тыс. лет и более, чтобы человек современного физического типа из Восточной Африки заселил весь Африканский континент.

В качестве примера «убедительности» логики доказательства заселения Австралии *Homo s.s*. из Африки и объяснения причин отсутствия археологических свидетельств этой миграции на транзитной территории можно привести точку зрения некоторых моноцентристов о движении человека современного типа с запада на восток в сторону солнца по морской прибрежной полосе. По их мнению 60–80 тыс. л.н. уровень моря был значительно ниже и узкая полоса по которой прошли мигранты третьей глобальной волны давно ушел под воду и современным археологам трудно рассчитывать на то, чтобы найти следы, не опустившись на морское дно. Такая гипотеза не подтверждается данными океанологов об уровне колебания в это время Мирового океана. Но самое главное – человек не мог осваивать только морскую прибрежную территорию, потому что это была не эстафета – кто быстрее добежит к восходу солнца, а заселение, требующее длительного освоения новой территории, постепенного демографического роста населения и уже потом, когда достигается определенная «плотность» населения, может происходить переселение части популяции на северные территории, причем в тех направлениях, где были подходящие экологические условия. И в этом случае по долинам рек человек мог и должен был проникать по рекам далеко на север от моря в районы низко- и среднегорья, где были не менее благоприятные условия для обитания, чем на побережье. И следы этого миграционного потока должны были обязательно найдены, в виде стоянок, на которых должна была доминировать совершенно другая индустрия.

Человек современного физического типа появился в Восточной Африке 200–150 тыс. л.н., а верхнепалеолитическая культура, которая определяет присутствие на той или иной территории *Homo s.s.*, начала формироваться ок. 60 тыс. л.н. Мой вопрос к моноцентристам состоит, во-первых в том, почему *Homo s.s.* более 100 тыс. лет продолжал использовать культурное наследие своего предшественника палеоантропа, т.е. среднепалеолитическую индустрию, а не создал новую культуру, которая должна была убедить археологов, антропологов, генетиков, что на Земле появился качественно новый вид человека – *Homo s.s*. Во-вторых, переход от среднего к верхнему палеолиту, исходя из принятых в современной науке диагностирующих элементов культуры раннего верхнего палеолита, начался 60–50 тыс. л.н. на территориях весьма отдаленных друг от друга (в Восточной Африке, на Ближнем Востоке, в Южной Сибири) и независимо на местной индустриальной и технологической основе, т.е. культура *Homo sapiens* была не привнесенной, а сформировалась на некоторых территориях

в процессе эволюционного развития самого человека на базе среднепалеолитической индустрии. В хронологическом диапазоне 80–50 тыс. лет на обширной территории в Африке, на Ближнем Востоке, Южной Сибири, Восточной и Юго-Восточной Азии наблюдаются разные индустрии и разные культуры.

С нашей точки зрения на территории Старого Света можно выделить три крупные зоны, где независимо друг от друга происходил переход от среднего к верхнему палеолиту – это своего рода три модели или сценария этого процесса: африканская, евразийская и китайско-малайская, где на протяжении всего среднего палеолита развивались отличные друг от друга индустрии и независимо происходило развитие самого физического типа человека на основе *Homo erectus*. Особенно хорошо прослеживаются особенности каждой из этих зон в индустриях переходного от среднего к верхнему палеолиту периода. Африканская зона характеризуется ранней атерийской традицией, евразийская – стандартизацией форм пластинчатого расщепления и микрорасщеплением, китайско-малайская – изготовлением орудий в основном на отщепах и специальных заготовках. На территориях между ними могут быть выявлены районы аккультурации, например Северо-Восточная Африка (Киренаике и нижнее течение Нила). В территориальных рамках этих трех крупных зон, в силу географической удаленности и возможной изоляции отдельных популяций друг от друга, особенностей природно-климатических условий в среднем и на финальном этапе верхнего плейстоцена, могли формироваться мозаичные варианты культур. К примеру, в евразийской зоне этот переход имел свою специфику на Ближнем Востоке, Балканах, в Малой Азии, Западной, Центральной и Восточной Европе, Южной Сибири и других регионах, но в то же время стандартизация, основанная на пластинчатом расщеплении, была объединяющим началом.

У нас нет возможности рассмотреть проблему перехода от среднего к верхнему палеолиту во всей евразийской зоне. Кратко остановимся на примере Южной Сибири, потому что это один из наиболее изученных в Евразии районов, на палеолитических местонахождениях которого наиболее полно можно проследить переход от среднего к верхнему палеолиту [Деревянко, Шуньков, Агаджанян и др., 2003].

Наиболее раннее заселение Горного Алтая человеком произошло не позднее 800 тыс. л.н. Это подтверждается раскопками палеолитических местонахождений на Караме. Древнейшее население Алтая – архантропы с галечной индустрией – не проживали постоянно на этой территории: около 500 тыс. л.н. они исчезают с этой территории. Причины были различные: похолодание могло заставить их уйти далеко на юг. Но наиболее вероятная причина: первоначальное население было немногочисленным и в следствие биологических причин и полной изоляции могло просто вымереть.

Вторичное заселение Горного Алтая и в целом Южной Сибири происходит около 300 тыс. лет. Это были мигранты второй глобальной миграционной волны с ашельской индустрией. Позднеашельская-раннесреднепалеолитическая индустрия Горного Алтая – западного облика и не имеет ничего общего со среднеплейстоценовой индустрией Восточной и Юго-Восточной Азии. Наиболее близкие параллели она имеет в позднеашельской индустрии Ближнего Востока.

Древние индустрии Горного Алтая в хронологическом диапазоне 300–30 тыс. л.н. можно отнести к наиболее хорошо изученным в Евразии. Стратегия палеолитоведов Института археологии и этнографии СО РАН в последние 25 с лишним лет строилась таким образом, чтобы главное внимание сосредоточить на изучении палеолитических комплексов в долинах рек Ануй и Урсул (Горный Алтай), находящихся на небольшом расстоянии друг от друга. В этом районе несколькими экспедициями одновременно исследуются стоянки в пещерах Денисовой, Страшной, Окладникова, Усть-Канской, Каминной, Чагырской, Бийке, Малояломанской, Искринской, а также стоянки открытого типа Усть-Каракол, Ануй-1–3, Кара-Бом, Кара-Тенеш, Тюмечин-1-4, Ушлеп-6 и др. Местонахождения располагаются в основном в низко- и среднегорье на высоте 500–1100 м над ур. м. Все они многослойные и хорошо стратифицированы. Максимальная толща рыхлых отложений в Денисовой пещере 14 м, на стоянках открытого типа – до 8 м. В процессе раскопок на отдельных местонахождениях зафиксировано до 20 культуросодержащих горизонтов.

В результате полевых исследований на Алтае за последнюю четверть века на 9 пещерных стоянках и более 10 открытого типа выделено свыше 70 культуросодержащих горизонтов, относящихся к раннему, среднему палеолиту и переходному этапу – от среднего к верхнему палеолиту. К хронологическому диапазону 100–30 тыс. л.н. относится около 60 культуросодержащих горизонтов, в разной степени насыщенных археологическим и палеонтологическим материалом. Исследование хорошо стратифицированных многослойных пещерных и открытого типа стоянок, расположенных на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга и в одних природно-климатических условиях, позволяет максимально восполнить имеющиеся на отдельных местонахождениях перерывы в осадконакоплении и проследить динамику технико-типологических изменений каменного инвентаря на протяжении последних 100 тыс. лет. Пожалуй, в Евразии трудно найти аналоги такого мультидисциплинарного исследования культуры человека и среды его обитания, как на территории Горного Алтая.

Многослойная стратиграфия стоянок наиболее полно отражает процессы осадконакопления. Изучение ископаемых объектов из вмещающих пород позволяет реконструировать палеоклиматическую, палеогеографическую обстановку, состав растительных ассоциаций и животный мир в конце среднего – позднем плейстоцене. Индустрии, включенные в разновозрастные литологические тела, отражают всю динамику культуры человека.

Индустрия среднего палеолита на территории Горного Алтая характеризуется поразительной гомогенностью. Это не означает, что она не развивалась. Изменения имели место и были обусловлены определенными причинами. Например, стоянки, относящиеся к 70–60 тыс. л.н., отличаются от более ранних большей долей зубчатых, выемчатых и близких к ним форм. Согласно палинологическим данным, в это время увеличилось количество темнохвойных пород. Более широкое распространение зубчатых и выемчатых орудий свидетельствует об адаптации человека к меняющимся экологическим условиям, переходе к более активному использованию в хозяйстве изделий из дерева. С этих позиций следует рассматривать и появление на отдельных местонахождениях (Усть-Каракол-1 и Ануй-3) бифасиальных изделий.

На финальном этапе среднего палеолита (60–50 тыс. л.н.) в индустрии Горного Алтая наметились две линии развития – карабомовская и каракольская. Одной из причин такого разделения могло быть формирование разных адаптационных стратегий. Стоянка Кара-Бом расположена на высоте 1 100 м, а Усть-Каракол-1 и Денисова пещера – 680 м. Несомненно одно: обе эти традиции вызревали в процессе эволюции единой среднепалеолитической культуры. На их основе 50–40 тыс. л.н. сформировались два варианта ранневерхнепалеолитической индустрии. Уникальность многослойных местонахождений среднего палеолита Горного Алтая, находящихся на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга, состоит именно в том, что они позволяют проследить эволюцию от среднепалеолитических к верхнепалеолитическим индустриям. Появление кареноидных и некоторых других ориньякоидных форм в усть-каракольском варианте – не результат каких-то мифических миграций, а следствие эволюции местной индустрии, и это явление конвергентного порядка.

Около 50 тыс. л.н. на территории Горного Алтая появились подпризматические нуклеусы, отжимное расщепление (мягкий отбойник применялся и в более раннее время), кареноидные формы, скребки различных модификаций, резцы и многие другие элементы верхнепалеолитической культуры, истоки которых хорошо прослеживаются на финальном этапе среднего палеолита. Ярким подтверждением нового поведения населения Горного Алтая 50–40 тыс. л.н. являются костяная индустрия (иглы, шилья, основы для составных орудий) и предметы неутилитарного назначения: из кости, камня, раковин (бусы, подвески и другие украшения). Неожиданной находкой оказался фрагмент браслета из камня, при оформлении которого использовалось несколько технических приемов: шлифование, полировка, пиление и сверление.

Около 45 тыс. л.н. на Алтае появилась новая сибирячихинская индустрия мустьерского типа, отличающаяся от местной по всем основным показателям. Эта индустрия принадлежала представителям неандерталоидного таксономического типа. Появление нового населения с совершенно другой индустрией контрастно выделяется на всем историко-культурном фоне палеолита Алтая. Видимо, эта небольшая по численности популяция была вытеснена чело-

веком современного физического типа из Средней Азии (Узбекистан, пещера Тешик-Таш). Неандертальское население из Средней Азии пришло на территорию, где расселялись люди современного физического типа. И это пришлое население, судя по единичности их стоянок, недолго просуществовало на территории Алтая. Судьба его не известна: либо оно было ассимилировано автохтонным населением, либо вымерло.

На основе археологических и пока скудных антропологических материалов из пещер и стоянок открытого типа в Горном Алтае можно сделать вывод, что на этой территории, начиная с 300 тыс. л.н., индустрия развивалась без заметного влияния извне. В результате эволюционного развития 50–40 тыс. л.н. сформировалась яркая и самобытная верхнепалеолитическая культура. Но это только часть проблемы. Исследованиями установлено, что эволюция древней индустрии на территории Горного Алтая происходила в неразрывной связи с формированием человека современного физического типа. Это еще раз подтверждает следующий тезис: становление *Homo sapiens sapiens* и формирование культуры верхнего палеолита в Южной Сибири не имеют временной связи и зависимости. Причины, которые 50–40 тыс. л.н. на остальной территории Евразии обусловили переход к новому культурно-историческому этапу, возможно, были и другими. Особая важность изучения палеолита Горного Алтая определяется тем, что в этом регионе человеком второй миграционной волны с позднеашельской индустрией был сформирован особый ареал культурно-исторического развития. То, что индустрия и сам человек развивались при минимальном влиянии извне, с моей точки зрения, доказывает справедливость гипотезы о мультирегиональной эволюции человека.

В полной мере региональный фактор происхождения *Homo sapiens sapiens* проявился в Восточной и Юго-Восточной Азии. В этих регионах древние популяции *Homo erectus* и близких к ним форм (в китайско-малайской зоне выявлена большая серия палеоантропологических находок, свидетельствующих о длительной эволюции человека) в течение миллиона лет развивали культуру, отличную от культур на остальной части Евразии. Переход к верхнему палеолиту и ранний этап верхнего палеолита в китайско-малайской зоне, как и в Африке (атер и даббан), имели свои отличительные характеристики. Пластинчатые индустрии на территории Китая появились ок. 30 тыс. л.н., на Корейском п-ове – после 35 тыс. л.н., на территории Японии – ок. 20 тыс. л.н. Их распространение связано с пластинчатыми индустриями Южной Сибири, Монголии и российского Дальнего Востока. Пока нельзя однозначно ответить на вопрос, что лежит в основе этого – миграция или диффузия. Возможно, была эстафетная передача инноваций. При всем уважении к результатам генетических исследований палеоантропологического материала следует отметить, что, согласно археологическим данным, в китайско-малайской зоне древние популяции (*Homo erectus*) первого миграционного потока не исчезли и не были замещены другими, более прогрессивными архантропами, а эволюционировали. Это и привело к формированию *Homo sapiens sapiens*.

Большое значение для подтверждения гипотезы мультирегиональной эволюции и судьбы неандертальцев могут иметь результаты исследований грота Оби-Рахмат в Узбекистане. При раскопках сотрудниками ИАЭТ СО РАН установлена непрерывная последовательность стадий развития культуры человека в диапазоне от 90 до 30 тыс. л.н. [Деревянко, Кривошапкин, Анойкин и др., 2004]. Начиная с горизонта 21 и до верхних, относящихся к развитому верхнему палеолиту, наблюдаются беспрерывная эволюция пластинчатой индустрии и стандартизация орудийного набора. Материалы культуросодержащего горизонта 14, для которого имеются даты >46 000 и 48 800 ± 2 400 л.н., демонстрируют уже сложившуюся верхнепалеолитическую индустрию. Находки в Средней Азии как и в других частях Евразийского континента убедительно свидетельствуют о независимости формирования нового культурно-исторического этапа.

В 2003 г. в культуросодержащем горизонте 16 (относительно датируется 56–54 тыс. л.н.) грота Оби-Рахмат были обнаружены зубы, фрагменты свода черепа и пирамида височной кости гоминида. На основании анализа этих находок антропологи пришли к следующему выводу: «Мозаичная морфология, отражающая смесь архаичных и современных черт, обычно (в отсутствие ключевых анатомических частей типа ментального симфиза) препятствует таксономической идентификации останков. Кроме того, признание существования индиви-

дуумов с мозаичной морфологией краниальных частей в период верхнего плейстоцена может потребовать пересмотра содержания таких определений, как архаичные, современные и мозаичные признаки, применительно к оценке таксономической принадлежности, процесса видообразования, а также систематической номенклатуры различных групп ископаемых гоминидов» [Гланц, Виола, Чикишева, 2004, с. 92]. Изучение морфологии лабиринта пирамиды височной кости с помощью компьютерной томографии позволило высказать предположение об определенном генетическом обмене между популяцией, к которой принадлежал данный индивидуум, как с неандертальцами, так и с людьми современного облика. Схожий вывод был сделан и относительно мозаичной морфологии детского скелета из Лагар-Вельо в Португалии [Duarte et al., 1999]. Дальнейшее изучение грота Оби-Рахмат может подтвердить или опровергнуть предположение о метисации. На данном этапе больше аргументов в его пользу.

Внутривидовое единство ранних *Homo sapiens sapiens* и неандертальцев объясняет многие процессы, которые проходили на Ближнем Востоке, в Малой и Передней Азии, Европе 100–30 тыс. л.н. Человек современного физического типа, сформировавшийся в Африке 200–150 тыс. л.н., не внес существенных изменений ни в индустрии, ни в адаптационные стратегии в Евразии. Атер, санго, форсмит и другие мустьерские и постмустьерские индустрии Африки по своему уровню мало превосходили евразийские.

Единственными бесспорными свидетельствами раннего расселения (около 90 тыс. л.н.) анатомически современного человека из Африки, являются материалы из пещер Схул и Кафзех (Левант). Более полувека продолжается дискуссия о сосуществовании на этой территории неандертальцев и ранних *Homo sapiens sapiens*, о хронологическом разрыве и степени анатомической преемственности между ними. Сосуществование человека современного физического типа и неандертальцев имело место в интервале 100–30 тыс. лет. Сценарии такого соседства различны: борьба за выживание, возможно, была как между группами, так и внутри каждой из них. И конечно же, неизбежно происходило скрещивание, шел процесс метисации, который ввиду скудости палеоантропологических материалов пока проследить очень сложно. По многим качественным показателям (объем головного мозга, адаптивные стратегии, уровень индустрии и др.) неандертальцы не уступали анатомически современным людям.

Со студенческой скамьи у меня было какое-то особое отношение к неандертальцам. Они представлялись мне настоящими землепроходцами, которые мужественно осваивали северные широты. Думаю, если бы европейского неандертальца можно было сводить в салон к модному парикмахеру, надеть на него фрак и шляпу, то он, наверное, хотя и не смог дирижировать симфоническим оркестром, но слушал бы музыку Вивальди с большим удовольствием. Уважаемые коллеги, господа ученые, не обижайте, пожалуйста, неандертальцев. В какой-то степени они тоже наши предки!

Литература

Амирханов Х.А. Каменный век Южной Аравии. – М.: Наука, 2006. – 692 с.

Амирханов Х.А. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе. – М.: ТАУС, 2007. – 52 с.

Вишняцкий Л.Б. Палеолит Средней Азии и Казахстана. – СПб.: Европейский Дом, 1996. – 213 с.

Гланц М., Виола Б., Чикишева Т.А. Новые останки гоминидов из грота Оби-Рахмат // Грот Оби-Рахмат. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – С. 77–99.

Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите (Международный симпозиум «Древнейшие миграции человека в Евразии»). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 232 с.

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования *Homo sapiens sapiens* в Восточной, Центральной и Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 328 с.

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Ульянов В.А., Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. Поиски раннего палеолита в Предкавказье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН, 2009 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 84–89.

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Зенин В.Н., Лещинский С.В. Ранний палеолит Юго-Восточного Дагестана. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 124 с.

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Олсен Д. и др. Палеолитические комплексы Кремневой Долины (Гобийский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 296 с. – (Каменный век Монголии).

Деревянко А.П., Кривошапкин А.И., Анойкин А.А., Ринн П.Дж., Исламов У.И. Каменная индустрия грота Оби-Рахмат // Грот Оби-Рахмат. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – С. 5–33.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А. и др. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001б. – 136 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К. и др. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая: Условия обитания в окрестностях Денисовой пещеры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 447 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Болиховская Н.С. и др. Стоянка раннего палеолита Карама на Алтае. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 88 с.

Любин В.П. Палеолит Кавказа // Палеолит мира. – Л.: Наука, 1989. – С. 9-142.

Щелинский В.Е., Кулаков С.А. Новые данные о раннем палеолите на Таманском полуострове (Южное Приазовье) // Зап. / ИИМК РАН. – 2007. – № 2. – С. 155–165.

Щелинский В.Е., Кулаков С.А. Ранний палеолит Приазовья: Новые открытия // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. – М., 2008. – С. 176–181.

Cann R.L., Stoneking M., Wilson A.C. Mitochondrial DNA and human evolution // Nature. – 1987. – Vol. 325. – P. 31–36.

Carbonell E., Bermudez de Castro J.M., Parés J.M et al. The first hominin of Europe // Nature. –2008. – Vol. 452. – P. 463–470.

Duarte C., Mauricio J., Pettitt P.B., Sonto P., Trinkaus E., Van der Plicht H., Zilhão J. The Early Upper Paleolithic Human skeleton from the Abrugo do Velho (Portugal) and modern human emergence in Iberia // Proc. Natl. Acad. Science USA. – 1999. – N 96. – P. 7604–7609.

Paddaya K., Blackwell B.A.B., Jhaldiyal R. et al. Recent findings on the Acheulian of the Hunsgi and Baichbal valleys, Karnataka, with special reference to the Isampur excavation and its dating // Current Science. – 2002. – Vol. 83. – P. 641–647.

Roche H. Variability of Pliocene Lithic Productions in East Africa // Acta Anthropologica Sinica. – 2000. – Vol. 19. – P. 98–1003.

Semaw S. The World`s Oldest Stone Artefacts from Gona, Ethiopia: Their Implications for Understanding Stone Technology and Patterns of Human Evolution Between 2,6–1,5 Million Years Age // Journal of Archaeological Science. – 2000. – N 27. – P. 1197–1214.

Swisher C.C. III, Curtis G.H., Jacob T. et al. Age of the earliest known hominids in Jawa, Indonesia // Science. – 1999. – N 263. – P. 1118–1121.

Н.И. Дроздов, Е.В. Артемьев, В.И. Макулов, В.П. Чеха
Красноярск, Красноярский государственный
педагогический университет им. В.П. Астафьева
Институт археологии и этнографии СО РАН

ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КУРТАКСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО РАЙОНА В БЕРЕГОВОЙ ЗОНЕ КРАСНОЯРСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА (история, методика, результаты и перспективы)

История. В 1986 г. в акватории водохранилища Красноярской ГЭС отрядом по паспортизации археологических памятников Красноярского государственного педагогического института при обследовании береговых обнажений в районе п. Куртак Новоселовского района Красноярского края был обнаружен комплекс археологических местонахождений. В дальнейшем в процессе многолетних комплексных исследований был выделен геоархеологический район, получивший название Куртакский.

Куртакский геоархеологический район расположен на юге Средней Сибири в Северо-Минусинской впадине и включает 20-километровый отрезок береговой зоны Красноярского водохранилища в долине Енисея. В 1986 г. в центральной части этого района на береговой отмели были найдены каменные артефакты, имевшие древний (архаичный) облик и впоследствии определенные как ранне- средне- поздне- палеолитические. В связи с тем, что в бассейне Среднего Енисея это были первые подобного рода находки, то нами была разработана программа исследований и начался процесс целенаправленного комплексного изучения района находок.

Отличительной особенностью начавшихся исследований была их комплексность, сочетание методов как археологии, так и естественных наук. Этому способствовало создание в 1986 г. вначале в составе Красноярского филиала СО АН СССР, а впоследствии в составе Института истории филологии и философии СО АН СССР Красноярской лаборатории археологии и палеогеографии Средней Сибири (КЛАПСС ИФиФ СО АН СССР). Это была первая в СССР академическая лаборатория, где на штатной основе работали археологи, палеогеографы, палеозоологи, палинологии, геологи и другие специалисты естественники. По сути, вся история изучения Куртакского археологического района была связана с указанной лабораторией и Красноярским государственным педагогическим институтом (с 1993 г. – университетом).

Активное участие в исследованиях принимали и принимают археологи и специалисты естественных наук вузов и академических центров Красноярска, Новосибирска, Иркутска, Томска, Москвы и других городов СССР и России. В разные годы, начиная с 1991 г. были организованы и проведены несколько международных экспедиций со специалистами из США, Южной Кореи, Японии, Бельгии, Австрии и др.

Наиболее активные исследования в районе Куртака проводились в 1989-2007 гг. В 1989 г. после рекогносцировочных работ на всей территории район получил название «Куртакский» как зона компактного сосредоточения разновозрастных палеолитических памятников. Он включает отрезок левобережной части Красноярского водохранилища протяженностью около 20 км между реками Трифоновка и Ижуль, которые сегодня являются одноименными заливами Красноярского водохранилища. В геолого-геоморфологическом плане Куртакский археологический район приурочен к одноименному крупному расширению долины Енисея. Расширение долины с учетом террас составляет здесь около 12 км. Выше и ниже расширения по течению долина сужается до 2-3 км. Следует отметить, что долина Енисея расположена в зоне, пограничной между Северо-Минусинской межгорной впадиной и Восточным Саяном, разделяя соответственно степные, лесостепные и горнотаежные ландшафты.

Методика. После создания Красноярского водохранилища нижний ярус долины был затоплен и на высоте над руслом Енисея 60-70 м был сформирован новый геоморфологический уровень с постоянной абсолютной отметкой 243 м. Он соответствует нормальному подпорному уровню (НПУ) водохранилища. Этот уровень выражен в виде высоких береговых от-

мелей. Выше отмелей располагается основной абразионный уступ. Морфология уступов и отмелей зависит от геологического, геоморфологического строения долины Енисея в зоне абразии, от гидрологического режима водохранилища. Отличительной чертой береговой зоны стали вскрытые абразией достаточно мощные (до 30-40 м) толщи четвертичных отложений, как в уступах, так и на отмелях.

Проведенные исследования показали крайне сложное строение четвертичных отложений, определяемое различными взаимоотношениями субаэральных (лессовых) покровных толщ, древних педокомплексов и их осадочных аналогов, аллювиальных пачек. С другой стороны, на береговых отмелях в массовых количествах концентрировался археологический каменный материал, в первом приближении относящийся к разным периодам палеолита – от раннего до позднего, а также костные остатки крупных и мелких млекопитающих как эоплейстоценовых, так и относящихся к разным этапам плейстоцена – ранне- средне- позднеплейстоценовые. Таким образом, необходимо было, во-первых, расшифровать геологическое строение и возраст четвертичных толщ, во-вторых, «привязать» подъемный каменный материал к определенным стратиграфическим подразделениям, провести поиски артефактов in situ.

Результаты естественно-научных, археологических исследований Куртакского археологического района неоднократно докладывались на международных конференциях и симпозиумах, причем непосредственно на территории района, на конкретных памятниках и местонахождениях. Это полевая экскурсия международного симпозиума «Хроностратиграфия палеолитических памятников Северной Евразии» (1990 г.), международная конференция «Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке» (1992 г.), международная конференция «Палеогеография каменного века. Корреляция природных событий и археологических культур палеолита Северной Азии и сопредельных территорий» (2000 г.), международная конференция «Суангэ и ее соседи в древности» (2007 г.). В работе симпозиумов и конференций приняли участие специалисты широчайшего спектра наук и научных направлений Советского Союза, России, стран ближнего и дальнего зарубежья, среди которых Казахстан, Таджикистан, Украина, США, Канада, Япония, Южная Корея, Китай, Австрия, Бельгия, Германия, Франция, Финляндия, Польша и т.д. Помимо опубликованных материалов указанных научных мероприятий, многочисленных статей (как в России, так и за рубежом), в 2005 г. вышла в свет монографическая характеристика геоморфологии и четвертичных отложений района [см. литература].

В результате образования водохранилищ происходят кардинальные изменения условий в долинах бывших затопленных рек. Прежде всего, вырабатывается новый геоморфологический уровень со вскрытием на близких гипсометрических уровнях разновозрастных, разнофациальных толщ четвертичных отложений, что сильно осложняет существовавшую до затопления долины реки геологическую картину. Во-вторых, получают развитие новые экзогенные процессы (абразивно-аккумулятивные). В-третьих, активизируются или видоизменяются прочие процессы (гравитационные, склоновые, эоловые, суффозия, эрозия и многие другие). В-четвертых, вследствие указанных процессов в береговой зоне происходит многолетнее, постоянно возобновляющееся разрушение пород, в том числе четвертичных, отступление берегов. В результате в береговых зонах водохранилища вымывается сопровождающий четвертичные отложения разнотипный и разновозрастный археологический и палеонтологический материал.

Указанные обстоятельства приводят к тому, что археологические памятники в береговых зонах водохранилищ весьма широко представлены местонахождениями открытого типа с так называемым «подъемным материалом», а также в «откопанных» четвертичных отложениях, где они так же часто переотложены. Все это определяет специфику изучения этих сложных объектов, заставляет вырабатывать соответствующие методические приемы. В нашем случае примером является Красноярское водохранилище. Только в Куртакском районе в береговой зоне на протяжении 20 км выявлены десятки стоянок и местонахождений, которые характеризуют очень значительный отрезок истории древнего человека в Средней Сибири – от раннего палеолита до культур бронзового и железного веков.

Поскольку обстановка на побережье водохранилищ сходна с прибрежно-морской, целесообразно на наш взгляд применение и соответствующей терминологии – береговая линия, береговая отмель, абразивный уступ (или береговой откос). Береговая отмель и абразивный уступ в коренных породах иногда называют соответственно бенч и клиф. Береговая отмель аккумулятивного характера носит название пляж. Выделяется также береговой обрыв, когда он уходит непосредственно под урез воды. Процесс разрушения и отступания берегов водохранилища называют абразией. Комплекс рассмотренных элементов рельефа объединяется понятием береговая зона. Необходимо также представлять себе динамику и особенности формирования берегов. Принципиальное отличие здесь от прибрежно-морской обстановки (особенно бесприливных морей) в том, что ведущим фактором является постоянно колеблющийся уровень воды. Во время весеннее-летнего накопления водохранилища происходит размыв береговых отмелей, сформировавшихся ранее при более высоких уровнях воды. В фазу летнее-осеннего стояния происходит разрушение берегового откоса и отступание его бровки. Особенно важна для оценки интенсивности разрушения продолжительность стояния уровней воды на отметках, при которых прибойный поток взаимодействует с абразивным уступом. В фазу осеннее-зимней сработки береговые откосы стабилизируются. Основные размывы происходят у береговой линии, которая все время понижается. Профиль отмели при этом приобретает ступенчатый вид. Увеличение уклонов отмелей в прибрежной зоне приводит при наполнении водохранилища к новой вспышке размыва надводных уступов. Максимальная амплитуда колебания уровня Красноярского водохранилища за период эксплуатации (1970-2010 гг.) достигает, например, 21 метр. Полный объем водохранилище достигает при подпорном уровне (НПУ), который равен 243 м. Колебания уровней приводят, таким образом, к сезонной смене направления и характера берегового процесса, так как определяют периодическую смену высотных отметок контакта волны с береговой линией, к ежегодному накоплению наносов на отмелях и последующему их размыву. Немаловажна роль волновых воздействий, а также вдольбереговых течений, вызываемых ветровыми волнениями. Интенсивность абразии зависит от высоты волн, которая в прибрежной зоне достигает 2-3 м. Направление течений определяется преобладающими направлениями ветров, которые в Куртакском районе часто совпадают с продольной осью водохранилища, либо направлены под углом 0 – 45 градусов к береговой линии. Это обстоятельство благоприятствует вдольбереговому перемещению наносов, в том числе и достаточно грубообломачного материала (щебня, галечника). Перемещение наносов обычно приходится на частично сработанный уровень, поэтому наиболее крупные фракции вдольбереговых наносов сосредоточены в 10-15 м и далее от берегового откоса.

Формирование береговой зоны водохранилища определяется также такими внешними факторами как геоморфология долины Енисея до затопления, литологический состав и мощность размываемых пород, конфигурация берега. В целом развитие отмелей в Куртакском районе происходит по абразионному типу без существенной аккумуляции. Сезонные аккумулятивные формы поверхности отмели являются эфемерными образованиями и периодически разрушаются. Материал разрушения берегового откоса выносит в море. Этому способствует преимущественно суглинисто-супесчаный состав слагающих откосы толщ. Выносу в море и вдольбереговому перемещению подвергается и курупнообломочный, в том числе и археологический материал. По простиранию береговой линии особенно интенсивно разрушаются вдающиеся в акваторию мысы, а участки, располагающиеся в ветровой тени имеют минимальный размыв. Геолого-геоморфологическое строение является определяющим приформировании общего оюлика береговой зоны. Например, в Куртакском геоархеологическом районе выделяются следующие типы берегов: 1) абразионные (абразионно-оползневые, абразионно-обвально-осыпные), 2) абразионно-денудационные, 3) бухтовые. Бухтовые берега имеют ингрессионный характер и образованы при затоплении речных долин и крупных логов. Они часто имеют аккумулятивный характер, служа ловушками наносов при их вдольбереговом перемещении. Абразионно-денудационные берега представляют лтвесные береговые обрывы высотой до 60-80 м, слагающиеся коренными породами – песчаниками, аргилитами карбона. Абразия здесь проявлена слабо, преобладают обвальноосыпные про-

цессы. На высоте НПУ имеется узкий бенч. В случае менее крутых первичных склонов переработка берега возрастает. Здесь формируется более широкий (до 20 м) бенч, а у подножия отступающего клифа имеется волноприбойная ниша. Как только поверхность коренных пород понижается до НПУ и ниже, береговая отмель расширяется и берега становятся типично абразионными. Такие типы берегов, выработанные либо на коренных породах, либо в четвертичных отложениях, на водохранилище преобладают. Тыловая часть отмели здесь располагается на отметках близких НПУ. В любом случае абразионный уступ таких берегов слагается рыхлыми отложениями.

Поверхности абразионных отмелей на коренных породах чаще отлогие, горизонтальные и представляют, по сути, «откопанные» морем цоколи террас и участки пологонаклонных древних склонов. Свидетельством слабой абразии таких участков являются близкие отметки кровли относительно прочных пород на отмели и погребенных под рыхлыми отложениями в береговом откосе. Часто такие отмели перекрыты с поверхности плащом спроектированного при размыве валунно-галечного аллювия, либо грубообломочными продуктами разрушеня коренных пород, вплоть до сплошной отмостки. Покровы тонких осадков на отмелях имеют прерывистый характер и при волнениях перемещаются, либо исчезают. При моноклинально залегающих коренных породах происходит их препарировка, формируются так называемые грядовые бенчи.

Выработка береговых отмелей в четвертичных отложениях часто происходит своеобразно, приспосабливаясь к кровле механически более устойчивых пород. Такими породами (на уровне близком НПУ) обычно являются глины, либо горизонты ископаемых почв (например стоянка Каштанка в Куртакском районе). Помимо увеличения в последних глинистых частиц абразионная устойчивость определяется агрегатностью почв, связующей ролью органического вещества. При падении уровня воды и формировании вторичных абразионных уступов более низкая отмель также старается приспособиться к более прочным прослоям. Механическая абразия ископаемых почв приводит к их обнажению на больших площадях и формированию своеобразного микрорельефа за счет препарирования палеомерзлотных трещин, первичных неровностей. В целом, чередование по простиранию береговой зоны пород с различной абразионной устойчивостью приводит к селективному размыву и создает очень неровную в плане береговую линию.

Археологический материал береговой зоны Куртакского района Красноярского водохранилища разделяется на две группы: 1) находящийся в разновозрастных плейстоценовых образованиях абразивных уступов и береговых отмелей; 2) присутствующий в подъемном состоянии на береговых отмелях (в том числе в современных пляжевых накоплениях), в современных осыпях и оползнях на уступах и в логах. Преобладающее количество артефактов и костных остатков приурочено к береговым отмелям, где происходит многолетний процесс их накопления за счет разрушения четвертичных пород абразионных уступов и размыва отложений, на которых сформированы отмели. И хотя такие местонахождения считаются не очень показательными, они часто остаются единственным источником информации в береговой зоне водохранилища, а потому должны изучаться системно и квалифицированно. Первоочередная археогеологическая задача здесь связана с выяснением геологических источников, артефактов и костного материала крупных млекопитающих. Предпосылкой для решения этой задачи служит хоть и тривиальный, но необходимый методический подход – выяснение геологического строения береговой зоны. Картина строения четвертичных отложений здесь весьма сложная, с многообразием взаимоотношений субаэральных толщ, педокомплексов, аллювиальных пачек. На ее выяснение в Куртакском районе потребовалось около пяти лет полевых работ. При этом возникала необходимость использования нетрадиционных методов при археологических исследованиях, например методы восстановления этапности развития долины Енисея (особенно ранних этапов), методы сопряженного анализа лессово-почвенных субаэральных серий и их фациальных аналогов и др.

Таким образом, в конкретной ситуации данные по строению и составу четвертичных отложений в береговых уступах применялись для выяснения происхождения и возраста каменного материала на отмелях, особенно на раннепалеолитических памятниках [Дроздов, Чеха,

Артемьев, 1992]. Например, находящийся на отмели местонахождения Каменный Лог археологический материал хорошо сопоставляется с таковым грубообломочной пестроцветной толщи. Она залегает в абразионном уступе ниже каменоложской почвы и имеет самаровский возраст. На местонахождении Верхний Камень таких отложений в уступе не установлено, но отмель усеяна валунно-галечным материалом с архаичными артефактами. Можно предполагать более древний возраст последних, чем вскрываемых в абразивном уступе отложений. При весьма сложной ситуации на раннепалеолитическом местонахождении Разлог скопление артефактов на отмели удалось «привязать» к отложениям среднего плейстоцена в уступе.

Весьма важным является анализ распределения и плотности археологического материала на отмелях. Например, на местонахождении Разлог распределение артефактов на отмели достаточно уверенно указывает на источники в восточной части берегового уступа. На местонахождении Каменный Лог эти параметры подчиняются определенным закономерностям. Повышенная плотность артефактов указывает здесь на остаточный характер концентраций, на пространственную несмещенность материала после его захоронения. Повышенные концентрации артефактов были отмечены, например, на участке каргинской стоянки Каштанка. Как выяснилось, пространственно они примерно совпадали с выявленным впоследствии культурным слоем стоянки.

Конечно, часто палеолитические комплексы на отмелях, особенно при вскрытии в уступах широкого возрастного спектра отложений (например, участок Бережеково) имеют смешанный характер. Это обусловлено не только размывом разновозрастных отложений, но и последующим перемещением каменного материала вследствие волноприбойной деятельности при разрушении и отступании вторичных береговых уступов в пределах отмели, при вдольбереговых перемещениях. Для его разделения, помимо сравнительно-типологического метода, может служить петрографический состав артефактов. Разновозрастные комплексы орудий характеризуются в районе своеобразием каменного сырья. Кроме того, может быть использован метод разделения по характеру поверхности (корразия, каменный загар, патина и др.). Подобная методика анализа подъемного материала имеет большое значение в Центральной Азии и применялась в Армении. Указанным методам отводится сейчас большая роль, и несомненно, что их арсенал будет пополняться.

Основные моменты методики полевых исследований в данных условиях сводятся к следующему. На первом этапе необходима инструментальная съемка береговой зоны с положением буссольных ходов в местах отмели с минимальной абразией. При необходимости (наличие стоянок, повышенные концентрации артефактов) производится сгущение сети. Поскольку береговые отмели, уступы вследствие колебания уровня воды периодически подвергаются переформированию, археологические местонахождения также постоянно «подновляются», появляются новые объекты. Это заставляет систематически возвращаться к уже обследованным объектам. Поэтому геодезическая сеть должна разбиваться с расчетом использования ее в течение многих лет. В частности, необходимо вынесение из зоны абразии постоянных реперов. Это позволит при необходимости восстанавливать уничтоженные точки. На втором этапе производится описание и сборы каменного, костного материала с привязками к пунктам геодезической сети, с выноской ситуации на топопланы береговой зоны.

Относительно стратифицированные памятники в береговой зоне Красноярского водохранилища также имеют свою специфику изучения. Во-первых, они часто залегают на большой глубине, что не позволяет проводить масштабные раскопки. Во-вторых, они часто представлены небольшим количеством, либо единичными артефактами, находящимися в разрезах с весьма сложным геологическим строением. В качестве примера можно привести местонахождение Бережеково в Куртакском районе. По Г.И. Медведеву (1990) такие объекты почти полностью лишены археологического контекста, а положение артефактов определяется здесь природными факторами. Предполагается дать им условное название «геолого-археологические объекты». Изучение таких объектов, естественно, проводится, в первую очередь, методами естественных наук. В этой связи обсудим одну проблему, которая актуальна для Средней Сибири. В Южном Приангарье на придолинной поверхности выравнивания (100-150 м) широко распространены палеолитические местонахождения с поверхностным залеганием каменного

материала. Возраст их предположительно среднеплейстоценовый, по технологии это ранний палеолит. Этот же материал широко рассеян в позднеплейстоценовых (зырянских, каргинских, сартанских) отложениях на склонах долины Ангары [Бердников, Медведев, Федоренко, 1986]. Интересно, что в долине Енисея подобной ситуации практически не отмечается, артефакты среднего плейстоцена приурочены к площадке 60-метровой террасы, а на более высоких уровнях лишь в единичных случаях (залив Чаны) фиксируются архаичные артефакты. Во время полевой экскурсии Международной конференции (1992 г.) высказывались предположения о переносе раннепалеолитического материала сверху, о переотложенном характере местонахождений каменный лог, Разлог и др. В данном случае необходимо достаточно четко определиться в методическом плане.

Для проверки этой гипотезы был применен метод поисков раннепалеолитических артефактов в промежуточных коллекторах. Ситуаций, подобных приангарским практически не отмечено, хотя, если принимать вариант «переноса», они должны присутствовать. Помимо этого, на Каменном логу, в подступной части 150-метровой террасы разрез отложений гораздо более молодой (каргинско-сартанский), чем собственно на местонахождении раннего палеолита ниже по склону и не содержит археологического материала. Таким образом, «перенос» можно было бы предположить только в среднем плейстоцене, что маловероятно. Результаты изучения закономерностей распространения и плотности артефактов на отмелях свидетельствуют о пространственной несмещенности после захоронения. Поэтому мы исходим из «первичности» залегания археологического материала на раннепалеолитических местонахождениях в береговой зоне Красноярского водохранилища.

Результаты. Результаты комплексных исследований Куртакского района, полученные за 20-летний период достаточно условно можно разделить на естественно научные, археологические, археогеологические и палеоэкологические.

Естественно научные результаты. Впервые в регионе детально изучен верхний ярус долины Енисея с комплексом высоких террас с высотами: 1) 150-170 м; 2) 110-130 м; 3) 70-90 м и до 100 м. Террасы являются цокольными. На террасе высотой 150-170 м вскрываются сильно выветрелые галечники с охристым, пестроцветным песчано-галечным заполнителем либо продукты глинистых кор выветривания с рассеянными гальками. Этот уровень, очевидно, может быть сопоставлен с верхним уровнем торгашинской террасы в Красноярском районе миоцен-раннеплиоценового возраста. Характер отложений нижележащей террасы в районе не изучен, но выше по течению они представлены «тонким покровом аллювия». Терраса высотой 70-90 м является примечательным элементом долины Енисея. Ее наличие отмечали многие исследователи. Особенно отчетливо эта терраса выражена у п. Новоселово (гора Городовая). Далее она протягивается на левобережье в виде отдельных фрагментов до залива Ижуль. Аллювиальный покров террасы имеет также незначительную мощность (до 2-3 метров) и у бывшего села Куртак представлен охристыми суглинками с хорошо окатанным галечником различного состава.

Ниже высоких террас вблизи береговой отмели водохранилища из-под покровных отложений был вскрыт абразией цоколь террасы высотой 60 м. На цоколе фиксируются либо маломощные остатки аллювия, либо он покрыт только рассеянными галечниками и валунами устойчивых пород. На коренных породах цоколя, слагаемого песчаниками и алевролитами карбона, широко развиты песчано-галечные коры выветривания. На участке у п. Куртак ниже цоколя этой террасы еще в 1960-е гг. был обнаружен фрагмент погребенной древней долины Енисея. Днище долины расположено на высоте 10-30 м над урезом Енисея. Как заполняющие долину осадки, так и вышележащие образования, явно разновременные, были отнесены к аллювию IV террасы. В затопленной части долины в пределах района распространены лишь низкие террасы: I (6-8 м), II (15-20 м). III терраса высотой 35-40 м имеет незначительное развитие и отчетливо выделялась лишь у бывшего села Брагино. Комплекс низких террас отделяется от описанных выше уровней крутым скалистым уступом. В зависимости от срезаемых уступом элементов рельефа его высота колеблется от 30 до 150 м. Нередко низкие террасы вообще отсутствуют и уступ примыкает непосредственно к пойме

или руслу Енисея. Береговая зона водохранилища расчленена многочисленными долинами логов, небольших рек – левых притоков Енисея.

В результате детального изучения четвертичных отложений выяснилось, что в районе присутствуют отложения, охватывающие промежуток от позднего плиоцена (эоплейстоцена) до голоцена. В настоящее время это наиболее полный и представительный в Средней Сибири разрез, в первую очередь, лессовой формации, представленной чередованием лессовых пород, ископаемых почв и их комплексов. Накопление широкого возрастного и генетического спектра достаточно мощных четвертичных отложений и их хорошая сохранность предопределились во многом своеобразным геоморфологическим положением (расположение в краевой части крупного расширения долины Енисея, оторванность от современных базисов эрозии). Субаэральные толщи, которые преобладают в разрезах района, по сравнению с осадками другого генезиса отражают историю развития и палеогеографию наиболее полно. Это позволило в 1997 г. выдвинуть район в качестве одного из базовых, опорных в Сибири для комплексного исследования геологических разрезов по интеграционной программе СО РАН «Изменение климата и природной среды Сибири в голоцене и плейстоцене в контексте глобальных изменений».

В местной стратиграфической схеме Куртакского района выделены подразделения верхнего плиоцена (эоплейстоцена), нижнего, среднего, верхнего плейстоцена, а также целый ряд более мелких стратиграфических единиц.

К верхнему плиоцену (кочковский горизонт) отнесены аллювий террасы высотой 60 м и перекрывающие его лессовые породы. Аллювий включает серию гидроморфных почв, имеет обратную намагниченность (зона Матуяма). Лессы содержат остатки грызунов таманского комплекса.

Лебедский горизонт нижнего плейстоцена. В него включены отложения погребенной долины Енисея и склоновые шлейфы, примыкающие к высоким террасам (верхнегорская серия). Последние слагаются лессовидными породами, многочисленными педоседиментами, ископаемыми почвами. Мощность отложений до 50 м. В них присутствуют остатки грызунов и крупных млекопитающих Тираспольского комплекса. ТЛ-дата из лессовых пород 450±42 т.л.

К среднему плейстоцену (бережековская серия) отнесены образования тобольского горизонта – вишняковский педокомплекс и залегающие выше отложения бахтинского ледникового надгоризонта – песчаный аллювий перигляциального комплекса, лессовые породы общей мощностью до 14 м. Возраст отложений определяется залеганием между палеонтологически охарактеризованными отложениями нижнего и верхнего плейстоцена. К среднему плейстоцену отнесена также «грубообломочная пестроцветная толща» склонового происхождения мощностью до 3 м. В ней обнаружены остатки среднеплейстоценовых мамонтов. Хотя положение толщи и ее внешние черты позволяют допускать ее более древний возраст.

Верхнеплейстоценовые отложения объединены в куртакскую серию общей мощностью до 25 м. В ее основании залегает каменоложская почва черноземного типа (казанцевский горизонт). К муруктинскому ледниковому горизонту в разрезах с нормальной лессово-почвенной последовательностью отнесены (снизу):

1) лессовидные супеси мощностью до 0,8 м;

2) сухоложский педокомплекс – состоит из четырех сближенных почв со слабодифференцированными профилями мощностью 2,0-3,5 м;

3) чанинская толща – лессовидные слоистые супеси мощностью до 20 м. На участках древних логов указанная последовательность нарушается. Здесь выделен возрастной аналог нижнего вюрма с другой фациальной характеристикой – дочанинские образования.

На отложениях чанинской толщи залегает куртакский педокомплекс мощностью 1-4 м. Он соответствует каргинскому межледниковому горизонту. В большинстве разрезов педокомплекс имеет трехчленное строение (снизу): сильно нарушенная мерзлотными (в том числе с признаками многолетней мерзлоты) процессами почва с датами C^{14} – 29-32 т. л.н., слаборазвитая почва со следами солюфлюкции, слабодифференцированные продукты почвообразования с датами C^{14} в верхней части 22-24 т. л.н.

К сартанскому ледниковому горизонту отнесены трифоновские слои – лессовидные супеси мощностью до 10 м. В кровле и в подошве лессов имеются псевдоморфзы по жильным льдам. Подробно хроностратиграфия четвертичных отложений рассмотрена в монографии [Дроздов, Чеха, Хаззартс, 2005].

Рассмотренная стратиграфическая схема основана в основном на образованиях лессовой (субаэральной) формации, служит сейчас в регионе основой для решения различных вопросов четвертичной геологии, палеогеографии, археологии и палеоэкологии человека. Анализ имеющихся естественно-научных и археологических материалов, сопоставление с другими регионами позволяют говорить, что Куртакский район в этом отношении обладает высоким, но далеко не в полную меру использованным потенциалом. Вот некоторые дискуссионные вопросы, требующие разрешения: палеоклиматические параметры и индикаторы потеплений и похолоданий в регионах с резкоконтинентальным климатом, характер меридиональной и высотной миграций, трансформаций природно-климатических показателей и др.

К числу несомненных достижений следует отнести разработку палеогеографических сценариев развития природной среды внеледниковой зоны Средней Сибири для эпох потеплений и похолоданий. Для потеплений (казанцевское время, первая половина каргинского времени) в целом для региона устанавливается близкая современной структура растительности. Эпохи похолоданий имели гораздо более сложную структуру. Выделяются переходные этапы (раннемуруктинское, позднекаргинское время), когда в межгорных впадинах образовались промежуточные между лессами и почвами образования (педолиты). Похолодание климата начало приводить к смещению вниз растительных поясов и миграции таежной растительности во впадины. Появились ерниковые ассоциации. Собственно эпохи похолодания (вторая половина муруктинского времени, сартанское время) характеризовались разрастанием горного оледенения, расширением пояса горных тундр, мерзлоты, дальнейшей миграцией во впадины таежной растительности с элементами холодолюбивой горной. Однако разнотравные лесостепные, степные ландшафты здесь сохранялись на протяжении всего позднего плейстоцена. Одновременно получает развитие лессонакопление. Формируется «коричневый лесс». Дальнейшее развитие характеризовалось остепнением, расширением площадей лессонакопления со сменой на «серый лесс». Отмечается «избегание» лессами наиболее засушливых частей впадин.

В межгорных впадинах в эпохи похолоданий понижение среднегодовой температуры оценивается в первые градусы. В целом сценарии не дают оснований говорить о существенных зональных изменениях природной среды региона в эпохи похолоданий.

Эволюционный путь развития природной среды был не единственным в истории позднего плейстоцена. Выделяются отрезки времени с резким ухудшением климата (кризисные) с появлением в межгорных впадинах многолетней мерзлоты, а в растительном покрове лесотундровых (?), близких северотаежным, группировок. Продолжительность таких кризисов (среднемуруктинское, среднекаргинское, раннесартанское время) достигала первых тысяч лет. Используя метод актуализма (по мерзлотным явлениям) можно предполагать существование на юге Средней Сибири в такие периоды условий северной тайги, лесотундры (температура января 36-40ºС ниже нуля, июля +16º, +18ºС, среднегодовая 10-12˚С ниже нуля).

Одним из интереснейших объектов в районе является куртакский почвенный комплекс (каргинское время). Помимо наличия в нем позднепалеолитических стоянок, временной отрезок в палеогеографическом смысле остается в Северной Евразии слабоизученным. Это, в частности, определяет и проблемную в археологии задачу о переходе от эпохи мустье к позднему палеолиту. Поэтому значительным достижением стало получение для каргинского времени детальной палеогеографической летописи с выделением одиннадцати климатических этапов, основанной на весьма детальном (менее чем тысячелетие) хроностратиграфическом расчленении соответствующих образований.

Археологические результаты. На территории Куртакского геоархеологического района было выявлено около 20 местонахождений и стоянок раннего, среднего и позднего палеолита, относящихся к группе памятников с разрушенным культурным слоем. Дислокация археологического материала на пляже водохранилища значительно затрудняет его датировку. Поэтому

основными критериями хронологического соотнесения являются технико-типологические, морфологические показатели и древняя фауна. Материал ранне- и среднепалеолитического облика, выявленный на пляже, как правило, сопровождается артефактами более позднего времени. В данной ситуации хронологическим критерием наряду с архаичностью техники расщепления (радиальные леваллуазские и протолевалуазские типы нуклеусов, присутствие пластин, острий, изготовленных в технике леваллуа «levallois a lame», «levallois point») выступает наличие сильной и средней степени дефляции. Соотнесение коллекций артефактов по степени дефляции полностью отвечает технико-типологическому своеобразию «ранних» и «поздних» комплексов.

До открытия Куртакского района в целом по региону основные самые древние памятники датировались возрастом как правило не древнее 20 тыс. лет. Открытие в Куртакском геоархеологическом районе значительно удревнило историю освоения человеком территории Средней Сибири. Не ставя перед собой цели дать характеристику всех стоянок и местонахождений Куртакского района в статье характеризуются лишь некоторые, наиболее ярко представляющие ранне-, средне- и позднепалеолитические комплексы.

Местонахождение Каменный лог. Местонахождение располагается в береговой зоне водохранилища и занимает отмель между Каменным и Сухим логами. В береговом уступе были вскрыты все стратиграфические подразделения куртакской серии позднего неоплейстоцена. На западе, вблизи Каменного лога отмель слагается песчаниками карбона, на которых рассеяны валуны, гальки кварцитов, кремней, окремненных пород, которые являются остатками аллювия 60-метровой террасы и продуктами размыва грубообломочной пестроцветной толщи (самаровский горизонт среднего плейстоцена). Здесь же концентрируются наиболее архаичные, домустьерские комплексы артефактов. Восточнее на отмели появляется покров каменноложской почвы и образования сухоложского почвенного комплекса. Здесь преимущественным развитием на поверхности отмели пользуются комплексы мустьерских артефактов. Таким образом, хотя археологический инвентарь здесь является подъемным, часто смешанным (сочетание комплексов архаичного, мустьерского, позднепалеолитического материала), образуясь за счет размыва разновозрастных толщ, его расположение контролируется в определенной мере геологически. Единичные артефакты домустьерского, мустьерского облика собраны непосредственно в геологических слоях – в пестроцветной грубообломочной толще и в сухоложском педокомплексе.

Археологический материал архаичного облика, собранный на береговой отмели, несмотря на подъемный характер, занимает определенные геологические позиции и также разделен на два комплекса (А-«архаичный» – ранний палеолит, Б – мустьерский). Наиболее архаичные комплексы артефактов концентрируются на западе местонахождения в местах размыва грубообломочной пестроцветной толщи, датированной средним плейстоценом и непосредственно на коренных породах с размытой корой выветривания. Пространственно артефакты связаны с размытыми древними галечниками цоколя 60-метровой террасы. Эти галечники служили сырьем для археологического материала. Таким образом, геологическая позиция и закономерности распространения дают основания связывать археологический материал с отложениями второй половины среднего плейстоцена.

Каменный инвентарь состоит на 78% из кварца и кварцита различных цветовых оттенков. Первичное расщепление характеризуют нуклеусы, распределенные на несколько групп по оформлению фронтальной поверхности: радиальные; субпараллельного принципа; параллельного принципа. Среди нуклеусов выделяются изделия с выделенной «shapeau de gendarme» и ядрища с так называемым «конвергентным» скалыванием заготовок, когда в процессе использования площадка и фронт нуклеуса меняются местами. Таким образом, среди первичного расщепления в «раннем» комплексе местонахождения Каменный лог преобладает леваллуазская технология подготовки и утилизации ядрищ не в классическом варианте, а в определяющих технику элементах подготовки и использования нуклеусов, о чем свидетельствует также коллекция леваллуазских острий.

Остальной каменный инвентарь представлен чопперами, чоппингами, рубилами и рубящими орудиями, скреблами и скребками.

Археологическая коллекция позднепалеолитического комплекса местонахождения Каменный лог насчитывает около 2500 артефактов. Основным критерием отнесения материала к этому комплексу явилось наличие традиционных для позднего палеолита Среднего Енисея технико-типологических и морфологических показателей (отсутствие следов дефляции или ее слабая степень, наличие микропластинчатой индустрии, параллельный принцип расщепления и др.).

Первичное расщепление представляют различные варианты нуклеусов на гальках ороговикованных пород преимущественно зеленого цвета, широко представлены ядрища из мелкозернистого кварцита различных цветовых оттенков. Сочетание принципов расщепления имеет довольно обширный спектр: радиальный принцип, который проявляется в основном при оформлении фронтальной поверхности перед скалыванием; нуклеусы субпараллельного принципа (веерного скалывания); широко представлены нуклеусы параллельного принципа снятия заготовок; микропластинчатые нуклеусы. В целом среди плоскофронтальных нуклеусов большое место занимают нуклеусы с отдельными элементами леваллуазской техники и различным их сочетанием. Особенности первичного раскалывания в коллекции позднего комплекса позволяют поставить вопрос о характере генезиса микропластинчатой техники в позднем палеолите Среднего Енисея. 56% всех «галечных» нуклеусов представляют «плоскофронтальные» ядрища, из них 32,5% имеют следы снятия удлиненных заготовок (или «забитость») с конца одной из латералей плоского фронта, образуя группу комбинированных плоскофронтальных-торцовых нуклеусов. Следующая группа нуклеусов, отнесенная нами к торцовым, представляет собой микропластинчатые нуклеусы, переоформленные из монофронтальных плоских ядрищ, здесь скалывание микропластин является результатом применения целенаправленной техники. Следующую группу составляют собственно клиновидные микропластинчатые нуклеусы, образующие довольно четкие стандартизированные серии. Здесь преформами являются: плоскофронтальные «галечные» ядрища, бифасиальные и унифасиальные спецзаготовки (частично с сохранением традиции оформления площадки клиновидного нуклеуса со стороны одной латерали), отщепы.

Результаты анализа этих групп изделий дают основание утверждать, что «поздний комплекс местонахождения Каменный лог» в первичном раскалывании иллюстрирует традиционно закрепленный эволюционный переход от плоскофронтального скалывания заготовок к микропластинчатой технологии. Вопрос о хронологическом отнесении данного комплекса остается открытым исходя из подъемного характера сборов.

В коллекции позднего комплекса отходы производства и возможные заготовки составляют всего 12% (возможно, потеряны в процессе размыва пляжа как более легкие).

Орудийный набор представлен скреблами на крупных отщепах с вентральной и дорсальной локализацией сколов оформления лезвия, отщепами и пластинами с ретушью различного характера. Микропластинчатая индустрия представлена только нуклеусами.

Местонахождение Разлог. Местонахождение Разлог расположено на береговой отмели водохранилища между приустьевыми частями логов Разлог и Четырехглавый в 3 км ниже п. Куртак. Археологический материал концентрировался на низкой береговой отмели, единичные артефакты встречались под основным береговым уступом. Есть основания предполагать связь артефактов с кровлей или подошвой аллювиальной среднеплейстоценовой толщи, которая была вскрыта разрезом в восточной части участка. Эта связь может подтверждаться тем обстоятельством, что в западной части местонахождения, где аллювий указанного возраста отсутствует, артефакты не обнаружены. Кроме того, в линзе обохренного гравийно-галечного материала, залегающего на кровле среднеплейстоценового аллювия, обнаружен пока единичный искусственно обработанный обломок кварцита светло-серого цвета.

Археологический материал на береговой отмели располагался среди россыпей галек и валунов (остатки неогенового аллювия). Артефакты, архаичные по облику, изготовлялись обычно из находившихся в составе аллювия валунов и галек темно-серых и черных кварцитов.

Таким образом, возраст археологического материала местонахождения Разлог II по геологическим данным предварительно определяется как среднеплейстоценовый (самаровское время).

Археологические материалы местонахождения Разлог II разделены на два комплекса (ранний и поздний), так как различия между комплексами практически не оставляют сомнений в объективности такого разделения.

Поздний комплекс немногочисленен и составляет 112 экз. сколов и ретушированных пластин.

Ранний комплекс выделяется по следующим критериям:

1. Архаичность технико-типологических показателей (с доминированием радиального принципа раскалывания, долечная техника) и внешнего облика.

2. Петрографическая характеристика. Археологический материал раннего комплекса представлен только кварцитами различных оттенков.

3. Присутствие следов различной степени дефляции на негативах сколов.

Отнесение артефактов к раннему комплексу осуществлено при обязательном наличии всех трех критериев. В результате собранная коллекция иллюстрирует одну из наиболее ранних индустрий в этом регионе.

Археологический материал раннего комплекса местонахождения представлен коллекцией, насчитывающей 63 артефакта различной степени дефляции. Техника первичного расщепления представлена дисковидными формами нуклеусов радиального принципа расщепления, нуклеусами монофронтальными параллельного принципа. Подобные ядрища, характерные для раннего палеолита, были отмечены на местонахождениях Южного Приагарья, в бассейне Лены. Группа крупных сколов и отщепов представлена 16 экз. Битая галька и валуны, не поддающиеся типологическому соотнесению, представлены 24 экз.

Орудийный набор Разлога II представлен в основном чопперами – 16 экз. В отношении данной группы артефактов вполне вероятным представляется соотнесение большей части их с нуклеусами по функциональному назначению. В этом случае данная группа артефактов будет соотноситься с так называемой «долечной» техникой либо являться свидетельством опробывания сырья. Во всяком случае, исследование «чопперовидных» изделий на предмет более детальной расшифровки технологического контекста в данном конкретном случае является одной из ближайших научных перспектив.

Наибольший интерес в коллекции вызывают орудия с технологическим выступом, которые в литературе называются «клювовидными», орудия типа «павиан», орудия с «носиком» и т.д.

По ряду технологических признаков и морфологическому проявлению выступа среди орудий выделяются следующие серии:

1) орудия с «выступом», выделенным с двух сторон одной поверхности несколькими сколами, имеющими округлый, уплощенный «носик» (данные артефакты мы относим непосредственно к «орудиям типа павиан»);

2) орудия с «выступом», обозначенным не только с одной поверхности, но имеющим на другой поверхности следы незначительной подработки или функционального использования. Данная серия артефактов ассоциируется с орудиями «пробойного действия», хотя реальный функциональный спектр может быть достаточно широк. Орудия подобного типа – явление очень распространенное в нижнем палеолите Северной Азии. Они были отмечены А.П. Окладниковым еще в 1960-х гг. при исследовании древнейших памятников Дальнего Востока (Кумары, Филимошки), выделены Ю.А. Мочановым при описании каменного инвентаря Диринг-Юрях.

В целом коллекция артефактов местонахождения Разлог II имеет общие черты с орудиями раннепалеолитических местонахождений Северной Азии, где преобладают ярко выраженные галечные индустрии: Филимошек, Усть-Ту, Диринг-Юрях, Кумар, Улалинка, Юнкюра. На этих памятниках из орудий также преобладают чопперы, отмечены изделия с «носиком». Петрографический состав материала, как и на Разлоге, большей частью представлен кварцевыми и кварцитовыми породами. Объединяющим признаком перечисленных выше инду-

стрий является сходство техники расщепления. Она представлена в основном радиальным и бессистемным принципами обработки камня. В отличие от коррадированных галечных индустрий Северной Азии, материал местонахождения Разлог II имеет в основном следы средней и слабой (люстраж) дефляции.

Археогеологические и палеоэкологические результаты. Куртакский геоархеологический район положил начало масштабным исследованиям «енисейского палеолита». Появилась возможность с привлечением всех полученных материалов, опираясь на фундаментальные исследования Куртакского района, оценивать природные, палеоэкологические закономерности развития человеческих обществ палеолита в бассейне р. Енисей и на сопредельных территориях (Кузнецкий Алатау, Канская впадина, долина р. Ангары). Необходимо отметить, что оценки влияния природы на древнего человека крайне неоднозначны и противоречивы. При этом точки зрения нередко диаметрально противоположны.

Согласно нашим исследованиям, установлена связь человека с периодами, переходными от потеплений к похолоданиям (раннемуруктинский, позднекаргинский этапы) либо к первым половинам похолоданий с климатом умеренно холодным, достаточно влажным (самаровский этап, начало среднего сартана). Хронологически такие периоды занимали основную часть климатических циклов. Лишь к концу сартанского времени человек адаптировался и к аридным условиям. Выявлена связь этих отрезков времени с событиями в Центральной Азии – льдообразованием в горах, миграцией растительных поясов, обводнением равнин. Таким образом, уже в среднем плейстоцене человек адаптировался в Северной Азии к достаточно холодной природной среде. Как наиболее теплые периоды (казанцевское время, раннекаргинское время ?), так и климатически экстремальные, аридные приводили к миграциям, рассредоточениям, перемещениям человека из исходных мест обитания.

Циклические изменения природы, таким образом, определяли прерывисто-непрерывный, неравномерный ход развития древних человеческих обществ во времени. Возможно, не случайны совпадения и направленного изменения культур с климатическими переменами: самаровский этап (ранний палеолит) – перерыв – раннемуруктинский этап (типичное мустье) – перерыв – каргинское и сартанское время с рядом стадий позднего палеолита, разделенных перерывами (конощелье – 33-29 тыс. лет, начало сартана – 22-18 тыс. лет).

Основной формой влияния природы на человека служил также фактор пространственного разнообразия внеледниковой зоны. Это определяло крайнюю неравномерность его расселения. Уже впервые появившийся в эпоху среднеплейстоценового оледенения человек (миграции из Европы?, Центральной Азии?) выбрал для проживания Северо-Минусинскую впадину. Она находилась вне прямого влияния Саянских горных оледенений и под защитой северных хребтов от «дыхания» северо-сибирских ледниковых покровов. Как в это время, так и впоследствии участками, районами повышенной плотности палеолитических поселений становились территории с прстранственно-географическим разнообразием границ, контактных линий. В условиях зон контакта «контрастных географических сред» важное значение имели факторы лесистости, максимальной продуктивности крупных млекопитающих. С этих позиций различные культурные общности (поздний палеолит) проявляли себя единым образом. При миграциях эта закономерность выражалась слабо.

Весьма прочной в пределах контактных зон была зависимость хозяйственного уклада, образа жизни от природных ресурсов. На примере северного оленя – основного промыслового вида в позднекаргинский, сартанский этапы палеолита – видна независимая от культурной принадлежности единообразная поведенческая, хозяйственная деятельность человека. В целом природная среда была полифункциональной системой, действующей на человека комплексно. Поэтому часто возникающий вопрос «какие факторы среды оказывали наибольшее влияние на человека?» остается без объективного ответа. Сильные прямые зависимости от природы были ограничены в количественном отношении. Они обусловливали приспособительный характер жизни человека, были ведущими факторами, определяющими его пространственно-временные параметры (возможно, исключая вторую половину сартанского этапа). Идеи палеогеографического детерминизма можно оценивать критически, но, видимо, после соответствующих палеосоциальных исследований.

Приспособление человека к природной среде было активным, происходило по пути экстенсивного освоения новых территорий (наиболее активно в средне-позднесартанский этап при резко возросшей численности населения), вовлечения в хозяйственную деятельность новых видов природных ресурсов либо их замены ввиду ландшафтных изменений, введения способов защиты от неблагоприятных воздействий среды. Одним из самых примечательных следствий приспособительного характера человека являлся его прослеживающийся в течение всей истории палеолита «природный» традиционализм, устойчивость, консерватизм. Это выражалось в тенденции к обитанию в периоды с вполне определенными природными условиями. Устойчивыми были и пространственные закономерности размещения поселений. Единообразно, независимо от культурной принадлежности на поздних этапах проявлялся характер трофических связей и, как следствие, сходство образа жизни. Эта важнейшая закономерность очевидно определяла и относительную социальную устойчивость древних обществ. По словам археолога Г.П. Григорьева (1968), кажущаяся излишней приверженность к традициям была для позднепалеолитического человека единственным способом накопления, хранения и передачи опыта.

Заключение. Важнейшими открытиями в Куртакском археологическом районе являются:

1) обнаружение местонахождений раннего палеолита, возраст которых может быть определен не моложе 200 тыс. лет (Разлог, Каменный лог (ранний комплекс));

2) обнаружение свидетельств возникновения микропластинчатой индустрии (Каменный лог (поздний комплекс));

3) получение большой коллекции материалов позднего палеолита, отражающих специфику этого периода для Средней Сибири;

4) уникальное геологическое строение, позволившее дать опорную стратиграфическую схему четвертичного периода региона, реконструировать природную среду плейстоцена.

Куртакский геоархеологический район представляет собой уникальный комплекс древних археологических памятников, посредством дальнейшего изучения которого, возможно решение актуальных проблем современного палеолитоведения в том числе первоначального заселения человеком Северной Азии.

Литература

Бердников М.А., Медведев Г.И., Федоренко А.Б. Некоторые аспекты изучения докерамических местонахождений Ангаро-Осинского района (Южное Приангарье) // Четвертичноая геология и первобытная археология Южной Сибири: Тез. докл. всесоюз. конф. – Улан-Удэ, 1986. – Ч. II. – С. 28-29.

Дроздов Н.И., Артемьев Е.В., Макулов В.И., Чеха В.П., Дроздов Д.Н. Куртакский геоархеологический район – выдающийся естественно-археологический объект в Средней Сибири (к 20-летию со времени открытия) // РА. – 2007. – № 4. – С. 32-41.

Дроздов Н.И., Чеха В.П., Акимова Е.В., Артемьев Е.В., Кольцова В.Г., Бокарев А.А., Оводов Н.Д., Мартынович Н.В., Вдовин А.С., Орлова Л.А., Ямских А.Ф., Ларичев В.Е., Холюшкин Ю.П., Сулержицкий Л.Д. Археология, геология палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау и Восточный Саян). – Красноярск: Изд-во «Зодиак», 1992. – 130 с.

Дроздов Н.И., Чеха В.П., Артемьев Е.В., Хазартс П., Орлова Л.А. Четвертичная история и археологические памятники Северо-Минусинской впадины. – Красноярск: Изд-во КГПУ, 2000. – 77 с.

Дроздов Н.И., Чеха В.П., Лаухин С.А., Акимова Е.В., Кольцова В.Г., Артемьев Е.В., Бокарев А.А., Леонтьев В.П., Викулов А.А. Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея). – Новосибирск: Наука, 1990. – 184 с.

Дроздов Н.И., Чеха В.П., Хазартс П. Геоморфология и четвертичные отложения Куртакского геоархеологического района (Северо-Минусинская впадина). – Красноярск: РИО КГПУ им В.П. Астафьева, 2005. – 112 с.

Drozdov N.I., Artem'ev E.V., Chekha V.P., Drozdov D.N. Paleolithic in Kurtak Archaeological Areal, Russia // Commemoration 40 years for Paleolithic Studies Men's Lives. – Yung-jo LEE ed. 2003. – P. 409–433.

Haesaerts P., Drozdov N.I., Chekha V.P., Damblon F., Orlova L.A. Van Der Plicht The loess-palaeosol succession of Kurtak (Yenisei basion, Siberia): a reference record for the Karga Stage (MIS 3) // Quaternaire. 2005. – N 16. – P. 3-24.

Н.Н. Крадин

Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОЧЕВНИКОВ И НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ*

В истории Восточной Евразии, начиная с эпохи хунну, сложилась биполярная картина мира: китайские династии на юге и кочевые империи на севере. При этом прослеживается несколько циклов подьема-упадка китайских династий и степных империй – Хань и хунну, Тан и тюрки/уйгуры. В этой биполярной картине мира народам Дальнего Востока была отведена роль запасного игрока. Только в периоды кризиса главных актеров, освобожденные от давления как со стороны кочевников, так и со стороны китайцев, они создавали свои государственные образования и захватывали земледельческие области на юге [Barfield, 1992; Крадин Н.Н., 2002; Turchin, 2009].

Культурное влияние может транслироваться различными средствами: через движение материальных объектов, распространение текстов и вербальной информации, контакты носителей различных культур и т.д. Различные формы культурных контактов между кочевым миром и средневековыми дальневосточными государствами были рассмотрены в нескольких публикациях А.Л. Ивлиева [1988; 1997]. В этой работе хотелось бы обратить внимание на роль еще одного важного фактора – насильственное перемещение больших масс людей на дальние расстояния. Я не буду оценивать этическую сторону данных событий. Они не имеют и не могут иметь никакого исторического оправдания. В то же самое время, как это не парадоксально, следствием этих процессов нередко были интенсификация культурного взаимодействия между носителями разных культур, взаимное обогащение народов, создание новых культурных форм.

По данным письменных источников хорошо известно, что кочевники в периоды существования степных империй многократно нападали на Китай и угоняли в плен земледельческое население. Первой из кочевых империй была Хуннская держава (209 до н.э. – 48 г. н.э) [Крадин Н.Н., 2002]. По данным китайских хроник известно, что у хунну существовали поселения и города, население которых занималось сельским хозяйством [Материалы.., 1968, с. 91; 1973, с. 22-24, 30, 103]. Есть на этот счет соответствующие археологические данные. На настоящий день известно почти два десятка городищ с культурным слоем, относящимся к хуннскому времени [Киселев, 1957, 1958; Hayashi, 1984; Данилов, 2004 и др.]. Наиболее изученным из оседлых памятников хунну является Иволгинское городище, расположенное на территории современной Бурятии около г. Улан-Удэ. Материалы раскопок городища и сихронному ему могильника опубликованы практически полностью [Давыдова, 1985, 1995, 1996].

Население городища имело полиэтничный характер. Это подтверждается анализом состава стада домашних животных, конструктивными особенностями жилищ, отдельными категориями артефактов, антропологическим анализом погребенных в Иволгинском могильнике, особенностями погребального обряда.

Преобладание в остеологическом материале городища костей таких животных как собака (29%) и свинья (15%) [Гарутт, Юрьев, 1959, с. 81-82; Давыдова, 1995, с. 47], в совокупности

* *Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 08-01-00265а и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»*

с широко используемой на городище традицией строительства «кана» невольно наводит на мысль о том, что, возможно, определенная часть жителей городища являлась выходцами с Дальнего Востока. Известно, что собака является традиционным деликатесом народов Китая, Маньчжурии и Корейского полуострова, а свинья с глубокой древности входила в число излюбленных лакомств «восточных иноземцев» [Ларичев, 1973, с. 112; Крюков и др., 1983, с. 155]. В то же самое время показательно, что в остеологических коллекциях из Ильмовой пади на долю собак приходится всего 6%, а кости свиньи не упоминаются совсем [Коновалов, 1976, с. 209]. Население Иволгинского городища активно занималось рыболовством [Давыдова, 1995, с. 48-9; 1996, с. 14, 81-82].

Традиция сооружения канов (кор. *ондоль*), несомненно, не местного происхождения и фиксируется в Байкальской Азии только в хуннское время [Давыдова, 1985, с. 21]. Как свидетельствуют исследования последних лет, самые ранние сооружения данного типа обнаружены на севере КНДР и в приграничных с Кореей районах Китая и только впоследствии *кан* распространился на сопредельные территории Маньчжурии, Дальнего Востока России и Корейского полуострова [Бродянский, 1985; Onuki, 1996]. Его появление в Бурятии, скорее всего, является следствием привнесения традиции на более холодную территорию Байкальской Азии каких-либо групп «восточных иноземцев» или китаеязычных носителей данной строительной традиции с юго-востока.

Наряду с сельским хозяйством, часть жителей городища занималась и ремесленным производством. По концентрации в отдельных жилищах находок разных категорий прослеживается специализация их обитателей. Так, в жилище № 25 обнаружено большое число изделий и заготовок из кости, в жилище № 32 - железные орудия труда и формочки для отливки металла, в жилище № 41 - много керамики и керамического брака, в жилище № 49 - панцирные пластины и другие предметы вооружения [Давыдова, 1985, с. 20, 75-80].

Технология земледельческих орудий определенно связана с Китаем. Лопата, обнаруженная на Иволгинском городище [Давыдова, 1985, с. 99, рис. VIII, *26*; 1995, табл. 132, *9*, 186, *51*] и кельты [Давыдова, 1995, с. 32, табл. 186, *22-23*] аналогичны ханьским лопатам и кельтам [Крюков и др., 1983, с. 152; Давыдова, 1995, с. 32-33, 44, 52], хуннские насады на пахотные орудия [Давыдова, 1985, с. 99, рис. VIII, *23*, *25*; 1995, табл. 31, *1*] очень похожи на древнекитайские [Крюков и др., 1983, с. 150], а серповидные ножи [Давыдова, 1995, табл. 24, *5,* 31, *3*, 61, *5*, 95, *7*, 149, *25*, 154, *17*, 186, *40-44*] подобны традиционным китайским серпам.

Истоки хуннской ремесленной гончарной традиции, по всей видимости, также находятся в земледельческом мире [Дьякова, Коновалов, 1988; Худяков, 1989, с. 149-150; Давыдова, 1995, с. 27-28; Филиппова, Амоголонов, 2000 и др.]. Из всех типов сосудов особенно хотелось бы выделить изделия с отверстиями в дне [Давыдова, 1995, табл. 20, *4*, 26, *8-9*, 43, *11-12*, 58, *10-11*, 143, *19*, 169, *8*, 175, *7*, 177, *20-21, 35*]. Они использовались для широко распространенного в Ханьском Китае способа приготовления риса и иных круп на пару [Крюков и др., 1983, с. 202-203].

На городище, кроме этого, был обнаружен ряд предметов, на которых имелись знаки китайской письменности. К их числу относится, например, каменное точило [Давыдова, 1995, табл. 15, *15*], надписи на трех сторонах которого были интерпретированы китайским археологом Ся Наем [Давыдова, 1995, с. 37] как *суй* (количество лет), *чу* (враг, соперник, ненавидеть, мстить; этот иероглиф использовался в качестве фамилии) и *дан* (партия, административная единица в 500 дворов; этот иероглиф также мог использоваться в качестве фамилии). Представляет большой интерес надпись на днище сосуда из жилища 21 [Давыдова, 1995, табл. 38, *7*, 179, *3*], которая по интерпретации выше цитированного профессора Ся Ная [Давыдова, 1995, с. 28] является иероглифом ханьского времени *и*, переводимым им в значении «заслуженно». Не менее интересны оттиск на донышке сосуда из жилища 50 [Давыдова, 1995, табл. 179, *1*], который похож на иероглиф *чжу* (хозяин, правитель), оттиск иероглифа *ван* еще на одном донце сосуда, оттиск на дне сосуда из жилища 13, схожий с иероглифом *ту* (картина) и процарапанная надпись на внутренней части венчика другого сосуда, похожая на иероглиф *цзин* (колодец) [Давыдова, 1995, табл. 29, *1*, 179, *6, 9*]. Некоторые оттиски на керамике не под-

даются прочтению [Давыдова, 1995, табл. 134, *4*, 179, *2, 5, 7*], однако не исключено, что это могли быть клейма мастеров.

Поскольку даже верхи хуннского общества не отличались особенным знанием китайской письменности (достаточно напомнить хорошо известный эпизод с подменой шаньюевой печати по приказу Ван Мана), то едва ли простые номады могли быть более грамотными, чем их вожди. Поэтому можно предположить, что надписи на предметах из Иволгинского городища были сделаны не хуннами, а выходцами из оседло-земледельческого мира и, скорее всего, иммигрантами или военнопленными из Китая.

А.В. Давыдова полагает, что погребальный обряд населения Иволгинского могильника отличался от хуннского и был, в целом, более бедным [Давыдова, 1985, с. 22, 35]. Данное обстоятельство, по ее мнению, свидетельствует: (1) о межэтнической стратификации, (2) социальных отличиях между иммигрантами (так называемыми *циньцами* [Материалы.., 1973, с. 24, 138, прим. 24]) и военнопленными, (3) пленниками в первом поколении и потомками угнанного земледельческого населения. Косвенно на это указывают разнообразие и размеры строительных конструкций соседнего с могильником Иволгинского городища, а также обнаруженный в этих объектах инвентарь [Давыдова, 1985, с. 20].

Эти предположения подтверждаются физико-антропологическими исследованиями погребенных в Иволгинском могильнике, а также исследованием погребальной обрядности. По мнению И.И. Гохмана, жители городища относились к трем различным антропологическим группам: (1) хуннской (согласно А.В. Давыдовой, некочевая часть); (2) аборигенной (возможно, из числа потомков «плиточников»); (3) китайской из числа перебежчиков и военнопленных [Гохман, 1960; см., также: Давыдова, 1985, с. 22, 85-86; 1996, с. 26-30]. Анализ социальной структуры на основе изучения погребального обряда позволяет выделить примерно четыре–пять групп населения городища с разным статусом [Крадин, Данилов, Коновалов, 2004].

В китайских хрониках нет никакой информации о городе, существовавшем на северной окраине Хуннской империи. Однако, есть информация о причине создания оседлых поселений в период существования Сяньбийской державы (130-180 гг. н.э.). Известно, что основатель Сяньбийской державы Таньшихуай был обеспокоен нехваткой продовольствия. По этой причине он приказал переселить «с востока» в район Лаохахэ около 1000 семей народа вожэнь, занимавшегося рыболовством, с тем, чтобы они восполняли номадам недостаток пищи рыбной ловлей [Материалы.., 1984, с. 80, 331]. Помимо пленных ремесленников и земледельцев у сяньби было немало имигрантов из Китая. Именно благодаря им первоначальный ввоз металлического оружия контрабандным способом из Китая [Материалы.., 1984, с. 78] в III в. был заменен собственным производством предметов вооружения из металла [Материалы, 1984, с. 324].

Киданьская империя Ляо (907-1125 гг.) открыла новый этап во взаимоотношениях между Китаем и соседними народами. Их взлет был обусловлен кризисом и распадом династии Тан и запустением степи, вызванным разгромом Уйгурского каганата енисейскими кыргызами. Кидани сначала подчинили несколько небольших государств, образовавшихся на обломках Танской империи. Позднее они завоевали большую часть Северного Китая. Впервые под властью так называемых восточных «варваров» оказалась почти вся территория Северного Китая. В этом многонациональном государстве кочевники кидани («ядро-метрополия») составляли всего пятую часть населения (750 тыс. чел.). Кроме них в состав империи входили земледельцы китайцы – более половины населения (2400 тыс. чел.), бохайцы (450 тыс. чел.), некиданьские (так называемые «варварские») скотоводческие и охотничьи (200 тыс. чел.) народы. Общая численность населения державы составляла 3 млн. 800 тыс. чел. [Wittfogel, Feng, 1949, p. 58].

По мере включения в состав империи значительных земледельческих территорий появилась потребность создания более сложного управленческого механизма. Кидани возводили крупные города, в которых воздвигали пышные дворцы и храмы, селился императорский двор и чиновники. Они все больше и больше отрывались от степных традиций. Численность известных киданьских городищ приближается к полусотни [Ивлиев, 1983]. На территории

Монголии в долинах Керулена и Толы открыто 15 киданьских городищ [Очир и др., 2005]. Они были предназначены сдерживать местных кочевников, а также, по всей видимости, обеспечивать прямые контакты Ляо с тантугами и государствами Средней Азии, минуя Сун.

Исследования на городище Чинтолгой балгас в Монголии дают сведения о социально-экономической жизни в империи Ляо. Памятник расположен в центре Монголии, примерно в 200 км к западу от Улан-Батора. Городище представляет собой почти правильный прямоугольник со сторонами 1,2 км на 0,6 км, ориентированный почти по сторонам света. Городище окружено двумя валами. На основном вале 35 башен, 5 ворот с Г-образным захабом. Городище разделено внутренним валом на северную (административную, элитную) и южную (жилую) части. Прослеживаются следы 3 улиц киданьского времени. В 2004-2008 гг. на городище велись стационарные раскопки международной российско-монгольской экспедицией [Крадин и др., 2005; Очир и др., 2008]. Исследования проводились за счет средств грантов РГНФ (№№ 02-01-00176а, 06-01-91915е/G, 06-01-91915е/G, 07-01-92002а/G, 07-01-92071е/G, 08-01-00265а, 08-01-92072е/G), а также при финансовой поддержке Программ фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (2006-2008) и «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (2009-2011).

В центральной части раскопа 2004-2005 гг. в наиболее возвышенной части были обнаружены остатки глинобитного здания квадратной формы. В западной части раскопа было вскрыто несколько хозяйственных ям, насыщенных горелостями, золой, костями животных и рыб, чешуей, обгорелыми зернами. К северу и северо-западу от этого здания в верхнем горизонте были найдены остатки отопительных сооружений (так называемых *канов*), типичных для бохайской и чжурчжэньской археологических культур. Помимо канов, в процессе раскопок были найдены многочисленные категории артефактов, имеющие аналогии в культуре Бохая. В первую очередь, это так называемые «фишки» – кружки диаметром от 1 до 7 см, сделанные из стенок глиняных, глазурованных и фарфоровых сосудов, фрагментов черепицы и камня. Подобные «фишки» нередко фиксируются на бохайских памятниках Приморья. Другая важная черта – типичные бохайские горизонтальные ленточные ручки. Наряду с ними, на круговой керамике Чинтолгой балагаса встречается и другая разновидность горизонтальных ручек – козырьковые. Эти ручки в виде горизонтальных, слегка наклонённых вниз козырьков с волнистым, наподобие петушиного гребня, краем располагались на тулове сосуда. Подобные ручки найдены на самом изученном бохайском памятнике в Приморском крае - Краскинском городище. Среди найденных в ходе раскопок городища Чинтолгой балгас костяных изделий обращает на себя внимание вырезанный из рога игральный кубик с нанесенными на грани в виде высверленных ямок-точек числами от 1 до 6. Аналогичный по размерам и исполнению кубик найден в 2007 г. на бохайском Абрикосовском селище в Уссурийском районе Приморского края.

Это дало основание предположить, что в число жителей городища входили бохайцы, которых кидани начали депортировать со своей родины вскоре после завоевания государства Бохай в 926 г. При тщательном исследовании истории киданьского государства «Ляо ши» А.Л. Ивлиеву удалось в 37 главе найти данные, согласно которым при создании киданьских пограничных крепостей в долине р. Толы для обеспечения воинов продовольствием было переселено 700 семей бохайцев, чжурчжэней и ханьцев, которые были расселены в Чжэньчжоу (т.е. на территории городища Чинтолгой балгас) и подчиненных ему городах Фанчжоу и Вэйчжоу [Kradin, Ivliev, 2008]. На эту территорию было отправлено для несения воинской службы две «тьмы» (20000 киданьских воинов). Гарнизоны и население пограничных городов-крепостей занимались сельским хозяйством, чтобы обеспечить себя провизией. По всей видимости, в конце 20-х гг. XI в. киданям удалось добиться серьезных успехов в борьбе с племенами шивэй и юйцзюе, так как в дальнейшем количество приграничных конфликтов с кочевниками монгольских степей резко сократилось.

В ходе исследований 2004-2005 гг. в северо-западном углу раскопа были найдены остатки наземного жилища с каном. Трехканальный кан был ориентирован по линии С-Ю. В его южной части находился очаг. С восточной стороны от кана было зафиксировано скопление

игральных альчиков. С севера за пределами жилища располагались три большие сосуда (хума), врытые в землю. Еще чуть дальше к северу была зафиксирована кирпичная стенка, идущая по линии З-В. По всей видимости, она отделяла жилище (и/или квартал) от улицы.

В 2006-2008 гг. исследования велись на другом раскопе площадью 180 кв.м., расположенном к западу от раскопа первых двух лет. Здесь были найдены остатки еще двух жилищ верхнего строительного горизонта с Г-образными канами в каждом из них. Граница между жилищами была определена по кладке черепицы, расположенной на уровне пола. Основания южных стенок обоих жилищ были укреплены крупными камнями. Кроме того, с этой стороны были зафиксированы большие плоские камни, являвшиеся базами для столбовых конструкций. Это дает основание говорить, что город имел компактную квартальную застройку. Жилые районы города состояли из кварталов, которые должны были делиться улицами и переулками. Внутри кварталов достаточно скученно располагались жилища.

После выборки дымоходов и разборки канов обоих жилищ были найдены следы еще одного кана, относящегося к нижнему строительному горизонту. Также были зафиксированы вертикально поставленные плоские камни, которые, вероятно, укрепляли северную стенку одного из жилищ более раннего строительного горизонта в этом же секторе. Под полом того же жилища были найдены три большие хозяйственные ямы. В одной из ям был врыт большой хум. Последующие исследования показали, что жилища перестраивались внутри кварталов, по всей видимости, примерно на том же месте, где стояли более ранние жилые строения.

Совместное проживание на этой территории киданей, аборигенного населения, а также переселенных сюда бохайских, китайских и чжурчжэньских земледельцев и ремесленников вело к смешению разных культур. Последующие исследования позволят углубить наши представления о сложных социально-экономических и этнокультурных процессах в киданьском обществе.

Последние годы существования города Чжэньчжоу связаны с личностью Елюя Даши [Пиков, 1989; Biran, 2005]. После создания чжурчжэньской империи Цзинь (1115-1234 гг.) и разгрома государства Ляо остатки киданей собрались под его руководством на территории Чжэньчжоу и в его окрестностях. Здесь он лелеял планы возрождения империи Ляо, а после того, как стало ясно, что им не суждено было сбыться, Елюй Даши принес в жертву белого коня и направился в поход в Западный край, где им была создана кочевая империя каракиданей Си Ляо.

Наиболее крупномасштабный период миграций и депортации народов связан с созданием империи Чингис-хана и монгольскими завоеваниями XIII в. Монголы замкнули цепь международной торговли в единый комплекс сухопутных и морских путей. Впервые все крупные региональные ядра (Европа, Исламский мир, Индия, Китай, Золотая Орда) оказались объединенными в единую цепь [Abu-Lughod, 1989]. С этого времени границы Ойкумены значительно раздвинулись, политические и экономические изменения в одних частях света стали играть гораздо большую роль в истории других регионов мира [Крадин, Скрынникова, 2006].

Начало активной военной экспансии потребовало переноса ставки из Восточной Монголии с берегов Керулена в новое место. В источниках сообщается, что уже в 1220 г. было принято решение о переносе ставки в долину Орхона. Однако реальное строительство Каракорума (монг. Хархорин) началось в 1235 г., когда были воздвигнуты ханский дворец, городские стены и начато строительство дворцов и жилищ для представителей монгольской элиты. Местоположение будущей столицы было обусловлено, в первую очередь, геополитическими преимуществами. Отсюда было гораздо удобнее контролировать и Китай, и торговые пути через Ганьсу, и совершать походы на Джунгарию и Восточный Туркестан. Возможно, что это было также связано с особой сакральной привлекательностью этих мест, обусловленной тем, что здесь располагался исторический центр более ранних степных империй.

Важную роль в создании столицы сыграла необходимость концентрации в одном месте ремесленников из завоеванных стран. Монголы очень скоро осознали нехватку подготовленных кадров в различных областях деятельности, но еще быстрее поняли, что квалифицированный специалист является таким же ресурсом, как скот или материальные ресурсы.

В течение уже первых десятилетий существования империи они провели масштабную мобилизацию человеческих ресурсов. Только после захвата Хорезма в Монголию было угнано по данным *Сборника* Рашид ад-Дина [1952, с. 217] 100 тыс. ремесленников - фантастическая цифра, которая явно преувеличена. Однако масштабы все равно выглядят впечатляюще. Очевидно, что одной из важнейших функций города являлось обеспечение монгольской армии металлическим вооружением и транспортными средствами. Для этих целей на Орхон сгонялись ремесленники из многих завоеванных стран.

Вторая волна насильственной депортации ремесленников была связана с походами на государство Цзинь, в результате чего в Каракорум было привезено много искусных ремесленников и мастерового люда, которые занимались украшением внутренних покоев дворца и производством для него утвари и различных украшений [Рашид ад-Дин, 1960, с. 40]. Многих из ремесленников послали в Среднюю Азию. Третья масштабная волна уже относится к 1255-1259 гг., когда Хулагу присоединил к владениям империи территорию Ирана. Многие из пленников бежали, иногда до 80%. Однако были введены жестокие правила, согласно которым все приютившие у себя беглецов подвергаются смертной казни. Люди боялись давать приют, и все дороги были завалены трупами умерших от голода и холода пленников [Мункуев, 1965, с. 77]. Суровость наказания сдерживала массовые побеги. С течением времени пленники обживались. Если они обладали трудолюбием и талантом, их статус постепенно повышался и они даже могли сделать неплохую карьеру при дворе. При этом важно отметить, что использование людских ресурсов завоеванных народов производилось крайне нерационально. Согласно «*Юань ши*»: «В то время изделия ремесленников транжирились и восемь-девять десятых казенных вещей присваивались частным образом» [Мункуев, 1965, с. 195].

Так или иначе, посредством насильственного переселения масс людей или путем вовлечения в эти процессы массы авантюристов, искателей наживы и приключений монголы создали предпосылки для начала беспрецедентного межкультурного обмена и интеграции между культурами, религиями и цивилизациями. Китайские техники и инженеры сопровождали монгольские армии, вторгавшиеся в страны ислама. Значительные группы населения с территории империи Цзинь были переселены в Мерв и Тебриз для занятия ремеслом и сельским хозяйством. По приказанию Хулагу были построены буддистские храмы на территории Хорасана, Армении и Азербайджана. Археологическими исследованиями изучены остатки одного такого храма неподалеку от Мерва. Конструкция объединяет местные и дальневосточные строительные традиции. В среднеазиатских городах существовали китайские кварталы [Allsen, 2001].

Это создавало возможности для расширения все новых и новых связей, формирования новых мод и вкусов. Однако, не нужно забывать, что монголы не ставили своей целью создать сеть глобальных информационных коммуникаций. Они были одержимы идеей покорения мира и, следовательно, многие результаты их контактов с другими культурами и цивилизациями оказались непреднамеренными. Транзиты «высоких технологий» в большей степени были следствием деятельности политической воли правителей Монгольской империи, нежели внутреннего развития экономики и торговли. В результате сформировались обширные и постоянные сети культурных и технологических контактов между ремесленниками, инженерами, художниками и другими представителями интеллектуального труда разных народов и государств. Все это стало основой для плодотворного технологического и культурного обмена, способствовало претворению в жизнь новых возможностей и уникальных открытий, которым через несколько столетий было суждено перевернуть весь мир [Крадин, Скрынникова, 2006].

Наглядным воплощением смешения культур и народов стал Каракорум - столичный город Монгольской державы. Столица была разделена на несколько участков. В одной зоне располагались усадьбы аристократии и хаганский дворец, в другой были расселены чжурчжэньские и китайские ремесленники, третья была занята мусульманскими купцами. В городе существовало не менее четырех рынков, церкви и кумирни различных конфессий. Какая только речь не звучали в Каракоруме. По словам европейских путешественников здесь можно было

встретить чжурчжэней и китайцев, жителей Средней Азии, аланов, армян, венгров, греков, грузин, немцев, русичей, французов (при всей условности этих этнических наименований для того времени) [Книга Марко Поло, 1956, с. 156; Плано Карпини, 1957, с. 41, 58, 77; Рубрук, 1957, с. 137, 138, 139, 143, 144, 161].

Население Каракорума было объединено в несколько религиозных общин [Рашид ад-Дин, 1960, с. 164]. Археологические материалы и музейные коллекции подтверждают данные сведения. Можно последить близость концевых дисков черепицы на чжурчжэньских памятниках Приморья [Шавкунов, 1990, с. 225] и средневековых памятниках Монголии [Древнемонгольские города, 1965, с. 93, 101, 320]. Типичные чжурчжэньские каны найдены на многих археологических объектах монгольского времени: в Каракоруме, Хирхиринском городище в Забайкалье, городище Дён-терек в Туве [Древнемонгольские города, 1965, рис. 20-22, 29, 33, 41, 74-75, 103-104; Артемьев, 2005, с. 9]. На городище Дён-терек в Туве найдены скульптурные украшения головы дракона, птицы феникс [Древнемонгольские города, 1965, с. 94-95], почти идентичные находкам из Приморья [Шавкунов, 1990, с. 226]. Подробное описание фарфоровых и поливных изделий из Каракорума, сделанное Л.А. Евтюховой, определенно указывает на его цзиньское и сунское происхождение, особенно таких сортов как цзюньяо, цычжоу [Древнемонгольские города, 1965, с. 216-258]. Некоторые орнаменты на сосудах имеют сходство с клиновидным орнаментом древнерусской керамики из Старой Рязани [Киселев, 1957, с. 99-100].

Включение в состав монгольской державы большого количества населения, которое не было привычно к типичной для степняков диете (мясо-молочные продукты), требовало создания специальных поселений для распашки пригодных для земледелия территорий поблизости Каракорума. «За последнее врёмя [татары] захватывают людей Срединного государства и превращают [их] в рабов, [которые] бывают сыты, только [если] едят хлеб. Поэтому [татары] стали захватывать рис и пшеницу, и [теперь] в лагерях также варят кашицу и едят» [Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 69]. Археологические раскопки подтверждают данные письменных источников. На этой территории найдены остатки сельскохозяйственных полей и оросительных каналов, земледельческие орудия, плуги для вспашки, жернова [Древнемонгольские города, 1965, с. 135, 210-211, 213-214].

Правда, этот район считается не очень благоприятным для развития земледелия – здесь выпадает мало осадков и слишком большие холода зимой. Вероятно, поэтому монгольские хаганы были вынуждены завозить дополнительное продовольствие для жителей города. От Каракорума в направлении Китая на расстоянии в пять фарсангов были поставлены ямские станции. На каждом перегоне были поставлены сторожевые тысячи для охраны проезжающих по дороге [Рашид ад-Дин, 1960, с. 41]. Ежедневно в город по указу Угедея пребывало 500 повозок, запряженных восемью волами, нагруженных продуктами и напитками. Все привезенное хранили в специальных амбарах и расходовали по мере необходимости [Там же]. Когда началась война между Хубилаем и Ариг-бугой, первый перекрыл подвоз продуктов в Каракорум и в городе начался голод [Рашид ад-Дин, 1960, с. 161]. Перенос центра империи на юг постепенно привел Каракорум к упадку [Rossabi, 1988, с. 113-114].

Помимо столицы, есть другие памятники городской культуры Монгольской империи. Первый из них – Хирхиринское городище - находится на юге Читинской области. Памятник расположен на низкой надпойменной террасе между двумя высохшими сегодня ручьями (в сезон дождей такие русла быстро превращаются в бурные, непроходимые реки). Это целый комплекс усадеб (более 30) и отдельных жилищ (не менее 100), протянувшийся по линии запад – восток почти на два километра и примерно на 700 м по линии север – юг. В 350 м к западу от края террасы располагалась самая большая цитадель (110-100 м), которая была окружена валом и рвом. Внутри находилось здание дворцового типа (15х30 м) и несколько других строений. Предполагается, что главное здание было одноярусным и сверху было покрыто черепичной крышей [Древнемонгольские города, 1965, с. 23-58]. Вокруг цитадели располагались усадьбы. Одни из них стояли отдельно друг от друга, другие – объединялись в сложную систему кварталов, улиц и проулков. К западу от главной цитадели находилось еще несколько крупных комплексов.

А.Р. Артьемьев, основываясь на радиоуглеродной датировке крайней западной усадьбы 1330-1420 гг., предположил, что «жители города не перестраивали свои усадьбы и дома, а просто возводили их рядом к западу от уже существовавших» [2005, с. 14]. Данное утверждение было бы справедливым, если речь шла о сезонной перекочевке лагеря монголов. Однако, в данном случае усадьбы имели четко обозначенные границы, и если бы возникла необходимость, местные жители проводили бы реконструкцию на том же самом месте. Следы подобной реконструкции удалось проследить японскому археологу на месте ставки Чингис-хана на памятнике Аврага в долине Керулена [Shiraishi, 2005]. Скорее всего, в данном случае можно говорить о том, что данное городище имело важное социально-экономическое значение и расширялось вплоть до гибели Юаньской династии (1368 г.), либо, если согласиться с А.Р. Артемьевым, город несколько раз забрасывался и отстраивался каждый раз заново.

В 9 км к северо-востоку от городища в распадке Алестуй находится отдельно стоящая усадьба. Она представляет собой насыпную платформу высотой до 1.5 м, размером 20х30 м, вытянутую по линии север – юг. С южной стороны склона имеется пологий спуск. Возможно, здесь расположен пандус. В центральной, основной части платформы – большая западина прямоугольной формы. Ориентировка на юг – типичная для монгольских жилищ. Юрта всегда ставится выходом на юг. Точно так же ориентированы дворцы в Каракоруме, Кондуе, Аварге. на Хирхире. Вокруг платформы расположен невысокий вал (0.3-0.5 м), прямоугольной формы размером 70х70 м. Вал ориентирован почти по сторонам света. Он условно обозначен нами как основной двор. На западном и восточном валу имеются скопления камней (впоследствии оказалось, что вал был сделан с использованием камня). Юго-восточный угол вала разрушен и визуально почти не прослеживается. В южной части обвалованного пространства через западный и восточный валы проходит проселочная дорога.

К северному валу пристроен еще один обвалованный участок прямоугольной формы размером 70х35 м. Участок вытянут в широтном направлении и смещен на 18 м к западу по отношению к основному двору усадьбы. Этот участок условно обозначен как вспомогательный двор. В северо-западном углу вала основного двора (к востоку от места соединения восточного вала вспомогательного двора и северного вала основного двора) имеется выход шириной 3 м. В 30 м к западу от второго обвалованного участка находятся остатки какой-то каменной обвалованной конструкции овальной формы с проходом с юго-восточной стороны. Внутри основного двора и на платформе были встречены фрагменты черепицы серого цвета.

В 2009 г. изучалась северная часть усадьбы и прилегающая к ней территория двора до вала. Общая площадь раскопа составила 200 кв.м. Была вскрыта северная часть двора между каменным валом и зданием, а также северная часть платформы. Платформа возвышалась над дневной поверхностью примерно на 80 см. Она была сложена из плотной глины серого цвета. На поверхности платформы было зафиксировано множество находок черепицы, кирпичей и их обломков, другие категории артефактов.

Особую важность имеет находка остатков дымоходных конструкций – кана с тремя дымоходными каналами. Эта традиция широко распространена у дальневосточных народов – корейцев, маньчжуров, в средние века она была известна также у бохайцев и чжурчжэней. Возможно, от чжурчжэей она попала к монголам. По всей видимости, лежанка и кан находились в северной, самой почетной части здания (монг. «*хоймор*»). В традиционной юрте кочевников северная часть также самая почетная. Обычно здесь сидит хозяин или уважаемые гости.

Культурный слой оказался очень насыщенным. Из находок было встречено большое количество железных гвоздей различных размеров, обломки различных железных и бронзовых изделий, плоский наконечник стрелы, каменное лощило, обломок лемеха, куски шлака, обломки тигля, железный замок, втулки ступицы колеса, венчик и куски стенки железных котлов, фрагменты бересты с отверстиями, две игральные фишки из черепицы и изделия из черепицы прямоугольной формы с отверстиями. Найдено 3 целых кирпича и более 50 археологически восстанавливаемых фрагментов.

Наиболее массовым материалом является черепица. Она представлена целыми фрагментами и кусками верхней и нижней основной черепицы, карнизной черепицы с орнаментом и без него. Формовка изделий на шаблоне происходила при помощи составления и уплотнения

глиняных лент. Применение шаблона позволяло изготовить изделия необходимых форм и одинаковых размеров. Шаблоны имели цилиндрическую форму и оборачивались тканью. На черепице имеются следы шляпки гвоздя, используемого при создании шаблона. Подобный технологический прием встречается также на чжурчжэнькой и киданьской черепице, но отсутствует на бохайской. Фрагменты верхней черепицы украшены зигзагообразным узором, насечками, желобчатым узором. Фрагменты нижней черепицы, как правило, гофрированы защипами или косыми вдавлениями, украшены косыми вдавлениями или зубчатым штампом. Типологически черепица усадьбы Алестуй сопоставима с черепицей Хирхиринского городища.

Считается, что Хирхиринское городище было ставкой Исунке – сына Хасара, родного брата Чигис-хана. Основанием для этого является надпись на найденной неподалеку знаменитой каменной стеле («Чингисов камень»), которая сейчас хранится в Эрмитаже: «Когда Чингис-хан после нашествия на народ Сартаул (хивинцев) возвратился, и люди всех монгольских поколений собрались в Буга-Чучигае, то Исунке получил в удел триста тридцать пять воинов хондогорских». Эта надпись датируется 1225 г. [Банзаров, 1997, с. 113].

Другой известный памятник этого же времени – Кондуйский дворец, находится примерно в 50 км к северу от Хирхиринского городища. Свое название памятник получил от р. Кондуй. Он также исследовался С.В. Киселевым [Древнемонгольские города, 1965, с. 323-369]. Дворцовое здание располагалось на двухметровой глиняной платформе, имевшей форму креста. Платформа была выстлана кирпичным полом. К ней вели пять кирпичных пандусов – по два с востока и запада и главный вход с юга. С северной стороны пандуса не имелось. Подобная планиграфическая структура сочетает в себе принципы организации пространства китайских (и опосредованно чжурчжэньских) зодчих и традиции организации пространства монголоязычных кочевников (выход из юрты на юг, северная сторона - *хоймор* – самая почетная, запретная).

Внутри здания были расположены 37 каменных баз, которые являлись фундаментами деревянных колон. Здание, видимо, состояло из нескольких частей – аванзала, проходных коридоров, зала для приемов, жилых покоев или вспомогательных помещений. Сверху дворец был покрыт зеленой поливной черепицей, украшен изображениями драконов. Стены дворца также были украшены изображениями животных и фантастических существ.

К северу, западу и востоку от главного дворца находились другие здания. На плане С.В. Киселева они изображены как невысокие холмы прямоугольной формы. На юге были расположены главные ворота. Никаких других сооружений к югу от дворца не строилось. В 1 км к северо-западу, вероятно, располагались жилища лиц, обеспечивавших потребности местной элиты. В 3 км к востоку от дворца располагались остатки черепичных печей. Там же располагались холмы, которые можно связывать с жилищами ремесленников гончаров [Древнемонгольские города, 1965, с. 327-328].

Кондуйский комплекс был не единственным дворцом на территории северных провинций Монгольской империи. Еще одно дворцовое здание было раскопано С.В. Даниловым на территории Бурятии в с. Нарсатуй. Здание также было сооружено на глинобитной платформе, укрепленной кирпичной стеной. Внутренняя площадь здания равнялась 16х19 м. Пол был выложен из обожженных кирпичей. В качестве фундамента деревянных колон использованы гранитные базы. Здание было покрыто черепичной крышей [Данилов, 2004, с. 83-84].

Однако, средневековая глобализация оказалась недолговечной. Чума, быстро распространившаяся по Старому Свету благодаря развившейся системе торговых коммуникаций [McNeil, 1976], а также изгнание монголов из Китая, упадок Золотой Орды явились наиболее важными звеньями в цепи событий, приведших к ее гибели [Крадин, Скрынникова, 2006]. Как только изменилось соотношение сил, монголы были изгнаны в степь, пропала необходимость в дворцах и крупных оседло-земледельческих поселениях. В год Куликовской битвы минскими войсками был сожжен Каракорум, который после этой трагедии так и не смог восстановиться. Та же участь ждала и пышные дворцы, воздвигнутые юаньской элитой в забайкальских степях. Они сгорели в пожаре междоусобных конфликтов наследников Чингис-хана. Память о них была забыта, и только на рубеже XVIII-XIX вв. остатки Кондуйского

дворца были переоткрыты и использованы при строительстве православной церкви Рождества Богородицы в селе Кондуй [Крадин Н.П., 2002].

Литература

Артемьев А.Р. Древнемонгольские города Восточного Забайкалья XIII-XV вв. // Movement in Medieval North-East Asia: people, material goods, technology. - Vladivostok, 2005. - Vol. 1. - С. 11-30.

Банзаров Д. Собрание сочинений. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. – 240 с.

Бродянский Д.Л. Кроуновско-хуннские параллели // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск, 1985. – С. 46-50.

Гарутт В.Е., Юрьев К.Б. Палеофауна Иволгинского городища по данным археологических раскопок 1949-1959 гг. // Археологический сборник. - Улан-Удэ, 1959. - Вып. 1. - С. 80-82.

Гохман И.И. Антропологическая характеристика черепов из Иволгинского городища // Тр. / Бур. КНИИ СО АН СССР. – 1960. - Вып. 3. – С. 166-173.

Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) - памятник хунну в Забайкалье. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. - 112 с.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. - СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1995. – Т. I. Иволгинское городище.- 287 с.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. - СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996. – Т. II. Иволгинский могильник. - 176 с.

Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. - 202 с.

Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. - М.: Наука, 1965. – 372 с.

Дьякова О.В., Коновалов П.Б. Хуннские традиции в средневековом гончарстве Дальнего Востока СССР // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1988. – С. 16-32.

Ивлиев А.Л. Городища киданей // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1983. - С. 120-133.

Ивлиев А.Л. Кидани и население Восточной Манчжурии и Приморья в средние века (к проблеме контактов) // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века. – Владивосток, 1988. – С. 6-15.

Ивлиев А.Л. Межэтнические контакты в средние века на востоке Азии // Вестник ДВО РАН. – 1997. – № 1. – С. 53-60.

Киселев С.В. Древние города Монголии // СА. - 1957. - № 2. - С. 91-101.

Киселев С.В. Древние города Забайкалья // СА. -1958. - № 4. – С. 107-119.

Книга Марко Поло / Пер. И.П.Минаева. - М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1956. – 376 с.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). - Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1976. – 221 с.

Крадин Н.Н. Империя Хунну. - М.: Логос, 2002. – 312 с.

Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б. Социальная структура хунну Забайкалья. - Владивосток: Дальнаука, 2004. – 106 с.

Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Очир А., Данилов С.В., Никитин Ю.Г., Энхтур А., Эрдэнэболд Л. Предварительные результаты исследования киданьского городища Чинтолгой балгас в 2004 г. // Социогенез в Северной Азии. - Иркутск: Изд-во ИГТУ, 2005. - Ч. 1. – С. 264-273.

Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. - М.: Вост. лит. РАН, 2006. – 557 с.

Крадин Н.П. Архитектурные памятники Кондуя // Археология и культурная антропология Дальнего. – Владивосток: ДВО РАН, 2002. – С. 233-244.

Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. - М.: Наука, 1983. – 415 с.

Ларичев В.Е. Путешествие в страну восточных иноземцев. – Новосибирск: Наука, 1973. – 340 с.

Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. Введ., пер. и коммент. В.С. Таскина. - М.: Наука, 1984. - 486 с.

Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Введ., пер. и коммент. В.С. Таскина. - М.: Наука, 1968. – Вып. 1. - 239 с.

Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Введ., пер. и коммент. В.С. Таскина. - М.: Наука, 1973. – Вып 2. - 250 с.

Мункуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. - М.: Наука, 1965. – 224 с.

Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). Пер., комм. Н.Ц. Мункуева. - М.: Наука, 1975. – 286 с.

Очир А., Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Данилов С.В., Васютин С.А., Эрдэнэболд Л., Никитин Ю.Г., Энхтур А., Анхбаяр Б., Батболд Г. Чинтолгой балгасны судалгаа // Археологические исследования городища Чинтолгой. - Улаанбаатар, 2008. - 270 с.

Очир А., Энхтур А., Эрдэнэболд Л. Хар бух балгас ба туул голын сав дахь хятаны уеийн хот, суурингууд. – Улаанбаатар, 2005. - 215 с.

Пиков Г.Г. Западные кидани. - Новосибирск: Изд-во НГУ, 1989. – 196 с.

Плано Карпини Дж. История Монгалов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. - М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. – С. 23-83.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. I, кн. 2. – 315 с.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. II. – 253 с.

Рубрук Г. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. - М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. – С. 85-194.

Филиппова И.В., Амоголонов А.А. К вопросу о пришлых традициях в керамике хунну // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: Мат-лы междунар. конф. - Улан-Удэ, 2000. - Т. I. – С. 117-122.

Худяков Ю.С. К истории гончарной керамики в Южной Сибири и Центральной Азии // Керамика как исторический источник. - Новосибирск: Наука, 1989. – С. 134-152.

Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII-XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. – М.: Наука, 1990. – 282 с.

Abu-Lughod J. Before European hegemony: The World-System A.D. 1250-1350. – NY.: Oxford University press, 1989. – 443 p.

Allsen T. Culture and Conquest in Mongol Eurasia. - Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – XIV. – 245 p.

Barfield T.J. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China. 2nd. ed. - Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1992. – 325 p.

Biran M. The Empire of the Qara Khitai in the Eurasian History: Between China and Islamic World. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. - 279 p.

Hayashi T. Agriculture and Settlements in the Hsiung-nu // Bulletin of the Ancient Orient Museum. - Tokyo, 1984. - Vol. VI. – P. 51-92.

Kradin N.N., Ivliev A.L. Deported Nation: the fate of Bohai peoples of Mongolia // Antiquity. – 2008. - Vol. 82, N 316. - P. 438-445.

McNeill W. Plagues and Peoples. – NY.: Anchor Press, 1976. - 365 p.

Onuki Shizuo. The Development of the heating system and above ground dwelling in the North east Asia // The First International Symposium of Bohai Culture. - Vladivostok, 1996. - P. 55-59.

Rossabi M. Khubilai Khan. His Life and Times. - Berkeley etc.: University of California Press, 1988. – XVII. – 352 p.

Shiraishi N. Results of Excavations by the New Century Project at Avraga Site // The Avraga Site. Preliminary Report of the Excavations of the Palace of Genghis Khan in Mongolia 2001-2004. - Niigata, 2005. – P. 7-14.

Turchin P. Theory for formation of large empires // Journal of Global History. - 2009. - Vol. 4. - P. 191–217.

Wittfogel K.A., Feng Chia-Sheng. History of Chinese Society. Liao (907-1125). Philadelphia, 1949 (Transactions of the American Philosophical Society, new series, 36). – XV. – 752 p.

Л.В. Лбова
Новосибирск, Новосибирский государственный университет
Институт археологии и этнографии СО РАН

ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВОГО РЕЗЕРВА В АРХЕОЛОГИИ СИБИРИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

Высшее школа является механизмом воспроизводства всей системы образования и науки, в связи с чем в современной России наблюдается расширение масштаба и роста образовательных структур, хотя не всегда следует признать улучшение качества подготовки. Современная тенденция развития высоких технологий, наукоемких производств, создание системы IT-центров и наноцентров в крупных сибирских городах явно приведет к повышению рейтинга естественно-научных и технических факультетов, факультетов информационных технологий, экономики и менеджмента, иностранных языков, и в этих условиях привлекательность классических гуманитарных наук станет существенно ниже. Объективными обстоятельствами снижения количества абитуриентов на гуманитарных факультетах остаются последствия демографической ямы 1990-х гг. и в начавшемся десятилетии.

Анализ подготовки специалистов в области археологии в государственных университетах азиатской части России показывает, что подготовку ведет 41 учреждение, что значительно превышает количество вузов со специализацией по археологии в Центральной России. В среднем, в год в нашей стране выпускается 200-250 человек, специализирующихся в области археологии, из них выпускники вузов Сибири и Дальнего Востока составляют до 60%. В 2009 г. выпуск в стране составил 260 человек (из них 156 человек – выпускники университетов Сибири и Дальнего Востока), в 2010 г. прогнозируется увеличение специалистов на 20%. Следует отметить динамику количества специализирующихся от 1-2 человек до 10-12 человек в различные годы. В отдельных случаях (Новосибирском госуниверситете, Красноярском госпедуниверситете, Кемеровском госуниверситете, Алтайском госуниверситете, Уральском госуниверситете) специализация составляет до 10-15 человек в год, что по показателям близко к традиционным школам подготовки археологов – МГУ и СПбГУ. Области интересов студентов довольно информативно представляют материалы студенческих конференций последних лет (РАЭСК, МНСК), работы участников проекта «Сибирская археологическая полевая школа». Довольно пропорционально распределяются интересы студентов в классических областях археологии: археологии камня, палеометалла, средневековья, теоретических и методических проблем изучения археологических источников. В последнее время довольно часто появляются работы, связанные с историей археологической науки, формированием научных школ, проблемами сохранения историко-культурного наследия и использования новых методов естественных наук и информационных технологий. Особые темпы развития и экономического освоения Сибирского региона в последние годы диктуют необходимость поддержания современного уровня подготовки специалистов высшей квалификации, как в количественном, так и качественном отношении.

Благодаря инициативе академиков А.П. Деревянко и В.И. Молодина и при поддержке ректората в 2004 г. в НГУ открыто первое в России отделение археологии с отдельным набором абитуриентов, а с 2008 г. открыта и магистратура. Основой стратегии обучения является обучение по индивидуальным траекториям по модульной системе, с обязательной производственной полевой практикой после каждого курса. Студенты и магистранты имеют возможность работать в полевых и камеральных условиях отделов Института археологии и этнографии СО РАН, лабораторий, музейных подразделений под руководством ведущих специалистов археологической науки. Одним из главных принципов Сибирского отделения РАН, заложенного еще при его организации, стал принцип интеграции науки и образования, широкое использование в обучении кадрового потенциала и материальной базы академических институтов, отбор, подготовка и воспроизводство кадров высшей квалификации для науки, высшей школы и промышленности Сибири. Опыт интеграции науки и образования, накопленный Сибирским отделением и базовыми

** Работы выполнены при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» ГК 02.740.11.0353*

региональными университетами, стал обычной практикой в городах, где действуют академические научные центры. На базе интеграции научных центров отделения с университетами Сибири созданы и действуют региональные научно-образовательные комплексы (РНОК) в Барнауле, Красноярске, Кемерово, Омске, Томске, Улан-Удэ. В ряде университетов (Красноярске, Иркутске, Барнауле, Кемерово, Владивостоке, Южно-Сахалинске и Якутске) созданы академические лаборатории, работа которых координируется через механизм научно-образовательного отдела ИАЭТ с использованием региональных университетских баз, занимающихся разработкой бюджетных научно-исследовательских программ РАН и СО РАН.

Сегодняшний день такой интеграции в Новосибирске – созданный НОЦ археологических исследований, родоначальником которого явился УНЦ, деятельность которого осуществлялась при поддержке ФЦП «Интеграция» для специализаций «археология» и «этнография» с 1998 г. Современный НОЦ археологических исследований – неструктурное образование профильных кафедр НГУ и ряда институтов СО РАН, музеев, Центров коллективного пользования – в формате которого организована исследовательская работа студентов, магистрантов и аспирантов в рамках лекционных курсов, полевой производственной практики, лабораторных практикумов по обработке научных коллекций, собственных исследований по специальной проблематике. В структуру НОЦ входят исследовательские центры «Археология, этнография, востоковедение», Центр корейских исследований, Центр американистики, лаборатория палеогенетики, лаборатория археометрии; Реставрационный центр; учебно-методический центр «Сибирская археологическая полевая школа». В перспективе создание ГИС-класса гуманитарных исследований. Работы поддержаны в формате грантов Минобрнауки ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (3 реализуемых госконтракта), а так же Программы развития национального университета. Уникальным в своем роде является и инновационный проект «Сибирская археологическая полевая школа» для студентов, магистрантов, аспирантов и молодых специалистов Сибири и Дальнего Востока, реализуемый в течение последних 5 лет. Через образовательные программы школы прошло более 200 слушателей. За последний год (2009 г.) 5% участников проекта поступили в магистратуру, 20% поступили в аспирантуру, 6% защитили кандидатские диссертации.

Таким образом, нам представляется, что описанную ситуацию в области подготовки кадров по археологии можно квалифицировать как удовлетворительную и устойчивую на настоящий момент. Но с 1 января 2010 г. вводятся в действие стандарты высшего профессионального образования третьего поколения на экспериментальных площадках, а с 2011 г. – по всей стране. Переход высшего профессионального образования России к двухуровневой системе и к реализации Болонского процесса осуществляется в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 24 октября 2007 г. № 232-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части установления уровней высшего профессионального образования)». В новых условиях преподавание археологии в вузах России сталкивается с целым рядом проблем. Главная проблема состоит в отсутствии направления «Археология» в установленном Министерством образования и науки РФ перечне направлений подготовки специалистов в рамках ВПО третьего поколения на уровне бакалавриата, отсутствием специализаций и отсутствием профилей подготовки как таковых.

С введением ФГОС ВПО по направлению «История» с отсутствием профиля/специализации «Археология» ограниченный объем полевой практики приведет к практически нулевому результату производства кадров в области археологии, а через 20-30 лет и к полному исчезновению специалистов. Учитывая незначительность в общей массе выпускников исторических факультетов доли тех, кто поступает в аспирантуру по специальности «археология», в том числе и в связи с отсутствием таковой в «родном» университете, мы можем сказать со всей определенностью, что с переходом к ФГОС ВПО третьего поколения регулярная подготовка молодых профессиональных археологов-полевиков в рамках вузовского образования фактически прекратится. И это в ситуации высокой востребованности квалифицированных и мобильных полевых исследователей, способных вести археологические работы в сложных и неоднозначных условиях производственной необходимости экспедиций, работающих по хоздоговорам на местах будущих новостроек; в условиях явного старения кадров в музеях, вузах и научных институтах.

Проблема перехода российских вузов на уровневую систему подготовки специалистов в условиях проводимой политики стратификации университетов – одна из актуальных в сфере высшего образования сегодня. Ранжирование вузов России (федеральные университеты (7), национальные исследовательские университеты (12), университеты с особым статусом (МГУ и СПбГУ) предполагает разработку собственных стандартов университета и в рамках такого подхода у 21 вуза России появляется возможность апробации модели подготовки специалистов в условиях конкретной специфики и регионального контекста. Возможность разработки собственных стандартов, отличающихся от федеральных, – пока единственная и реальная возможность поддержать полноценную подготовку молодых специалистов в области археологии. Такую возможность, кроме МГУ и СПбГУ, получают Новосибирский и Нижегородский национальные исследовательские университеты, Сибирский, Южный и Дальневосточный федеральные университеты. Для остальных вузов, в том числе и классических, и педагогических университетов нашей страны предусматривается разработка основных образовательных программ (далее ООП), где ООП «Археология» может занять свое место при условии согласованных действий деканатов, ректоратов и специализированных кафедр. Предполагается, что если в течение ближайших лет количество таких аккредитованных ООП бакалавров превысит рубеж в 20 по всей стране, археология получит возможность введения самостоятельного профиля подготовки в рамках ФГОС ВПО по направлению «История».

Археологическое образование в настоящее время находится на начальном этапе долгого процесса создания единой системы квалификации в рамках Европейского сообщества. Главной целью этих изменений является унифицированный диплом, признаваемый во всех странах Болонского соглашения. Мы видим, что на этом пути есть серьезные препятствия и проблемы, связанные как с традициями российского образования, отсутствием направления подготовки «Археология» как самостоятельного, отсутствием бакалавриата по археологии в направлении «История», ощутимые диспропорции в рамках работающих структур в силу сложившихся традиций подготовки специалистов.

Зарубежная практика подготовки специалистов по археологии и охране историко-культурного наследия довольно обширна и изобилует многочисленным положительным опытом. Во многих мировых археологических научных школах (в частности, в большинстве европейских стран) существует представление об археологии как об отдельной теории и практике вне исторической науки. Соответственно в ряде стран, в том числе и в большинстве государств – участников Болонского процесса, специализация по археологии осуществляется на археологических отделениях факультетов или в рамках иных университетских структур неисторического уровня.

В такой непростой ситуации в гуманитарном образовании, на наш взгляд, актуальной и целесообразной является разработка образовательной стратегии (в рамках общей образовательной политики вузов), оптимизация имеющихся структур, повышение эффективности расходования бюджетных средств и изменение качества образования. Основы образовательной концепции в области археологии предлагались автором ранее и сегодня представляется разумным четко определить ее основные позиции в рамках образовательной стратегии уровнего образования, выявить возможные модели и сценарии развития на ближайшие 5-10 лет, определить критерии качества и выбрать измеряемые показатели в формировании кадрового резерва специалистов.

Интеграции науки и образования определяется как наиболее эффективная и актуальная и сегодня, и на ближайшую перспективу. Нередко ее сводят к структурно-организационным преобразованиям. Действительно, ситуация осложняется тем, что долгое время в советский период научно-исследовательские учреждения были отделены от системы высшего образования, хотя принцип взаимодействия университетов и академии наук был заложен еще в Петровскую эпоху. Но все же следует признать, что это отделение производства исторических знаний от их трансляции вовсе не было абсолютным и не могло быть таковым в силу сложившихся гуманитарных традиций в России. Главная цель такой «академической» модели интеграции – не просто участие отдельных ученых-исследователей в учебном процессе, а полномасштабное, системное использование огромного потенциала академической науки в образовательных целях. Есть и второй, не менее важный аспект – возможность более целенаправленной, плановой подготовки будущего поколения специалистов в области фундаментальной и прикладной науки. Именно на этой осно-

ве мы способны выработать действенную стратегию качественного образования, предполагающую подготовку конкурентоспособных специалистов.

Несомненно, роль институтов Российской академии наук в координации научных исследований и оказании действенной поддержки гуманитарным факультетам региональных вузов в усовершенствовании системы межвузовского обмена и академической апробации научных исследований, содействие созданию в рамках вузов исследовательских лабораторий, научных центров и групп, экспериментальных площадок и т.д. должна существенно усилиться. Речь идет о конкретных действиях, направленных на создание благоприятных условий для инноваций и в научных высокотехнологичных исследованиях, и в процессе образования и подготовки кадров в условиях перехода на программно-целевое финансирование и проектное управление.

В целом, в гуманитарных науках становится все более заметным стремление использовать новые исследовательские подходы и методический инструментарий. Происходит обновление направлений и проблематики исследований. Можно с удовлетворением констатировать, что целый ряд исторических кафедр региональных университетов России превратились за последние годы в современные учебно-научные центры с сильной материальной базой, позволяющей использовать в преподавании гуманитарных дисциплин новые информационные технологии, создавать мультимедийные курсы и WEB-ресурсы. Системное, качественное, междисциплинарное знание, основанное на использовании современных достижений наук о Человеке и о Земле и информационных технологиях, – таковы основные позиции образовательной стратегии в области подготовки новых кадров специалистов-археологов.

К.Г. Леви[1], Н.В. Задонина[2]
[1]Иркутск, Институт земной коры СО РАН
[2]Иркутск, Иркутский государственный технический университет

ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПОЗДНЕМ ПЛЕЙСТОЦЕНЕ – ГОЛОЦЕНЕ СЕВЕРНОГО ПОЛУШАРИЯ: АНАЛИЗ РАДИОУГЛЕРОДНЫХ ХРОНОЛОГИЙ*

Введение. Целью данной работы являлось показать сложность природных взаимоотношений, определяющих глобальные природные кризисы, на примере палеоклиматических изменений, изменений тектонического происхождения и эволюции биологической среды. Данная статья базируется на данных радиоуглеродного датирования различных геологических, палеобиологических и геоархеологических объектов и является продолжением и развитием доклада на чтениях, посвященных 100-летию со дня рождения известного в России антрополога М.М. Герасимова, проходивших в г. Иркутске в 2007 г.

Радиоуглерод и вариации его концентрации. Метод радиоуглеродного датирования был разработан Уиллардом Либби в 40-х годах прошлого века. За эту разработку ему была присвоена Нобелевская премия. Результаты радиоуглеродного датировании широко обсуждаются. Иногда данные ^{14}**C**-датирования считают не корректными и недостоверными. Как бы там ни было, физическая основа метода прекрасно разработана, а на его использование в практике нет ограничений. В настоящее время активно развивается метод датирования природных объектов ^{10}**Be**, что позволяет существенно удлинить временные ряды для палеоклиматических реконструкций. Датировки естественно расходятся по номинальным величинам, но важно другое, то, что вариации содержания «космических» изотопов ^{14}**C** и ^{10}**Be** в образцах происходят синхронно.

* *Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки ФЦП «Интеграция» – проект Б0009, РФФИ – проект 05-05-97251 и 08-05-90202-Монг_а, проект 02-05-22055 НЦНИ, интеграционного проекта ИГ СО РАН-101/2003, проекта 6.7.3 (программы РАН+СО РАН 6.7) «Внутриплитная активность, горообразование, осадконакопление и палеоклиматические изменения в мезозое и кайнозое Центральной Азии», НОЦ «Байкал», Программа Президиума РАН-16*

Радиоуглерод образуется в результате бомбардировки атомов азота галактическими (космическими) лучами:

$$n + {}^{14}N \rightarrow {}^{14}C + p,$$

где **n, N, C** и **p** нейтрон, азот, углерод и протон соответственно. ^{14}**C** накапливается только в живых организмах, а радиоуглеродные даты фиксируют лишь время их гибели. Содержание ^{14}**C** в атмосфере считается относительно постоянным и составляй **1.2 * 10^{12}** на **1** грамм ^{12}**C**.

Проникновению в атмосферу галактических лучей и формированию ^{14}**C** препятствуют солнечный ветер (рис. 1А и 1Б, 2, 3). Рис. 1А и 1Б иллюстрируют вариации потока космических лучей на фоне изменений солнечной активности за различные интервалы времени. Отчетливо видна противофазность явлений.

Отсюда, концентрация ^{14}**C** в атмосфере является величиной обратной вариациям солнечной активности. Усиление солнечного ветра в периоды высокой солнечной активности ведет к снижению темпов образования ^{14}**C**.

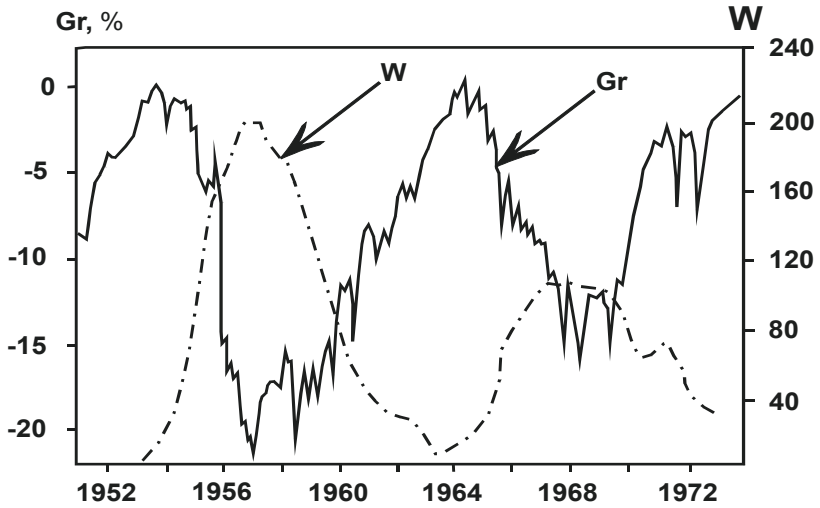
Вариации солнечной активности и их влияние на природные процессы. В работах ряда исследователей показано существенное влияние вариаций солнечной активности на ход развития процессов в «живой» или «не живой» природе. Гелиофизиками выделены основные солнечные циклы (*табл. 1*).

Таблица 1. Известные циклы солнечной: активности [http://www.sunhome.ru/journal/113516); http://moscowaleks.narod.ru/galaxy152.html]

Наименование цикла	Цикл, годы
Циклы Митчелла (дуплет)	5.7 и 8.4
Цикл Швабе (триплет)	9.5, 10.9, 12.9
Цикл Хэйла	22
Полувековой цикл	55
Цикл Глайсберга	90-110
Цикл Радоски	129
Цикл Зюсса	180-200
Безымянные циклы	400, 800
Безымянный цикл [по В.А. Дергачеву]	2400

Однако для палеоклиматических реконструкции в масштабах тысячелетий или десятков тысячелетий этих знаний совершенно не достаточно. Необходимо определить долговременные вариации солнечной активности и посредством них попытаться выполнить палеоклиматические реконструкции. Ниже мы покажем, что знание вариаций концентрации ^{14}**C** в течение последних **50000** лет могут существенно расширить рамки нашего знания, об активности Солнца.

A



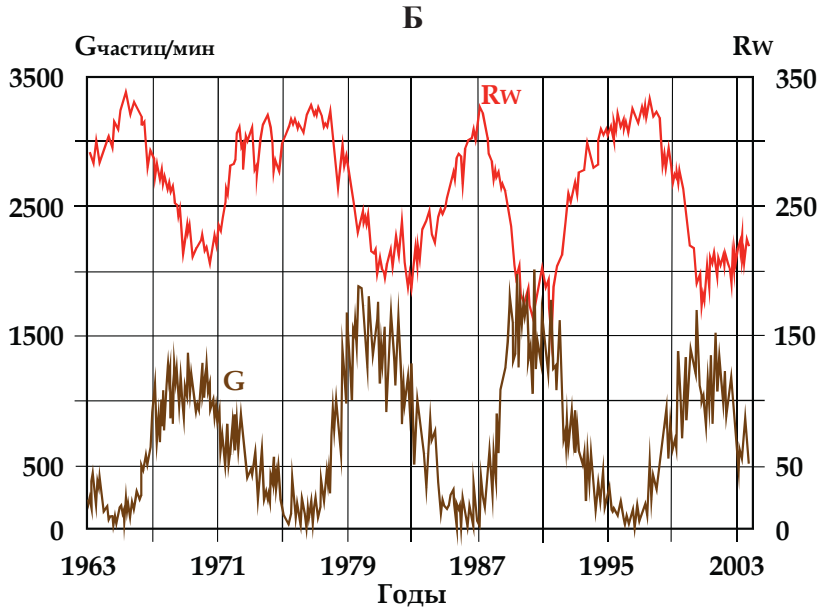


Рис. 1. А – вариации интенсивности галактического излучения Gr в сравнении с максимальным в 1954 г. и W чисел Вольфа в течение двух 11-летних циклов (по Фалксу) и **Б** – временной ход среднемесячных значений относительного числа солнечных пятен R_W и потока космических лучей *G*, измеренного в интервале давления 20-30 г/см^2 на станции Мирный, Антарктида [sites.lebedev.ru/modules/show_image.php?id=749]

Космическое влияние на темпы образования радиоуглерода и второго «космического» изотопа ^{10}Be чрезвычайно велико. Так, в статье Г.Е. Кочарова [1996] всплески «ураганного» формирования ^{14}C и ^{10}Be в интервале 35000-40000 лет назад объясняются взрывом Сверхновой (рис. 2).

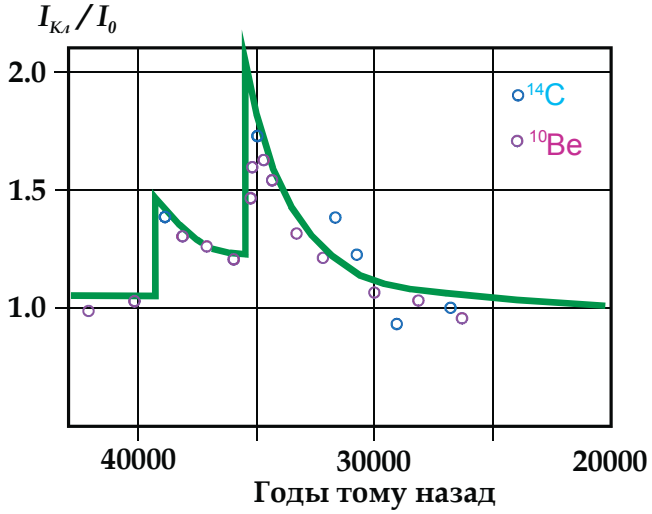


Рис. 2. Космогенный след взрыва Сверхновой звезды в атмосферном ^{14}C и ^{10}Be. $I_{кл}/I_0$ – относительная интенсивность космических лучей

Как мы увидим ниже, именно в это время совпадает с началом «каргинского» потепления. Мы не беремся утверждать то, что взрыв Сверхновой явился причиной этого потепления, но факт совпадения этих явлений не отметить нельзя.

На рис. 3 показаны вариации концентрации ^{14}C в течение голоцена. Известный минимум солнечной активности Маундера [Эдди, 1978], параллелизуемый с «Малым ледниковым периодом» Европы характеризуется повышенными концентрациями 14C. Вероятно, что таких «малых ледниковых периодов» в голоцене было несколько и они чередовались с существенными потеплениями.

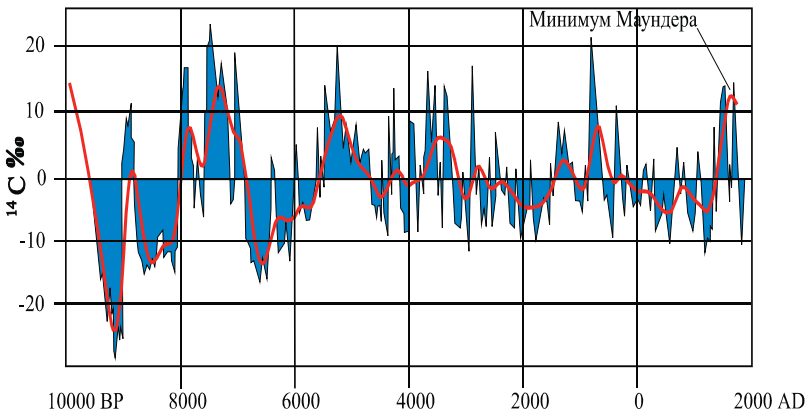


Рис. 3. Вариации содержания ^{14}C в голоцене [La Recherche, 1998]

Напряженность геомагнитного поля (рис. 4) также является преградой для потока комических лучей. Снижение напряженности геомагнитного поля ведет к интенсивному образованию в атмосфере ^{14}C.

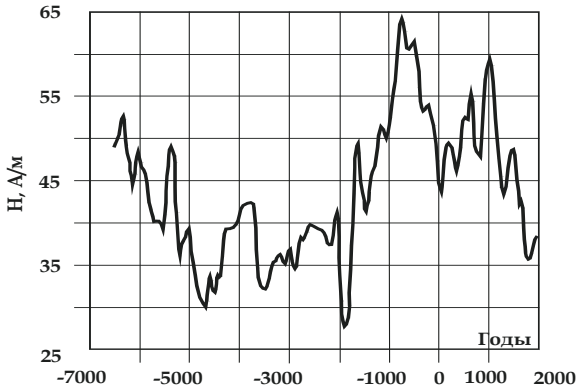


Рис. 4. Вариации напряженности геомагнитного поля, полученные для территории Ближнего Востока [Бураков, Начасова, 2003]

Однако, если повышенная концентрация ^{14}C является величиной обратной в отношении проявления солнечной активности (рис. 3), то повышенная концентрация CO_2 в атмосфере наоборот говорит о совпадении по времени максимумов солнечной активности и потеплении (рис. 5). На рис. 5 показано изменение концентрации углекислого газа за последние $420*10^3$ лет на антарктической станции «Восток». В современном океане CO_2 растворено в 60 раз больше, чем его содержится в атмосфере и мы живем в эпоху снижения температуры и повышения или стабилизации концентрации CO_2 [www.promved.ru/pics/editor/2.gif].

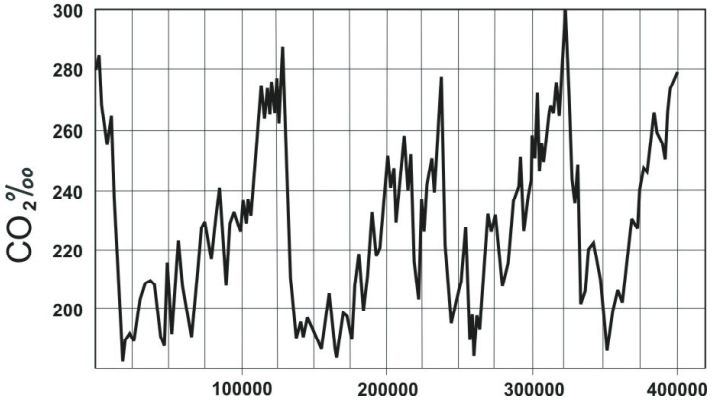


Рис. 5. Вариации концентрации CO_2 в атмосфере Земли за последние $420*10^3$ лет [по Bopp, Legendre, Monfray, 2002; www.promved.ru/pics/editor/2.gif], максимум $125*10^3$ – Казанцевское межледниковье

Отражением изменения концентрации ^{14}C в атмосфере Земли и, следовательно, вариаций солнечной активности могут являться стандартные «ошибки» радиоуглеродного датирования различных геологических, биологических и археологических объектов (*таблица 2*).

Если допустить, что стандартная ошибка датирования действительно связана с вариациями концентрации ^{14}C в атмосфере, то в наших руках появляется инструмент для выявления долговременных циклов в активности Солнца. Используя обширную базу данных датирования образцов по ^{14}C, мы построили частотную кривую, на которой отчетливо видны аномальные выбросы «ошибок» датирования. При этом отметим, что временные интервалы таких выбросов устойчивы и не зависят от того, в какой лаборатории мира выполнены определения. Это дает основание полагать, что аномальные выбросы «ошибок» находятся в каком-то соотношении с вариациями интенсивности образования ^{14}C в атмосфере. Выбросы эти квазипериодические и, следовательно, закономерные (рис. 6).

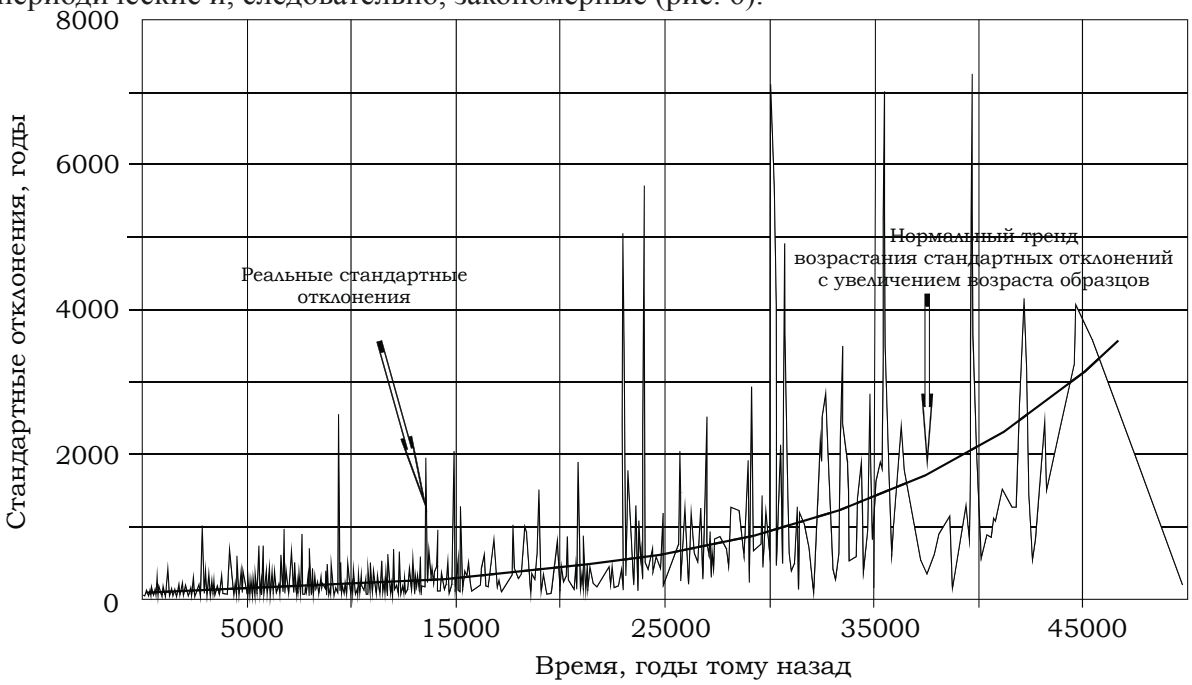


Рис. 6. Вариации значений стандартных отклонений радиоуглеродных датировок различных природных явлений

Статистический анализ этого временного ряда, насчитывающего десятки тысяч определений, заимствованных из многочисленных публикаций, показал наличие ряда гармоник, которые, как мы полагаем, связаны с вариациями по времени солнечной активности (таблица 2). Источники знания о радиоуглеродном датировании образцов весьма многочисленны и поэтому в данной статье мы упомянем лишь несколько крупных сводных каталогов [Kuzmin, Orlova, 1998; Quarternery Period…, 1984; Алкин, 1995; Орлова, 1979, 1995, 1996; Орлова и др., 2000; Сулержицкий, 1995. 1997; Тимофеев и др., 2004; http://www.canadianarchaeology.ca/localc14/c14search.htm].

Наша база данных содержит несколько десятков тысяч радиокарбоновых дат различных геологических, геоархеологических и биологических объектов, что позволяет с определенной долей достоверности фиксировать аномальные значения «ошибок» и периодичности их появления в выборке. Напомним, что реальные аномалии концентрации ^{14}C являются противофазными всплескам солнечной активности и напряженности геомагнитного поля. В результате спектрального анализа удалось установить ряд длинных периодов вариаций солнечной активности, которые мы приводим ниже (*табл. 2*).

Таблица 2. Выявленные по анализу относительного показателя концентрации ^{14}C, длительные циклы солнечной активности (данная работа)

Наименование цикла	Цикл, годы
Безымянный цикл	270
Безымянный цикл	1100
Безымянный цикл	1200
Безымянный цикл	1300
Безымянный цикл	1700
Безымянный цикл	1900
Безымянный цикл	2100
Безымянный цикл	2900
Безымянный цикл	3000
Безымянный цикл	3700
Безымянный цикл	4000
Безымянный цикл	4800
Безымянный цикл	5300
Безымянный цикл	6900
Безымянный цикл	7500
Безымянный цикл	8700
Безымянный цикл	14500

Вариации орбитальных параметров Земли (циклы М. Миланковича) и природно-климатические изменения. В последние годы среди специалистов стала популярной гипотеза М. Миланковича [1939], выдвинутая в конце 30-х годов прошлого века для объяснения цикличности оледенений в антропогене. Она базировалась на цикличных вариациях орбитальных параметров Земли – эксцентриситета орбиты (100000 лет), наклона оси вращения Земли к плоскости эклиптики (42000 лет) и прецессии земной оси, контролирующей дрейф точки весеннего равноденствия (19000-23000 лет). Влияние каждого из этих параметров на природно-климатические изменения неравнозначно. Однако суммирование этих гармоник позволило М. Миланковичу получить хорошее приближение для объяснения квазициклического ледникового процесса.

В тоже время, вариации орбитальных параметров Земли не дают адекватного объяснения причинам возникновения «малых ледниковых периодов» и наступлению оледенений с интервалами времени в десятки миллионов лет. Фактически теория М. Миланковича является частным решением некой более глобальной проблемы, связанной с какими-то существенными изменениями в функционировании Солнечной системы как части нашей Галактики. Возможно, что периодическое наступление похолоданий может быть связано с удалением Солнечной системы от центра Галактики и потерей ею неких связей с этим центром. Однако это возможно лишь в том случае, если орбита солнечной системы имеет эллиптические параметры. Не исключено, что ледниковья могут наступать в связи с прохождением Солнечной системы, время от времени, сквозь газопылевые облака в космосе, что способствует резкому понижению солнечной инсоляции на планеты всей Солнечной системы в целом.

Как бы там ни было, орбитальные параметры Земли при статистическом моделировании следует учитывать.

Статистическое моделирование природно-климатических изменений. Суммируя синусоиды, отражающие аномалии концентрации ^{14}C и вариации орбитальных параметров Земли, получаем модельную кривую, отражающую эпохи похолоданий, схожие, а, может быть, и более суровые в сравнении с известным минимумом солнечной активности Маундера – «малым ледниковым периодом Европы».

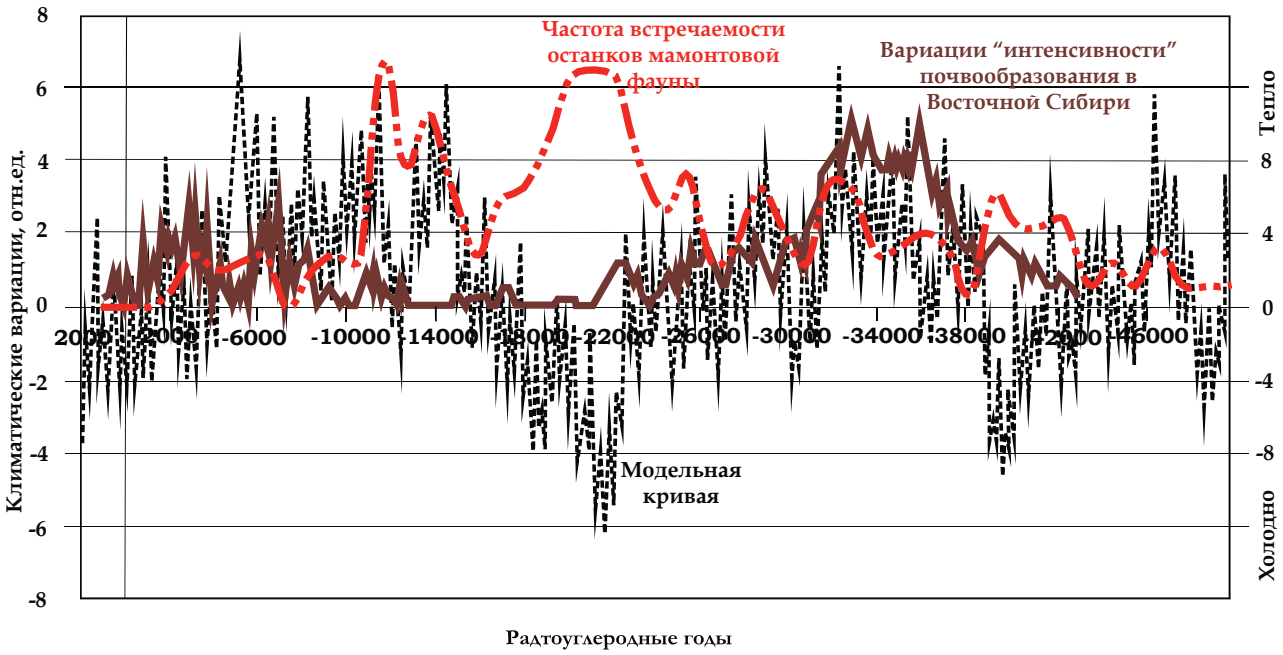


Рис. 7. Модельная кривая климатических вариаций в позднем плейстоцене-голоцене, построенная с учетом изменения солнечной активности и орбитальных параметров Земли на фоне вариаций «интенсивности» почвообразования (штриховая линия) и частоты встречаемости останков мамонтовой фауны (штрих пунктирная линия)

На рис. 7 мы приводим модельную кривую, которая позволяет наглядно наблюдать периоды потеплений и похолоданий. Отметим, что за период максимального потепления принято «казанцевское» межледниковье, имевшее место быть 125000 лет назад, то есть удаленное по времени от анализируемого интервала на значительное временное расстояние.

Подчеркнем, что при суммировании гармоник необходимо выбрать стартовую точку суммирования и, притом, желательно, за пределами исследуемого интервала. Для верификации модели на том же рисунке приведена кривая наиболее часто повторяющихся датировок почвенных слоев на просторах Сибири. Надо отметить, что процесс почвообразования относится к разряду «деликатных», иными словами, процесс резко затормаживается при неблагоприятном стечении природно-климатических обстоятельств. Поэтому при статистическом группировании числа сигналов из прошлого (читай датировок) по нормированным интервалам времени в эпохи неблагоприятные для почвообразования мы получаем резкое снижение числа сообщений. Учитывая гигантский объем выборок, такое выпадение датировок никак нельзя признать случайным.

Таким образом, кривая на рис. 7, со статистической точки зрения, отражает некую абстрактную «интенсивность» почвообразования в регионе на протяжении последних 50000 лет. Из сравнения модельной кривой и кривой «интенсивности» почвообразования становится ясным, что модель не только удовлетворительно отражает ситуацию, но и позволяет сделать некоторые дополнительные выводы. Снижение «интенсивности» почвообразования в левой части кривой не говорит об ухудшении условий почвообразования в близкое к нам время, а обусловлено элементарным отсутствием радиоуглеродных датировок почв исторического периода времени (около 1000 лет). В тоже время мы хотим обратить внимание читателя на модельную и «почвенную» кривые в интервале 35000-40000 лет назад, ведь именно в это время астрофизиками предполагается взрыв Сверхновой, оставившей след в концентрациях ^{14}C и ^{10}Be.

Говоря о сравнении моделей с наблюденными фактами, всегда следует помнить о том, что модель лишь жалкое подобие действительности и не может полностью соответствовать оригиналу, но должна открывать некие перспективы для получения нового знания. В данном случае модель хорошо верифицируется наблюденными фактами и показывает одну интересную особенность этого 50000-летия.

Проанализируем модель, опираясь на фактическую кривую почвообразования, двигаясь по времени из прошлого к настоящему. Следует отметить, что «каргинское» потепление наступало не плавно или постепенно. В преддверии этого теплого периода были резкие всплески потеплений и похоло-

даний в интервале времени 52000-46000 лет назад. Затем только началось собственно «каргинское» потепление, выход из которого тоже не был плавным.

Климатические условия для почвообразования резко ухудшились в интервале времени 36000-25000 лет назад. Судя по модели, похолодание, ознаменовавшее начало «сартанского» оледенения, прерывалось двумя потеплениями в интервале времени 32000-30000 и 27000-25000 лет т.н., но затем оно взяло свои права и длилось вплоть до рубежа около 13000-12000 лет назад, то есть до начала появления первых признаков голоценового потепления. Однако начавшееся голоценовое потепление дважды или трижды прерывалось похолоданиями в интервалах времен 11000-10000, 6000-5000 и около 2000 лет назад. Здесь мы должны уточнить, что в данном случае «годы тому назад» отсчитаны от Рождества Христова, то есть от календарной даты. Поэтому к упомянутым интервалам времени следует добавить примерно 2000 лет. Таким образом, на протяжении 50000 лет соотношение «тепло-холодно» менялось и при этом довольно часто и резко.

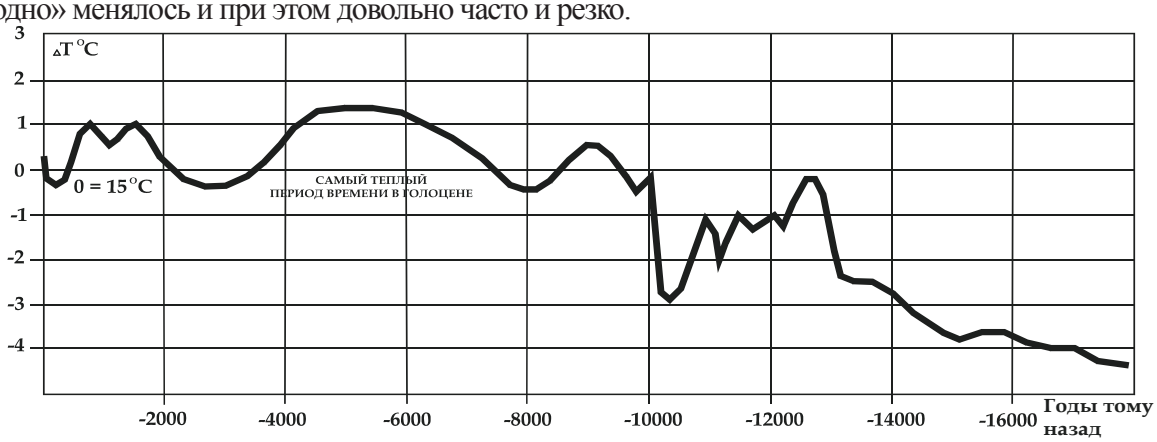


Рис. 8. Отклонения температуры от средней по различным палеоданным по В.А. Дергачеву [2004]

Интересно сравнить голоценовый фрагмент нашей модельной кривой с кривой В.А. Дергачева, отражающей температурные вариации за прошедшие 18000 лет, восстановленные по комплексу палеопризнаков (рис. 8). Эта кривая практически не расходится с нашей моделью и подтверждает правильность наших построений и подхода к моделированию.

Эволюция мамонтовой фауны и природно-климатические изменения. Вторая кривая, построена нами на основе ^{14}C датирования останков мамонтовой фауны, найденной в Евразии (см. рис. 7). Известно, что она (эта фауна) населяла специфический фитоценоз – тундростепь, спорадически сохранившийся до сего времени в некоторых районах Сибири. Для тундростепи был свойственен высокий травостой, развитие которого происходило наиболее активно в эпохи прохладного, но при этом влажного климата, что на нашей модели (см. рис. 7) соответствует периодам перехода от тепла к холоду, но с некоторым опозданием относительно начала потеплений. Травы и злаки тундростепи были важнейшим элементом благоденствия мамонтовой фауны и поэтому в ее динамике наблюдались схожие запаздывания относительно теплых периодов времени. Температурные контрасты были важным элементом экологии мамонтовой фауны – увеличения или уменьшения популяции этих млекопитающих. Голоценовое потепление привело не только к сокращению ледниковых щитов, но и к деградации тундростепи, что сказалось на динамике развития и, в конечном итоге, гибели представителей мамонтовой фауны.

Однако последнее время в зарубежной литературе бытует две версии исчезновения мамонтовой фауны в Северной Америке. Одна предполагает, что исчезновение последней явилось следствием прихода на континент людей из Азии, которые, образно говоря, и съели эту фауну. Другая опирается на предположение, что на рубеже позднего плейстоцена и голоцена произошла некая космическая катастрофа – взрыв кометного ядра над Северной Америкой (над р-ном Больших Озер), вызвавший массовые природные пожары и выпадение многочисленных капель железа, найденных в осадочных отложениях этого возраста в Америке и Европе. Первое предположение, по мнению R. Dale Guthrie [2006], оказалось не состоятельным, поскольку человек появился в Северной Америке тогда, когда поголовье мамонтовой фауны было уже существенно подорвано. Второе предположение о роли кометного взрыва, возможно и имеет некоторое основание, но требует ответа на вопрос – почему

вымирание мамонтовой фауны в Северной Америке (якобы испытавшей космическую катастрофу) и в Азии происходило почти одновременно (рис. 9).

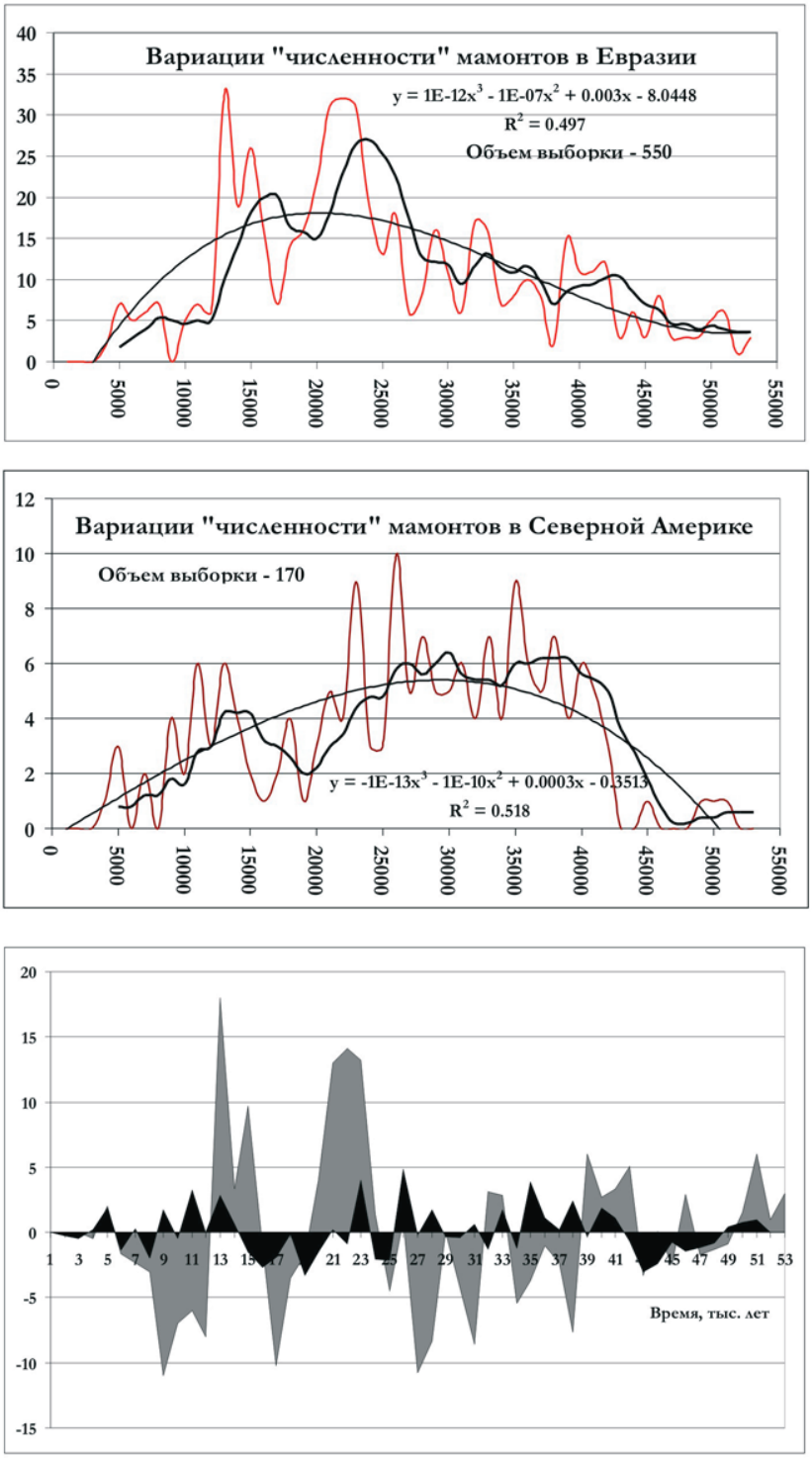


Рис. 9. Вариации «численности» мамонтов в Северной Америке и Евразии (временной анализ). На нижнем рисунке серым тоном обозначены вариации «численности» мамонтовой фауны Северной Евразии, черным – Северной Америки

Внимательнее рассмотрим графики рис. 9 в свете высказанных гипотез о причинах вымирания мамонтовой фауны. Отметим, что традиционно в состав мамонтовой фауны включают такие виды животных как: большерогий олень, большая пещерная кошка, овцебык, шерстистый носорог и т.д. Для данного анализа использованы датировки исключительно мамонтов и мастодонтов (для Северной Америки), что позволяет иметь дело с относительно чистой информацией. Шаг сглаживания для обеих кривых был равен 1000 годам. Однако варьирование данных на двух верхних кривых существенно различаются из-за не пропорциональности выборок. Попытка сгладить кривые 5000-летним

окном (утолщенные кривые) позволила выявить некоторые закономерности в изменении «численности» популяции животных по времени. Гладкие кривые на графиках отражают поведение тренда для данных выборок в заданном временном интервале, знание которых необходимо для выявления периодичности вариаций «численности» популяций.

Из рис. 9 следует, что пик максимального господства мамонтов в Северной Евразии приходится на интервал времени между 12000 и 27000 лет назад. В северной Америке аналогичная ситуация характерна для интервала времени между 12000 и 40000 лет назад. Если поведение евразийской кривой более или менее понятно и согласуются с режимом потеплений и похолоданий в позднем плейстоцене и голоцене и, следовательно, уменьшения и увеличения пастбищ в тундростепи, то североамериканская кривая говорит о расцвете мамонтов в «каргинскую» эпоху потепления. Объяснить это можно только в том случае, если допустить, что «каргинское» потепление не было ярко выражено на Северо-Американском континенте и условия, необходимые для процветания тундростепи, были устойчивыми во времени. Возможно, что на стабильности погодно-климатических условий сказалась близость мощного Канадско-Гренландского ледникового щита, подобного которому не было на севере Сибири. Отметим только, что такое разногласие статистического материала может быть связано и с неполнотой нашей базы данных по Северной Америке.

Теперь кратко коснемся вопроса о возможном вымирании мамонтовой фауны в связи со взрывом кометного ядра над Северной Америкой [http://boulder.swri.edu; Фэйрстоун и др., 2008]. Нижний график на рис. 9, построенный путем удаления трендов из обеих выборок, показывает, что быстрое исчезновение мамонтов произошло не в Северной Америке, а в Евразии и, таким образом, можно допускать некое внезапное воздействие на поголовье мамонтов именно здесь. Но не будем торопиться с окончательными выводами, поскольку база данных все еще пополняется новыми материалами, и вернемся к этому вопросу в последующих публикациях.

Тектоническая активность и природно-климатические изменения. В геодинамике существует несколько различных показателей тектонической активности. Однако все они характеризуют некое итоговое состояние среды и не позволяют проследить вариации интенсивности тектонических движений во времени. Поэтому в качестве показателя изменения тектонической активности мы выбрали данные сейсмогеологических исследований, выполненных в Институте земной коры СО РАН на территории Прибайкалья [McCalpin, Khromovskikh, 1995; Ruzhitch, Takeutchi, 1995; Смекалин, 2008; Чипизубов, 2008], а так же ряда других публикаций [Трифонов, Караханян, 2004, 2008; и ряд др.]. Это материалы изучения и датирования по ^{14}C следов сильных землетрясений, в результате которых на поверхности формировались протяженные трещины – палеосейсмодислокации. Хотя выборка и не такая обширная, как хотелось бы, она насчитывает около 200 датировок древних землетрясений по ^{14}C, тем не менее, она характеризует голоценовую сейсмотектоническую историю. Этот материал позволяет сформировать некие представления о ритмичности или квазицикличности в развитии сейсмотектонического процесса. Результаты этого анализа приведены на рис. 10.

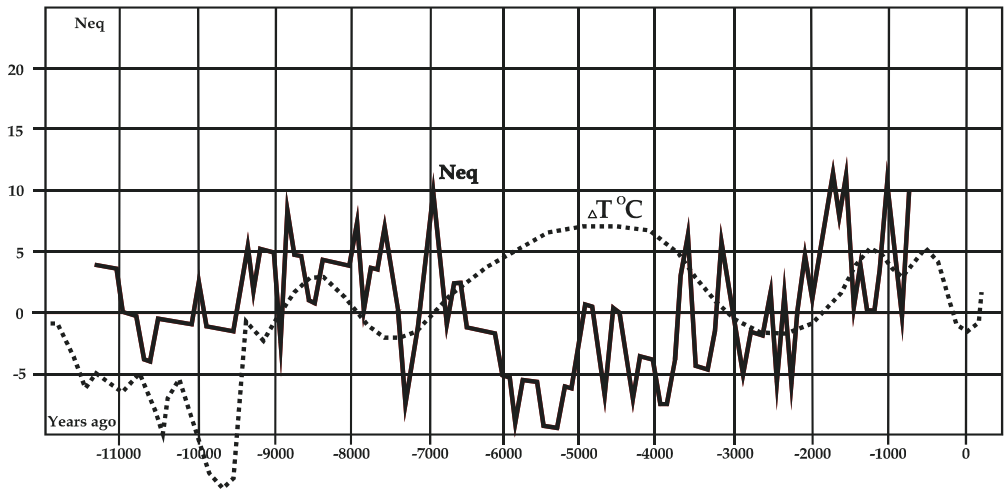


Рис. 10. Вариации по времени интенсивности сейсмотектонического процесса (сплошная линия) и кривая отклонений температуры от средней (пунктирная линия) по различным палеоданным по В.А. Дергачеву [2004]

Обращает на себя внимание интересный факт, который становится очевидным при сравнении кривых на рис. 8 и 10 – всплески сейсмотектонической активности находятся в противофазе относительно эпох потепления в голоцене, а если точнее, то всплески сейсмотектонической активности приходятся на эпохи смены направленности вектора в системе «тепло-холодно». Попытаемся дать объяснение этому, на первый взгляд, непонятному явлению. Сейсмотектонические движения, по существу, являются производной деформаций сейсмоактивного слоя литосферы. Почему же они вступают в какие-то взаимоотношения с климатическими изменениями и, в частности, с вариациями температуры приземного слоя атмосферы? Если сейсмотектонические процессы являются реализацией совокупности эндогенных процессов в твердой Земле, а глобальные климатические изменения объясняются скорее космическими причинами, то разумно предположить, что атмосферно-гидросферные процессы выступают в качестве триггерного механизма, способствующего высвобождению упругой энергии, запасенной в литосфере. Отсюда понятным становится то, что всплески сейсмотектонической активности совпадают с переходами от «тепло» к «холодно» и наоборот только потому, что во время таких переходов усиливается турбулентность атмосферы и гидросферы, приводящая к пространственно-временному перераспределению значительных масс этих земных оболочек. Давление на поверхность литосферы существенно меняется, а в местах повышенной концентрации упругих напряжений неминуемо происходят разрядки в виде сильных землетрясений.

Вулканическая активность и природно-климатические изменения.

Существенный интерес представляет собой анализ повторяемости вулканических извержений. Так же как и в предыдущих случаях, анализировалась выборка радиоуглеродных датировок вулканических извержений. Допускалось, что частота попадания тех или иных событий в те или иные временные интервалы характеризует всплески вулканической активности. Информация об извержениях прошлого заимствована из работ [http://www.volcano.si.edu/gvp/volcano/region; http://www.discovery.com/news/earthalert; Гущенко, 1979; и ряда др.].

На рис. 11 приведены результаты таких построений – черная кривая является оригинальной, а красная – сглаженная окном 500 лет.

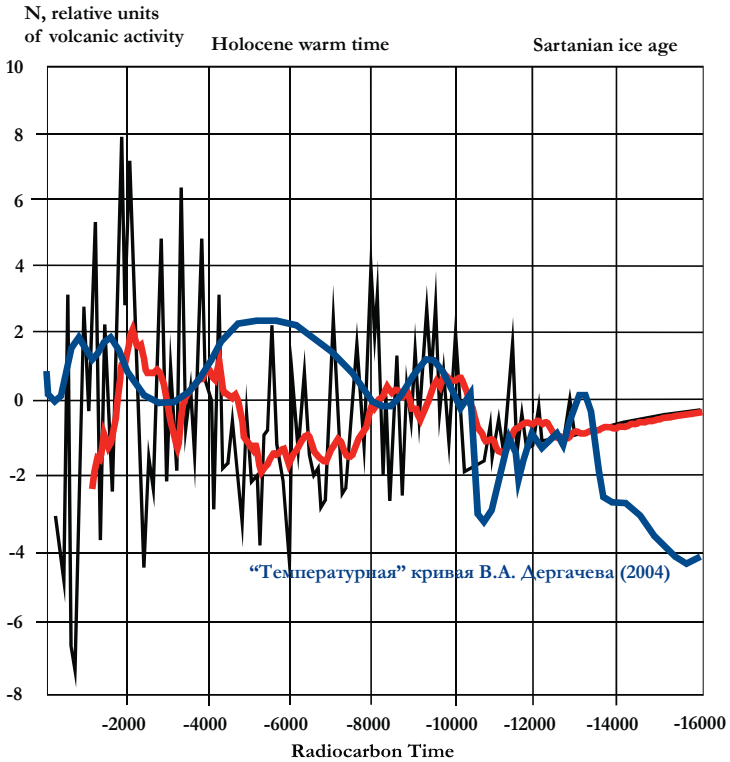


Рис. 11. Соотношение по времени вариаций активности вулканического процесса и отклонений температуры от средней в позднем плейстоцене и голоцене по В.А. Дергачеву [2004]

Видно, что на протяжении 16000 лет наблюдалось два больших всплеска вулканической активности в интервалах времени 1000-5000 и 7000-11000 лет назад. Максимумы двуглавые, разделенные кратковременными затишьями 3000 и 9000 лет назад. Сопоставление кривой «вулканической активности» с температурной кривой В.А. Дергачева [2004] показывает, что относительные потепления тяготеют к минимумам вулканической активности, если исключить интервал времени 7000-11000 лет назад, когда на фоне резко начавшегося потепления произошла активизация вулканизма, причем, за счет вулканов северо-западной окраины Тихого океана. К этой аномалии мы еще вернемся ниже, в обсуждении материалов.

Экзогенная активность и природно-климатические изменения. Информация о проявлении экзогенных феноменов крайне не многочисленная и почерпнута нами из следующих источников: http://www.canadianarchaeology.ca/localc14/c14search.htm; Нестеров, 1998; Бердникова и др., 1998; и ряда др. На рис. 12 приведены результаты статистической обработки базы данных – черная кривая характеризует реальное изменение частот в каталоге, коричневая – результат сглаживания 500-летним окном, синяя – «температурная кривая» [Дергачев, 2004].

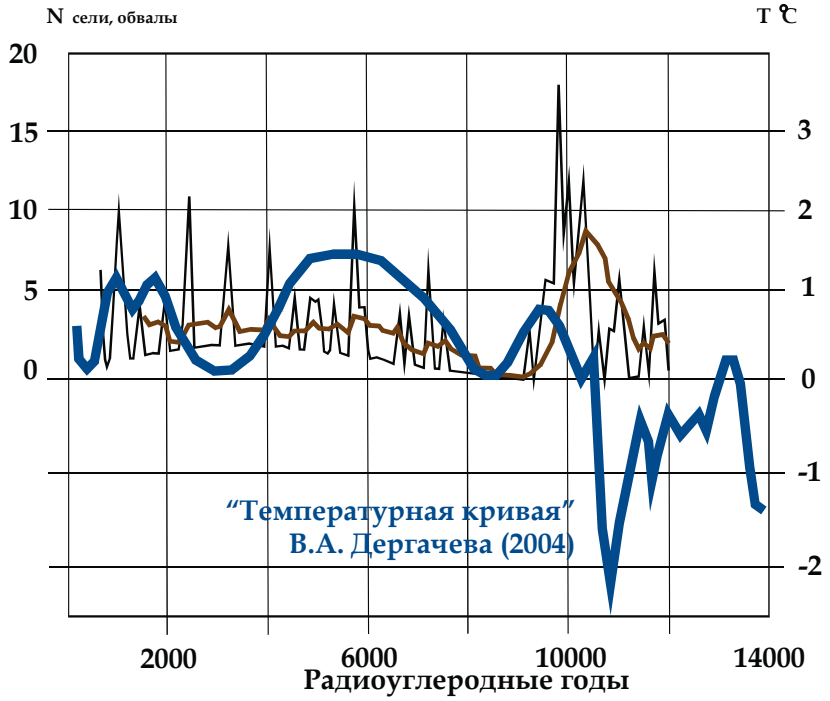


Рис. 12. Соотношение по времени вариаций активности экзогенных процессов (обвалы, пожары, наводнения, сели) и отклонений температуры от средней в позднем плейстоцене и голоцене по В.А. Дергачеву [2004]

На кривой рис. 12 отчетливо видно, что резкая активизация экзогенных процессов произошла в конце позднего плейстоцена около 12000-14000 лет назад. Судя по числу сигналов из прошлого эта активизация была грандиозной и в последствии в таких масштабах не проявлялась на протяжении всего голоцена. Голоценовые всплески активизации экзогенных процессов носили кратковременный характер и тяготели к наиболее теплым и, вероятно, влажным эпохам голоцена. Здесь, также как и в предыдущих случаях, аномальным выглядит рубеж позднего плейстоцена и голоцена.

В заключение этого раздела хочется обратить внимание читателя на особенности проявления активности природных пожаров в Африке. Рис. 13 был любезно предоставлен профессором J.G. Goldammer из GFMC/Fire Ecology Research Group Фрайбургского университета в Германии в 1998 г. Рисунок отображает вариации горимости африканских лесов близ оз. Mobutu Sese Seco в Уганде. На этот рисунок мы перенесем сибирские названия климатических периодов позднего плейстоцена и голоцена только лишь для простоты восприятия природных обстановок. Леса в Африке горели достаточно интенсивно в интервале 30000-25000 лет назад, то есть в «каргинскую» эпоху потепления. В «сартанское» время, когда в Сибири

господствовало оледенение, в Африке произошло похолодание и иссушение климата (это мы обсудим в следующем разделе), на фоне которых горимость лесов резко упала. Это событие имело место быть в интервале времени 25000-14000 лет назад. На рубеже голоценового потепления и последующего увлажнения климата наблюдается кратковременный, аномальный пик интенсивного горения лесов, продлившийся, вероятно, около 500 лет. Его возникновение на рубеже смены сухого климата на влажный можно объяснить вероятным усилением деятельность сухих гроз, которые и приводили к столь мощным природным пожарам.

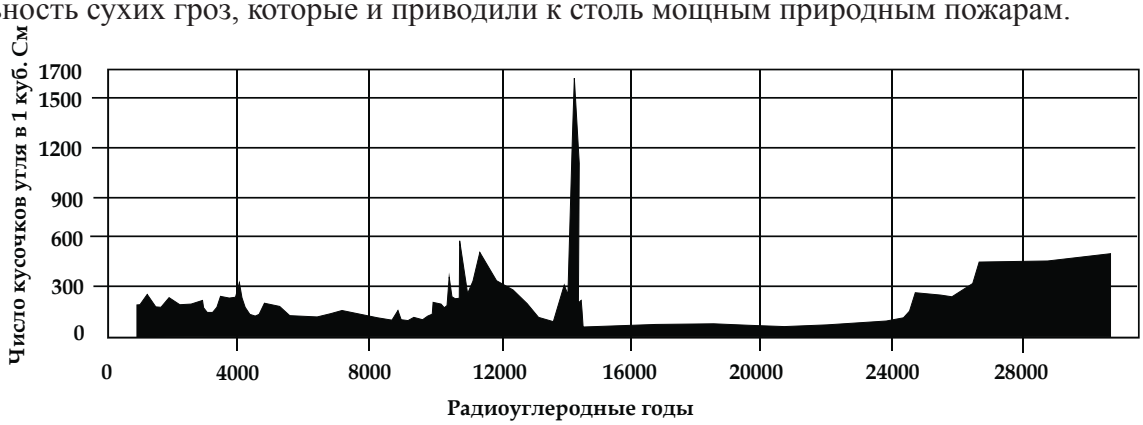


Рис. 13. Вариации числа кусочков древесного угля (следы пожаров) в керне осадков оз. Mobutu Sese Seco, Уганда [Weiss, 1995 – The Fire Ecology Research Group/GFMC is a subdivision of the Max Planck Institute for Chemistry and associate Institute of the United Nations University]

Около 13500 лет назад горимость лесов резко снизилась почти до уровня горимости в «сартанское» время, но этот спад был тоже сравнительно не продолжительным. Примерно 13000 лет назад, на фоне начавшегося интенсивного увлажнения климата, вновь появляется аномалия повышенной горимости лесов в интервале времени 13000-10000 лет назад. И опять перед нами появляется этот загадочный по своей природе аномальный (усиление пожароопасности на фоне все нарастающей влажности) интервал времени, также как и в предыдущих случаях. От 10000 до 5000-4000 лет назад пожароопасная обстановка стала спокойнее на фоне интенсивного увлажнения климата и по своей активности приблизилась к «сартанской» эпохе. Влажный период в Африке сменился постепенным иссушением климата, что вновь вызвало усиление горимости лесов и саванн.

Вместо Заключения.

Что же произошло на рубеже позднего плейстоцена и голоцена в Северном полушарии? Ответ на этот вопрос дать нелегко. В любом случае это будут догадки, предположения или гипотезы. Тем не менее, мы попытаемся проанализировать конспективно изложенный выше материал, но начнем с изменения климатической обстановки в трех регионах, последовательно расположив их с севера на юг – в Сибири, Аравии и Экваториальной Африке (рис. 14).

Частотная кривая изменения интенсивности проявления ряда геологических процессов в Сибири уже достаточно обсуждалась выше, но мы чуть детализируем ситуацию. Итак, можно допустить, что «каргинское» потепление началось в Сибири около 44000 лет назад и длилось до 32000-31000 лет назад. В начале этого интервала времени, как предполагают астрофизики, произошел взрыв Сверхновой звезды, спровоцировавший ураганное формирование изотопов ^{14}C и ^{10}Be в земных условиях. Вероятно, это был взрыв близкой Сверхновой.

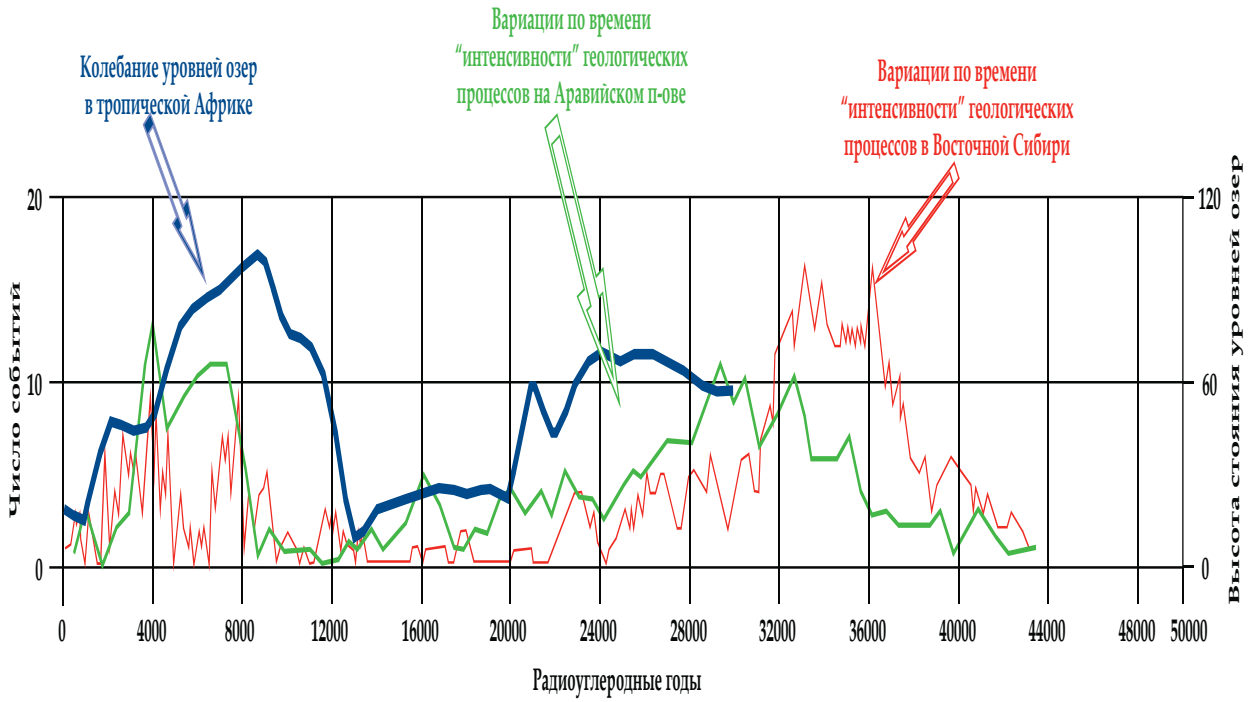


Рис. 14. Сопоставление вариаций частотных кривых развития природно-климатических обстановок в Сибири, Аравии и Экваториальной Африке

Примерно 30000 лет назад началось похолодание, но еще не «сартанское» оледенение. Холодало медленно вплоть до 22000 лет назад. В интервале времени 22000-13000 лет назад состоялось «сартанское» оледенение. 13000 лет назад стало теплеть, но это потепление, по каким-то непонятным причинам, 11000 лет назад сменилось похолоданием, длившимся до 10000 лет назад. Началась голоценовая эпоха потепления, однако, прерывавшаяся похолоданием в интервале времени от 7000 до 5000 лет назад.

Немного другая картина складывалась на Аравийском п-ове. Здесь «предкаргинское» похолодание и иссушение климата длилось до 36000 лет назад и сменилось потеплением и увлажненим, длившимися с плавным нарастанием и спадом вплоть до 14000 лет назад. Следующая эпоха похолодания и иссушения климата, которую мы условно параллелизуем с «сартанским» оледенением в Сибири, длилась от 14000 до 9000 лет назад. За этим интервалом времени последовало потепление и интенсивное увлажнение климата, резко сменившееся около 3000-2000 лет назад новым похолоданием и иссушением.

Еще более интересная картина наблюдается в Экваториальной Африке. Здесь учтены изменения высот стояния уровней озер в тропической Африке [по Sreet & Grove, 1979]. «Каргинское» потепление здесь завершилось около 20000 лет разад, «сартанское» похолодание продлилось до 13000 лет назад и, наконец, голоценовое потепление и увлажнение достигли максимума около 9000 лет назад.

Отсюда **первое заключение**. Потепления и похолодания в Северном полушарии происходили циклично, но с временным сдвигом вниз по широтам. Они, так или иначе, имели место быть, но запаздывали по времени конца и начала фаз и имели различную продолжительность.

Теперь сопоставим три интересных, на наш взгляд, кривых – первая отражает вариации энергопотерь в результате вулканических извержений, вторая – темпы вымирания мамонтовой фауны и третья – вариации активности экзогенных процессов (рис. 15).

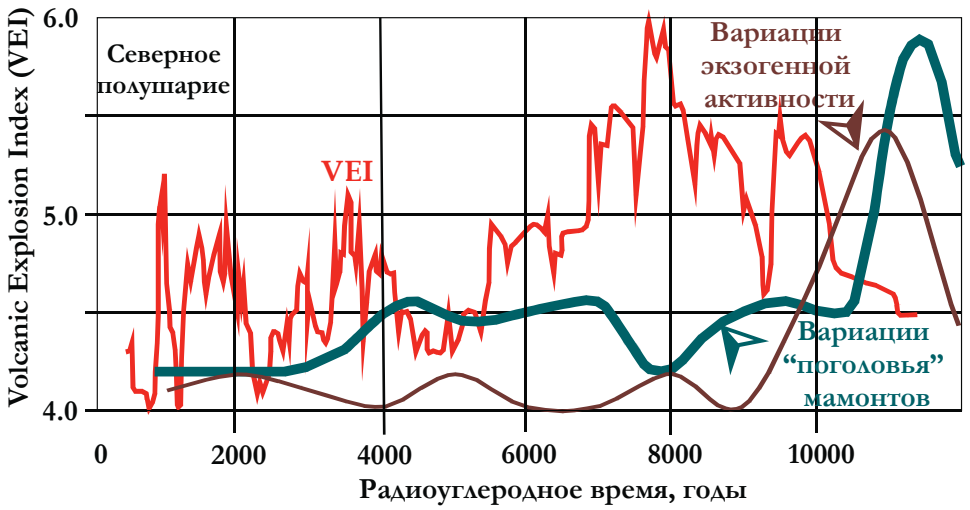


Рис. 15. Сопоставление вариаций энергопотерь в результате вулканических извержений, темпов вымирания мамонтовой фауны и вариаций интенсивности экзогенных процессов

Характерным является то, что все кривые обладают некой цикличностью, на параметрах которой мы останавливаться здесь не будем. Важными являются аномальные выбросы значений параметров в интервале времени 12000-9000 лет назад. Это те самые аномалии, о которых мы робко упоминали выше. Особого внимания заслуживает аритмичная аномалия энергопотерь в интервале 11000-9000 лет назад. Эту аномалию создают данные о вулканических извержениях в северо-западной части Тихоокеанского «огненного» кольца.

Отсюда **второе заключение**. Возникновение такого рода аномалий, носящих явно не цикличный характер, скорее всего, обусловлено внешними, относительно Земли как планеты, воздействиями. Что же действительно произошло в это время?

Для ответа на этот вопрос мы сделаем некое предуведомление. На сайте [http://boulder.swri.edu и Фэйрстоун и др., 2008] было высказано предположение о том, что природно-климатический кризис позднего плейстоцена – раннего голоцена был вызван взрывом кометного ядра над Северной Америкой. Как утверждают американские исследователи, они не обнаружили следов импактного события в виде кратера, но нашли большое количество мелких металлических шариков в отложениях с возрастом 12000-13000 лет назад. Однако такой кратер имеет место быть в окрестностях Аральского моря (Средняя Азия). Правда этот кратер, именуемый Жаманшин по международной базе данных, имеет возраст около одного миллиона лет [Задонина и др., 2007]. Однако он был детально изучен и датирован Э.П. Изохом в 90-х годах прошлого века [Izokh at al., 1993; Izokh, 1994; Izokh, 1996]. Его возраст составляет 11000-10000 лет назад. Распад кометного ядра сопровождался выпадением тектитового «дождя». По нашим оценкам его породил кратер Жаманшин диаметром – 14 км, мощность взрыва составила – 10^{18}-10^{20} Дж или более. Время взрыва – конец позднего плейстоцена – начало голоцена (10-11 тыс. лет назад).

Отсюда нам ничего не остается, как признать причиной позднего плейстоцен-голоценового природного кризиса импактное событие Жаманшин с возрастом 10000-11000 лет назад.

Заключение

Таким образом, располагая обширной базой данных ^{14}**C** датирования природных объектов, мы получаем возможность решить комплекс задач, связанных с природно-климатическими изменениями в позднем плейстоцене и голоцене: выявить длиннопериодные гармоники вариаций по времени солнечной активности, а в совокупности с периодизацией изменения орбитальных параметров Земли восстановить палеоклиматические изменения в позднем плейстоцене и голоцене. Показанные выше статистические модели, могут уточняться по мере появления данных. Кроме того, появляется возможность объяснить причины резких природно-климатических изменений на рубеже плейстоцена-голоцена в связи с импактным событием Жаманшин.

The summary

In article on the basis of the analysis of the data of radiocarbon dating samples with geoarcheological, paleobiological and geological objects, attempt of an estimation of periodic variations of solar activity and display tectonic, volcanic and exogenous processes is undertaken. The special place in work is given to the reasons of extinction mammothus faunae in connection with degradation later pleistocene glaciers, and probable impact accident.

Литература

Алкин С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников северных территорий Китая // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 232-250,

Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., Ощепкова Е.Б. Геоморфология и стратиграфия геоархеологического объекта Усть-Белая // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 26-36.

Бураков К.С., Начасова И.Е. Вариации напряженности магнитного поля Земли в голоцене // Очерки геофизических исследований: К 75-летию ОИФЗ РАН. – М.: Изд-во ОИФЗ РАН, 2003. – С. 196-201.

Гущенко И.И. Извержения вулканов мира. – М.: Наука, 1979. – 475 с.

Дергачев В.А. Влияние космических лучей на изменение климата: доказательства из прошлого (http://theory.asu.ru/~raikin/Physics/PCR/RCRC/2004_Moscow/25.htm) – 2004.

Дергачев В.А. Радиоуглеродный хронометр // Природа. – 1994. – № 1. – С. 3-15.

Задонина Н.В., Леви К.Г., Язев С.А. Космические опасности геологического и исторического прошлого Земли. Анализ временных рядов. – Иркутск: ИЗК СО РАН, 2007. – 77 с.

Кочаров Г.Е. Экспериментальная палеоастрофизика: достижения и перспективы // Соросовский образовательный журнал. – 1996. – № 11.

Миланкович М. Математическая климатология и астрономическая теория колебаний климата. – М.; Л.: ГОНТИ, 1939. – 247 с.

Нестеров С.П. Культурно-хронологическая шкала долины р. Буреи // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 445-452.

Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 207-232.

Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока. II. – 1996. (http://www.sati.archaeology.nsc.ru:8101/sibirica/pub/Data/?html=KATAL.htm&id=1147)

Орлова Л.А. Радиоуглеродный возраст ископаемых остатков мамонта на территории СССР // Изв. / СО АН СССР. Сер. общ. наук. – 1979. – Вып. 2, № 6. – С. 89-97.

Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Волков В.С., Зольников И.Д. Мамонт (Mammuthus primigenius Blum.) и древний человек в Сибири: сопряженный анализ ареалов популяций на основе радиоуглеродных данных // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 383-412.

Радиоуглеродное датирование археологических памятников северных территорий Китая (http://sati.archaeology.nsc.ru/mapserver/china/sites.htm).

Смекалин О.П. Изучение палеосейсмогенных деформаций Южного Прибайкалья. – М.: Изд-во ИФЗ РАН, 2008. – 101 с.

Сулержицкий Л.Д. Черты радиоуглеродной хронологии мамонтов (Mammuthus primigenius Blum) Сибири и севера Восточной Европы // Исследования но плейстоценовым и современным млекопитающим. – СПб.: ЗИН РАН, 1995. – С. 163-183 (Тр. / Зоолог. Ин. РАН. – Т. 263).

Сулержицкий Л.Д. Черты радиоуглеродной хронологии мамонтов Сибири и севера Восточной Европы (как субстрата для расселения человека) // Человек заселяет планету Земля. – М.: ИГ РАН, 1997. – С. 184-202.

Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., Долуханов П.М., Шукуров А.М. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. – СПб.: «Теза», 2004. – 157 с.

Трифонов В.Г., Караханян А.С. Геодинамика и история цивилизаций. – М.: Наука, 2004. – 668 с.

Трифонов В.Г., Караханян А.С. Динамика Земли и развитие общества // Тр. / ГИН РАН. – М.: ОГИ, 2008. – Вып. 585. – 436 с.

Фэйрстоун Р., Уэст А., Уэрвик-Смит С. Цикл космических катастроф. Катаклизмы в истории цивилизации. – М.: Вече, 2008. – 478 с.

Чипизубов А.В. Реконструкция и прогноз изменений сейсмичности Земли. – Иркутск: Изд-во ИЗК СО РАН, 2008. – 240 с.

Эдди Дж. История об исчезнувших солнечных пятнах // Успехи физических наук. – 1978. – Т. 125, вып. 2. – С. 315-329.

Guthrie R. Dale New carbon dates link climatic change with human colonization and Pleistocene extinctions // Nature. – 2006. – Vol. 441. – P. 207-209.

Izokh E.P. Origin of tektites: An alternative to Terrestrial Impact theory // Geochemistry. – 1996. – Vol. 56. – P. 458-474.

Izokh E.P. The Australasia tektite age-paradox: Discussion. – Novosibirsk: UIGGM, 1994. – 32 p.

Izokh E.P., Kashkarov L., Korotkova N. Age and chemical composition of the Zhamanshin crater impactites and tektites and comparison with Australasin tektites. – Novosibirsk: UIGGM, 1993. – 95 p.

Kuzmin Y.V., Orlova L.A. Radiocarbon chronology of the Siberian Paleolithic // Journal of World Prehistory. – 1998. – Vol. 12, N 1. – P. 1-53.

McCalpin J.P., Khromovskikh V.S. Holocen paleoseismicty of the Tunka fault, Baikal rift, Russia // Tectonics. – 1995. – V. 14, № 3. – P. 594-605.

Quarternery Period in Saudi Arabia. – Wien; NY: Springer-Verlag, 1984. – Vol. 2. – 361 p.

Ruzhitch V.V., Takeutchi A. The assessment of seismic paleoearthquake areas in Pribaikalye // Abstr. XIV INQUA Congress. – Berlin, 1995.

Интернет-ресурсы WWW

http://www.volcano.si.edu/gvp/volcano/region…
http://www.discovery.com/news/earthalert…
http://boulder.swri.edu
http://www.canadianarchaeology.ca/localc14/c14search.htm
http://www.sunhome.ru/journal/113516
http://sites.lebedev.ru/modules/show_image.php?id=749
www.kosmofizika.ru/irkutsk/kok/changes.htm

Т.Д. Скрынникова
Улан-Удэ, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии

МОНГОЛЬСКИЙ УЛУС XVII ВЕКА

В идентификационных практиках XVII в. термин «улус» часто встречается со словом «монгол», который также употребляется для обозначения территории проживания монголов – «Mongγol-un γajar» («монгольская земля»), может быть, даже в смысле «страны» («страна монголов»)[1] [ET, 1990, p. 84, 87 140, 157, 169, 177, 179]. Это понятие использовалось как для характеристики предшествовавшего периода, так и для описываемого настоящего. Сакья-пандиту пригласили распространять буддизм «в монгольской земле» (монг. «kijaγar Mongγol-un γajar-a») [ET, 1990, p. 82]. Далай-лама III отметил, что в монгольской земле много луусов, шимнусов, онгонов и пр. [ET, 1990, p. 148]. Упоминается распространение «ханского рода на монгольской земле Бэдэ» (монг. «Bede mongγol-un γajar-a qad-un uruγ» [ET, 1990, p. 46]).

Интересны употребления термина ulus, относящиеся к наиболее ранним временам. Так, в «Шара туджи» этот термин впервые упоминается в связи в Бортэ-Чино, предком монголов, ко-

торый автором летописи презентируется, в соответствии с буддийской традицией, как потомок тибетского правителя «Тушемил Алтан Сандалиту-хугана, по имени Лонгам, хана убил. Когда этот тушемил на ханский престол воссел, то младший сын Алтан Сандалиту-хагана Буртэ Чино ушел в землю Гонбо, там не прижился и, взяв жену свою по имени Гоа Марал, переправился на восточную сторону моря Тэнгис, достиг горы Бурхан Халдун [и] встретил народ по имени Бида (монг. «Bida kemekü ulus-tu jolγaju» [ШТ, 1957, p. 21]).

Когда [он] рассказал о своих обстоятельствах, то тот народ Бида, посовещавшись между собой, поставил его нойоном» [ШТ, 1957, p. 127] (монг. Siltaγan-iyan ögülegsen-dür tere bida kemekü ulus kelelčejü noyan bolγabai [ШТ, 1957, p. 21]). Безусловно, встретить можно было только людей, причем этот народ, называвшийся Бида, обсуждал (в монгольском тексте в выражении ulus kele[lče]jü определенно указывает на совместные действия группы людей) вопрос о прибытии Бортэ-Чино и избрании его своим главой.

Последующие сведения источника, отражающие деятельность Чингис-хана по расширению власти монголов, подтверждают это значение термина ulus, о чем можно говорить с достаточной степенью уверенности. Чингис-хану приписываются следующие слова: «Подобный сокровищнице весь великий народ мой» [ШТ, 1957, p. 133] (монг. Güü sang metü gür yeke ulus mini [ШТ, 1957, p. 35]). «Когда соединял и собирал воедино великий народ… Когда собирал обширные многие народы» [ШТ, 1957, p. 133-134] (монг. Yeke ulus-i joban jügejü jüggele quriyaqu čaγ-tur… eng olan ulus-i quriyaqu-dur [ШТ, 1957, p. 36]), что повторено сунитским Хилугэтэй Багатуром: «С поспешностью собранный, твой народ рассеется… Прежде соединенный, народ твой станет чужим» [ШТ, 1957, p. 134] (монг. Qamuγ-un jögegsen ulus činu tarqamji . …üris-ün jögegsen ulus činu öber kümüni bolon tarqamji [ШТ, 1957, p. 37]). Именно в этом значении (люди, народ) употреблен термин ulus в словах, сказанных нукеру Чингис-хана Боорчи его женой по имени Тэгусхэн Гоа: «Ты встретился раньше создания всего, собирал все народы… когда великие милости даны были ныне всему великому народу. То как же забыл одного тебя?» [ШТ, 1957, p. 130] (монг. Bütügü-yin urida učiraju büküi ulusi quriyalčaču : burin yeke törü-yi inu qasilčaju . …edüge narmai yeke ulus-tu yeke qayira boltala : γaγča čimai ese durasuγsan yaγun bui [ШТ, 1957, p. 29]). Ведь собрать и одарить милостями можно только людей. Когда речь идет о покорении противника, его захвате и приведении к покорности, то имеются в виду именно люди. Представляется верным перевод термина ulus, предложенный Н.П. Шастиной, при описании победы Чингис-хана над карлукским Арслан-хаганом, которого он убил, «а народ покорил» [ШТ, 1957, p. 128] (монг. Ulusi inu ababai [ШТ, 1957, p. 24]). Это значение подтверждается другими свидетельствами источника: «В некоторых источниках сказано: в год собаки Чингис-хаган отправился в поход на тангутский народ (монг. Tangγud irgen-e ayalabai [ШТ, 1957, p. 32])… Богурджи (Боорчи. – Т.С.) и Мухули повеление сделал: “Людей Джуйин из китайского народа вы оба себе возьмите”» [ШТ, 1957, p. 132] (монг. Kitad irgen-eče juin irgen-i ta qoyar ab [ШТ, 1957, p. 33]). Мы видим, что Ulusi inu ababai в первом случае синонимично irgen-i …ab в последнем. А irgen, как известно, имеет лишь одно значение – люди.

В качестве идентификационных маркеров границ общности, образованной Чингис-ханом, используются разные обозначения. Прежде всего, это обозначение собственно монгольской общности: «Подобным образом понемногу собрал товарищей, также покорил сорок тумэнов монгольского народа (монг. «Tere metü ulam nökür nemejü basa tayilču abču döčin tümen mongγol ulusi oroγulču» [ШТ, 1957, p. 22]) и двадцати восьми лет от роду в Худо-Арал на Керулене стал хаганом» [ШТ, 1957, p. 128]. В данном случае используется маркер общности, не употреблявшийся в XIII в. и сложившийся позже – сорок тумэнов монгольского народа[2].

Новый, не встречавшийся в эпоху Чингис-хана, его образ в качестве вселенского монарха можно видеть в следующих словах Чингис-хана: «По велению отца моего небесного Хормуста тэнгри покорил я двенадцать великих хаганов всего мира, завершил большую часть великих дел, ныне спокойно жить буду» [ШТ, 1957, p. 131] (монг. «Tngri qormusta tngri ečige-yügen jarliγ-iyar delekei dakin-u arbrn qoyar yeke qaγan-i : erke-degen oroγulju : yerü yekengki üiles-iyen tegüsgebei bi» [ШТ, 1957, p. 39]). В данном примере число двенадцать обозначает горизонтальную модель мира, который цивилизуется нахождением в его центре персоны Чингис-хана. Подобная модель отмечается в «Шара туджи» и для Хубилая: Хубилай, «летом пребывая в городе Шанду Хэйбун Хурду, зимой в городе Ихэ Дайду, четырех народов не допуская до потрясений, восьми границ

не колебля (монг. «dörben ulusi ülü tengselgen : naiman kijaγar-i ülü nisaγalaγan» [ШТ, 1957, p. 50]), установил всеобщее спокойствие и счастье» [ШТ, 1957, p. 139]. В летописях XVII в. встречается и модель, известная по «Сокровенному сказанию», только Чингис-хан не является сыном Неба, а приобретает буддийскую окраску: «хубилган Чингис-хаган и покорил пять цветных и четыре чужих народа» [ШТ, 1957, p. 128] (монг. «Tabun öngge dörben qari ulusi erkedegen oroγuluγsan anu» [ШТ, 1957, p. 22]).

Естественно, центром вселенной в эпоху Чингис-хана являются монголы – «mongγol ulus». Согласно Саган-Сэцэну, Чингис-хан заявляет, что с этого времени «Köke mongγol» будет называться Köke ulus mongγol (Köke mongγol ulus) [ET, 1990, p. 56]. Неустойчивость словосочетания (разное написание в разных версиях ET) позволяет предположить, что данный идентификационный маркер еще не закрепился в политической практике XVII в. Первый вариант трудно поддается переводу, поскольку термин «ulus» не оформлен грамматически. Если бы он был в родительном падеже, то можно было бы перевести его как «монголы синего улуса». Второй вариант может иметь два значения. Первое – «улус синих монголов» (в значении политии), и второе – «синие монголы» в значении «народ». Возможность второй интерпретации подтверждается и следующим пассажем, также относящимся ко времени Чингис-хана. В речи сунитского Гилугэн-багатура, обращенной к последнему, упоминается «увеличивающиеся в числе (разрастающиеся) подданные – монгольский народ твой» (монг. «urγumal aγul albatu *Mongγol ulus* cinu» [ET, 1990, p. 82])[3]. В данном контексте словосочетанием «Mongγol ulus» совершенно определенно обозначаются люди, поскольку оно сопровождается определением «те, которые приносят дань» – подданные.

Словосочетание «Mongγol ulus» в тексте «Эрдэнийн товчи» встречается довольно часто. В период «малых ханов» ойратский Батула-чинсанг убил монгольского Элбэг-хагана, захватил его сына Олдзэйту-хунтайджи и «**подчинил себе** большую часть монгольского народа» (монг. «*Mongγol ulus-un yekengki*-gi anu oroγuluγsan ajuγu» [ET, 1990, p. 101]. Здесь «Mongγol ulus» может нести в себе оба смысла и выступать как в качестве политонима «Монгольский улус», так и в качестве этнонима (монгольский народ/монголы). «Mongγol ulus» является объектом действия и имеет амбивалентное значение также в следующих двух контекстах: «Монгольский улус **силой возьму**» (монг. «*Mongγol ulus* kücün-iyer buliyaju odumu» [ET, 1990, p. 179]); «так как я **не хочу навредить** монгольскому улусу, а ты думаешь о торо, требуй своих нойонов миром» (монг. «bi *Mongγol ulus-tur* maγui ülü kikü-yin tula : ta törö-yi sanaju : noyan-iyan eye-ber nekekü bügesü» [ET, 1990, p. 183]). В данных случаях речь может идти о Монгольском улусе как о политии, так и о монголах как об этнической общности в противовес ойратам.

Впоследствии во времена Эсэху-хагана у ойратов тайком выкрали Олдзэйту-хун-гоа, Адзай-тайджи и Аругтай тайши и «отправили их к их родственникам к монголам» (монг. «törküm-dür-iyen *Mongγol ulus-tur* ileger-ün» [ET, 1990, p. 103]. Этот последний случай также связан с понятием «народ, люди» и имеет этнические коннотации, поскольку подчеркивает кровнородственную связь. Можно с большой долей уверенности приписать это последнее значение понятия и в следующем случае, поскольку речь идет о собирании множества, т.е. людей, народа: «После этого в короткий срок **собрали** монгольский народ» (монг. «tegünü qoyina *Mongγol ulus* qoromqan jaγur-a tökögerün büküi-e [ET, 1990, p. 102]), и ханом стал старший сын Элбэг-хагана Гун-Тэмур, который правил три года.

Безусловное значение словосочетания «Mongγol ulus» как «монгольский народ/монголы» отмечается и в других контекстах. Например, в поговорке: «У монголов мудрости мало, гордости много» («*Mongγol ulus*-un bilig ücüken : omoγ yeke» [ET, 1990, p. 166]). Другой пример связан с ситуацией, когда Далай-лама приехал в Монголию и «увидел своими глазами, как **грешит** монгольский народ» («*Mongγol ulus-i* nigülesküi-yin nidün-iyer üjen» [ET, 1990, p. 166]). Следует обратить внимание на то, что здесь «Mongγol ulus» выступает субъектом действия, как и следующем случае: «в то время как монголы **опасались** за свои окраины» (монг. «jaq-a-daki *Mongγol ulus* emiyejü yabun atala» [ET, 1990, p. 183]).

С другой стороны, «Mongγol ulus» выступает в качестве политонима в случаях, когда приводится сравнительное обозначение Монголии – прежней (сорок тумэнов) и периода XVII в. (шесть тумэнов): «если **разрушить** нынешний улус шести тумэнов, оставшихся от Монголии прежних сорока тумэнов» (монг. «erten-ü döcin tümen *Mongγol ulus-aca* ülegsen : eneküken *jirγuγan tümen*

ulus-i ebdebesü» [ET, 1990, p. 131]). И сорокатумэнный монгольский улус, и шеститумэнный улус являются объектами влияния внешних субъектов: их можно разделить, оставив часть; их можно разрушить.

Вышеуказанные примеры постоянно демонстрируют неразрывную связь улуса с правителем. Отсутствие границы между правителем (ханом/хаганом) и его владением (улусом) свидетельствует об антропоморфизации политической власти. В данном случае владение (улус) выступает в качестве его богатства, с одной стороны. С другой стороны, улус, как сообщество подданных, является объектом, к которому хаган проявляет патерналистские отношения в качестве «владыки» (ejen / qan ejen / qaγan ejen / ulus-un ejen /ejen boγda / tenggelig boγda ejen), обозначаемого как «хаган-отец» (qaγan ecige [ET, 1990, p. 13, 186]). Вышеперечисленные термины, безусловно, указывают на то, что правитель является владельцем, хозяином улуса, что, вероятно, произошло от первоначального обозначения владения кем-либо или чем-либо, например, домохозяйством. Даже послы воплощали частичку статуса правителя и обозначались не как посланники страны, а как его представители. Так, прибывшие к Далай-ламе послы из Китая и от чахаров обозначаются как «послы китайского минского императора Ванли… послы чахарского Тумэн-хагана» (монг. «Kitad-un Daiming Vanli qaγan-u elcis… Caqar-un Tümen qaγan-u elcis» [ET, 1990, p. 165]).

Выражение *ulus-un ejen*, которое можно интерпретировать как «владыка улуса», является распространенным словосочетанием: Magada ulus-un ejen [ET, 1990, p. 11]; Kaci ulus-un ejen [ET, 1990, p. 12]; «владелец улуса, называемого “Монгольский”, перерожденец бодисатвы хаган по имени Годан» (монг. «Mongγol kemekü ulus-un ejen anu bodisadu-yin qubilγan Köden neretü qaγan» [ET, 1990, p. 84]); «Пусть Даян владеет улусом… [сказала Мандухай и] воспитала владыку улуса Даян-хагана» (монг. «dayan ulus-i ejelekü boltuγai …ulus-un ejen Dayan qaγan-i ükertür tegejü») [ET, 1990, p. 123]). Владыкой улуса называет Даян-хана и «Шара туджи»: «Мудрая Сэцэн Мандухай-хатун, свернув узлом на макушке свои волосы, посадив Даян-хагана, владыку народа (монг. «ulusun ejen dayan qaγan» [ШТ, 1957, p. 72]), в повозку, сама предводительствуя, отправилась с поход» [ШТ, 1957, p. 148].

Рассмотрим, владение чем отмечает источник?

Как видим, констатация статуса хагана как владыки (владельца/господина) улуса сопровождается фиксацией факта владения (*ulus-i ejelekü*) или овладения (*ulus-i abcu*) улусом. Так, тангутский Шидургу-хаган сказал: «Я владел всем улусом до недавнего времени, я ли не хаган» (монг. «qamuγ ulus-i ejelen baraγ-a edüi-e : qaγan buyu bi» [ET, 1990, p. 69]; Чингис-хан говорит: «владею моим внешним пятицветным улусом» «γadaγadu tabun öngge ulus-i minu ejelejü» [ET, 1990, p. 75], которые он завоевал и стал владыкой, что следует из следующего текста: «Владыка-богдо по имени Темучжин [сказал]: “Пойду, захвачу улусы разных сторон (досл. там-сям расположенные. – *Т.С.*)”» (монг. «ejen boγda Temüjin kemekü : endeki tendeki ulus-i abcu yabunam»[ET, 1990, p. 71]). О Тогон-Тэмуре сообщается, что он «властвует во внешнем улусе» (монг. «γadaγatu ulus-tur ejerken yabuqu» [ET, 1990, p. 91]).

Что обозначалось словом *улус*?

Прежде всего, следует отметить те случаи употребления термина, которые несут его первоначальное значение – народ, люди. Наиболее показательными являются фразы: «Тот самый народ страны Шамбала» (монг. «Šambala-yin oron-u terekü ulus» [ET, 1990, p. 174]), где эксплицитно названы жители страны. Подобное значение можно отметить и в следующем случае: «Подвластные люди (подданные. – *Т.С.*) местности Гамсу во множестве приняли великую добродетельную парамиту (монг. «Гamsu-yin γajar-tur qariyatu ulus : caγlasi ügei yeke buyan barmaid-I ergün» [ET, 1990, p. 160]). Не вызывает сомнений значение термина *улус* и в пересказе известного сюжета, связанного с Бодончаром, жившим среди людей, у которых не было правителя и которые впоследствии стали подданными монголов. Саган-сэцэн пишет: «У тех людей спросили… когда на тот безродный народ напали и захватили» «tere ulus-aca surabasu… tere oγorcaγ ulus-i duγulju abqui-dur» [ET, 1990, p. 49]. Безусловно, то же значение отмечается и в том случае, когда Есугэй сосватал Темучину невесту и, оставив его там, сам отправился домой. В это время «татары (татарский народ. – *Т.С.*) устроили пир» (монг. Tatar ulus qurimlan [ET, 1990, p. 51]), Есугэй «вошел в юрту дружественного народа» (монг. «amaraγ ulus-un gerte oroju» [ET, 1990, p. 52]), где его, как

известно, отравили. Упоминаются народы кочующие «ködelkü ulus» [ET, 1990, p. 153] и оседлые «saγuqui ulus» [ET, 1990, p. 72].

Народ можно **захватить (*abqu*)** («захватили тридцать одно кочевье и людей» «γucin nigen nutuγ ulus-i abcu» [ET, 1990, p. 58], где, как видим, раздельно упоминаются люди и территория, на которой они кочуют. А когда речь идет о военном походе Алтан-хана на Тибет, то сообщается, что он «захватил людей» (монг. «ulus irgen kiged-i aγulju abun» [ET, 1990, p. 139]), на что прямо указывает парное слово *ulus irgen* – люди. В значении **захватить** используется и другой глагол – buliyaqu. «Монголов захвачу силой» (монг. «Mongγol ulus kücün-iyer buliyaju odumu» [ET, 1990, p. 179]). О том, что улус – это люди, свидетельствует и следующая фраза, сообщающая о том, что он «разграбил и захватил людей и скот» (монг. «ulus mal-i talaju abun» [ET, 1990, p. 141]). О захвате людей говорится в тексте, рассказывающем о военном походе Алтан-хана на ойратов, когда он, убив Мани-минггату, «захватил всех людей» (монг. «ulus bügüde-yi oroγulju abuγad» [ET, 1990, p. 138]) вместе с его вдовой – Джигэхэн-ага-пукпуш и сыновьями Тохоем и Бохэгутэем. Здесь глаголу *abqu* сопутствует глагол *oroγulqu* (приводить), что, безусловно, отмечает факт пленения людей во главе с их ханшей и принцами. В значении **привести** кого-либо в свои владения используется и глагол *tataqu* (тянуть): «поскольку народ привели издалека» (монг. «qola-yin ulus-i tataqu-yin tula» [ET, 1990, p. 60]). Можно также «привести людей [рода] уджиед» (монг. «Üjiyed ulus kürgejü» [ET, 1990, p. 187]). Именно о людях идет речь, когда обсуждается вопрос, как их **делить** после смерти правителя в случае отсутствия прямых наследников. У Алтан-зула-хатун, жены Бадма-самбау, детей не было. «Как мы будем делить людей, принадлежавших Бадме?» «Badm-a yügen ulus-i bida yakin qubiyamui» [ET, 1990, p. 138].

С народом можно **объединяться** и его **собирать**: «Старшие и младшие братья (принадлежавшие к Золотому роду. – *Т.С.*) соединились со своим великим народом» (монг. «aq-a degüü yeke ulus-luγaban neyileldün») и «собрали весь народ» (монг. «narmai yeke ulus-i quriyan cuγlaγulju» [ET, 1990, p. 181]) во главе с великими и малыми нойонами ордосского тумэна. В плаче Тогон-Тэмура мы также обнаруживаем эту тему – собирание народа правителем под своей эгидой: «Сыном Хан-Тэнгри Чингис-хаганом собранный воедино народ брошен мною… Собранный, соединенный народ свой я покинул» [ШТ, 1957, p. 142] (монг. qan tngri-yin köbegün Činggis qaγan-u jögegsen ulus-i örkijü… qamur-un jögegsen ulus-i ni orkiju [ШТ, 1957, p. 55]).

В следующем отрывке прослеживается явная синонимичность в употреблении терминов «улус» и «тумэн» в эпоху правления Лигдан-хагана: «Вследствие прежних деяний у ханов и простого народа (jirγuγan tümen-i . qan qaraču) шести тумэнов увеличилось стремление к неподчинению. Не сумел уговорить их мирным путем. Тогда силою собрав шесть великих народов, тридцать один год на ханском престоле сидел» [ШТ, 1957, p. 150] (монг. jirγuγan yeke ulusi küjir-iyer quriyaγad [ШТ, 1957, p. 76]). Это позволяет предположить, что, как и во времена Чингис-хана, термином «улус» обозначалась некая достаточно устойчивая общность – полития. Подтверждением этого может служить следующая цитата из «Шара туджи»: «Гудэн-хан, драгоценную великую державу усмиря, весь великий народ покоем осчастливил» [ШТ, 1957, p. 149] (монг. güden qaγan qas yeke törü-yi töbsitkejü : gür yeke ulusi engke jirγaγulju [ШТ, 1957, p. 74]). Политийность понятия yeke ulus подкрепляется сопровождающим его словом – gür, что уже в XIII в. маркировало иерархически структурированное сложное сообщество. Гарантом его стабильности был правитель – проводник универсального закона вселенной, о чем, собственно, и сообщает источник: Гудэн-хаган цивилизовал и гармонизировал пространство социума благодаря связи с törü.[4] Причем правящая верхушка, как мы видим, отделена от народа, на что указывает и случай с пленением Дзайсан-нойона и преследованием его ханши, сыновей и людей (монг. «qatun köbegüd ulus inu nekejü kelelceküi-e» [ET, 1990, p. 183]), и упоминание о Монголии времен Лигдан-хагана: хан и простолюдины шести тумэнов (jirγuγan tümen-i . qan qaraču) [ШТ, 1957, p. 76].

Завоевания ведут к **приумножению** подданных: «приумножить людей, которые платят дань» (монг. «albatu ulus oldaqu» [ET, 1990, p. 57]). Хонгирадский Вчир-сэцэн сказал: «Владыка мой, … пусть твоих подданных будет много» (монг. «ejen minu …albatu ulus cinu elbeg boltuγai» [ET, 1990, p. 69]). Для обозначения подданных, которые платят дань, используются разные термины – albatu, qaralmai. Так, Чингис-хан говорит: «весь подданный народ мой» (монг. «yerüngkei albatu yeke ulus minu» [ET, 1990, p. 75]). В своей речи перед смертью он, перечисляя самое ценное в его жизни,

разделяет народ и землю: «подданный народ мой, любимая земля моя» (монг. «qaralmai ulus minu : qairan γajar minu» [ET, 1990, p. 80]). Улус можно **разорить** (ebdekü). Так, ордосские монголы напали на приграничный район Китая и «разорили земли и людей» (монг. «γajar ulus-i inu ebden yabuqui-dur» [ET, 1990, p. 182]). Когда Алтан-хан пошел на Китай и «разорил земли и людей, китайцы (китайский народ) очень испугались» (монг. «γajad ulus-i inu ebdejü jobaγan yabuqui-dur : Kitad ulus yekede ayuju» [ET, 1990, p. 138]). После чего он получил от китайцев титул и золотую печать.

Как видим, подданные обозначаются и другим термином (*qaralmai*), который употребляется неоднократно. Бортэ говорит: «Не любовь ли Борте, не смелость ли подданных – сила моего хана-владыки? (монг. Börte jüsin-ü duran buyu : qaralmai yeke ulus-un joriγ buyu : qan ejen-ü man-i kücün bui j-e» [ET, 1990, p. 60]). Подданные в монгольском тексте переданы выражением qaralmai yeke ulus (досл. «подданный великий народ»), в котором перевод значения ulus как народ продиктован контекстом – смелость народа. Контекстуально подтверждается это значение слова ulus (народ, люди) и при характеристике Чингис-хана: «августейший владыка проявляет любовь к своим подданным» (монг. «boγda ejen qaralmai ulus-taγan qayira kijü» [ET, 1990, p. 73]). Показателен также плач сунитского Гилугэна по смерти Чингис-хана, в котором неоднократно упоминаются подданные, страдающие после смерти владыки: «подданный великий народ твой рассеялся» (монг. «qaralmai yeke ulus cinu qaγ-a kereg tarqam|j-e»), «подданные твои стали ничтожными» (монг. «albatu ulus cinu ecügüyidem j-e»), «любимый великий народ твой рассеялся» (монг. «qayiran yeke ulus cinu tarqam|je» [ET, 1990, p. 80]). На то, что улус означает множество, а не государство, указывает фраза из этого плача: «Весь великий народ оплакивает тебя» (монг. qamuγ yeke ulus anu küilen qayilan yabuqui-a [ET, 1990, p. 81]).

Позитивный характер связи правителя со своим народом подчеркивается тогда, когда автор хроники желает выделить выдающиеся результаты его деятельности. Этот аспект широко позиционируется в биографическом сочинении, посвященном Алтан-хану. Когда Алтан-хану было 13 лет, умер его отец. Тогда тремя правыми тумэнами стали владеть Эрхэту-Мэргэн-джинон и Алтан-хаган совместно с младшими братьями. Они «тщательно управляли великим народом» (монг. Todorqai-a yeke ulus-i jiluγadun jalaju [ETNS, 2001, s. 156]). Следует обратить внимание на определение Мэргэн-джинона как владыки народа: «Владыка народа Эрдэни Мэргэн-джинон и Алтан-хаган были людьми» (монг. «Ulus-un ejen Erdeni mergen jinong altan qaγan qoyaγula» [ETNS, 2001, s. 157]), мысли которых беззаботны, смелы и дружелюбны. Можно уверенно утверждать, что во всех выше цитированных отрывках речь идет скорее о народе, чем о политии. В 1524 г. на туматов напали урянхайские Торой-нойон и Гэрэбэлэд-чинсанг и убили Басуд-Уринтэя и «захватили поселения и людей» (монг. küriy-e ulus-i egereküi [ETNS, 2001, s. 156]), а в 1538 г. они же разграбили «народ и юрты» [ETNS, 2001, s. 159]. Оба раза Мэргэн-джинон и Алтан-хаган разбили тумэн урянханов и остановились перед белыми юртами.

Взяв три правых тумэна белых юрт владыки, Эрдэни Мэргэн-джинон и Алтан-хаган остановились на южном склоне Хангая, взяв Эши-хатун (главная жена Тулуя, т.е. ее реликвии, хранящиеся в восьми белых юртах) и три левых тумэна, остановились на северном склоне Хангая. «Выдающийся великий народ кочевал там в 1538 г., набирая силы. Великий народ шести тумэнов сел на коней и атаковал» (монг. «Erkin yeke ulus noqai jil-e tende nutuγlaju . tarγulaγad saca. Juryuγan tümen yeke ulus mordaju dobtuluγsan» [ETNS, 2001, s. 159]). И урянханы были побеждены счастливой харизмой (сюр-тур). Победив врагов, «великий народ возрадовался» (монг. «yeke ulus bayasqulangtan bolju» [ETNS, 2001, s. 159]). «Великий народ радуясь, там кочевал» (монг. «yeke ulus bayasuγad tende nutuγlaju» [ETNS, 2001, s. 164]). Когда же Алтан-хагана не стало, «мысли всего великого народа не были спокойны. …Весь великий народ печалился от горя и скорби» (монг. Qamuγ yeke ulus-un setkil ülü amun… Tegsi qamuγ yeke ulus γasal-un sinal-un enelgegdejü [ETNS, 2001, s. 196]).

Глаголы, с которым употребляется словосочетание yeke ulus (сесть на коней, атаковать, радоваться, печалиться, кочевать), позволяют с полной определенностью говорить о том, что речь идет не о государстве, а о людях. Именно весь народ может собраться, чтобы участвовать в избрании хагана. «Шесть монгольских тумэнов собрались перед юртой, обладающей харизмой хана, поклонившись священным предметам у лиственницы, перед владыкой весь великий народ Бодихагану дал титул “кудэнг-хаган”» (монг. «Qan suu-tu caγan ger-ün emün-e jirγuγan tümen ciγuluγad .

Qar-a modun-u dergede bolγan qutuγ-tur mörgöjü ejen-ü emün-e-ece . Qamuγ yeke ulus bodi qaγan-dur küdeng qaγan cola ögbe» [ETNS, 2001, s. 159]). Если в этом случае используется выражение «весь великий народ», то ниже мы отмечаем употребление иного выражения к этому же факту собрания шести тумэнов в связи с инаугурацией Боди-хагана – «Шести[тумэнный] великий народ» (mong. «jirγuγan yeke ulus» [ETNS, 2001, s. 161]. И именно людей можно взять, чтобы пойти на завоевание: «Взяв множество своего народа, пошли на южный Китай» (монг. «yeke ulus-iyan abuγad nanggiyad-tur ayalaju» [ETNS, 2001, s. 160]); «Взяв бесчисленное количество людей, Алтан-хаган пошел на Китай» (монг. «Caγlasi ügei yeke ulus-iyan abuγad altan qaγan kitad-tur ayalaju» [ETNS, 2001, s. 165]).

И правитель, в свою очередь, заботился о людях. Так, например, упоминается Мэргэн-джинон, который подчинил своей власти неприятеля, «заботился о своих младших братьях и своем народе, постоянно возвышал закон» (монг. «Öber-ün degüner ulus-iyan asaran tedküjü . Ülemji törö yosun-i jiluγadun» [ETNS, 2001, s. 160]). Поскольку «удивительный Мэргэн-хара стал опорой торо, дали [ему] титул «мэргэн джинон» (монг. «Гayiqamsiγ margen qar-a-yi törö-yin sitügen bolba kemejü margen jinong cola ögbe» [ETNS, 2001, s. 159])».

Эксплицитно проявляется это же значение термина, когда летописец сообщает о распространении буддизма: «Распространяли буддизм среди народа пяти цветов» (монг. «Erkin tabun öngge ulus-tur burqan-u sasin-i delgeregülügsen» [ETNS, 2001, s. 177]). Алтан-хаган вместе с женой Дзонгэн-хатун во главе великого народа согласились на приезд Далай-ламы (mong. «qaγan qatun terigüten yeke ulus-iyar jöbsiyejü» [ETNS, 2001, s. 184]) и становится символом высшей власти, распространяющей буддизм, когда речь идет о том, что «народ пяти цветов» (монг. «altan qaγan jönggen qatun terigüten tabun öngge ulus-iyar» [ETNS, 2001, s. 184]) во главе с Алтан-ханом и Дзонгэн-хатун поклоняются стопам священного Далай-ламы – украшению вершины. В результате «весь великий народ обратился в веру» (монг. «qamuγ yeke ulus bisirel-i egüskeldübei» [ETNS, 2001, s. 185]). Совместный залог глагола egüske[ldü]bei позволяет утверждать, что речь идет о множестве, т.е. о людях, что подтверждает и следующее сообщение: «Весь великий народ, [во главе с] хаганом и ханшей прослушал о пользе обетов» (монг. «Dalai lam-a-aca qaγan qatun qamuγ bügüde yeke ulus. Darui-dur saγsabad sanvar-un aci tusa-yi sonosuγad» [ETNS, 2001, s. 186]. Позже, в 1580 г. проповедническую деятельность проводил Манджушри-хутухту, «великий народ трех тумэнов собрался, великое религиозное правление сделали подобным шелковому шнуру» (монг. «Tedüi γurban tümen yeke ulus ciγuluγad . Degedü nom-un jasaγ-yi kib-ün janggiy-a metü üiledügsen» [ETNS, 2001, s. 194-195]).

Люди, как субъекты действия, могут **молиться**, что упоминается также в рассказе о монахе Нилом-талада, отправившемся в Монголию, где «люди, встречавшиеся на его пути, молились» («jaγura-du jam-un [aliba] ulus mörgöged» [ET, 1990, p. 154]), принимали обеты абишиг и слушали учение. Далай-лама «своими глазами видел, как **грешит** монгольский народ» (монг. «Mongγol ulus-I nigülesküi-yin nidün-iyer üjen» [ET, 1990, p. 166]). Это уже вполне индивидуальные действия, присущие членам общности, обозначаемой как улус. В результате просветительской миссионерской деятельности тибетских лам буддизм распространился по всей Монголии. «Пятицветный улус, повсюду (досл. «каждый». – Т.С.), создал место поклонения» (mong. Tabun öngge ulus tus tus büri mörgöl-ün oron bolγan abubai [ETNS, 2001, s. 198]). Так, после смерти Алтан-хагана при проведении обряда парамиты перечисляются его участники: «потомки, живущие в двенадцати тумэнах, во главе со священно рожденной Дзонгин-хатун … народ пяти цветов…ханы и нойоны, золотой род сорока монголов» (монг. «arban qoyar tümed-tür saγuγsan köbegün acinar inu. Ariγun törölkitü noyincu jönggin qatun terigüten qatalaγar. Asuru masi buyan barmaid-i toγolasi ügei ergün üiledbei.// …tabun öngge ulus-iyar buyan barmaid-i ergün bariγad. Taγalal-iyar döcin tümen mongγol-un qad noyad altan uruγ inu. Tasural ügei buyan barmaid-i jerge-ber üiledbei» [ETNS, 2001, s. 198]).

Во множестве примеров, приведенных выше, термином *ulus*, безусловно, обозначается народ, люди, в них, в отличие от прежних, где улус выступал как объект, на который направлены действия разных акторов, народ является субъектом действия. Примеры, где народ, люди выступают субъектами действия, можно продолжить. Уже упоминались монголы, которые опасались нападения на окраинах (монг. «jaq-a-daki Mongγol ulus emiyejü yabun» [ET, 1990, p. 183]). Можно так-

же вспомнить и качества, присущие людям, о которых говорилось выше: недостаток мудрости у монголов (Mongγol ulus) и много гордости [ET, 1990, p. 166]).

Но все-таки улус чаще и в значении «народ, люди» является объектом действий властвующей элиты, у которой были не только права на них в качестве господ и владельцев, но и обязанности **воспитывать**, **обеспечивать** мир**,** спокойствие и счастье людей. «Если воспитываешь свой великий народ согласно религии и светскому закону, не будет ли это заслугой того, кто назван хаганом» («монг. narmai yeke ulus-i šasin törö-ber tejigebesü : qaγan kemegdekü-yin γabiy-a inu ene boluyu» [ET, 1990, p. 184]). Юнло, рожденный монгольской женой, став императором в Китае, правил двадцать два года и благодаря двум законам «сделал весь великий народ благополучным и мирным» (монг. «narmai yeke ulus-i esen tayibing bolγaju» [ET, 1990, p. 186]). Его сын Суванди-хаган также «благодаря двум законам дал мир и счастье всему великому народу» «qoyar törö-ber narmai yeke ulus-i engkejigülün jirγaγuluγad» [ET, 1990, p. 187]. Можно с уверенностью говорить, что термин ulus используется в значении народ, когда речь идет о договоре между китайцами и монголами: «Великие народы Монголии и Китая собрались, побрызгали Великому Небу и дали клятву» (монг. «Mongγol kitad qoyar yeke ulus ciγulju dabtan. Möngke tngri-dür saculi sacuju aman aldalduju» [ETNS, 2001, s. 170-171]). Тема заключенного договора («Установили китайско-монгольское великое торо», монг. «kitad mongγol-un yeke törö toγtaju» [ETNS, 2001, s. 171]) связывается с миром и счастьем народа: оба народа были умиротворены (mong. «qoyar yeke ulus-i amuγulba» [ETNS, 2001, s. 171]). Отдельно выделяется установление мира среди монголов: «великий народ зажил в мире – ноги на почве, руки на земле» (mong. «Tegsi yeke ulus köl köser-e γar γajar-a amuju»), сделали навсегда очень счастливым даюаньский великий народ (монг. «Dayun yeke ulus-i ülemji masi jirγaγulju» [ETNS, 2001, s. 171]), установили мирное великое торо (монг. «Dayibing yeke törö toγtaγsan» [ETNS, 2001, s. 171])».

Выше уже говорилось о том, что улус – это то, чем владеет правитель, поскольку он обозначается как *ulus-un ejen*.Одновременно с упоминаемыми выше представлениями о разделении понятий земли (*yajar* и *nutuγ*) и людей (*ulus*) нельзя не отметить и существования концепта «владение», в котором эти две составляющие сочетались. Именно так, на мой взгляд, следует интерпретировать выражение «Saγang secen qong tayiji-yin ulus» [ET, 1990, p. 181], т.е. «владения Саган Сэцэн-хунтайджи» в местности Их шибэр. Хотя, кажется, прежде всего подчеркивается владение людьми, составлявшими определенную социально-политическую единицу. Представляется корректным не давать перевода термина *ulus*, чтобы не затемнять значение феномена, который им обозначается, тем более, что он может употребляться не с именем правителя, а с этнонимом. Чингис-хан, «изгнав Таян-хана, подчинил своей власти найманский оток улус» (монг. «Tayan qaγan-i kögejü γarγaγad : naiman otoγ ulus-i erke-dür-iyen oroγulbai» [ET, 1990, p. 70]). Здесь употреблено парное слово (оток улус), где первое обозначает род, что подчеркивает неполитийное значение термина «улус», т.е. речь идет о властвующей элите рода Таян-хана и их подданных, которых захватывали и уводили в плен. Это подтверждается использованием этого же парного слова для обозначения группы людей, выделяемых в качестве приданого невесты, которые следовали за ней в локус жениха. За Хулан-гоа «в качестве приданного дали людей двух родов – буга и солонго» (монг. «Buqas Solongγos qoyar otoγ ulus injitei ögciküi» [ET, 1990, p. 59]). Употребление в данном случае этнонимов с парным словом, скорее всего, свидетельствует о том, что и здесь улус обозначает людей, народ, которые перемещаются в пространстве.

Безусловно, термином *ulus* маркируется некая общность: «Даян-хан приказал так: “Есть великий славный улус, охраняющий восемь белых юрт владыки в Ордосе. Вместе с ним [пусть будет] еще один славный улус, хранящий золотой фонд владыки – урянхан. Пусть помогает хорчинский Абагатай”» (монг. «Dayan qaγan eyin jarliγ bolorun : Ordos ejen-ü nayiman caγan ger-i qadaγalaγsan yeke jayaγ-a-tu ulus bülüge : tegün-lüge Uriayangqan mön ejen-ü altan kömörgei-gi sakiγsan basa yeke jayaγatu ulus : Qoorcin Abaγ-a-tai tuslatuγai» [ET, 1990, p. 128]). Здесь, вероятно, улус отмечает не всю общность – урянхан, а часть их.

Если выше речь шла об использовании термина «улус» для обозначения в качестве объекта действия людей или народа, то приведенные ниже примеры демонстрируют значение улуса как политии: Чингис-хан «Токмакский улус подчинил своей власти» (монг. «Toγmaγ ulus-i erke-dür-iyen oroγulbai» [ET, 1990, p. 70]), «подчинил своей власти Китай (китайский улус – Т.С.)» (монг.

«kitad ulus-i erke-dür oroγuluγsan» [ET, 1990, p. 64]), «подчинил своей власти улус хоолас» (монг. «Qoolas ulus-i erke-dür-iyen oroγuγlbai» [ET, 1990, p. 71]), «подчинил своей власти улус харлигуд» (монг. «Qarliγud ulus-i erke-dür-iyen oroγulbai» [ET, 1990, p. 71]) и «пять областей шара-сартулского улуса подчинил своей власти» (монг. «tabun muji Sira Sartaγul ulus-i erke-dür-iyen oroγuγad» [ET, 1990, p. 70]). В последнем случае политийность улуса подчеркивается территориальными коннотациями, что отмечается также и в следующем сообщении: «завоевал Хара-Тибет (Черный Тибет) – три области, восемьдесят восемь тумэнов» (монг. «γurban muji nayan naiman tümen Qara Töbed ulus-i oroγulbai» [ET, 1990, p. 71]), где, как видим, улус – это и территория, и люди. В аналогичной терминологии упоминается Корея: «Захватил тот Белый улус – три области Кореи» («teyin Caγan ulus γurban muji Solongγos-i oroγulju abun») [ET, 1990, p. 59].

Но этим термином может маркироваться и целостность, когда сообщается, что «твой улус – чахарский тумэн» (монг. «ulus cinu Caqar tümen» [ET, 1990, p. 124]), и таким образом подчеркивается связь понятия *ulus* и с людьми, и с административной единицей.

Неопределенность значения термина *ulus* в полной мере проявляется в характеристике владений Даян-хана. «После этого Даян-хаган собрал и объединил шесть тумэнов-улусов и весь великий Монгольский улус сделал мирным и счастливым. Пребывал на ханском престоле семьдесят четыре года и умер в возрасте восьмидесяти лет» (монг. «tendece Dayan qaγan : jirγuγan tümen ulus-i jonggilan tökögircü : narbai yeke Mongγol ulus-i engkejigülün jirγaγuluγad : dalan dörben jile qan oron-dur saγuju : nayan nasun-iyan güi taulai jile tengri bolbai» [ET, 1990, p. 130]). Здесь, как видим, термином *ulus* обозначается как каждый из шести тумэнов, так и их общность/целостность – весь великий Монгольский улус, что позволяет, с одной стороны, предположить некую самостоятельность тумэнов, с другой стороны, недостаточно крепкое/цельное единство. Если в этом примере созданная Даян-ханом полития и ее структурные элементы обозначаются как разнородные единицы, то в следующем примере они соединены: «Даян-хан всех ввел [под свою эгиду] всех – три правых [тумэна], объединил свой великий улус шести тумэнов и установил [там] порядок» (монг. «tendece Dayan qaγan baraγun γurban-i burin oroγulun : jirγuγan tümen yeke ulus-iyan tökögerün tübsidkeged» [ET, 1990, p. 129]). В результате образованная им полития называется и великий Монгольский улус, и великий шеститумэнный улус, что, по существу, свидетельствует об отсутствии установившегося твердо фиксированного наименования общности.

Это владения правителя, поскольку отмечается, что он «объединил **свой** великий улус», и Мандухай и Даян-хаган «согласно обычаю сбора налогов великого улуса шести [тумэнов] сказали, нужно назначить джинонгов, … и в трех правых [тумэнах] назначили джинонгом Улус Болада» (монг. «jirγuγan yeke ulus-un alban-i γubciqui yosutu : jinong bolγan… kemegsen-dür : Ulus bolad-i baraγun γurban-dur : jinong bolγar-a» [ET, 1990, p. 124]). Хутубага говорит: «Молан хаган, я тебя убью, твой улус захвачу» (монг. «Molan qaγan cimai alaju ulus-i cinu abuy-a») [ET, 1990, p. 118].

Эта традиция – оставлять левое крыло, состоящее из трех тумэнов, в ведении верховного правителя, а три правых передавать в ведение джинона – продолжилась и после Даян-хагана. Так, автор «Шара туджи» сообщает: «Мандагул-хаган и Болху-джинон управляли собранными [ими] шестью тумэнами» [ШТ, 1957, p. 147] (монг. «manduγul-un qaγan bolqu jinong qoyar jirγuγan tümen-ü tamtuγlan medejü» [ШТ, 1957, p. 69]). Если строго следовать монгольскому тексту, то правильнее переводить глаголы так: «разделив, ведали». Еще с XIII в. известно, что верховная власть связывается с левым крылом, в котором находится сакральный центр общности – очаг рода потомков Чингис-хана, к которому относится верховный правитель монголов. «Три восточных (левосторонних. – Т.С.) тумэна: Тумэн Чахар, …Тумэн Халха, – живущий в Хангай-хане, …Тумэн Урянха… Три западных (правосторонних. – Т.С.) тумэна: тумэн Ордос, …охраняющий гороподобную белую юрту родившегося с гордостью Эдзэна… Великий Юншиэбо… к Юншиэбо присоединив харачинов и асутов – будет один тумэн. Таковы шесть этих тумэнов» [ШТ, 1957, p. 159]. В XVI-XVII вв., как известно, верховная власть принадлежала чахарам, последний глава которых Лигдан-хаган являлся и всемонгольским правителем. К сожалению, материалы источников не позволяют реконструировать механизм взаимодействия этих крыльев, как и характер отношений между тумэнами. Мы можем только отметить зафиксированную во всех источниках генеалогическую преемственность потомков Чингис-хана, возглавлявших эти тумэны, при этом нельзя не отметить того, что данные источников, конструирующих генеалогическое древо, расходятся.

Отсутствуют какие-либо данные о наличии властных институтов государственного типа, составляющих иерархическую структуру и представляющих собой тот каркас, который формирует целостную общность, обозначаемую как «шеститумэнный монгольский улус». Напротив, она видится достаточно аморфной. Это понятие представляется скорее неким маркером, позволяющим определить границы общности, возглавляемой представителями родственной правящей группы («Золотого рода»), интересы которых не всегда совпадают.

Безусловно, «Mongγol ulus» выступает в качестве политонима в случаях, когда приводится сравнительное обозначение Монголии – прежней (сорок тумэнов) и периода XVII в. (шесть тумэнов): «если **разрушить** нынешний улус шести тумэнов, оставшихся от Монголии прежних сорока тумэнов» (монг. «erten-ü döcin tümen *Mongγol ulus-aca* ülegsen : eneküken *jirγuγan tümen ulus*-i ebdebesü» [ET, 1990, p. 131]. И сорокатумэнный монгольский улус, и шеститумэнный улус являются объектами влияния внешних субъектов: их можно разделить, оставив часть; их можно разрушить.

Вышеприведенные примеры демонстрируют значение термина *ulus* в качестве объекта манипуляций правителя или претендента на владение этой общностью, что позволяет с достаточной степенью уверенности говорить об отсутствии употребления этого термина в значении «государство» в институциональном смысле, поскольку в тексте не обнаруживаются его проявления в качестве политического субъекта. Термин *ulus* не содержал нововременного представления о государстве как об относительно автономном аппарате правления, отделенном как от личности правителя, так и от совокупности управляемых. Более того, обозначение правителя термином *ulus-un ejen* подчеркивает, что хаган воспринимает подданных как собственные владения. Немногочисленные случаи упоминания термина *ulus* как субъекта действия совершенно определенно связаны с его начальным значением – народ, люди.

В заключение можно сказать, что оригинальный монгольский текст демонстрирует зачастую неопределенность значения термина *ulus*, которое может одновременно интерпретироваться как аморфная масса – люди, народ, и как некая форма общности – полития. Этот период характеризуется тем, что концептуальный политический лексикон, отражающий понятия и представления на верховную власть, только начинает формулироваться. В отличие от средневековой Европы, где уже с XIV в. в связи с возрождением римского права стали появляться специальные сочинения, посвященные анализу природы власти и государства, в Монголии это не являлось плодом творчества теоретиков, идеи о власти нашли лишь имплицитное отражение в летописях. В Монголии рассматриваемого периода трудно обнаружить, во-первых, пример безличного употребления термина *ulus*, т.е. обозначения им субъекта действия, и, во-вторых, политическая власть привязана к личности правителя. Это позволяет говорить о том, что термин не отделился от коннотаций, связанных с прежними значениями, выступающими в качестве объекта действия правителя.

Примечания

[1]*Erdeni-yin tobči*. (‘Precious Summary’). Sarang Secen. A Mongolian Chronicle of 1662. The Urga text transcribed and edited by M. Goo, I. de Rachewltz, J.R. Krueger and B. Ulaan. Faculty of Asian Studies Monographs: New Series. No. 15. The Australian National University. Canberra. 1990.

[2]Предположительно, представления о монголах как общности сорока тумэнов относится ко времени Юаньской династии, поскольку в «Шара туджи» имеются сведения о том, что при изгнании Тогон Тэмура из Китая Из сорока тумэнов монголов вышли [лишь] шесть тумэнов» [ШТ, 1957, p. 140] (монг. döčin tümen mongγol-un jirγuγan tümen inu γarbai [ШТ, 1957, p. 57]). И хотя, как указано выше, из Китая вышло только шесть тумэнов монголов, и позже, во времена Эсэна, монголы обозначались как сообщество сорока тумэнов, о чем свидетельствуют его слова, сказанные своему прислужнику Инаг Хэрэ: «Испытай Сорок и Четырех» [ШТ, 1957, p. 145] (монг. döčin dörben-i tengse [ШТ. 1957, p. 85]), где число сорок обозначает монголов, а четыре – ойратов.

[3]Аналогичное значение термина ulus в плаче сунитского Хилугоэтэй Багатура по поводу смерти Чингис-хана мы находим в «Шара туджи»: «Когда обеспокоился весь великий народ… Весь великий народ свой покинул… Силою собранный народ твой… Издавна собранный народ твой… Все возрастающие народы твои… Многочисленный монгольский народ твой…

Весь говорящий народ твой… Все целиком народы твои… Ты отвернулся ли от своего старого монгольского народа, государь мой?» Когда так сказал, то хан-государь соблаговолил и одноколка, скрипя, двинулась. Весь народ обрадовался» [ШТ, 1957, p. 135-137] (монг. gür yeke ulus jobaqui-dur… gür yeke ulus-iyan orkiju… albala bayiγuluγsan ulus činu… urida jögegsen ulus činu… urγumal ulus irgen činu… olan mongγol ulus činu… kelekü bügüde ulus činu… qotala bügüde ulus činu… qaγučin mongγol ulus-iyan tebčibü či ejen minu… qamuγ ulus[-dur činu üjigülüy-e ni]… qamuγ ulus bayasqulang-tu bolbai [ШТ, 1957, p. 40-43]).

[4]На мой взгляд, Н.П. Шастина предложила неточный перевод фразы qas yeke törü-yi töbsitkejü («драгоценную великую державу усмиря»). Ее следует читать так: «установил яшмовое великое törü» (о törü см. ниже).

Литература

ET *Erdeni-yin tobči*. (‘Precious Summary’). Sarang Secen. A Mongolian Chronicle of 1662. The Urga text transcribed and edited by M. Goo, I. de Rachewltz, J.R. Krueger and B. Ulaan. Faculty of Asian Studies Monographs: New Series. No. 15. The Australian National University. – Canberra. 1990.

ETNS Kollmar-Paulenz, Karenina. *Erdeni tunumal neretü sudur*. Die Biographie des Altan qaγan der Tümed-Mongolen / Ein Beitrag zur Geschichte der religionspolitischen Beziehungen zwischen der Mongolei und Tibet im ausgehenden 16. Jahrhundert. Harrassowitz Verlag. – Wiesbaden. 2001.

ШТ Шара туджи. Монгольская летопись XVII века / Сводный текст, перевод, введ. и прим. Н.П. Шастиной. – М.; Л., 1957.

А.В. Табарев
Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АМЕРИКАНИСТИКИ В НОВОСИБИРСКОМ НАУЧНОМ ЦЕНТРЕ

«…Загадки поджидали нас за каждым углом…
И мир по-прежнему полон таких углов…»
Р.Ч. Эндрюс

Осенью 2009 г. автор прочитал студентам гуманитарного факультета Новосибирского госуниверситета (историки, археологи, востоковеды) большую лекцию о развитии зарубежной археологии в Новосибирском научном центре. Фрагменты из этой лекции с некоторыми свежими дополнениями составили основу настоящей публикации, которая, как нам представляется, будет интересна самому широкому кругу участников юбилейной РАЭСК – конференции, с которой у меня связаны самые теплые студенческие воспоминания.

В археологию приходят разными путями: кто-то «заболел» ею еще в детстве, в археологическом кружке, кто-то – после первого курса, на археологической практике, кто-то сделал свой выбор уже на последних курсах вуза. Но у всех в свое время была встреча с Тайной, Загадкой, с тем, что принципиально отличает археологию от других гуманитарных наук. Именно поиск тайн и их разгадок сопровождает нашу профессию. Об этом в свое время очень хорошо написал американский исследователь Центральной Азии Р.Ч. Эндрюс (1884–1960), чьи слова мы приводим в качестве эпиграфа. И каким бы направлением, каким бы периодом или географическим регионом не решил заниматься будущий археолог – тайны и загадки он найдет везде. Так было, есть и будет. Естественно, при глубоком и профессиональном интересе и отношении к археологии. Поверхностных знаний она не прощает. Одним из таких интереснейших направлений является *зарубежная археология* – археология отдельных стран и целых регионов как соседних с территорией Сибири, так и отдаленных от нее многими тысячами километров.

На сегодняшний день зарубежная археология в Новосибирском научном центре представлена как *учебная дисциплина* и как *научное направление*. Их судьбы и современное состояние различны. На гуманитарном факультете НГУ студенты исторического и восточного отделений знакомятся с археологией стран Востока в рамках курса «История стран Азии и Африки», есть также ряд спецкурсов по археологии Китая, Кореи, Северной Пасифики и т.д. В то же время археология западного полушария – в первую очередь, американский континент – долгое время практически не была представлена.

Этот пробел начал восполняться лишь с конца 1990-х гг. С 1998 г. автор периодически читал в НГУ и НГПУ для студентов-историков спецкурсы по археологии доколумбовой Америки. Технически это было непросто, приходилось пользоваться маленьким слайд-проектором и невысокого качества ксерокопиями, а многое показывать, что называется, «на пальцах», рисовать мелом на доске. Тем не менее, интерес к лекциям был большой (на первый курс по проблеме первоначального заселения Нового Света пришло около 30 человек, а на курс по Мезоамерике – более 60!).

Вскоре появились и первые специализирующиеся, первые выступления и грамоты на студенческих конференциях, публикации, первые дипломники, работы которых были посвящены самым разным сюжетам – доколумбовым плаваниям из Восточной Азии в Америку, ритуалам и праздникам индейцев Северо-Западного побережья, мезоамериканской игре в мяч, календарям древних майя и астеков, маскам и украшениям загадочных ольмеков и др. [например, Кравцова, 2007; Лебедева, 2001; Стефаненко, 2001]. Все это позволило говорить о созревшей необходимости создания специализации по *американистике* – науке об истории и культуре аборигенного населения Америки.

Специализация по американистике рождалась практически на пустом месте – не было учебных программ и пособий, карт, библиотечные фонды располагали скудным набором литературы по доколумбовой Америке, а отечественные научные фонды не поддерживали заявок на проекты, связанные с поездками в западное полушарие.

В последние годы ситуация существенно меняется. С созданием на гуманитарном факультете специализированного отделения археологии, а с 2009 г. – магистратуры по археологии, курсы по зарубежной археологии (доколумбова Америка и тихоокеанский бассейн) стали органичной частью программы подготовки специалистов-археологов. За последние 5 лет автору удалось издать несколько учебных пособий – «Древние ольмеки» [Табарев, 2005], «Введение в археологию Южной Америки» [Табарев, 2006], «Молнии, плывущие друг за другом (Тихоокеанский лосось в промыслах и ритуалах индейцев Северо-Западного побережья Америки)» [Гаврилова, Табарев, 2006], а также подготовить мультимедийное (презентации Power Point) сопровождение всех лекционных курсов, что значительно повышает зрелищность и информативность.

Сегодня студентам 3-го года обучения предлагается курс по археологии доколумбовой Америки и тихоокеанского бассейна [Табарев, 2009], а магистрантам – курсы по проблемам происхождения производящего хозяйства и социальным реконструкциям. Значительное место в них отводится анализу публикаций и теорий зарубежных (европейских и американских) специалистов Г. Чайлда, Дж. Стюарта, Г. Уилли, Р. Карнейро, Э. Сервиса, Б. Хэйдена, М. Блейка и др.

В 2005 и 2008 гг. состоялись первые поездки аспирантов ИАЭТ СО РАН и студентов гуманитарного факультета НГУ в Америку для участия в археологических раскопках (полевая школа Университета Вайоминг, г. Лэрэми). Ведется активная переписка с рядом других университетов и научных центров (Калифорнийский Университет, Университет Аризоны, Университет Кентакки), начата работа над веб-сайтом, посвященном сибирской американистике [Гаврилова, Табарев, 2005]. Есть много других интересных планов и проектов на будущее. И все-таки – мы в самом начале трудного пути. Одной из таких трудностей является перспектива продолжения занятий американистикой после окончания вуза – диплом написан, что дальше, есть ли возможность заниматься американистикой в рамках научной (академической) структуры?

В отличие от учебной дисциплины, зарубежная археология как *научное направление* имеет в Институте археологии этнографии СО РАН давнюю и богатую событиями традицию, заложенную еще его основателем академиком А.П. Окладниковым.

Об энциклопедических интересах и знаниях Алексея Павловича, его путешествиях по разным уголкам планеты, умении создавать и развивать разнообразные международные проекты и контакты много написано и сказано. В данном случае мне хотелось бы еще раз подчеркнуть его вклад в развитие американистики. В истории отечественной археологии есть всего два случая организации полноценных экспедиций на американском континенте – советско-американская экспедиция на о. Анангула в 1974 г. и советско-кубинская археологическая экспедиция 1970–1980-х гг. – и оба они связаны с инициативой и деятельностью А.П. Окладникова [Табарев, 2008].

География археологического поиска и сотрудничества ИАЭТ СО РАН за последние четыре десятилетия отличалась исключительным разнообразием – Сибирь и Дальний Восток, Средняя Азия и Иран, Кавказ и Балканы, Монголия и Китай, Корея и Япония. Существует множество многолетних проектов с коллегами из Европы и США. Заслуги сибирских археологов в изучении древнейшего культурного наследия оценены орденами ряда стран и почетными званиями профессоров престижных университетов.

С 1971 г. в ИАЭТ СО РАН под руководством д.и.н. В.Е. Ларичева успешно работал сектор археологии стран зарубежного Востока. Его сотрудники занимались разработкой востоковедческой проблематики (Китай, Корея, Япония, Монголия), изданием уникальной серии «История и культура Азии», активно сочетали исследовательскую и преподавательскую деятельность.

С 2005 г. на базе востоковедческого сектора создан сектор зарубежной археологии. Это произошло в весьма непростое и для сибирской, и для всей российской науки время, на фоне вынужденного сокращения штатов. Тем не менее, руководство института сочло возможным и важным придать зарубежным исследованиям новый статус и импульс.

В задачи нового подразделения входит работа по организации долгосрочных международных проектов, участие в археологических исследованиях на территории других стран, работа с коллекциями в фондах зарубежных научных центров, подготовка специалистов по зарубежной археологии, участие сотрудников в международных конференциях, издание научных трудов по археологии отдельных стран и регионов. Заметно расширен и географический диапазон – наряду с традиционными направлениями (Дальний Восток, Монголия) в сферу интересов сотрудников подразделения входят также доколумбова Америка и тихоокеанский бассейн. У нас появилось и новое поколение аспирантов – один из них работает над темой о каменном веке Тибета [Мартынов, 2008], а другой изучает распространение «престижных технологий» в древних и традиционных культурах Северной Пасифики [Кубан, 2008]. Несмотря на всего второй год аспирантуры, у них уже есть и разнообразный экспедиционный опыт, и хорошие контакты с зарубежными исследователями, и практика участия в международных конференциях, и языковые навыки.

Среди множества интересных сюжетов по зарубежной археологии нами особо выделяется проблема первоначального заселения Нового Света – Американского континента. Это мега-проблема, решение которой невозможно силами одного специалиста и, более того, даже силами одного поколения специалистов. Ее разработка, жаркие дискуссии и поиск новых памятников ведутся уже более 100 лет. В исследованиях принимают участие ученые разных стран и дисциплин – палеогеографы, геологи, палеонтологи, специалисты по палеогенетике и т.д. Но, все-таки, первую скрипку в них по-прежнему играют археологи.

Вот основные аспекты этой проблемы:

- к какому времени (до 11,5 тыс. л.н. или после) относится начальный этап заселения?
- по какому маршруту (или маршрутам), одновременно или волнами проходили эти миграции?
- является ли культура наконечников с желобком (кловис) древнейшей на Американском континенте, сформировались ли ее технологические основы уже в Новом Свете или их ис-

токи реально зафиксировать в Азии или Европе? И если да, то в каких именно культурах и регионах?

На сегодняшний день существует четыре основных гипотезы (модели) о времени и путях первоначального заселения Нового Света. Все они основаны на обновляющемся комплексе археологических и палеогеографических данных, все отличаются оригинальностью, все, без исключения, уязвимы для критики и все имеют реальные перспективы для дальнейшей разработки. Сторонников этих гипотез можно условно разделить на оптимистов, убежденных в раннем, докловисном, заселении, и пессимистов, настаивающих на возрасте древнейших комплексов не старше 11,5 тыс. л.н.

Берингийская модель (внутриконтинентальная) предполагает продвижение групп мигрантов из Северо-Восточной Азии по сухопутному перешейку на территорию Аляски и далее, по т.н. свободному ото льда коридору (Free Ice Corridor) вглубь североамериканского континента. Физическая возможность такого маршрута, однако, не вполне стыкуется с хронологией – если воспользоваться перешейком можно было лишь в периоды низкого уровня океана во время похолоданий, то пройти через коридор на юг – лишь в период потепления (не ранее 11,5 тыс.л.н.), что несколько позднее датировок по стоянкам культуры кловис в Северной Америке и памятников на тихоокеанском побережье Южной Америки. Более того, наиболее ранние комплексы на Аляске (например, Ненана) не обнаруживают сходства с археологическими материалами Чукотки или Камчатки, оно проявляется уже позднее – около 11,2–11 тыс. л.н. И, наконец, на крайнем Северо-востоке Азии пока нет данных о памятниках древнее 11,5 тыс. л.н.

Прибрежно-островная модель в качестве исходного района также определяет Северо-восток Азии, но с движением не по внутренней части, а по южной кромке Берингии с выходом на тихоокеанское побережье Аляски, Британской Колумбии и далее – Калифорнии, Мексики и Южной Америки. Привлекательность этой модели в большей комфортности (отсутствие покровного оледенения, разнообразие ресурсов, температурные параметры) для мигрантов [Dixon, 1999]. Однако, фактических следов этого процесса – стоянок древнее 11 тыс. л.н. на побережье или свидетельств использования водного транспорта в это время – в Северной Америке пока не выявлено. Это может быть, в первую очередь, связано с мощной трансгрессией уровня мирового океана в постледниковье.

В Южной Америке ситуация несколько иная, масштабы изменения уровня океана сказались здесь не в такой степени. Известен целый ряд финальноплейстоценовых (11,5–10,5 тыс. л.н.) памятников в прибрежной части Южной Америки – Эквадора (культура Лас-Вегас), Перу (Кебрада Хагуай), Чили (Монте Верде), которые полностью или частично были связаны с использованием акватических ресурсов.

Увеличение числа ранних памятников на тихоокеанском побережье Южной Америки даже позволило ряду исследователей предложить т.н. *южнотихоокеанскую* версию – заселение через южную часть Тихого океана из Австралии. Дополнительную интригу сюда добавляют и данные лингвистики – число аборигенных языков в Южной Америке гораздо больше, чем в Северной, и для их формирования необходимо не менее 20–18 тыс. л.н. В то же время, никаких реальных археологических материалов с таким возрастом пока нет ни на американском побережье, ни в Южной Пасифике. Так, например, заселение Новой Зеландии по самым оптимистичным оценкам произошло не ранее 2,5 тыс. л.н. Стоит ли ставить крест на этой гипотезе? Вряд ли. В последнее время появились интересные публикации, посвященные палеогеографической обстановке Южной Пасифики в рамках последнего ледникового максимума (20–18 тыс. л.н.) – в них доказывается существование значительно большего числа островов, которые могли бы служить физической основой для миграций в Южную Америку со стороны юго-восточной Азии и Австралии [Wyatt, 2004]. Впрочем, до обнаружения любых материальных свидетельств эти данные остаются лишь гипотезой.

Громкий резонанс среди археологов вызвало появление в конце 1990-х гг. так называемой *атлантической* (солютрейской, иберийской) модели. Ее авторы – американские археологи Д. Стэнфорд (Музей естественной истории, Смитсоновский институт, г. Вашингтон, США) и Б. Брэдли (Университет Экзетер, Англия) – эффектно (статьи, интервью, лекции, видеофильмы)

презентировали широкой публике версию о том, что носители солютрейской культуры на ее позднем этапе (18–17 тыс. л.н.) могли из прибрежных районов Иберийского полуострова мигрировать в Северную Америку вдоль кромки Гренландского ледника.

Д. Стэнфорд и Б. Брэдли – авторитетные специалисты, признанные эксперты в области археологии каменного века, опытные экспериментаторы, всегда открытые к диалогу и сотрудничеству. Мне посчастливилось неоднократно присутствовать при их выступлениях, лично познакомиться и обсуждать самые разные аспекты проблемы первоначального заселения Нового Света. Их гипотеза, методы ее аргументации и сама дискуссия вокруг гипотезы, без сомнения, заслуживают внимания.

По мнению авторов гипотезы, финальнопалеолитические каменные индустрии северо-восточной Азии не обнаруживают никакого технологического сходства с индустриями палеоиндейцев (в Сибири – микропластины, а в Северной Америке – бифасиальные наконечники), тогда как тонко ретушированные наконечники солютре практически аналогичны наконечникам с желобком у носителей культуры кловис (*Not from Siberia but from Iberia!*). Особое внимание Д. Стэнфорд и Б. Брэдли уделили тщательному анализу: 1) последовательности изготовления наконечников, 2) оригинальных приемов подготовки поверхностей (т.н. overshot), позволявших контролировать толщину и ширину наконечников; 3) специфическим формам орудий, а также кладам каменных изделий [Bradley, Stanford, 2004].

На сегодняшний день на территории США известно около двух десятков палеоиндейских кладов – компактных наборов наконечников и их заготовок, не связанных ни со стоянкой, ни с мастерской, ни с местом охоты (например, такие клады как Энзик, Фенн, Саймон, Ричи-Робертс и др.) [Табарев, 2005-09; Frison, Bradley, 1999]. Практически все из них были найдены случайно – при строительных или сельскохозяйственных работах. Изделия в кладах выполнены из редких и красивых сортов камня (халцедоны, агаты, рисунчатые кремни, хрусталь) и вулканического стекла (обсидиан), источники которого могли находиться за сотни километров от места клада. Их размеры значительно превышают средние параметры, а обработка свидетельствует о высочайшем мастерстве исполнения. Все специалисты сходятся на том, что такие артефакты не носили утилитарного характера, а являлись частью особого, еще не расшифрованного ритуала.

Согласно Д. Стэнфорду и Б. Брэдли, клады – своеобразные маркеры высших технологических достижений культуры кловис, аналогии которым в Северо-восточной Азии неизвестны. В то же время, изящные наконечники крупных (до 30-35 см длиной) размеров представлены в культуре солютре в Западной Европе. В том числе, в составе кладов, например, клада Волгу (12 наконечников), найденного во французском департаменте Сонна и Луара еще в конце XIX в.

Гипотеза о европейской прародине культуры кловис разделила специалистов на два лагеря. Сторонники соглашаются с доводами, а скептики активно критикуют Д. Стэнфорда и Б. Брэдли за «умозрительность» и «поверхностность» представленной модели.

Наиболее развернутая критика содержится в статье трех авторов – Л. Строса (специалист по палеолиту Западной Европы), Д. Мельцера (эксперт по палеоиндейскому периоду) и Т. Гебла (специалист по археологии Берингии и Сибири), опубликованной в авторитетном журнале «Археология мира» (World Archaeology). Они сформулировали 6 основных положений (технологический набор, отсутствие в Америке аналогичного солютрейскому мобильного искусства, пещерной живописи, соответствующих данных по ДНК и т.д.), которые, по их мнению, пока не позволяют принять атлантическую версию первоначального заселения Америки [Straus, Meltzer, Goebel, 2005].

Спустя год на страницах этого же издания Д. Стэнфорд и Б. Брэдли представили свои ответы и новые аргументы, подкрепленные статистическими и экспериментальными данными [Bradley, Stanford, 2006]. Дискуссия продолжается, стороны искусно и профессионально обмениваются уколами и, что очень важно, ведут себя при этом исключительно корректно и этично.

Из выдвинутых критиками возражений, по нашему мнению, наиболее существенным (если не единственным) является большой хронологический разрыв между самыми древними да-

тировками культуры кловис (11,5 тыс. л.н.) и самыми «молодыми» датами по солютре (около 17 тыс. л.н.). В то же время, именно на восточном побережье Северной Америки известно наибольшее число т.н. «пре-кловисных» памятников (Мидоукрофт, Кактус Хилл и др.), возраст которых по радиоуглероду 19–16 тыс. л.н. Эти даты вызывают полемику, стратиграфическая ситуация на памятниках неоднозначна, но число таких памятников неуклонно растет. Только за последние годы несколько местонахождений с наконечниками были найдены практически на атлантическом побережье. Момент перехода количества в качество близок. По нашему убеждению, есть все основания внимательно следить за дальнейшим развитием атлантической модели и не впадать сразу в категоричное отрицание.

К сожалению, отечественные специалисты до сих пор своего отношения к солютрейской версии не сформулировали. Более того, в отечественной литературе мало работ по палеоиндейцам и еще меньше по культуре солютре.

И, действительно, было бы грустно ограничиться лишь ролью наблюдателей в этой интереснейшей проблеме. Она в не меньшей степени актуальна для отечественной (сибирской, в первую очередь) археологии, чем для североамериканской. К сожалению, после пика публикаций и информации, сопровождавшей совместные советско-американские исследования на Алеутских островах в середине 1970-х гг., принципиально нового прорыва в этом направлении в последующие годы не наблюдалось. Количество статей по данной тематике существенно сократилось, а монографические исследования вообще единичны.

Традиционный интерес американских специалистов к территориям Чукотки, Камчатки и Якутии как возможных районов для поиска истоков ранних миграций через Берингию в последние десятилетия в должной мере не удовлетворялся, бесспорных стоянок древнее 12–11 тыс. л.н. в последние годы там так и не было обнаружено. Отсюда и скепсис ряда североамериканских коллег относительно самой перспективы позднеплейстоценовых связей Азии и Америки.

Вместе с тем, еще в 1970–1980-х гг. именно сибирские археологи (А.П. Окладников, А.П. Деревянко, Р.С. Васильевский и другие) неоднократно указывали в своих работах на то, что географическая зона поиска корней ранних миграций в Новый Свет значительно шире, она включает в себя не только Крайний Северо-восток Азии, но и Дальний Восток (Приамурье, Приморье, Сахалин, Японский архипелаг) [Okladnikov, 1979]. Примечательно и то, что первые лавролистные наконечники на территории Российского Дальнего Востока были обнаружены практически в один год с находками палеоиндейских наконечников в Америке (1927–1928 гг.). Речь идет о находках М.М. Герасимова в районе г. Хабаровска, среди которых есть изделия, названные первооткрывателем «солютрейскими». Они являются частью инструментария т.н. осиповской культуры, возраст которой исчисляется 13–10 тыс. л.н.

Особый интерес, по нашему мнению, представляют такие районы как Хоккайдо, север Хонсю и юг Сахалина. Именно там известно значительное число памятников с развитой каменной индустрией, широчайшим орудийным диапазоном, следы сезонных поселений и крупных жилищ, источники обсидиана. В период постледниковья (17–14 тыс. л.н.) на этих территориях развивались самобытные культуры охотников-рыболовов, шел интенсивный обмен сырьем и технологиями, активное освоение островной части и акватории океана в широтном и меридиональном направлениях.

В ноябре 2008 г. автору удалось побывать в археологическом центре в г. Сиратаки (Хоккайдо) и ознакомиться с частью огромных коллекций обсидиановых изделий, накопленных японскими исследователями за последние 30 лет. Среди них особое внимание привлекают крупные обсидиановые бифасы (красного и черного цветов), достигающие размеров 25–30 см и выполненные с исключительной тщательностью и мастерством. Несколько еще более крупных листовидных изделий (до 40 см длиной) экспонировано в музеях гг. Саппоро, Китами и Обихиро. Их возраст превышает 14–15 тыс. л.н.

Примечательно и то, что в северной части Японского архипелага для периода финального палеолита – неолита известны и клады каменных изделий (бифасы, наконечники, топоры). Например, комплекс из изящных кремневых и обсидиановых наконечников на памятнике

Микосиба на о-ве Хонсю, опубликованный в 2008 г. в роскошном издании с цветными иллюстрациями и фотографиями [Mikoshiba Site.., 2008].

Есть и еще одна любопытнейшая параллель. Речь идет об атрибутах одного из церемониальных танцев индейцев (племена карок, юрок, толова, хупа) в северо-западной Калифорнии [Табарев, 2002, 2009]. В конце XIX – начале XX вв. этнографам и собирателям антиквариата удалось зафиксировать, сфотографировать и даже приобрести несколько обсидиановых бифасов (двусторонне обработанных изделий), которые поражали своими размерами (до 75–80 см длиной) и поистине ювелирным исполнением. Эти изделия принадлежали отдельным владельцам, семьям и даже племенам. Их тщательно хранили и оберегали от посторонних глаз, прятали в специальных тайниках и демонстрировали лишь раз в году во время Танца Шкуры Белого Оленя в качестве наиболее престижных и дорогих предметов. Специально нанятые танцоры под пение участников исполняли свою партию с высоко поднятыми над головой обсидиановыми бифасами. Как правило, бифасы хранились и экспонировались во время танца парами – черный и красный.

Материалом служило вулканическое стекло высочайшего качества из особых источников, известных с глубокой древности. Средний вес готового изделия – около 3 кг, а экспериментальные данные свидетельствуют о том, что при изготовлении бифасов более 70% материала идет в отходы. Следовательно, мастер начинал работать с глыбой весом более 10 кг. Как глубоко в прошлое уходит эта традиция? Археологические данные позволяют проследить пары бифасов «красный-черный» в тайниках и погребениях, как минимум, до 4–3,5 тыс. л.н. А, может быть, они связаны с еще более древней традицией – с традицией палеоиндейских кладов, в которых также помещались крупные двусторонне обработанные наконечники из обсидиана, халцедона, агата и других красивых минералов?

Огромные бифасы из черного и красного обсидиана, как мы уже знаем, присутствуют в каменном веке Северной Японии, на Хоккайдо, и они гораздо древнее всех известных кладов в Северной Америке. В 2008 г. сахалинские археологи во время раскопок одного из неолитических памятников на острове обнаружили на краю жилища два отдельно положенных или спрятанных нуклеуса из вулканического стекла. Дело даже не в том, что это были нуклеусы необычайно крупных размеров и представляли сложнейшую технику получения пластин (технику отжима), а то, что они были… красного и черного цвета!

На Сахалине же найден и один из самых крупных (32 см длиной при толщине не более 1 см) палеолитических наконечников. Его тончайшая обработка и размеры не оставляют сомнения в ритуальном характере артефакта.

В соседнем Приморье в одном из погребений бойсманской неолитической культуры (около 6 тыс. л.н.) археологи обнаружили большой бифас из черного обсидиана [Попов, Чикишева, Шпакова, 1997]. Он лежал между предплечий похороненного, почти в том же положении, что у «танцующих с бифасами» на противоположном берегу Тихого океана. Не правда ли, очень хочется связать возникновение церемонии с бифасами у калифорнийских индейцев с Дальним Востоком, с первыми мигрантами в Новый Свет [Kornfeld, Tabarev, 2009]?

Не менее интересен и вопрос об истоках самих дальневосточных культур. Судя по последним археологическим находкам в Северной Монголии (стратифицированные памятники Толбор-4, Толбор-15 в бассейне р. Селенги), мощные индустрии пластинчатого типа существовали там уже около 40–38 тыс. л.н. [Gladyshev, Tabarev, 2009]. Именно этот очаг мог стать источником периодических технологических импульсов в районы Среднего Амура, а оттуда на Нижний Амур, в Приморье и на островную часть.

Именно островная часть в таком случае оказывается конечной точкой серии таких импульсов (пластинчатая техника, микропластинчатая техника, ранняя керамика) и, благодаря благоприятным климатическим условиям, а также исключительно богатой сырьевой базе районом формирования культур с высочайшим уровнем приморской адаптации и потенциальными возможностями для дальних миграций. Таким образом, прибрежно-островная модель заселения Америки в лице дальневосточной версии обретает более конкретную «стартовую площадку» [Tabarev, 2008].

Естественно, что *дальневосточная версия* нуждается в детализации, всесторонней аргументации и наполнении фактическим материалом (палеогеографическими данными, технологическими реконструкциями, анализом новейших археологических материалов), но само ее выдвижение по сравнению с берингийской или солютрейской моделями абсолютно корректно. Так все ли дороги ведут в Америку? Одна? Две?

Примечательно, что в географическом отношении районы Северной Японии расположены абсолютно на том же широтном диапазоне, что и районы юго-западной Франции и северной Испании. Возможно, что речь идет о параллельных процессах освоения человеком северных широт – тихоокеанских и атлантических, частью которых могло стать и достижение американского континента и с востока, и с запада. Думаю, что разработка этой версии будет частью проекта о заселении американского континента, который начат в 2009 г. группой ученых из Санкт-Петербурга и Новосибирска при поддержке программы фундаментальных исследований РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

Конечно, проблемой первоначального заселения Нового Света американистика не исчерпывается. Тем и направлений для исследований множество. Прежде, чем о них рассказать, хотелось бы кратко охарактеризовать общее состояние американистики у нас в стране. С одной стороны, несомненные достижения и открытия, признанные во всем мире, солидный перечень публикаций и докладов на конференциях, опыт организации выставок и т.д. Имена Ю.В. Кнорозова (расшифровка иероглифики майя), Р.В. Кинжалова (искусство Мезоамерики), В.А. Башилова (культуры Перу и Боливии), Ю.П. Аверкиевой (индейцы Северной Америки), В.А. Кузьмищева (древние инки), В.И. Гуляева (древние культуры Мезоамерики), Э.Г. Александренкова (доиспанские культуры Карибского бассейна), Ю.Е. Березкина (археология и мифология древних культур Южной Америки) и других – гордость нашей гуманитарной науки. К сожалению, многих уже нет с нами, а с их уходом наступила пауза в исследовании многих регионов и периодов доколумбовой Америки.

Печально, но сегодня у российских американистов нет ни специализированного журнала, ни тематических конференций, ни, пусть формального, общества или ассоциации по примеру многих европейских стран и стран Американского континента. Очень долго готовятся к печати редкие сборники статей по американистике. Я уже не говорю об экспедиционной практике – есть визиты отдельных специалистов для участия в раскопках в Мексике, но нет системы, нет постоянно действующих стационаров. Таких, например, как французский центр в Эквадоре, японский – в Перу. В центральной части России практически лишь отдел этнографии Америки (Кунсткамера, г. Санкт-Петербург) и Центр мезоамериканских исследований им. Ю.В. Кнорозова (при Российском гуманитарном университете, г. Москва) могут претендовать на специализированные подразделения. Впрочем, с определенной оговоркой, поскольку их интересы фокусируются либо на музейной, либо на эпиграфической (культура майя) тематике. На всей огромной территории России за Уралом (Сибирь, Дальний Восток) таких подразделений нет вообще.

А поле для исследований огромно. У нас практически нет полного представления о загадочных культурах маундов (земляных насыпей) (Адена, Хоупвелл, Миссиссиппи), в огромном количестве присутствующих на североамериканском Среднем Западе и Юго-востоке, о культурах ранних земледельцев Юго-Запада (Анасази, Могольон, Патайян), заслуживает отдельного изучения Вудленд, архаические культуры атлантического и тихоокеанского побережий и так далее.

Не меньше перспективных тем и в Мезоамерике – культуры архаического и формативного периодов, раннеземледельческие цивилизации Мексиканского залива и Центральномексиканского нагорья, культуры тольтеков, миштеков, тарасков. Очень динамично развивается археология в странах Центральной Америки – в Панаме, Коста-Рике, Никарагуа. Много новых данных получено в последние годы по островам Карибского бассейна. Они существенно меняют наши представления о времени и характере культурогенеза в этом регионе.

И, конечно, огромный, зачаровывающий своими археологическими головоломками южноамериканский регион. Например, загадка культуры Вальдивия (Эквадор) с непонятно откуда появляющейся в ней керамикой, аналогии которой в изобилии представлены в японском

дземоне. Что это – доколумбовы контакты или результат конвергентного развития? Чрезвычайно насыщена археологическая карта Перу – практически в каждой из 60 долин рек, впадающих в Тихий океан, представлена последовательность оригинальных и самобытных культур (мочика, паракас, наска). А есть еще древнейшие в мире (около 8 тыс. л.н.) мумии Чинчорро, таинственные маунды в Бразилии и Аргентине, пещеры Патагонии с богатейшим набором плейстоценовой фауны и своеобразными каменными наконечниками в форме рыбьего хвоста – ровесников североамериканского кловиса. И так далее, и так далее…

Какие шаги на пути развития американистики и зарубежной археологии в целом представляются наиболее важными? Во-первых, нам надо растить собственные кадры, готовить высококлассных, свободно ориентирующихся в современной мировой археологии специалистов. Оптимальным, по-моему, путем будет 3–4 года студенческой специализации, 2 года магистратуры и 3–4 года аспирантуры – в целом около 8–9 лет насыщенной работы с выходом на защиту кандидатской диссертации. При этом существующее количество лекционных и семинарских часов, отпускаемых на зарубежную тематику, увеличивать и не стоит – вопрос в интенсификации занятий, в первую очередь, по иностранным языкам.

Во-вторых, нужно искать возможности для того, чтобы с самого начала специализирующийся получил возможность участвовать в серьезных проектах, реализуемых в секторе зарубежной археологии, чтобы была возможность стажировок или поездок в экспедиции или полевые школы за рубежом, международные конференции, активно общаться со своими сверстниками (студентами и аспирантами) из других стран. Такие возможности, действительно, есть, хотя, в основном, они ориентированы на магистрантов, аспирантов и молодых ученых. Вот лишь наиболее известные: «Программа Фулбрайт» (гранты для магистрантов и аспирантов, *fulbright.ru*), фонд FAMSI (Foundation for the Advancement of Mesoamerican Studies, *famsi.org*) поддерживающий различные проекты по мезоамериканским исследованиям, библиотека Дамбартон Оакс в столице США г. Вашингтоне (Dumbarton Oaks Library, *doaks.org*), предоставляющая свои фонды для исследовательской работы по древним культурам Мезоамерики и Южной Америки. Опыт работы с этими и другими фондами есть [Tabarev, 2003].

Ежегодно в Южной Америке работает около 30 экспедиций из США, Канады, Японии, Франции, Германии, Испании и других стран. Часть из них – исключительно исследовательские проекты, другая – международные полевые школы, которые предназначены для студентов, аспирантов и всей любителей археологии. Их программа включает раскопки, практику камеральной обработки материала, экскурсии по памятникам археологии и культуры. Стоимость таких программ достаточно велика (3–4 тысячи долларов, не считая расходов на авиаперелет). Тем не менее, ситуация не безнадежна – я уже упоминал некоторые американские фонды. Кроме того, перспективным может оказаться обмен – участие студентов и аспирантов из латиноамериканских стран в раскопках на территории Сибири и ответным визитом россиян.

В-третьих, студенты, занимающиеся зарубежной археологией, должны иметь возможность общаться на конференциях, семинарах, круглых столах. К сожалению, за всю историю РАЭСКов секция, посвященная зарубежной археологии, работала лишь однажды (в 2007 г. в Новосибирске).

И, наконец, нужны учебники, учебные пособия, словари по тематике зарубежной археологии, веб-страницы и форумы, которые смогли бы ориентировать и снабжать студента базовой информацией пока он не овладел иностранным языком (языками) в достаточной степени. Пока такой литературы очень мало, и поле для работы здесь огромно.

Литература

Гаврилова Е.А., Табарев А.В. Опыт изучения палеоиндейских культур в рамках полевых археологических школ (Университет Вайоминг, США) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. II. – С. 213-215.

Гаврилова Е.А., Табарев А.В. Молнии, плывущие друг за другом (Тихоокеанский лосось в промыслах и ритуалах индейцев Северо-Западного побережья Америки): Уч. пособие. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006.

Кравцова А.С. Основные проблемы изучения тольтекской культуры // Археология, этнология, палеоэкология Северной Азии и сопредельных территорий: Мат-лы XLVII РАЭСК. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2007. – С. 243-245.

Кубан А.А. Престижные технологии и социальная структура древних сообществ Северной Азии и тихоокеанского бассейна // Социогенез в Северной Азии. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. – С. 188-191.

Лебедева Н.Г. Игра в мяч в Мезоамерике: время возникновения и проблемы реконструкции // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Нальчик; Омск: Изд-во ОмГУ, 2001. – С. 65-67.

Мартынов П.В. Неолит Тибета: особенности генезиса и эволюции культур // Социогенез в Северной Азии. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. – С. 27-28.

Попов А.Н., Чикишева Т.А, Шпакова Е.Г. Неолит южного Приморья (бойсманская археологическая культура). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 96 с.

Стефаненко В.Н. Жадеит в древнеольмекской культуре // Исследования молодых ученых в области археологии и этнографии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 205-211.

Табарев А.В. Танцы с бифасами (обсидиан в ритуально-обрядовой практике индейцев Северной Америки) // История и культура Востока Азии: Мат-лы междунар. конф. к 70-летию В.Е. Ларичева. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 154-158.

Табарев А. В. Древние ольмеки. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005.

Табарев А.В. Введение в археологию Южной Америки. – Новосибирск: Сиб. науч. книга, 2006.

Табарев А.В. Академик А.П. Окладников и отечественная американистика // Окно в неведомый мир. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СОРАН, 2008. – С. 87-90.

Табарев А.В. Зарубежная археология. Доколумбова Америка и тихоокеанский бассейн: Уч. программа. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2009. – Ч. II. – 14 с.

Табарев А.В. По следам загадочного танца // Сибирь на перекрестке мировых религий: Мат-лы IV межрегион. науч.-практ. конф. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2009. – С. 215-219.

Табарев А.В. Дело о спрятанных наконечниках (клады-тайники каменных изделий на территории Северной Америки) // Stratum plus. – 2005-2009. – N. 1. Middle Paleolithic: In Search for Dynamics. – P. 300-333.

Bradley B., Stanford D. The North Atlantic Ice-Edge Corridor: a Possible Paleolithic Route to the New World // World Archaeology. – 2004. – Vol. 36 (4). – P. 459-478.

Bradley B., Stanford D. The Solutrean-Clovis Connection: Reply to Staraus, Meltzer and Goebel // World Archaeology. – 2006. – Vol. 38 (4). – P. 704-714.

Dixon E.J. Bones, Boats and Bison: Archaeology of the First Colonization of Western North America. Albuquerque, NM: University of New Mexico Press, 1999. – 322 p.

Frison G., Bradley B. The Fenn Cache, Clovis Weapon and Tools. Santa Fe, NM: One Horse Land&Cattle Co., 1999.

Gladyshev S., Tabarev A. New Data on the Early Upper Paleolithic of Northern Mongolia // Current Research in the Pleistocene. – 2009. – Vol. 26. – P. 17-18.

Kornfeld M., Tabarev A. The French Connection? Or is It?// Current Research in the Pleistocene. – 2009. – Vol. 26. – P. 90-92.

Mikoshiba Site. Excavation and Research at a Site Transitional from the Terminal Late Paleolithic to the Incipient Jomon Period. Shimaki Shoseki Publishing Center, 2008. – 322 p.

Okladnikov A.P. The Ancient Bridge // The Alaska Journal. – 1979. – Vol. 9 (4). – P. 42-45.

Straus L., Meltzer D., Goebel T. Ice Age Atlantis? Exploring the Solutrean-Clovis «connection» // World Archaeology. – 2005. – N. 37 (4). – P. 507-532.

Tabarev A.V. The Fulbright Program and Russian-American Cooperation in Archaeology: Results and Perspectives (Программа Фулбрайт и Российско-Американское сотрудничество в об-

ласти археологии: результаты и перспективы) // Russian Fulbright Newsletter. Issue 2. Winter. – 2003. – P. 25-26, 57-59 (In English and Russian).

Tabarev A.V. Late and Final Paleolithic in the Continental Part of the Russian Far East: Current Situation and Some Perspective Directions of Research // Human Ecosystem Changes in the Northern Circum Japan Sea Area (NCJSA) in Late Pleistocene. – 2008. – P. 106-114.

Wyatt S. Ancient Transpacific Voyaging to the New World via Pleistocene South Pacific Islands // Geoarchaeology. – 2004. – Vol. 19 (6). – P. 511-529.

А.А. Тишкин

Барнаул, Алтайский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ И ВОЗМОЖНЫЙ ПОДХОД ПРИ ПОСТРОЕНИИ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ СХЕМ В АРХЕОЛОГИИ ЕВРАЗИИ*

В исторической науке существует несколько концепций, которые рассматривают периодизацию всего процесса развития человечества. Краткому обзору основных подходов и конкретным результатам этого посвящена одна из глав моей монографии [Тишкин, 2007]. Данная статья является продолжением проделанных ранее обобщений и осуществленных построений. Она будет больше касаться вопросов терминологического соответствия и корректности применения ряда историко-культурных обозначений в разных областях гуманитарных знаний. Представленные ниже размышления и сделанные сопоставления не следует рассматривать в качестве теоретических разработок. Они носят чисто практический характер и направлены на выяснение смысловой нагрузки, места, уровня, роли и других значений существующих понятий при структурировании истории, а также на демонстрацию их адекватного использования.

Для начала необходимо признать ряд базисных положений, которые позволят выполнить соответствующий анализ и представить полученные результаты в рамках запланированного контекста. Важным моментом является определение начала истории человечества. В отечественной науке этот показатель связывается с производством людьми первых орудий труда. В качестве главных доказательств и необходимых источников рассматриваются древнейшие каменные изделия. Следует также признать, что существующая археологическая периодизация общего плана – это модель научной периодизации, которая основана на материалах комплексных исследований и отражает выявленные объективные закономерности. Она базируется на обозначении трех эпох (камня, бронзы и железа). Внедренная в практику система Томсена–Ворсо получила самое широкое распространение. Авторы книги «История и время. В поисках утраченного» И.М. Савельева и А.В. Полетаев [1997, с. 234] считают, что используемая до сих пор схема «веков» выступает как вполне строгая и определенная, т.е. обладает признаками научной периодизации. Она «работает» на огромном историческом пространстве. Однако попытки продолжить указанное деление не принесли успехов. Схема существует локально и не интегрирована соответствующим образом в исторические построения. Дальнейшее развитие этой концепции привело к развитию и широкому использованию системы путем дробного обозначения таких периодов, как палеолит, мезолит, неолит, энеолит, ранняя, развитая и поздняя бронза, ранний и поздний железный век. В этом логичном построении не хватает, по крайней мере, развитого железного века. Не стоит исключать также необходимость соответствующего выделения переходного периода от бронзы к железу.

Следующая позиция связана с выбором сравнительной модели, созданной на основе другой системы учета исторического времени. В 1-й половине XIX в. в науке закрепилась весьма

* *Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» по проекту «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (шифр 2009-1.1-301-072-016)*

обобщенная, но универсальная схема, базировавшаяся на обозначении также трех частей: Древность, Средневековье и Новое время [Савельева, Полетаев, 1997]. О. Шпенглер [1993, с. 49] считал ее невероятно скудной и лишенной смысла, но признавал «абсолютное владычество» над историческим сознанием [Савельева, Полетаев, 1997, с. 222]. Имели место серьезные попытки замены обозначенной модели, которая не отражала каких-либо конкретных характеристик, а больше демонстрировала абстрактный вариант деления истории. В 1930-е гг. в марксистской литературе была канонизирована схема пяти общественно-экономических формаций (первобытнообщинная – рабовладельческая – феодальная – капиталистическая – коммунистическая). Она претендовала на глобальный и антиевропоцентричный вид [Савельева, Полетаев, 1997, с. 341]. Каждая формация отражала своеобразный исторический этап, характеризовавшийся совокупностью материальных и духовных ценностей, а также способами деятельности для их создания [Гринин, 2000]. Однако в настоящее время эта разработка практически не востребована. А представленная выше модель продолжает существовать.

Следует указать, что обе базовые схемы, привлекаемые для сопоставления, имеют недостатки, которые уже неоднократно отмечались и обсуждались. Одним из них является ограниченный характер демонстрации исторического времени. Археологическая модель охватывает наиболее значительный культурно-хронологический период развития человечества от самого его начала, но заканчивается на средневековье. Историческая (европейская) схема не учитывала самые архаичные этапы, но, начиная свой охват с древности, имела продолжение до сегодняшних дней. На наш взгляд, указанный недостаток двух концепций преодолим. Во-первых, обе модели имеют резервы для продления, а, во-вторых, их корректное соединение, уже ранее наметившееся, позволяет решить проблему локальности. Следующие недостатки, которых мы более или менее будем касаться, в принципе, также можно ликвидировать, используя потенциал каждой из концепций или при их совместном применении.

Рассматриваемые в статье схемы в самом обобщенном виде отражают однолинейное и прогрессивное развитие человечества, при этом не демонстрируя другие важные стороны. На самом деле исторический процесс чрезвычайно многообразный. В данном плане задача построения периодизации заключается не только в указании общих тенденций, но и в учете проявлений частного, особенного, единичного и т.д. Такая проблема может быть решена за счет расширения спектра обозначений. Попытки в этом направлении предпринимались. Опираясь на них, ниже продемонстрируем имеющиеся наработки. Более сложно в любой схеме учесть неравномерность исторического развития. Тем не менее, такие возможности в определенной мере имеются.

В общем, обе широко распространенные схемы создают потенциал теоретического и практического характера, а их непротиворечивое соответствие между собой обеспечивает формирование более емкой модели для широкого и полезного использования при построении периодизации всей евразийской истории. Поэтому логика размышлений подсказывает следующие оптимальные шаги для продолжения и разбиения указанных эпох. Для такой деятельности в археологии уже были предприняты конкретные шаги, и эта схема продемонстрирована выше. Для следующей модели такое расширение также используется. Несмотря на выше обозначенный оптимизм, при решении поставленных задач имеется множество проблем. Часть из них попытаемся решить, а остальные пока отложим или только наметим.

Следует начать с того, что схема исторических эпох может быть добавлена. В результате она будет выглядеть так: древнейшая, древняя, средневековая, новая, новейшая. Каждая из этих эпох может быть разделена соответственно на три периода. Трехчастная структура является основным содержательным стержнем любой периодизации. Это особенно важно на начальных этапах осмысления достаточных сведений, так как «… каждое явление имеет свое начало (период появления или формирования), период расцвета (время наибольшей концентрации присущих ему особенностей) и конец (период распыления и упадка или, наоборот, последнего взлета «творческих сил» носителей культурной традиции») [Савинов, 2005, с. 28]. В данной связи отметим, что подобное деление уже предусматривалось. Так, в практике структурирования исторических данных закрепилось деление Средневековья на раннее, развитое и позднее. Данный опыт есть смысл перенести и на другие эпохи, определив для них

аналогичные периоды. Непривычное звучание словосочетаний не должно стать преградой. Например, еще совсем недавно многие археологические названия «резали ухо». Но теперь они используются не только учеными, но и школьники. Если принять за основу указанный подход, то можно продемонстрировать расширенную схему за счет необходимости обозначения периодов:

– ранний, развитый и поздний периоды древнейший эпохи;

– ранний, развитый и поздний периоды древней эпохи (ранняя, развитая и поздняя древность);

– ранний, развитый и поздний периоды средневековой эпохи (раннее, развитое и позднее средневековье);

– ранний, развитый и поздний период новой эпохи;

– ранний, развитый и поздний период новейшей эпохи.

Такая систематизация демонстрирует не только расширение культурно-хронологических возможностей, но и обеспечивает начало процесса преодоления имеющихся недостатков рассматриваемой схемы. Обозначенные позиции могут быть приведены в соответствие с археологическими понятиями более конкретного характера.

Так, древнейшая эпоха соответствует эпохе камня. Древность сопоставима с медно-бронзовым и ранним железным веками (эпоха палеометалла). Средневековье в обоих случаях совпадает, как и дальнейшие эпохи, так как вполне резонно воспринимается роль археологии в изучении новой и новейшей истории. Логика дальнейших рассуждений демонстрирует приведение соответствий на другом рассматриваемом уровне:

– ранний период древнейшей эпохи – палеолит;

– развитый период древнейшей эпохи – мезолит;

– поздний период древнейшей эпохи – неолит;

– ранний период древней эпохи (ранняя древность) – энеолит и ранняя бронза;

– развитый период древней эпохи (развитая древность) – развитая и поздняя бронза;

– поздний период древней эпохи (поздняя древность) – переходный период от бронзы к железу и ранний железный век;

– ранний период средневековой эпохи (раннее средневековье) – развитый железный век;

– развитый период средневековой эпохи (развитое средневековье) – поздний железный век.

С позднего периода средневековой эпохи (позднее средневековье) исчерпываются несколько расширенные возможности представленной археологической периодизации. Попытки продолжить ее, опираясь на первоначальный «технологический» принцип, как уже сказано, не принесли удачу. Фиксируемая ограниченность концепции не должна стать преградой для исследовательской практики, так как археологическая деятельность в рамках изучения истории позднего средневековья, новой и новейшей эпохи осуществляется. Поэтому есть смысл археологам перейти в рамки указанной исторической канвы, что собственно уже наметилось с использования обозначений «раннее, развитое и позднее средневековье».

Следующие шаги могут наметить схематическое решение проблем учета неравномерности, многолинейности и других моментов в историческом развитии. Данная миссия возлагается на использование понятий «время» и «культура». Их археологическое наполнение с определенного момента сопоставимо с принятыми историческими подходами, отражающими династийный, военно-политический, экономический и другие показатели. В таком случае будут последовательно демонстрироваться разнообразные особенности указанных периодов, а также локальное своеобразие историко-культурных проявлений в разных местах Евразии.

Роли понятия «время» в археологии был посвящен специальный доклад, материалы которого частично отражены в отдельной публикации [Тишкин, 2008]. Есть смысл в данной статье напомнить характеристики и основные причины внедрения этой многогранной категории в периодизационные построения предлагаемого системного плана.

Понимание термина «время» в качестве отражения определенного периода или эпохи прочно закрепилось в русском языке [Ожегов, 1990, с. 107]. В виде философской категории «время» рассматривается как форма последовательной смены явлений и состояний материи.

Оно не может существовать само по себе, вне материальных изменений. Время объективно и независимо от человеческого сознания, оно одномерно, асимметрично и необратимо. Время как форма бытия материи складывается из множества последовательностей и длительностей существования конкретных качественных состояний. Однако эта прерывность всегда относительна [Философский.., 1989, с. 101]. Довольно широко понятие «время» используется историками, которые связывают его с определенной последовательностью событий, продолжительностью фиксируемых явлений и процессов, с деятельностью отдельных выдающихся личностей или коллективов и т.д. Время выступает в исторических исследованиях в двух качествах: как инструмент анализа и как самостоятельный объект изучения [Щапова, 2005, с. 28]. В настоящее время обозначился междисциплинарный подход в изучении исторического времени [Капица, 2006].

Можно согласиться с Л.С. Клейном [2005, с. 12] в том, что археологи, занимаясь проблемами времени, не могут обойтись без философии, которая формулирует фундаментальные понятия, категории и законы[1]. Действительно во многих философских трудах время занимает важное место. Результатами таких исследований являются два обозначенных И.М. Савельевой и А.В. Полетаевым [1997, с. 73–96] образа: «Время-1» (статическое, гомогенное (количественное), дискретное (математически непрерывное) и каузально-нейтральное) и «Время-2» (динамическое, гетерогенное (качественное), континуальное (динамически непрерывное), каузально-эффективное). Под первым понимается физическое (ньютоновское) время, под вторым – отражение процессов истории. Между ними существует фундаментальное различие [Капица, 2006, с. 23]. Данная ситуация объективна. Однако существующее положение дел требует расширения наших представлений о времени. Ю.Л. Щапова, например, предлагает рассматривать Время-3 (археологическое), которое «…вобрало в себя признаки обоих образов времени, из которых один соответствует биологическому, другой историческому развитию (и эволюции). Оно статично, однородно, внешне независимо, как в биологической эволюции; оно необратимо и казуально эффективно, как в социальной» [Щапова , 2005, с. 29–30]. Об археологическом времени и сложности его определения исследователи уже неоднократно высказывались и ранее. Обзор разных подходов изложен Л.С. Клейном [2005] в специальной статье, в конце которой известный отечественный теоретик археологии делает такое заключение: «Всегда надо помнить, что, строго говоря, археологическое время – не время, а лишь его статичный пространственный образ. Временем эта пространственная последовательность становится в результате наших мыслительных операций. Сначала она становится археологическим временем, весьма условным, далеким от реальности, и только затем историческим…». Данный вывод заслуживает внимания в связи с проблемой интегрирования археологических данных в исторические реконструкции. И в этом плане понятие «время» может являться определенным связующим звеном между историческими эпохами и периодами, с одной стороны, и археологическими культурами с этапами их развития, с другой.

Л.С. Клейн неоднократно уделял внимание теме времени в археологии. Им проработан значительный объем информации такого плана и продемонстрировано свое видение. В ходе очередной постановки проблемы исследователь высказал следующее соображение: «Время – тот стержень, на котором держатся история и преистория. В археологическом же материале времени нет. Он дан нам в пространстве, но вне времени. С другой стороны, времени свойственно отражаться в пространственных структурах. Поэтому оно опосредованно присутствует в археологическом материале – как пространственная структура, как порядок расположения следов в нем; оно, так сказать, закодировано в материале. Отражение времени представляется в материале системой знаков, которые нужно понять. Устанавливая связь между археологическим материалом и историей или преисторией, т.е. занимаясь интерпретацией, мы вводим время в материал, опираясь на эти структуры и последовательность следов. Это называется периодизацией и датировкой. Введение времени – это не только периодизация и датировка, это всякая мысль об изменении, движении, процессе» [Клейн, 2005, с. 11–12]. Кроме стержневого (хронологического) значения, рассматриваемый термин используется и в качестве внешнего культурно-исторического обозначения.

Исходя из изложенного, автором была проделана работа по созданию культурно-хронологической концепции древней и средневековой истории Алтая. В ходе такой работы выделены специфические культурно-хронологические отрезки, названные ***временем*** с использованием известного этнического или условного (по ярким археологическим памятникам) обозначения: аржано-майэмирское время, пазырыкское, скифо-сакское, хуннуско-сяньбийско-жужанское («гунно-сарматское»), тюркское, кыргызское, монгольское.

Время рассматривалось в качестве инструмента познания и как связующее звено между историческими данными и археологическими источниками. В одной из своих работ Д.Г. Савинов [1984, с. 6] указал, что «понятие «время» в его этнокультурном аспекте проявляется в материалах конкретных археологических памятников и культур…». Действительно, каждое применяемое археологами «время» наполнено определенным культурным содержанием, имеет свои хронологические рамки, распространяется на более или менее конкретную территорию и, таким образом, выполняет значительную роль в ходе исследований. В рамках региональной истории время может отражать локальное проявление, не вступая в противоречие с подобными обозначениями более широкого порядка. Например, понятие «скифо-сакское время» используется в рамках евразийского пространства, а «пазырыкское» или «тагарское» – локально в Южной Сибири. Но при этом они имеют более широкое понимание, чем обозначение «культура», с названием которой данный показатель может и совпадать, хотя желательно наличие разных обозначений.

В современной концепции развития древних и средневековых народов Алтая [Тишкин, 2007] используются уже указанные примеры названий времен, в рамках которых обозначены культуры со своими этапами. Такое применение рассматриваемой категории носит пока больше практический характер в рамках обобщения схожих и территориально близких культур Южной Сибири и сопредельных территорий. Имеет место проблема обоснования выделения, названия и использования такой периодизационной единицы таксономического уровня, как «время» в обозначенной системе или вообще как существующее реальное проявление в исследовательской практике историков и археологов.

За понятием «археологическая культура» закрепился более или менее понятный теоретический и практический потенциал [Клейн, 1991; Дегтярев, 2001 и др.]. На мой взгляд, это универсальная и необходимая на сегодняшний день дефиниция, это тоже инструмент исследования и модель определенного уровня при структурировании истории. Она системно отражает следы жизнедеятельности отдельных людей и социумов разного порядка, которые зафиксировались в многочисленных памятниках археологии, по результатам изучения которых реконструируются процессы становления и развития человеческого общества, материальная и духовная составляющая, условия жизнеобеспечения и другие возможные показатели общего и частного характера [Тишкин, 2009, с. 5]. Обозначенные археологические культуры[2] объективно демонстрируют специфику и многообразие исторического процесса, а также его закономерности. В то же время они обеспечивают преимущественно локальные проявления во многих отношениях.

В археологии в целом намечен механизм выделения этапов в рамках археологической культуры, хотя целый ряд моментов остается дискуссионным. В этом плане стоит обратить внимание на такое обстоятельство, сформулированное М.П. Грязновым при рассмотрении опыта культурно-хронологического построения на археологических материалах: «Датировать в цифрах абсолютной хронологии необходимо весь период (имеется ввиду этап культуры. – *А.Т.*) в целом, всю совокупность памятников, а не отдельные курганы, могилы и т.д. Только после этого можно переходить к более дробным точным датировкам отдельных памятников» [Грязнов, 1980, с. 53]. Данное утверждение может быть применимо для всех составляющих компонентов периодизации. В каждой известной для Алтая археологической культуре древности и средневековья обозначены этапы, ознаменованные качественными изменениями и связанные с определенными событиями. Такой подход является одной из традиционных форм современного исторического мышления. Он демонстрирует относительную хронологию и различные стадии любого зафиксированного явления или процесса (становление, формирование и расцвет, а также видоизменение, трансформацию и упадок),

что отражает содержание любой объективной периодизации. Принцип «трехчастности» при выделении этапов выделенных для Алтая культур в разработанной концепции строго не был соблюден [Тишкин, 2007]. Это связано с тем, что не все обозначенные культуры оказались наполнены репрезентативным материалом. В то же время историческое развитие народов демонстрирует многообразие причин изменений и форм существований.

Следует указать, что этапы, в свою очередь, также имеют возможности для внутреннего деления. Данная необходимость пока остро не обозначилась, но с накоплением массовых свидетельств она станет актуальной. В такой ситуации наиболее оптимальными понятиями могут стать «стадия» или «фаза», которые и обеспечат дальнейшее структурирование исторического процесса.

В детальном делении значительную роль играют события. Установлено, что исторический процесс конкретен. Он протекает во времени и пространстве, и это хорошо демонстрирует диалектика количества и качества. История представляется «как совокупность тех или иных отношений, действий, идей, предметов, явлений, взаимосвязь между которыми образует события в их множественности». При этом каждое событие имеет количественные свойства, например, длительность по времени и протяженность в пространстве. Понятие «событие» рассматривается как важнейшее для исторического процесса, который представляет собой движение от события к событию. Периодизация же является формой количественного обозначения исторических процессов, и она может быть линейной, иерархической, тотальной, локальной, общей, специальной и т.д. [Жигулин, 1984, с. 5–19].

Представленная и уже апробированная система структурирования истории (эпоха–период–время–культура–этап) [Тишкин, Горбунов, 2005; Тишкин, 2006, 2007; Кирюшин и др., 2007; и др.] объективно отражает диалектичное единство общего, особенного и единичного, демонстрируя принцип, понятный археологам, которые применяют в своих исследованиях типологический метод и системный анализ. Она направлена на адекватное понимание истории, но отражает разные уровни или подходы.

В заключение необходимо отметить, что любая модель или схема являются весьма условными аналогами реальных процессов. Выбор этого определяется вкусами и знаниями исследователя, а также задачами его работы [Савельева, Полетаев, 1997, с. 358]. Все способы разбиения истории человечества, конечно же, субъективны, и они отражают ценности каждого автора. В связи с рассматриваемой темой укажем мнение К. Ясперса, в котором отмечено определенное понимание обозначенного исследовательского направления: «Попытка структурировать историю, делить ее на ряд периодов всегда ведет к грубым упрощениям, однако эти упрощения могут служить стрелками, указывающими на существенные моменты» [Ясперс, 1991, с. 52]. Совершенно ясно, что пока нет такой теоретической модели, которая смогла бы целостно охватить все имеющиеся факты истории [Грин, 2001а, с. 56; 2001б]. Да и, наверное, этого не нужно делать, хотя подобные попытки предпринимаются, в том числе и на глобальном общемировом уровне. Историк должен сам определить, какие аспекты наиболее приоритетны при делении конкретных исторических отрезков на части, учитывая философские и научные требования к периодизациям [Розов, 2001].

В данной публикации автор продемонстрировал свой взгляд на существующее положение дел и попытался в рамках системного подхода показать очевидные моменты и возможности для реализации необходимого структурирования исторического процесса, над реконструкцией которого работают археологи. Необходимость представленного изложения была обусловлена практикой и систематизацией знаний о прошлой действительности. Обозначенные в статье проблемы давно и широко обсуждаются. Они имеют целый ряд решений, которые изложены отечественными и зарубежными учеными [История Древнего мира, 1989; Дьяконов, 1994; Время мира, 2001; История и математика…, 2006 и др.]. На наш взгляд, классические концепции не исчерпали своих возможностей и могут еще послужить не одному поколению исследователей при рациональном их использовании. Остальные теоретические построения должны пойти проверку временем.

Примечания

[1]К сожалению, философские знания не являются приоритетными в ходе подготовки историков и, соответственно, археологов. Этот серьезный пробел в образовании приводит к тому, что значительное большинство работ по археологии носит сугубо описательный либо умозрительный характер. Такое состояние дел еще долгие годы не позволит рассматривать археологию в качестве науки или научной дисциплины.

[2]Проблемы выделения и признания археологических культур здесь не рассматриваются. Это отдельная тема. Ее надо обсуждать, но в данном случае нам более важен сам факт признания права существования категории «археологическая культура» в ходе проведения археологических исследований.

Литературы

Время мира: Альманах. Вып. 2: Структуры мира. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2001. – 520 с.

Грин В. Периодизация в европейской и мировой истории // Время мира: Альманах. Вып. 2: Структуры мира. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2001а. – С. 39–79.

Грин В. Периодизируя Всемирную историю // Время мира: Альманах. Вып. 2: Структуры мира. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2001б. – С. 133–148.

Гринин Л.Е. Производительные силы и исторический процесс. – М.: ТЕИС, 2000. – 267 с.

Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, 1980. – 62 с.

Дегтярев С.И. Археологическая культура как репрезентация локальной структуры // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 152–153.

Дьяконов И.М. Пути истории: От древнейшего человека до наших дней. – М.: Вост. лит., 1994. – 384 с.

Жигулин В.Д. Периодизация и исторический источник // Периодизация всемирной истории. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1984. – С. 5–19.

История Древнего мира / Под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. В 3-х кн. – 3-е изд-е, испр. и доп. – М.: Наука, 1989.

История и математика: Проблемы периодизации исторических макропроцессов. – М.: КомКнига, 2006. – 168 с.

Капица С.П. Об ускорении исторического времени // История и математика: Проблемы периодизации исторических макропроцессов. – М.: КомКнига, 2006. – С. 12–30.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Создание периодизации истории Алтая // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – Вып. 3. – С. 126–130.

Клейн Л.С. Археологическая типология. – Л.: ЛФ ЦЭНДИСИ АН СССР; ЛНИАО, 1991. – 448 с.

Клейн Л.С. Концепция времени и археология. Структурно-семиотическое исследование // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2005. – Т. 2. – С. 11–64.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1990. – 917 с.

Розов Н.С. На пути к обоснованным периодизациям всемирной истории // Время мира: Альманах. Вып. 2: Структуры мира. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2001. – С. 222–305.

Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. – М.: Языки рус. лит., 1997. – 800 с.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 175 с.

Савинов Д.Г. К проблеме выделения позднего этапа Окуневской культуры // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – Вып. 1. – С. 28–34.

Тишкин А.А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологическая концепция и этнокультурная история): Автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Барнаул, 2006. – 54 с.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – 356 с.

Тишкин А.А. Время как культурно-хронологический показатель в археологических исследованиях // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. – Томск: Аграф-Пресс, 2008. – С. 74–78.

Тишкин А.А. Предисловие // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Азбука, 2009. – С. 5–8.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 200 с. + вкл.

Философский энциклопедический словарь. – М., 1989.

Шпенглер О. Закат Европы. – Новосибирск: Наука, 1993. – 592 с.

Щапова Ю.Л. Археологическая эпоха: хронология, периодизация, теория, модель. – М.: КомКнига, 2005. – 192 с.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

В.А. Тураев
Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

ТРАДИЦИОННЫЕ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ И РЕФОРМ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

В рамках настоящей статьи я хотел бы остановиться преимущественно на двух вопросах: каково место и роль традиционной культуры в современном обществе, и в каком направлении эволюционирует традиционная культура сегодня? Статья подготовлена на основе наших полевых исследований среди коренных малочисленных народов Дальнего Востока, но многие ее положения отражают ситуацию, характерную и для функционирования традиционной культуры у всех других больших и малых народов.

Представители различных областей знаний, рассматривая традиционную культуру, вкладывают в это понятие разный смысл, по этой причине существует множество ее определений. В нашем понимании традиционная культура – не только совокупность результатов жизнедеятельности человека, передающихся от поколения к поколению, а прежде всего форма, в которой функционировало общественное сознание в прошлые эпохи. При таком подходе (его обычно называют функциональным) базовыми компонентами традиционной культуры являются не столько сами артефакты культурной деятельности, сколько определенная система ценностей и вытекающие из нее социальные нормы и правила, регулирующие отношения между людьми. В рамках такого подхода традицию можно рассматривать как способ социальной коммуникации, трансляции культурного опыта.

Носителями традиционных культур являются все народы мира. При этом именно традиционная культура является одним из маркеров, по которым они отличаются друг от друга. Здесь

* *Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». Проект № 09-1-П-25-04*

следует оговориться. Несмотря на то, что традиционные культуры ассоциируются обычно с тем или иным этносом и нередко воспринимаются как этнические, на самом деле область распространения традиционной культуры часто не совпадает с этническими границами. Например, орудия труда, типы жилищ, одежда, способы хозяйственной деятельности, отдельные формы духовной культуры могут быть очень близки и являться элементами традиционной культуры как того, так и другого этноса. Сходство или различие традиционной культуры обусловлено обычно принадлежностью этноса к тому или иному хозяйственно-культурному типу, сложившемуся под воздействием географической среды обитания. Сходные природные условия (географические ландшафты) обуславливают и сходство элементов материальной культуры – поселения и постройки, средства передвижения и т.п. В духовной культуре различия между хозяйственно-культурными типами проявляются менее заметно, хотя и здесь они существуют. Достаточно отчетливо они прослеживаются в особенностях изобразительного искусства, фольклоре, в некоторых обрядах и обычаях. Например, в декоративном искусстве, в праздничных церемониях, фольклорных жанрах всех оленеводческих народов Дальнего Востока ярко отражается образ оленя.

Известной частью этнографов традиционная культура воспринимается не просто как этнический признак, но и как важнейший этнообразующий фактор. По этой причине весьма популярны, особенно в последние годы, призывы сохранять традиционную культуру во имя сохранения этносов. Такая постановка вопроса напоминает известную ситуацию: что было раньше – яйцо или курица? Этнографы не особенно стремятся ее комментировать, поскольку по сложившейся в этой области знания традиции им нужны внешние признаки, по которым можно отличить один народ от другого. Без этого трудно, а то и вовсе невозможно описать тот или иной этнос. Представьте себе такую ситуацию. Перед вами выстроили представителей разных народов одного и того же антропологического облика, одетых в европейский костюм. В этом случае указать на их этническую принадлежность вам не удастся. Совсем другое дело, если все они будут одеты в свои традиционные костюмы. Вот почему, не отрицая важности традиционной культуры как отличительного признака, трудно согласиться с ее характеристикой как этнообразующего фактора. Не традиционная культура создает этнос, а этнос создает традиционную культуру. При этом то, что сегодня воспринимается как новация, через одно-два поколения может восприниматься как традиция.

Попытки наделить традиционную культуру этнообразующими свойствами приводят к трудно разрешимым противоречиям. Если традиционная культура исчезает, о чем много сегодня говорится, то почему продолжают жить ее носители – этносы? В XX веке с его революциями, войнами, сменами общественного строя и тому подобными трансформациями число коренных народов Дальнего Востока не только не сократилось, но даже выросло. Совершенно очевидно, что степень бытования традиционной культуры, ее наличие или отсутствие может свидетельствовать лишь о степени модернизированности этноса, но никак о его сущностных чертах.

Все это не означает, однако, что традиционная культура как совокупность артефактов культурного наследия не имеет к жизни этносов и их самочувствию никакого отношения. Не будучи этнообразующим фактором, она обладает важными функциями: коммуникативной, познавательной, объединительной, функцией социализации. Важнейшей ее функцией в прошлом являлось утверждение определенной картины мира.

Как известно, все в мире течет, все меняется. Меняется и традиционная культура. В современном обществе, утрачивая ранее присущие ей общественные функции, она приобретает новые: просветительские, образовательные, политико-пропагандистские, развлекательные и пр. Изменяется и механизм действия той или иной функции. В прошлом коммуникативная функция осуществлялась исключительно в устной традиции, в процессе непосредственного общения представителей разных поколений. Современные поколения получают информацию о народных традициях и обычаях не от своих бабушек и дедушек, которые в большинстве своем уже сами никаких традиций не знают, ничего не могут объяснить и показать, а из работ этнографов, культурологов, через каналы массовых коммуникаций.

В этой связи чрезвычайно важным представляется участие этнографической науки в процессе сохранения и развития традиционной культуры. Именно этнографическая наука аккумулирует знания о традиционной культуре народов нашей страны. Этнографами накоплен громадный материал о состоянии традиционной культуры народов Дальнего Востока, особенностях ее развития и трансформации на разных исторических этапах. Активизации этой работы в последние годы способствовало их участие в академических программах «Этнокультурное взаимодействие в Евразии», «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» и «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». К сожалению, результаты этой работы доступны главным образом научному сообществу. Сделать их доступными для тех, кому они особенно нужны – важнейшая задача академической и вузовской науки. На мой взгляд, было бы целесообразным осуществить хотя бы небольшую программу издания научно-популярных трудов по различным аспектам традиционной культуры. Это был бы заметный вклад в дело ее сохранения и популяризации.

Традиционной культуры как целостной функциональной системы сегодня не существует даже у самых крупных народов. Отдельные ее элементы в лучшем случае хранятся в памяти представителей старших возрастов. То немногое, что еще сохранилось в быту (некоторые обычаи, элементы обрядовой культуры), в основном, реализуется на индивидуально-семейном уровне и не носит всеобщего характера. Некоторые элементы традиционной культуры (музыкальный фольклор, декоративно-прикладное искусство) функционируют в системе художественной культуры и постепенно превращаются в продукт массового потребления, имеющий потребительскую стоимость (сувенирная продукция). В таком состоянии традиционная культура не в состоянии выполнять многие свои функции. Но интеграционную функцию она по-прежнему выполняет. Это ее значение особенно проявилось в последние десятилетия. В годы рыночных реформ традиционная культура, почти исчерпавшая себя как основа жизнеобеспечения коренных народов, оказалась востребованной для мобилизации этнического самосознания. Человек, идентифицирующий себя с этнической общностью, нуждается в реальных или воображаемых этнических маркерах. В качестве такого **воображаемого** маркера и выступает традиционная культура. Ее консолидирующая функция ярко проявляется в ходе этносоциологических исследований. У дальневосточных эвенков, например, на этнообъединяющее значение традиционной культуры (при почти полном ее исчезновении) указало от трети до четыре пятых респондентов [Тураев, 2008, с. 238]. У народов, в меньшей степени затронутых модернизационными процессами, эти показатели значительно выше.

На разных этапах исторического развития общества отношение к традиционной культуре было разным. Еще совсем недавно в нашей стране традиционная культура воспринималась как своеобразная «копилка невежества и суеверий», а приверженность традиционной культуре считалась признаком отсталости. Процесс социалистической трансформации, осуществлявшийся под лозунгом отрицания «проклятого прошлого», затронул все народы нашей страны, но особенно пострадали малочисленные этнические общности, которые в силу своего низкого демографического статуса не могли противостоять разрушительным переменам. Глубокие изменения произошли в образе жизни, социально-профессиональной структуре этносов, в этнохозяйственном комплексе, семейно-брачных отношениях, соционормативной культуре. В рамках настоящей статьи невозможно хотя бы коротко охарактеризовать эти изменения, да в этом и нет необходимости, они хорошо известны.

В настоящее время у малочисленных народов нет общей цели, которая осознавалась бы всеми и объединяла всех. В этнокультурном отношении их общество очень неоднородно. Этничность поддерживается не внутренней связью с этнической традицией, а политикой государства в отношении коренных малочисленных народов, их статусом, дающим право на некоторые преференции. Как показывают наши исследования, аборигенные сообщества отнюдь не застыли в некоей абстрактной традиционности. В своем развитии они сталкиваются с множеством проблем, однако ни одну из них невозможно разрешить на базе традиционной культуры, как она обычно понимается этнографами. Престижность традиционной культуры в глазах аборигенов во многом сформирована этнографической традицией, о чем

мне уже доводилось писать [Антропологический форум.., 2005, с. 151-152]. В соответствии с этой традицией, как справедливо заметил в разговоре мой коллега Ю.В. Латушко, «все нивхи должны жить по Крейновичу, чукчи – по Богоразу и т.п.». На практике, однако, все происходит по-другому. Традиционность в реальной жизни (хозяйстве, быту) тождественна неэффективности и неудобству. Люди это прекрасно понимают. Традиционная культура для них лишь символ этничности и в этом качестве она, безусловно, привлекательна и будет востребована. Но вот станет ли эта привлекательность стимулом к возрождению традиционной культуры – большой вопрос.

Постсоветский цикл развития коренных народов, казалось бы, вызвал из небытия многие элементы традиционной культуры. Именно эти годы прошли под лозунгом ее возрождения. По инициативе энтузиастов, при некоторой поддержке органов власти стали выходить газетные странички на родных языках – «Нивх Диф» (Нивхское слово) у нивхов, «Крвэлхэтном» (Поговорим) – у ительменов. В некоторых селах открылись этнографические музеи, центры культуры коренных народов, деятельность которых связана с пропагандой традиционного культурного наследия, организацией национальных праздников (праздник Кита на Чукотке, «Алхалалай» на Камчатке и др.). Предпринимаются попытки, правда, не от хорошей жизни, вернуться к некоторым формам традиционной бытовой культуры. Есть стремление к возрождению древнего гончарства, ездового собаководства, традиций резьбы по кости, дереву, традиционной обрядовой культуры. Произошел определенный, к сожалению, сильно запоздавший, поворот к изучению родных языков, есть попытки вернуться к такой форме общественного сознания как шаманизм.

Все это можно и нужно приветствовать, но здесь сразу возникает вопрос: а можно ли рассматривать все эти инициативы как возвращение традиционной культуре ее былого статуса? Обыденное сознание воспринимает традиционную культуру как совокупность обычаев, ритуалов, обрядов, вошедших когда-то в жизнь людей. Сам факт их существования в прошлом рассматривается как безусловная ценность, не требующая объяснений, а возвращение к этим обычаям и обрядам и есть сохранение традиционной культуры. При этом игнорируются исторические условия возникновения тех или иных элементов традиционной культуры и то, как они соотносятся с другими сторонами жизни человека и общества. Многие традиционные обряды и праздники коренных народов (тот же праздник кита у эскимосов и чукчей, медвежий праздник у народов Амура и т.п.), отражая особенности их хозяйственной деятельности, несли на себе в прошлом глубокую мировоззренческую нагрузку, формировали стандарты внутреннего поведения человека, наделяли его смыслом жизни. Эти же самые праздники, реанимируемые в последние годы, представляют собой лишь занимательное зрелище, имеющее к традиционной культуре весьма отдаленное отношение.

Традиционная культура в России в последние годы обретает высокий официальный статус и становится составной частью государственной политики. Состоялось специальное заседание Государственного совета, посвященное вопросам государственной поддержки традиционной культуры. Разработана Концепция сохранения нематериального культурного наследия народов Российской Федерации. Предусматривается внесение изменений в действующее законодательство, увеличение объемов финансирования на эти цели, разработка соответствующих программ на уровне субъектов РФ.

С чем связан столь пристальный, хотя во многом и формальный, интерес к проблемам сохранения традиционной культуры? С одной стороны, он обусловлен сложностью переживаемого мировым сообществом процесса модернизации, главным вектором которой в последние десятилетия стала глобализация. В сфере культуры она все больше стирает различия между людьми и народами. В этом процессе есть серьезная опасность – народы рискуют потерять свое лицо, свое неповторимое «я». Перспектива стать «как все» мало привлекательна. Мировое сообщество единодушно признало важность сохранения биологического разнообразия нашей планеты. Этническое разнообразие, являясь одной из форм биологического разнообразия, не менее важно. Люди это понимают интуитивно, отсюда и социальный запрос на традиционную культуру, чтобы тем самым обозначить свое отличие от других народов, сохранить стабильность общества в условиях глобализации.

Есть и еще одна сторона вопроса. Для нашей страны опасности, порождаемые глобализацией, усугубляются еще и сменой общественного строя. Идеологическая консолидация на базе общесоветских ценностей в известной мере объединяла страну. Изменения в политической и идеологической сферах, произошедшие в годы рыночных реформ, по существу лишили ее общего духовного пространства. А если в обществе нет понятной и всеми разделяемой идеи, которая наполняла бы его смыслом существования, неизбежно возникает стремление отыскать что-то такое, что могло бы объединить дезорганизованное общество. В роли такой «соломинки для утопающего» и воспринимается традиционная культура. Отсюда, в частности, и подчеркнутый интерес власти к православию как духовной основе русской традиционной культуры. Может ли такое отношение принести результат? Ни в коем случае! Традиционная культура, будучи по своей природе этноцентричной, может играть важную роль для поддержания этнической отличительности, но на ее основе невозможно сформировать идейно-политическое единство общества, особенно, если оно имеет сложную этническую и конфессиональную структуру.

Говоря о важности культурной преемственности в жизни общества, надо понимать, что вытеснение традиционной культуры на периферию общественной жизни – во многом объективный процесс, следствие развития общества, усиления его неоднородности. С появлением новых социальных и профессиональных групп, элитной прослойки возрастает и неоднородность культуры. В некогда единой общеэтнической культуре формируются новые подсистемы – субкультуры. Важно лишь, чтобы они были генетически связаны с системой ценностей и основанными на них социальными нормами и правилами, которые в каждой традиционной культуре свои. Вспомним известную поговорку: что для русского хорошо, для немца – смерть. Обществам, в которых удается сохранить эту связь (Япония, Китай), не страшна никакая глобализация. Там, где такой связи нет, наивно говорить об устойчивом развитии, какие бы концепции по этому поводу не принимались.

К сожалению, понимание этой, с позволения сказать, диалектики до сих пор не доступно нашим законодателям и исполнительной власти. Знакомство с уже упоминаемой концепцией сохранения нематериального культурного наследия показывает, что ее разработчики (чиновники Министерства культуры) в своем понимании проблемы не далеко ушли от обыденного сознания. Для них традиционная культура – это, прежде всего, устное народное творчество, исполнительное искусство, обряды, празднества, традиционные ремесла. Именно на их сохранение и ориентирует концепция. Безусловно, это важная и нужная сторона «возрожденческого» процесса, но далеко не самая главная и единственная.

Нельзя сохранять традиционную культуру как целостную систему, не сохраняя тот гумусный слой, на котором она и может развиваться. Для традиционной культуры коренных малочисленных народов (и не только для них!) таким слоем выступает сельское поселение с его **традиционной экономикой**, со своим неповторимым колоритом, говором, «особым духом». В иерархии общественных ценностей в разных странах место этих поселений различно. В одной стране их будут лелеять как национальную особенность, в других – укрупнять, а то и вовсе ликвидировать. Сохранение сельских поселений, маленьких провинциальных городков важно не только как основа сохранения традиционной культуры. Здесь не менее важен и политический подтекст. В Норвегии на острове Шпицберген живет крохотная колония норвежцев – 1200 человек. С точки зрения экономики ее содержание разорительно для государственного бюджета. Тот уголь, который они там добывают, Норвегии не нужен. Но Шпицберген – территория Норвегии, а значит, и жить на нем должны граждане этой страны. Совсем другая ситуация в нашей стране. В Хабаровском крае, например, только в период между двумя последними переписями населения (1989 и 2002 гг.) численность сельских поселений сократилось с 584 до 426, соответственно на 28% сократилась и численность сельских жителей – главных носителей традиционной культуры [Россия.., 2008, с. 88]. Если не будем поддерживать жизнь на селе, мы не только растеряем последние остатки традиционной культуры, но никакой армией эти территории не удержим. Это уже не вопрос сохранения традиционной культуры, а вопрос государственной безопасности.

Ситуация такова, что в обозримом будущем малочисленные народы Севера будут, видимо, составлять основное постоянное население на значительной части северных территорий. Уже в настоящее время их доля достигает в отдельных районах 30-40 и более процентов. Уже одно это обстоятельство побуждает рассматривать эти районы через призму их геостратегического значения. Из этой посылки и должно исходить отношение к аборигенным сообществам и их историко-культурному достоянию со стороны государства. На новом этапе межцивилизационного взаимодействия принципиально важным представляется вопрос: Какой ***образ*** примет этнокультурное пространство Сибири и Дальнего Востока у наших восточных соседей, какое место займет в этом образе ***аборигенный компонент***? «Власти тех субъектов федерации, где проживают народы Севера, справедливо замечает по этому поводу В.А. Тишков, должны представить миру свой образ не как «банкрота, где вымирают аборигены», а как развивающийся и богатый своей историей, природой и культурой край России» [Современное.., 2004, с. 181].

Между тем, материальная основа существования коренных народов разрушена до основания. Оленеводство – важнейшая хозяйственная отрасль чукчей, коряков, эвенов и эвенков, переживает не просто системный кризис, во многих районах оно вообще прекратило существование. Большинство оленеводческих предприятий (национальных общин), созданных на базе исчезнувших совхозов, оказались нежизнеспособны в рыночных условиях. А ведь на оленеводстве держится вся традиционная культура этих народов. С не меньшими трудностями сталкиваются другие традиционные отрасли – охота и рыболовство, являющиеся материальной основой традиционной культуры нивхов, ительменов, удэгейцев, нанайцев, ульчей.

Ликвидация оленеводческих совхозов, промысловых хозяйств, рыболовецких колхозов, которые, как правило, были единственными работодателями для местного населения, привела к исчезновению целых отраслей хозяйства. Массовая безработица (50-70%) ликвидировала ежедневные обязанности. Исчез смысл жизни, образовавшуюся пустоту нечем заполнить, кроме водки. Люди перестали понимать, кто они есть на самом деле, в каком социальном пространстве находятся. Ситуацию усугубляет и то, что в настоящее время у коренных народов преобладают очень сложные поколения 60-80-х гг. В массе своей эти люди выросли в интернатах, плохо подготовлены к сложностям жизни, отличаются высокой степенью маргинальности. Все это в совокупности создает весьма непростую социально-психологическую атмосферу. В таких условиях людям не до устного народного творчества и исполнительного искусства, на сохранение которых ориентирует концепция. В ситуации выживания человек не способен к восприятию классики (лучших образцов традиционной культуры), ему доступны лишь простые и примитивные развлечения. Как показывают наши исследования, интерес к традиционной культуре во всех аспектах ее проявления выше в тех национальных селах, где более или менее стабильна социально-экономическая ситуация. Сохранение и развитие традиционной культуры как системы ценностей общества невозможно без развития его экономического потенциала, обеспечения занятости населения. Только так можно вернуть смысл жизни людей, восстановить социально-культурную гармонию.

Базовой основой любого общества являются идеалы и ценности, которые сформировались на базе его традиционной культуры. О тесной связи традиционных ценностей коренных малочисленных народов с их успешной хозяйственной деятельностью свидетельствует опыт работы национальных общин, которым удалось вписаться в рыночные отношения. В таких общинах стойко сохраняются столь характерные в прошлом для аборигенных сообществ традиции коллективизма, взаимопомощи, заботы о стариках, детях. Они оказывают безвозмездную помощь в заготовке дров и обеспечении продуктами питания пенсионеров, оплачивают проезд односельчан на лечение в специализированных клиниках, абитуриентов, приобретают одежду и школьные принадлежности для детей из малообеспеченных семей, на их средства проводятся праздничные мероприятия в национальных селах, различные конкурсы, соревнования по национальным видам спорта и т.п. Важно подчеркнуть при этом, что никто их не побуждает к такой деятельности. К великому сожалению, подобных общин на громадных просторах Дальнего Востока буквально единицы.

Нельзя сказать, что идущие из глубин традиционалистского сознания ментальные установки коренного населения не меняются. При всей сложности переходного периода достаточно отчетливо фиксируется ориентация на новые формы жизнедеятельности. Отмечена достаточно неожиданная для коренных народов высокая степень доверия к частной форме собственности, особенно на землю. Как показывают этносоциологические исследования, проведенные среди дальневосточных эвенков, достаточно уверенно можно говорить о возросшей социальной мобильности. Для улучшения своего экономического положения готовы поменять работу и профессию от 34 до 49% опрошенных. От 22 до 36% респондентов ради этого готовы сменить место жительства. Традиционный коллективизм народов Севера ощутимо уступает место индивидуальному творчеству. В отдельных селах более половины опрошенных предпочитает решать свои проблемы самостоятельно, а не обращаться за помощью к кому-либо. Показателем серьезных перемен в трудовой мотивации является оценка респондентами наиболее важных качеств, присущих современному работнику. В качестве таковых 44,2% опрошенных во всех селах назвали инициативность, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни. Число тех, для кого уважение к традициям и обычаям представляется более важным, несколько больше – 46,5%, но среди них преобладают лица старших возрастов. Опрос выявил еще одну интересную группу. Она немногочисленна (9,3%), но, видимо, с ней можно связывать зарождение в аборигенной среде тенденции культурно-ориентированного многовариантного саморазвития. Для респондентов этой группы наиболее важным качеством в человеке-работнике является инициативность в обязательном сочетании с уважением к этнической традиции [Тураев, 2009, с. 56-58].

Все это – очень важные показатели перемен в сознании коренных народов. К сожалению, многими представителями органов власти коренные народы продолжают рассматриваться как глубоко статичные, практически нереформируемые образования, не способные к модернизации. Отсюда и соответствующее отношение. Яркий пример в этом отношении – «Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов РФ», принятая Правительством РФ в феврале 2009 г. По своему содержанию она мало отличается от постановлений партии и правительства советского периода. Упор в ней делается на решение социально-экономических проблем, устранение явлений социально-культурной деградации. Все это, действительно, важно и нужно, но оно вряд ли способно вдохновить коренные народы на борьбу за свое существование. Государственный патернализм, как показывает советский опыт, не сохраняет, а разрушает этнические системы и их культуру.

Новая Россия, признав неверную ориентацию советской национальной политики на Севере, к сожалению, не сумела предложить в этом отношении ничего нового. Более того, если советская политика была по-своему логичной и последовательно проводилась в жизнь, то в настоящее время все ограничивается декларациями о возрождении народов Севера.

Одной из своих целей концепция по-прежнему провозглашает *развитие традиционного образа жизни* коренных народов, которого либо уже вообще не существует, либо он сильно трансформирован. Безусловно, «стричь всех под одну гребенку» государству проще. Между тем, для эффективного решения проблем малочисленных народов нужны разные подходы, причем, как к отдельным этническим общностям, так и к разным социальным группам аборигенного населения. То, что еще возможно на Чукотке или в Корякском автономном округе, совершенно не годится в бассейне Амура.

Но дело не только в этом. Положения концепции входят в вопиющее противоречие с хозяйственной практикой государства, которая в строгом соответствии с российским законодательством не сохраняет, а разрушает традиционный образ жизни или то, что от него осталось. Концепция предусматривает приоритетность доступа малочисленных народов Севера к биологическим ресурсам в местах их традиционного проживания и хозяйственной деятельности, а законодательные и подзаконные акты (различные положения, правила, инструкции), регламентирующие деятельность в традиционных отраслях, по существу, превращают это положение концепции в фикцию.

Остановлюсь на самой, пожалуй, рыночной отрасли традиционного хозяйства коренных народов Дальнего Востока – рыболовстве. На Востоке есть поговорка: хочешь накормить

голодного, – дай ему корзину рыбы, хочешь, чтобы он был сыт каждый день, – подари ему сеть. Корзины рыбы нашему государству не жалко. Проблемы с сетью. Так, например, в соответствии с Законом о рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов [О рыболовстве.., 2004] предоставление рыболовецких участков возможно только по результатам конкурса. Правила проведения конкурса таковы, что выиграть его не в состоянии не только национальные общины аборигенов, но даже рыболовецкие колхозы. Поставленные в явно неравные условия в отношении водных биологических ресурсов, они не в состоянии конкурировать с крупными компаниями, как правило, не местного происхождения. Выделяемые им квоты обеспечивают, в лучшем случае, внутренние потребности, но не дают возможности для развития. В высшей степени забюрократизирован процесс получения квот. На Нижнем Амуре до 2008 г. аборигенам запрещалось ловить самостоятельно даже так называемую «нормовую» рыбу.

Нашим законодателям не дают покоя лавры мировых лидеров рыночных отношений, вот и пекутся «рыночные законы», которые никак не вписываются в современные российские реалии, не вовлекают в рыночные отношения широкие массы населения, а выталкивают из них, в буквальном смысле дезорганизуют жизнь страны. Самый свежий пример – новый Закон «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов» [Об охоте.., 2009]. Как и в Законе о рыболовстве, в нем заложен принцип платности за ресурсы, а также аукционы на право заключения охотхозяйственных соглашений. Не предусматривается выделение охотучастков в целях ведения традиционного образа жизни. Реализация этого закона приведет к тому, что участки, на которых сейчас охотится местное население, попадут на аукцион и обретут новых хозяев, поскольку платить за них людям нечем. О каком развитии традиционного образа жизни коренных народов можно говорить в таком случае?

Если все, о чем сейчас шла речь, и есть новый этап модернизации, то к такой модернизации не только коренные народы, но и подавляющая часть российского общества явно не готовы. Суть процесса модернизации, как известно, состоит в переходе общества в качественно новое состояние, в результате чего оно изменяется и начинает соответствовать современным требованиям. Боюсь, что мы вновь наступаем на все те же грабли – не комплексный, односторонний подход к проблеме. Игнорируются социокультурные аспекты модернизации, которые предполагают формирование такого типа индивидуального сознания и вытекающих из него поведенческих практик, которые соответствуют требованиям современной модели общественного развития. Одними рыночными реформами этой проблемы не решить.

Процессы модернизации должны учитывать реальное состояние общества, социально-исторический уровень его развития, степень экономической и политической зрелости. Это важно не только для отдельных народов, но и для всего российского общества. Несоблюдение этого принципа ведет либо к возникновению уродливых форм в политической и экономической жизни («суверенной демократии», к замене свободной конкуренции коррупцией, протекционизм чиновников и т.п.), либо к социальной анемии и откровенной деградации, в которой и пребывают сегодня не только коренные народы региона, но и значительная часть российского общества. Вряд ли это хороший фундамент для функционирования традиционной культуры и ее развития.

Литература

Антропологический форум: VI Конгресс этнографов и антропологов России: Спец. выпуск. – СПб., 2005. – 222 с.

Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ // Российская газета, 27.07.2009.

О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов // Российская газета, 23.12.2004.

Россия 2002-2005: соц.-демогр. ситуация: XII аналит. доклад. – М.: Наука, 2008. – 311 с.

Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: Независимый экспертный доклад. – М., 2004. – 184 с.

Тураев В.А. Дальневосточные эвенки: Этнокультурные и этносоциальные процессы в XX веке. – Владивосток: Дальнаука, 2008. – 280 с.

Тураев В.А. Современное эвенкийское село (Итоги этносоциологических исследований) // Россия и АТР. – Владивосток. – 2009. – № 4. – С. 52-66.

М.Г. Туров
Иркутск, Иркутский государственный университет

ТРАДИЦИОННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ В РЕТРОСПЕКТИВЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КОРЕННОГО И РУССКОГО СТАРОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ КАТАНГСКОГО РАЙОНА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Дискуссии вокруг традиционного природопользования коренных народов (КМНС) и проектов организации заповедных зон их компактного расселения восходят от рубежа XIX–XX вв. Первоочередной задачей в те времена и до настоящего считались поиски решения глобальной социальной проблемы – оптимизации отношений между «цивилизацией» и «первобытной периферией», сохранения и обеспечения поступательного «развития вымирающих отсталых народов». Первые конкретные предложения по «революционному преобразованию» экономики и быта КМНС появляются во второй половине 1920 – начале 1930-х гг. в связи с деятельностью «Комитета Севера» и формированием новой «советской» национальной политики в отношении «угнетенных царизмом» народов сибирских провинций. В ходе разработки и обсуждения этих программ предлагались два альтернативных подхода к их реализации:

– формирование «резерватов» – изолированных от цивилизации зон расселения и хозяйственной деятельности компактных групп коренных «малых народностей»; запрещение в границах этих территорий всякой деятельности, не связанной с традициями охотничье-собирательского и оленеводческого хозяйства;

– перевод хозяйства и экономики КМНС на хозяйственный расчет, переход «кочующих инородцев» к оседлому быту с целью решения запущенных проблем здравоохранения, образования, поголовной безграмотности, крайне «неприспособленного» для жизни в суровых условиях быта, наконец, ускоренного «строительства новых социалистических народностей» [Этническое развитие.., 1987, с. 15].

Если идея создания «резерватов» (по причине её «буржуазности») была отвергнута с самого начала, то вторая, с некоторыми изменениями в сторону принятия мер к охране традиционного быта и хозяйства КМНС, к началу 1950-х гг. была, в той или иной мере, реализована. Реализация «программ преобразования» затронула лишь сферу быта и социальной инфраструктуры коренных народов, тогда как традиционное хозяйство в его корневой основе, фактически, не изменилось.

К середине 1920-х гг. бóльшая часть районов смежного проживания «коренного» и приравненного к ним по типу основных хозяйственных занятий русскоязычного населения получила статус «тузрайонов», в ведении которых закреплялись в бессрочное пользование «родовые» охотничьи, рыболовные и пастбищные (оленеводческие) угодья. К началу 1940-х гг. «единоличное» кочевое хозяйство коренных народов прошло сложный путь реформации от простейших производственных объединений (ППО) к коллективным хозяйствам общесоюзного типа. Коллективизация единоличных хозяйств КМНС поначалу характеризовалась созданием т.н. «сельскохозяйственных артелей», производственная деятельность которых, за исключением коллективных хозяйств тундровых оленеводов, кроме традиционных видов деятельности (охота, оленеводство и рыболовство), включала мелкотоварное земледелие, животноводство и промышленное рыболовство. Как правило, первые сельхозартели были смешанного типа, а их производственная деятельность носила черты некоторой специализации хозяйствующих субъектов по этническому признаку. Так, представители КМНС, в основной

массе, были заняты в традиционных отраслях и лишь в отдельные сезоны привлекались к работам собственно сельскохозяйственного профиля (заготовки сена, промышленные заготовки рыбы для рыбозаводов, транспортное обеспечение межрайонных грузопотоков и т.п.). Параллельно коллективизации большая часть кочевого и сезонно оседлого коренного населения была переведена на оседлый быт в «национальных» и смешанных поселениях русского типа.

Безусловно, предпринятые шаги в преобразовании быта «отсталых народностей Сибири и Севера» принесли свои плоды: систему более или менее регулярного медицинского обслуживания, распространение среди большей части молодежи и средневозрастной категории взрослого населения начальной грамотности, создание сети школ интернатного типа, в которых дети имели возможность получить, как минимум, неполное среднее образование. Так или иначе, не без издержек, в структуру общественного самоуправления КМНС постепенно внедрялись элементы нового «советского строя» – «Тузсоветы», «Туземные исполнительные комитеты», основными должностными и выборными лицами которых являлись представители «коренных народов» [Этническое развитие.., 1987, с. 19]. Очевидно, в соответствии с этими событиями, официальным заявлением ЦИК РСФСР от 1930 г. было отмечено «окончательное решение национального вопроса» среди коренного населения Сибири и Дальнего Востока, которое механически, главным образом по языковому признаку, было сгруппировано в «народности социалистического типа». В ряде субъектов Российской Федерации были сформированы «национальные автономные округа», которые сохраняются в административной структуре РФ до настоящего времени. Одновременно «тузрайоны» и «туземные поселения» были включены в состав административных районов, областей и краев Сибири и Дальнего Востока.

Так или иначе, преобразования в формах хозяйственной деятельности и в быту коренного населения вывели его из состояния этнокультурной и территориальной изоляции по отношению к остальному населению Сибири и Дальнего Востока, способствовали более интенсивной интеграции КМНС в общероссийскую экономику. Начатые в предвоенный период преобразования в экономике и быте коренных народов интенсифицировали процессы межэтнического взаимодействия культур, что даже без «воздействия сверху», **неуклонно вело к существенной перестройке** всей системы **традиционного жизнеобеспечения** КМНС. В официальной периодике и в большинстве научных изданий эти результаты характеризовались как несомненный успех в деле преобразования «жизни отсталых народов». На более узкий круг читателей (под грифом «для служебного пользования») были рассчитаны подготовленные в 1950-х и опубликованные в начале XX столетия результаты этносоциологических исследований, проведенные среди коренных народов Сибири и Дальнего Востока группой ведущих отечественных ученых (Б.О. Долгих, В.А. Туголуков, Е.А. Крейнович и др.). Содержание отчетов по этим работам определенно указывает на то, что многое из планируемого в программах «социалистических преобразований» жизни и быта КМНС по тем или иным причинам либо не было реализовано вообще, либо стало реальностью лишь наполовину и реализовывалось с огромным трудом. Так, на прежнем «дореволюционном» уровне остались проблемы алкоголизации, высокой смертности, низкой рентабельности большей части коллективных хозяйств КМНС и, соответственно, хронической дотационности большинства районов их компактного расселения.

К началу 1960 гг. оформилось в окончательном виде и сохраняется по настоящее время некое противоречивое понимание смыслового содержания заявленных программ «преобразования и развития» охотничье-оленеводческого населения Сибири и Севера. В отличие от довоенного этапа обсуждения этих программ, современные дискуссии вокруг их реализации, инициированные известным постановлением ЦК КПСС «об изменениях в национальной политике» приобрели исключительно критическую направленность. В дискуссиях о «судьбах» коренных малочисленных народов участвуют как профессионально работающие в этом направлении этнографы, так и «ангажированные перестройкой и гласностью» социологи, географы, демографы и «сочувствующие» журналисты. При этом научные публикации этнографов и представителей смежных наук «утонули» в потоке многочисленных «люби-

тельских», псевдонаучных, далеких от теории и методологии исследования этнических процессов поделок журналистов – представителей «перестроившейся» либеральной российской интеллигенции, часть которых именуют себя довольно странными титулами типа «писатель-историк», «писатель-этнограф».

За редким исключением, контингент «борцов за права КМНС», как правило, рассматривает «советские национальные программы» не иначе как с позиций «этноцида» и отличает профанно-обывательское представление о существе и содержании обсуждаемых проблем. Хорошей иллюстрацией уровня компетенции авторов подобных публикаций является статья из журнала «Огонек», принадлежащая одному особенно активно пишущему о судьбах КМНС журналисту. Общий стиль его рассуждений характеризуется примерно так: «Мало кто из читателей знает о том, что современные эвенки говорят на северном диалекте итальянского языка».

К сожалению, не только в среде «любителей», но у значительной части этнологов в эту пору формируется и крепнет убеждение, что создание «территорий традиционного природопользования» (ТТП) и, соответственно, «сохранение традиционного хозяйства» коренных народов являются едва ли не **безальтернативными** условиями сохранения самобытности и этнической идентичности коренных малочисленных народов. При этом, как бы за «полями» публикаций о традиционном природопользовании КМНС остаются проблемы столь же «традиционного» природопользования русского старожильческого населения, которое по своему характеру и значению в экономике и комплексе этнографической культуры «русских сибиряков» имеет не менее важное и столь же мало изученное значение.

Можно было бы не реагировать на «смелые» утверждения современной журналистики, которая в погоне за «жареными фактами» часто «слышит звон, да не знает, где он». Беда в том, что проблемы КМНС в последние десятилетия стали конъюнктурными и приобрели характер стабильно оплачиваемого государством и бизнесом «социального заказа». Дело дошло до того, что в солидных научных издательствах (например, «Наука») уже в новом столетии появляются откровенно «конъюнктурные поделки». К таковым, в частности, можно отнести солидные монографические издания коллектива авторов, основной состав которых представляет Иркутский филиал Института географии СО РАН [Рагулина, 2004; Территории традиционного.., 2005; Иванов, Калихман, Калихман, 2008]. Собственно эти «научные труды» явились той последней каплей, которая побудила к написанию этой статьи.

Предлагаемое исследование отражает не более чем авторское прочтение существа **современного** «традиционного» природопользования коренного и русского старожилого населения локального субрегиона Сибири и тех, в чем-то общесибирских задач, которые связаны с продолжающимися опытами «устойчивого социально-экономического и культурного развития» значительной части северных территорий тайги и лесотундры к востоку от Урала. Наше видение проблемы, целей и задач её решения основываются на более чем 30-летнем натурном изучении современного состояния экономики и культуры, локальных полиэтничных общностей ряда северных и среднетаежных административных районов Иркутской области. Около 10-ти лет посвящено целевому изучению «традиционного природопользования» эвенкийского и коренного якутского населения Катангского района, а также того, какие социальные коллизии сопровождают последние законодательные декларации приоритетных прав «коренных малочисленных» этнических групп в структуре полиэтничного населения региона [Туров, 1990, 2004, 2005; Туров, Иноуэ, 1996, 1997].

Начнем с того, что идеи организации ТТП в качестве охраняемых государством зон проживания и экофильного хозяйственного освоения биоресурсов, как и законодательные акты РФ в этом направлении, получили поддержку и имеют широкое хождение среди коренного населения Иркутской области. В необходимости полной реализации международной конвенции «О гарантиях прав…» и Закона РФ «О территориях традиционного природопользования…», по нашим данным, убеждено и включенное в список КМНС эвенкийское и коренное, не отнесенное к списку «малочисленных этносов» – якутское, и даже русское старожилое население Катангского района. В этом отношении достаточно указать на отправленную в адрес Иркутского Облисполкома (1989 г.) записку о распространении режима «территории

традиционного природопользования» на весь Катангский район, которую подготовил русский старожил, работник исполнительного комитета района А.И. Юрьев.

Далее необходимо указать на то, что большинство популярных (и, к сожалению, части научных) публикаций по этой проблеме страдает излишне академическим, «кабинетным» подходом к решению соответствующих задач и характеризуется тремя имеющими принципиальное значение недостатками:

а) в отличие от 1920-1930-х гг., накопление данных в этом направлении в современных условиях производится в режиме беглых социологических опросов, что явно недостаточно для изучения нескольких этнических вариантов системы традиционного природопользования и её модернизации в диахронии XVII–XX столетий;

б) по этой причине предлагаемые взгляды на возможные способы решения проблемы, в значительной степени, опираются либо на устаревшие схематические описания «традиционного хозяйства» КМНС **первой четверти XX в.**, либо на современные, собранные в процессе беглого, не предполагающего «включенное наблюдение» материалы этносоциологических исследований;

в) как следствие этого – узость и неполнота данных об исторически сложившихся и неоднократно модернизированных типах «природопользования КМНС в их базовом содержании **«традиционных систем жизнеобеспечения»** в совокупности с отсутствием их глубокого анализа на основе современной методологии этнологических исследований приводят к поверхностной интерпретации понятия «традиционное природопользование».

В частности, следует отметить, что большая часть официальных документов и научных статей на эту тему обходит стороной тот факт, что на протяжении всей новейшей истории России традиционные отрасли хозяйства КМНС, как и приравненные к ним доминирующие типы хозяйства этнографических групп русского сельского населения, являются хронически убыточными и не обеспечивают искомого «устойчивого социально-экономического и этнокультурного развития». Существо понятия «территории традиционного природопользования», без учета произошедших за вторую половину XX – начало XXI столетий изменений в культуре и быте КМНС, сводится к констатации того, что современное хозяйство, экономика и социально-профессиональные установки всех социальных стратов коренных народов ориентированы исключительно на, якобы, «традиционные» (наследованные чуть ли не с середины XIX в.) формы освоения природных ресурсов – охоту, оленеводство, рыболовство и собирательство дикоросов. Фактически не ставятся к изучению такие вопросы, как: в чем коренятся причины сохранения этих «традиций»; отчего представления о «традиционном» (присваивающем) способе освоения таежных биоресурсов и соответствующие права на организацию охранных зон «традиционного природопользования» распространяются исключительно на коренные малочисленные народы?

Еще в начале 1920-х гг. С.М. Широкогоров теоретически обосновал, что природная среда, вне зависимости от уровня социального и экономического развития и этнокультурной специфики, является не только сферой развертывания систем жизнеобеспечения и межпоколенной репродукции биологических и социокультурных характеристик каждой конкретной этнической общности [Широкогоров, 1923]. В глобальном и социокультурном плане вмещающая природная среда рассматривалась С.М. Широкогоровым как совокупность специфических связей и взаимодействий, исторически складывающихся между человеком и природой и активно влияющих на формирование специфических (этнографических) форм духовной культуры, особой формы «психоментальности», определяющей «национальный характер» или же стереотипы поведения в природной среде, наконец, групповое и личностное «экологическое сознание».

В известной мере, ментальные связи этноса с «этнически стереотипной» средой жизнедеятельности и исторически сложившиеся формы хозяйственного освоения природных ресурсов воспроизводятся даже в случаях миграций, выделившихся из материнской основы этнических групп и освоения ими новых, не вполне соответствующих «традиции» ландшафтов и географических зон [Алексеев, Бромлей, 1968]. При этом, мигрирующий социум в новых условиях может действовать двояко.

Чаще всего мигранты расселяются в близких «традиционным» ландшафтах, вмещающих аналоги «привычных» условий жизнедеятельности. Так, например, осваивая пространство Средней Сибири, русское крестьянство обживало по преимуществу более или менее пригодные для земледелия и скотоводства бассейны Верхней Лены и Ангары. Как следствие этого, в комплексе этнокультурных традиций русскоязычных мигрантов в новой среде жизнедеятельности актуализировались как те элементы, которые искусственно воссоздавали традиционные условия ведения крестьянского хозяйства, так и те, которые, более или менее адекватно соответствовали условиям Сибири и Севера, обеспечивали максимально эффективные формы организации системы жизнеобеспечения. В этнографическом материале по русским старожилам Средней Сибири эти элементы культуры «русских старожилов», как известно, выступают под знаком заимствований из материальной и духовной культуры ближайших соседей – аборигенов.

Русские заимствования уже ко второй половине XVII в. адаптировались в комплексах традиционной культуры автохтонного населения в качестве органических, формировавшихся в условиях **межэтнического взаимодействия** элементов новой культурной традиции. Таким образом, употребляя термин «традиционное природопользование» следует понимать его как динамичную, эволюционирующую систему взаимодействия этнических общностей с природной средой. Иными словами, следует, наконец, четко осознать объективную реальность того, что в исторической ретроспективе «традиционные» системы природопользования коренных народов Сибири пережили ряд неизбежных трансформаций, обрели новые, несвойственные прежней традиции черты.

Изменения в системе «традиционного» природопользования КМНС бассейна Нижней Тунгуски, сложившейся до русского освоения Восточной Сибири, начались еще в первой четверти XVII в. В 1607 г. отряд казаков под началом Михайлы Камского поднялся вверх по Нижней Тунгуске и собрал ясак с 19 эвенкийских семей. В последующие два десятилетия ясачным обложением было, в той или иной степени, охвачено все эвенкийское население Катанги. По закону об «управлении инородцами» (1882 г.) все расселенные в границах этой территории территориально соседские общины, очевидно, с целью регуляции сборов натуральных (ясачных) обложений были механически объединены в Кондогирский и Курейский административные рода [Туголуков, 1985, с. 134-135].

По форме организации хозяйственного освоения угодий и типу обеспечивающих его транспортных средств «кондогирские» эвенки XVIII в. относились к категории «бродячих» (подвижных, кочевых) охотников. Структура хозяйства отдельных семей и соседских общин включала зверовую охоту на копытных (северный олень, лось), не предполагавшее создание долговременных запасов сезонное рыболовство потребительского назначения и транспортное оленеводство. При этом, средние размеры индивидуальных стад транспортных оленей до русского освоения территории района не превышали 15-20 голов.

С приходом русских и установлением регулярного товарообмена пушной промысел, носивший до этого характер попутного «не престижного для мужчины» занятия, становится вторым по значению (после зверовой охоты) видом хозяйственной деятельности, в который постепенно включается все трудоспособное население. Рост «популярности» пушной охоты приводит к существенной перестройке традиций оленеводства. Очевидно, изменения в организации оленеводства и использовании оленей происходили не без влияния со стороны инокультурных соседей – северных якутов-оленеводов бассейнов Верхней Чоны, Вилюя, и Олекмы. Ко второй половине XVIII в. несколько якутских родов, после длительных вооруженных столкновений с местными эвенками, осели в бассейне Нижней Тунгуски и, образовав несколько небольших по численности территориальных групп, активно включились в хозяйственное освоение охотничьих и пастбищных угодий этой территории [Долгих, 1970, с. 442-443]. Можно предполагать, что якутские заимствования навыков ведения оленеводческого хозяйства проникали в эвенкийскую среду через посредство межэтнических браков, что, в частности, прослеживается в родословных нескольких современных эвенкийских патронимий. В целом, реорганизация эвенкийского оленеводства характеризовалась:

– увеличением средних на хозяйство размеров оленьего стада до 50 и более голов;

– распространением традиций оленеводства «ороченского» типа (круглогодичный уход за оленями, всесезонное содержание стада вблизи стойбищ и стоянок и т.д.);

– изменением в организации кочевого быта и реорганизацией системы постоянных и временных поселений, приведением того и другого в соответствие с необходимостью регулярной смены сезонных пастбищ и стаций домашних оленей;

– распространением навыков доения оленух, приготовлением молочных продуктов и появлением прочих инноваций в традициях оленеводства «эвенкийского» типа.

Южная («курейская») диалектно-территориальная этнографическая группа эвенков была приписана к Курейскому и Непскому ясачным зимовьям, осваивала верхнюю часть бассейна Нижней Тунгуски и отличалась от «кондогирской» не только лексикой, но и особенностями ведения охотничье-рыболовческого хозяйства. В первой половине XVII в. среди плательщиков ясака с этих зимовий фиксируются роды Шилягир, Момогир, Маугир и Мукчугир.

До середины XVII в. группа «курейских» эвенков была наиболее многочисленной. Однако, ясачная перепись 1682 г. ни один из названных выше родов уже не фиксирует. Одной из причин этого явилось формирование сети русских поселений, распашка земель в долине Нижней Тунгуски и по отстроенным на её притоках заимкам, наконец, конкурентная борьба за охотничьи и рыболовные угодья. Это обстоятельство и ясачное обложение принуждали эвенков переселяться в менее освоенные русскими бассейны Подкаменной Тунгуски и Лены, мигрировать в низовья Нижней Тунгуски и осваивать свободные участки угодий по её левобережным притокам. Оставшаяся часть эвенкийских семей уже к началу XVII в. либо полностью потеряла оленей, либо сохраняла небольшие (не более 10 голов) стада, кочевала вблизи русских поселений или, заимствуя из русской промысловой культуры методы сезонного (экспедиционного) опромышления охотничьих и рыболовных угодий, оседала в них на постоянное жительство [Василевич, 1962, с. 101].

По типу используемых в промыслах транспортных средств (берестяная лодка, ручная охотничья нарта или волокуша «кельче»), комбинации «присваивающих» отраслей хозяйства и способу освоения угодий «курейские» эвенки этого периода соотносятся с группой так называемых «пеших» или «сидячих – береговых» охотников-рыболовов. Основная масса стационарных зимних и летних поселений сосредотачивалась в прибрежной полосе речных долин. Объединенные в одно общее стадо олени отдельных хозяев в летний период выпасались вдали от поселений специально назначенными родовой общиной пастухами. Большую часть лета (вторая половина мая – конец августа) эвенкийские семьи занимались рыболовством. К середине сентября (к началу сезона осенних массовых заготовок мяса копытных) общественное стадо оленей подгонялось к поселкам и распределялось между индивидуальными владельцами. Промысел копытных и последующие заготовки пушнины охватывали ближайшие к поселениям участки речных долин и не распространялись от береговой полосы далее 40-60 км.

Материалы второй половины XVII в. свидетельствуют, что оставшиеся в южной части Катангского района и осевшие в русских поселениях семьи «курейских» эвенков уже подверглись интенсивной русификации [Василевич, 1962]. «Русские» заимствования прослеживаются как в организации охотничьего хозяйства, так и в распространении навыков приусадебного огородничества, в использовании лошадей для транспортировки грузов в сезоны охоты на копытных и пушного зверя, в замещении традиционного жилища – чума, рубленой избой русского типа и т.д. Следует, впрочем, заметить, что традиционный тип жилища (крытый корой или брезентом чум) совсем не исчезает. До настоящего времени он используется в стационарных поселениях эвенков в качестве хозяйственного строения, а также жилища на временных стоянках в сезоны летних рыбалок и, реже, осенне-весенних заготовок продукции зверовой и пушной охоты.

Формирование русского населения Катанги происходило за счет организованного переселения выходцев из северных поморских губерний европейской части России. Большая часть русских поселений была представлена небольшими деревнями из одного-двух домохозяйств. Лишь на территории современных Непского, Токминского, Икского и Бурского сельских советов размеры русских деревень доходили до 5 и более дворов. При этом расстояния между

отдельными русскими поселениями к северу были, даже по меркам более южных районов Средней Сибири, огромными и в среднем составляли от 150 до 300 км.

Из этнографических данных по теме русской колонизации Сибири [Александров 1961; Бахрушин, 1955; Миллер, 1937, 1941; Шерстобоев, 2001] следует, что первые русские поселения в Катанге, как и по всему сибирскому Северу, были крайне малочисленны. Первые русские поселенцы были в основной массе представлены несемейными монастырскими крестьянами и «служилыми людьми», которые уже на новом месте жительства обзаводились семьями, вступая в браки с местным эвенкийским населением. Очевидно, этой причиной объясняется то, что часть современных представителей русских «фамилий» района, по сообщениям информаторов, являются потомками от смешанных русско-эвенкийских браков и до сих пор помнят свои «тунгусские корни». Очевидно, этому же способствовали распространенные в русской среде обычаи отдавать на воспитание в эвенкийские семьи сирот и малолетних (от года до 5 лет) детей из обедневших крестьянских семей.

Отчасти, по этой же причине формирование русской системы хозяйственного освоения природных ресурсов района проходило под знаком воздействия двух факторов: а) традиционного уклада хозяйства, вынесенного переселенцами из северорусских губерний европейской России и адаптированного к местным условиям; б) природно-климатических характеристик новых мест обитания переселенцев, побуждавших новых поселенцев перенимать аборигенные элементы организации хозяйства и быта.

Так называемые «крестьянские» отрасли хозяйства (земледелие и приусадебное животноводство) северных губерний европейской части России в основной массе не обеспечивали всех потребностей в основных продуктах повседневного спроса [Шерстобоев, 2001, с. 233-384]. Не менее важное, а в ряде случаев ведущее экономическое значение имели такие занятия как речное и морское рыболовство, охотничий промысел (в особенности пушной), извоз по найму, а также различного рода ремесла. В новых местах обитания русские первопоселенцы осваивали довольно небольшие по размерам малопродуктивные пашенные и сенокосные угодья речных долин.

Как следствие этого, хозяйственная деятельность большей части русского населения Катанги не ограничивалась чисто «крестьянским» хозяйством. Циклично повторяющиеся годы неурожаев зерновых культур, отсутствие емкой пастбищной базы для содержания более или менее больших стад крупного рогатого скота предопределяли формирование «крестьянских» хозяйств смешанного типа, ориентированных, в том числе, на интенсивный товарный пушной промысел, зверовую охоту и рыболовство потребительского направления. Промысловые отрасли хозяйства русских поселенцев представляли собой сочетание традиционных, вынесенных с «исторической прародины» навыков активной и пассивной охоты и рыболовства с заимствованными из аборигенной культуры элементами организации промыслового быта, средств транспорта, одежды и промыслового инвентаря.

Структура хозяйственной деятельности русского населения Катанги не претерпела существенных изменений и после того, как на рубеже XVIII–XIX вв. район вошел в административное подчинение Киренского уезда Иркутской губернии и был организованно заселен выходцами из соседних районов Приленья – Приангарья, а также из ряда губерний нечерноземной полосы центральной России. Конкурентоспособными, имевшими возможности для развития комплексного земледельческо-промыслового хозяйства и обеспечения себя достаточными жизненными ресурсами оказалось ограниченное число домохозяйств. Как правило, таковые были представлены экономическими объединениями больших семейных кланов (большесемейных общин), имевших достаточное число трудоспособных членов и захвативших наиболее благоприятные участки земледельческо-скотоводческих угодий. На их фоне хозяйственная деятельность большей части русских семей, даже в южной части района, неуклонно переориентировалась на развитие традиций зверового и пушного промысла, речное рыболовство, приусадебное огородничество и нетоварное животноводство. К середине XIX в., после снятия монополии российского государства на торговлю пушниной и появления многочисленных ярмарок, заготовки пушнины становятся едва ли не основным источником доходов большей части русского населения района.

Для ряда семей русских старожилов, по тем или иным причинам отошедших от традиций земледельческо-животноводческого хозяйства, в первую очередь тех, главы которых воспитывались в эвенкийских семьях, было характерно **заимствование** из эвенкийской культуры технологий круглогодичного хозяйственного освоения таежных угодий, и, в ряде случаев, использование в охотничьем промысле собственных транспортных оленей. В целом же можно уверенно констатировать, что новые, заимствованные в аборигенной культуре технологии жизнеобеспечения активно способствовали формированию в так называемом «крестьянском» русском старожилом населении Катанги, как минимум, двух новых «традиционных» элементов культуры:

- доминирующие, близкие к эвенкийским технологиям, охота и речное рыболовство в границах закрепленных в «обычном праве» наследуемых «родовых угодий»;
- комплекс аналогичных эвенкийскому «экофильных» традиций природопользования, который в сознании русских старожилов определяется образной фразой «тайга – мой дом».

Следующий этап трансформации традиций природопользования коренного и русского переселенческого населения Катанги связан с началом коллективизации. Первые формы коллективных хозяйств, получивших наименование простейших производственных объединений (ППО), появились в районе в 1926-1928 гг. По существу эти хозяйства создавались на основе сбытовой и потребительской кооперации. Поначалу уставы ППО не предусматривали уничтожения индивидуального хозяйства и были призваны организовать централизованные (минующие частных предпринимателей) заготовки пушнины, их реализацию на государственных «рынках» и столь же централизованный обмен пушнины на товары повседневного спроса.

В конце 1920-х гг., по примеру коллективизации индивидуальных крестьянских хозяйств юга Иркутской области, ППО района были переведены на уставы сельскохозяйственных артелей, хозяйство которых, кроме традиционных отраслей – заготовок пушнины, зверовой охоты и рыболовства, включало мелкотоварное производство зерна и животноводство. При этом на начальном этапе коллективизации «добывающая» отрасль хозяйства в основном закреплялась за коренным – якутским и эвенкийским – составом сельхозартелей, а зерновое хозяйство и животноводство – за русскоязычными жителями района.

К 1932 г. структура сельскохозяйственных артелей района окончательно приобрела типичные черты «колхозов». Основная масса кочевых семей эвенков и якутов была ускоренно переведена на оседлость, что сопровождалось обобществлением охотничье-рыболовного инвентаря, транспортных оленей и уравнительным распределением производственных обязанностей среди всего состава «смешанных» артелей, объединивших в одном производственном коллективе (артель, бригада) трудоспособных эвенков, якутов и русских. В соответствии с новым уставом «сельхозартелей» бывшие «единоличные» охотники-оленеводы привлекались на общих основаниях к работам по зерноводству, животноводству, товарному рыболовству, транспортному обеспечению внутрирайонных и межрайонных перевозок грузов.

Таким образом, единоличное кочевое и полукочевое охотничье-оленеводческое хозяйство эвенкийского, якутского и частично русского старожилого населения района **как вид «традиционного природопользования»** к началу 1940-х гг. фактически если не исчезло вообще, то было **официально** сведено к разряду второстепенных. Программа коллективизации предусматривала постепенный переход новых хозяйств Катангского района в режим хозяйственного расчета и самоокупаемости. По материалам архива Катангского райисполкома, в планах государственных заготовок сельскохозяйственной продукции доминирующее положение должны были занять производство зерна, мяса крупного рогатого скота и заготовки товарной рыбы. При этом к животноводческой отрасли, с соответствующим включением в планы государственных закупок продукции, было отнесено и оленеводство.

В 1940 – начале 1950-х гг. пушной промысел, как один из основных источников поступления в государственный бюджет своеобразной «валюты» для погашения зарубежных поставок по ленлизу, выходит на первое место в производственных планах района. Общее поголовье находившихся в общественной собственности района оленей в этот период насчитывало около 10 тыс. голов. Всё поголовье обобществленных оленей было разбито на отдельные

«артельные» стада (300-600 голов на артель), которые в течение календарного года постоянно находились под присмотром назначенных артелью пастухов. Именно у этой категории «пастушеских» семей эвенков и якутов вплоть до расформирования колхозов **сохранялось** и развивалось то **«традиционное природопользование» образца XIX – начала XX вв.**, которое предполагало круглогодичное освоения традиционных общинно-родовых угодий. Новые отрасли экономики коллективных хозяйств – производство зерна, животноводство и промышленное рыболовство, в лучшем случае обеспечивали внутренние потребности населения района в соответствующей продукции. Основные доходы в бюджет Катангского района поступали от пушного промысла и аренды оленей для транспортного обеспечения межрайонных перевозок грузов и экспедиций. Собственно, этими двумя факторами, очевидно, и объясняется сохранение оленеводства в коллективных хозяйствах района, а также выделение средств из областного бюджета на закупки оленей и пополнение сокращающейся численности общественных стад.

В послевоенный период (до середины 1960-х гг.) низкая рентабельность зерновой и животноводческой отраслей, «плановая убыточность» катангских колхозов продолжали оставаться рядовым явлением. Единственными изменениями в экономике района, с которыми связывались надежды на ликвидацию их хронической задолженности перед государством, являлось внедрение новой для районного коллективного хозяйства отрасли – клеточного звероводства. Выделенные для транспортного обеспечения геологосъемочных и разведочных экспедиций колхозные олени обслуживались теми же кочевыми семьями эвенков и якутов, для которых это означало сезонное включение в довольно доходный, но лишь отчасти традиционный вид хозяйственной деятельности. Вместе с тем, использование мяса домашних оленей в качестве корма содержащихся на зверофермах пушных зверей, интенсивное и, нередко, варварское их использование для транспортировки грузов в геологических отрядах привело к тому, что к началу известного «хрущевского» укрупнения коллективных хозяйств общее поголовье оленей в районе едва ли превышало 3,5 тыс. голов.

Таким образом, одно из традиционных направлений хозяйства коренного населения района неуклонно деградировало, а число задействованных в нем эвенкийских и якутских семей постепенно всё более сокращалось. Известное значение в этом имело то обстоятельство, что осевшие в поселках представители КМНС все более переходили к сезонно-экспедиционным формам освоения биоресурсов, сопряженным с охотой со стационарных зимовий и использованием капканного лова пушных зверей. Имеющиеся в коллективных хозяйствах олени, по преимуществу, использовались для завоза в районы индивидуальных промыслов продуктов и инвентаря. Размеры опромышляемых охотником «родовых» угодий резко сократились, а сами угодья располагались в ближайших к стационарным поселениям участках таежных территорий.

Немалую роль в сокращении участвующих в оленеводстве трудоспособных эвенков и якутов имел существенно выросший уровень образованности молодежи, явное несоответствие бытовых условий жизни в поселке и в тайге, а также то, что с шестилетнего возраста дети эвенков, якутов переходили на интернатный метод школьного образования и большую часть года жили в отрыве от родителей. Возможно, по этой причине женщины предпочитали жить в поселках, поближе к детям, а вся работа в сезоны пушного промысла и круглогодичного ухода за оленями падала на плечи немногих закончивших школу и вернувшихся в «таёжный дом» дочерей и несемейных мужчин. Возможно, этими же причинами объясняется то обстоятельство, что число холостых постоянно живущих в тайге охотников-оленеводов постепенно становилось всё более многочисленным.

Последняя по времени трансформация «традиционного природопользования» коренного населения Катангского района охватывает период 1970 – начала 2000-х гг. Поначалу она характеризовалась передачей имущества и трудовых резервов колхозов в структуру двух коопзверопромхозов, а затем – последующей ликвидацией практически всех форм государственных производственных предприятий.

В рамках коопзверопромхозов, кроме «традиционного» пушного промысла, еще продолжало функционировать мелкостадное животноводство (содержание КРС), обслуживавшего

потребности населения лишь двух населенных пунктов – районного центра с. Ербогочена и с. Преображенка, являвшихся центральными производственными базами коопзверопромхозов. Основная масса произведенной мясной и молочной продукции реализовывалась через сеть дошкольных и средних образовательных учреждений, центральной районной больницы и фельдшерского пункта, столовой в с. Ербогочен. Лишь в незначительной степени продукция животноводческой отрасли изредка поступала для продажи населению в торговые точки Райпотребсоюза. По нашим наблюдениям, с начала 1980-х гг. по разнарядке Райпотребсоюза на одного «едока» в месяц приходилось 2-3 банки тушенки, а основная часть потребностей населения в мясной и рыбной продукции удовлетворялась за счет легальной (в основном, для семей эвенков и якутов) и нелегальной – браконьерской (для «некоренных» жителей района) зверовой охоты, речного и озерного сетевого рыболовства.

К 2005 г. оба коопзверопромхоза, преобразованные в закрытые акционерные общества – «Сибирь» (с. Преображенка) и «Катангская пушнина» (с. Ербогочён) – прекратили своё существование. Оказавшиеся «ничейными» бывшие коллективные производители пушномеховой продукции и мяса диких копытных, фактически, вернулись к индивидуальному хозяйственному освоению таежных биоресурсов, ориентированному на товарные заготовки пушнины, потребительское рыболовство и лицензионную зверовую охоту.

Если исходить из одних лишь технологических признаков и состава отраслей хозяйственной деятельности, то можно констатировать, что эвенкийское, якутское и, в меньшей степени, русскоязычное население района в настоящее время вновь вернулось к «традиционному природопользованию». Как и в начале XX столетия, основная часть трудоспособных **мужчин всех этнографических групп района** (в том числе и имеющих постоянную работу в бюджетной сфере занятости) с середины октября и, с перерывом в январе, занята в пушном промысле на своих «родовых» угодьях. Всё это время в поселениях остаются лишь женщины, подростки и старики. Как и прежде, ментальные связи «катангчан» с природной средой определяются формулой «тайга – мой дом», а поведение в тайге основной массы постоянных жителей по-прежнему остается «традиционно» экофильным, охраняемым обычным правом и передаваемой через поколения системой трудового и нравственного воспитания молодежи.

Всё изложенное, на наш взгляд, дает основания полагать, что современный тип хозяйственного использования биоресурсов и сопутствующие им формы оленеводства (круглогодичное кочевое и сезонное у перешедших к экспедиционному пушному промыслу семей) категорически **не соответствуют** тому типу «**традиционного** природопользования», который этнографически фиксировался даже в первой половине XX вв. На наш взгляд, современное промысловое хозяйство постоянного населения района характеризуется тремя типами модернизированного «природопользования», которым соответствуют часто не связанные с видом хозяйственной деятельности индивидуальные формы профессиональной ориентации.

Первый тип свойственен основной массе постоянного русскоязычного и коренного (эвенкийского и якутского) населения. Сезонные товарные заготовки пушнины, лицензионная добыча копытных и потребительское рыболовство имеют характер кратковременного (экспедиционного) опромышления локальных участков угодий прибрежной полосы Нижней Тунгуски и р. Чоны. Поскольку индивидуальные промысловые угодья нередко находятся в долговременном пользовании и фактически наследуются несколькими поколениями пользователей, они признаются «родовыми». Угодья этой категории пользователей по решению управленческих областного и районного уровней в настоящее время официально переданы в долговременное пользование «юридическим лицам» – **смешанным** (эвенкийско-русским и якутско-эвенкийским) **общинам**. Границы общинных угодий закреплены официально оформленными документами в виде карт-схем, нанесенных на общую карту земель района. Охота и рыболовство для этой категории пользователей является и в настоящее время наиболее стабильным, **традиционным** средством обеспечения основными видами продуктов питания и одним из основных источников денежных доходов семей.

Второй тип – экспедиционный любительский. Он свойственен, как правило, позднему переселенческому (1950–1970-е гг.) населению, представленному перешедшими на постоян-

ное жительство в районе русскоязычными выходцами из европейской части России и СНГ. Кратковременное, приходящееся, в основном, на сезон осенних отпусков опромышление запасов пушнины и рыболовство производится по преимуществу в «чужих» угодьях по согласованию с их хозяевами (знакомыми и друзьями), носит нередко браконьерский характер и лишь в отдельных случаях обеспечено лицензиями на отстрел копытного и пушного зверя. Тем самым, промысел любителей, в том числе «заезжих» (прибывших из других районов Иркутской области) знакомых и родственников, постоянно живущих в районе жителей, является не более чем дополнительным, второстепенным источником денежных доходов.

Третий тип промыслового освоения таежных угодий района свойственен крайне малочисленной группе эвенков, постоянно обитающих в границах, сложившихся не позднее второй половины XIX в. и передаваемых по наследству от отцов к старшим сыновьям «родовых» угодий. Для этой категории пользователей характерен по преимуществу кочевой (подвижный) быт, сохранение базовых, по сути «традиционных», но в элементах модернизированных принципов ведения охотничье-оленеводческого и рыболовного хозяйства, которому соответствует модернизированный комплекс бытовой и производственной культуры. Именно у этой категории семей до настоящего времени сохраняется основная часть домашних оленей (не более 300 голов). Как ни странно, промысловые и оленеводческие угодья именно этой категории **в приоритетное долговременное пользование** до настоящего времени **юридически не оформлены и картографически вообще не обозначены**.

В принципе, этими уточнениями к вопросу о «традиционном природопользовании» постоянного населения Катанги настоящие заметки можно было бы и закончить, если бы не следующие обстоятельства.

Во-первых, все дискуссии о «Приоритетных правах» КМНС на «территории традиционного природопользования, взвешенные публикации отечественных ученых в области этнологии, этносоциологии и этногеографии, правительственные постановления и законодательные акты РФ (см., в частности – [Сибирь. Пути.., 2006; Тишков, 2004; Правительство.., 2009]) порождают у большинства КМНС некоторую **иллюзию** того, что существующие законы о «Территориях традиционного природопользования...» реально подтверждают их право **собственности на земли предков**. Убедить коренных жителей Катанги в том, что это не так, что в действительности законодательство устанавливает для них не более чем право на **приоритетное, на условиях долговременной аренды** их использование, что в случае необходимости «государство» может их изъять у пользователя с минимальной компенсацией тех или иных потерь, пока практически не удается.

Безусловно, следует согласиться с А.А. Тишковым в том, что существующее законодательство РФ по гарантиям и защите прав КМНС к настоящему времени оказалось, по существу, дезавуированным иными законами и многочисленными поправками к законам, в связи с чем законодательство по КМНС действительно напоминает безжизненное, негодное к прямому употреблению «разбитое корыто».

Во-вторых, заявляя «о приоритетных правах» КМНС на «территории традиционного природопользования» Правительство РФ и законотворческие органы фактически **отнимают это жизненно важное право** у «некоренного» сельского населения, что потенциально и в ряде случаев в реальности ведет к межгрупповым межэтническим конфликтам. К счастью, постоянное население Катангского района оказалось мудрее и образовало смешанные по этническому составу «поселенческие родовые общины», которые получили статус «юридических лиц» и реальные права на долговременное (**на условиях аренды)** промысловое освоение своих «родовых» угодий.

На фоне «всенародных» дискуссий о борьбе за права коренных малочисленных народов на «исконную среду обитания и хозяйствования» возникает другой, на наш взгляд справедливый вопрос – что делать с остальным, так называемым, «некоренным» населением Катангского района Иркутской области? Выше изложенное, на наш взгляд, убедительно доказывает, что эта категория населения без малого столетие, а некоторые этнографические группы с середины XVII в., ведут аналогичное эвенкийскому «присваивающее» хозяйство, «кормятся» практически исключительно дарами обустроенных несколькими поколениями «родовых»

угодий? Кстати, почему они не «коренные»? Только ли потому, что не «малочисленные» и, якобы, имеют в настоящих условиях некие альтернативные источники жизнеобеспечения? Кто, наконец, спросил их о том, желают ли они разорвать десятилетиями и веками складывавшиеся ментальные и экономические связи с «таежным домом»? И пусть нас простят уважаемые оппоненты, но имеется определенное ощущение того, что борьба за «территории традиционного природопользования» преследует некие общегуманистические цели, например, сохранение «первозданной природы», а коренные малочисленные народы – лишь удобный прецедент для создания «оазисов» в море промышленно загаженного пространства Сибири и Дальнего Востока.

Вопросов не счесть. В том числе – стоит ли по сложившейся «традиции» продолжать употреблять явно неадекватные этнографическим и экономическим реалиям русского, эвенкийского и якутского населения Катанги такие понятия как «коренные» и «некоренные»? На наш взгляд, не идеальными, но все-таки менее резкими по отношению к сельскому русскому старожилому населению Сибири и Дальнего Востока, представляются понятия «первоначальное» или «укорененное переселенческое» население [Сибирь. Пути.., 2006, с. 11]. По нашим данным, закрепленное законодательством разделение прав «коренного малочисленного», «некоренного» и «не малочисленного коренного» населения Сибири и Дальнего Востока на экофильное использование биоресурсов вызывает у остального населения района – русских старожилов и живущих постоянно с середины XVIII в. якутов – явно негативное, в какой-то мере «этнофобное», отношение к «коренным эвенкам».

Наконец, признавая справедливость утверждения, что «традиционно» обживаемое несколькими поколениями «жизненное пространство» и «традиционное природопользование» являются **составной частью** той более широкой среды, которая питает межпоколенную репродукцию этничности, мы в то же время задаем себе вопрос – можно ли считать эвенками этнографические группы ученых, писателей, прочих представителей «национальной интеллигенции и элиты», которые живут за пределами «исконных земель предков»? Не возникнет ли такая ситуация, когда арендованная «родовой общиной» территория, по существующему законодательству РФ и в силу «рыночных условий», перейдет в руки более предприимчивого, «денежного» собственника? Не опустеет ли всё пространство Севера от Урала до Тихого Океана?

В этой связи, представляется, тысячу раз правы авторы монографического труда «Сибирь. Пути устойчивого развития», заявляющие, что *«формирование полноценного постоянного населения Сибири»* на данном этапе экономического и социального развития России *«становится **первоочередной*** (выделено М.Т.) *задачей»* Российского государства [2006, с. 11]. С потерей **постоянного населения** сможет ли государство силами **вахтовиков**, прецедентом обустроенных месторождений сырья удержать в своих владениях те уже известные и потенциальные «богатства Сибири», которыми, по выражению Михайлы Ломоносова «российское могущество будет прирастать»?

О том, что, начиная с середины 1990-х гг. население северных окраин Сибири и Дальнего Востока постепенно и неуклонно сокращается, хорошо известно из материалов наших этнографических наблюдений в Катангском районе Иркутской области. Массовое переселение за пределы района охватило не только ту часть населения, которая появилась здесь в 1970–1980-х гг. в связи с началом геологического изучения и подготовки к промышленной эксплуатации перспективных месторождений сырья. С начала 1990 г. район покидает, переселяясь в города южных районов Иркутской области (Иркутск, Братск, Усть-Илимск, Ангарск), значительная часть получивших среднее образование юношей и девушек из семей русских старожилов. В известной степени, кроме сопутствующего ликвидации действующих в районе стационарных геологических и геодезических партий ухудшения бытовых условий жизни, миграции этой категории населения были инициированы известными постановлениями о льготном предоставлении «северянам» жилья на благоприятном для человека «юге» Сибири.

Размеры миграции за период 1990-х гг. потрясают. Так, по данным переписи 1989 г. в районе числилось в общей сложности, включая постоянно живущий в нем персонал геологических партий, около 10,5 тыс. человек. По данным переписи 2002 г. население района

(включая все этнографические и прочие группы) составило около 4,5 тыс. человек, при этом основная масса оставшегося на постоянное жительство населения (более 2,6 тыс.) сегодня сосредоточена в районном центре – с. Ербогочен (полевые материалы автора за 2001, 2005, 2009 гг.). Большая часть «первоначального» (эвенкийско-якутского) населения обживает северную, пока еще не тронутую «промышленной цивилизацией» и более–менее пригодную для ведения «традиционного» хозяйства часть района. Южная часть района является зоной расселения и хозяйствования преимущественно русского населения. При этом число **постоянных** жителей, с середины XVII – начала XVIII вв. осваивающих расположенные в бассейнах указанных рек и по верхнему течению р. Чона участки земель, за истекшее десятилетие сократилось в 1,5-2 раза. По нашим наблюдениям, сегодня «укорененное русскоязычное» население района численно меньше **временного**, представленного рабочими вахтовых поселков нефтяников, а также 4 или 5 лесозаготовительных компаний.

Как и в большинстве малонаселенных северных районов Сибири и Дальнего Востока, деятельность действующих в Катанге «добывающих» промышленных компаний (за исключением Иркутской НК) контролируется лишь в режиме периодических проверок за соблюдением правил экологической безопасности. Интересы нефтяников, алмазников и лесозаготовителей всё более распространяются далее на север и охватывают обширные пространства еще пригодных для «традиционного природопользования» муниципальных земель. Действующие в районе компании, как правило, не имеют возможности полностью удовлетворить все запросы местного населения о трудоустройстве (в особенности исходящие от местных эвенков и якутов) и предоставляют вакансии на сезонные неквалифицированные работы. Не имея возможности готовить на местах кадры специалистов, компании вынуждены отдавать квалифицированные рабочие места привлекаемым, в лучшем случае, из южных районов области «вахтовикам-профессионалам». По нашим данным ежегодно, на условиях сезонных и вахтовых работ в нефтяных и лесозаготовительных компаниях района из состава постоянного населения задействуются не более 150-200 человек.

В целом, всё развивается по тем сценариям, которые изложены в указанных нами трудах А.А. Тишкова и других авторов. Отмеченная ориентация оставшейся части русских старожилов Катангского района на выезд в соседние южные районы Иркутской области, очевидно, создаст тот самый поселенческий «вакуум» – обширное пространство не заселенных постоянным населением территорий, который «в условиях жесткой геополитической конкуренции» развитых государств будет, безусловно, заполнен [Сибирь. Пути.., 2006, с. 89, 90]. Принципиально важным представляется и следующее замечание: «Несмотря на абсолютную очевидность» того, что ценностные и профессиональные ориентиры современного населения Сибири и Дальнего Востока соответствуют новым взглядам на «качество жизни», пишущие о современных проблемах КМНС старательно обходят эти обстоятельства стороной [Там же, с. 116].

Большинству этнологов хорошо известно, что северо-американские индейцы и эскимосы едва ли не на протяжении 200 лет не удовлетворены своим положением замкнутых в резерватах «indigenous» и активно отстаивают свои права на приобщение к цивилизации «переселенческих» групп европейского по этническому происхождению населения США и Канады. Наши наблюдения и опросы коренного и русскоязычного населения старожилов Катангского района убеждают в том, что основная масса молодого поколения (до 30-40 лет) активно ищет выход из узкой, в новых условиях абсолютно не обеспечивающей «устойчивое развитие», сферы «традиционно добывающего» хозяйства. Более того, возникает и постепенно укрепляется убеждение в том, что именно молодое поколение, со свойственным ему энтузиазмом и, нередко, без оглядки, в противовес «старикам–традиционалистам» активно ищет способы соединения экофильного природопользования с новыми, нетрадиционными видами производственной деятельности.

Но то, что приобщение к «цивилизации», новым сферам трудовой деятельности не противоречит сохранению этнокультурных традиций (в том числе элементов традиционного хозяйства и быта) и воспроизводству этнической идентичности указывают примеры не только из современной истории норвежских и финских саамов. И.И. Крупнику [1989] на примере

азиатских эскимосов удалось отчетливо показать, что «экологическое сознание» и «экофильное природопользование» – вещи ситуативные, а межпоколенная ретрансляция **базовых** элементов этнической культуры и формирование этнического самосознания не всегда связаны с сохранением традиционного быта и хозяйства.

Есть все основания предполагать, что реализация законопроектов о «Территориях традиционного природопользования» и «О гарантиях прав коренных малочисленных народов…» в сложившейся ситуации не более, чем **тактическая цель** даже для самих КМНС. По нашему мнению, для большинства коренного и приравненного к нему по типу хозяйства и укладу жизни русского старожилого населения Катанги реализация этих законов позволяет не более, чем сохранить **оставшиеся доступными источники жизнеобеспечения**, которые лишь отчасти соответствуют реальным представлениям этих социумов о достойных XXI столетия цивилизованных условиях жизни.

Не претендуя на исчерпывающее понимание того, чем завершится обсуждение и решение наиболее острых проблем КМНС, всё же попробуем наметить возможные варианты развития ситуации в отдельно взятом Катангском районе Иркутской области.

Первый вариант.

Стартовой платформой для его реализации, очевидно, может явиться политическая воля государства, **настойчиво добивающегося** достижения целей, поставленных Законами РФ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов…», «О территориях традиционного природопользования…» и последним Постановлением Правительства (подписано В.В. Путиным за № 132-р 04.02.2009 г.) об «Устойчивом развитии коренных малочисленных народов…». Определенный оптимизм и надежды связаны, на наш взгляд, с тем, что, в отличие от прежних Постановлений «советской эпохи», Постановление недвусмысленно признает, что «традиционное природопользование», точнее – «присваивающие» формы хозяйства КМНС ресурсов в условиях «рынка» не конкурентно способны. Предлагается ряд новых, «нетрадиционных» видов производственной деятельности, которые (надо полагать, при поддержке власти и бизнеса) будут способствовать «устойчивому развитию» КМНС.

В «идеале», оформившиеся в инициативном порядке, получившие на муниципальном и региональном уровне статус юридических лиц «родовые общины» получат весь перечень прав на «исконные земли», которые будут законодательно закреплены в статусе **особо охраняемых** этноприродных заповедников – «территорий традиционного природопользования». Эти права будут распространены не только на эвенкийское население района, но и на ведущие аналогичное охотничье-рыболовческое опромышление «исконных земель» этнографические группы русских старожилов и якутов.

Можно **надеяться**, что объединенные в рамках Ассоциации КМНС Иркутской области смешанные «родовые общины» района будут активно использовать свой образовательный ресурс в сферах «нетрадиционной» экономики (экологический туризм, охрана и обустройство объектов природы и пр.). Основная масса постоянного населения района (в первую очередь молодежь) будет постепенно переходить именно в эту «нетрадиционную» сферу экономической деятельности, оставляя за собой право на опромышление «родовых угодий», главным образом, в целях обеспечения своих потребностей в мясе диких копытных и рыбе.

«Традиционное природопользование» в виде круглогодичного хозяйственного освоения всех типов «родовых угодий» останется уделом существующих кочевых «домохозяйств», а также тех молодых семей эвенков и якутов, которые при определенных условиях (прежде всего – улучшения бытовых условий таежной жизни, развития транспортных коммуникаций между угодьями и ближайшим поселением) обнаружат желание вернуться к жизнедеятельности в «таёжном доме».

В этих условиях, очевидно, будут постепенно уходить в прошлое все известные экономические и социальные проблемы постоянного населения района, а юридически оформленные «территории традиционного природопользования» станут той «питательной средой», в которой будут «устойчиво воспроизводиться» этническое самосознание, этнокультурная самобытность и этническая идентичность.

И всё же, есть опасения, что ситуация будет развиваться по известному сценарию – «хотели как лучше, а получилось как всегда». Опасения основаны, прежде всего, на том, что принятые несколькими годами ранее законы РФ «О недрах…» и «Лесном фонде…» фактически закрепляют за коренным населением Севера не более, чем права «приоритетных **арендаторов**». В законодательстве о природных ресурсах имеется, на наш взгляд, широкая «лазейка», используя которую, любой претендент, будь то бизнес или «государство» в лице чиновника высокого ранга, под прикрытием «государственных интересов» будет постепенно, по «кусочку» прихватывать «исконные родовые земли» коренных малочисленных народов.

Кроме того, нет особой уверенности в том, что товарный пушной промысел, зверовая охота и оленеводство смогут **самостоятельно** выйти на режим самоокупаемости. Рентабельность пушного промысла, как известно, жестко привязана к конъюнктуре мирового рынка и колебаниям цен на пушнину. Последние десятилетия прошлого столетия показывают, что запросы на изделия из пушно-мехового сырья неуклонно сокращаются до узкого круга «денежных людей». Среди рядового обывателя России, ближнего и дальнего зарубежья всё более популярными и активно раскупаемыми становятся изделия из искусственного меха. При этом часть реализуемого через зарубежные и российские аукционы пушно-мехового сырья производится на зверофермах. Всё вместе, очевидно, является одной из причин падения закупочных цен на поставляемую охотниками продукцию и снижение их среднегодовых доходов (кстати, отчасти этим объясняется прекращение производственной деятельности сибирских Коопзверопомхозов и Промысловых государственных хозяйств).

Столь же сомнительными представляются попытки не только сохранить, но и вывести на уровень хотя бы минимальной окупаемости общинный зверовой промысел. Так, например, попытки руководства Иркутской нефтяной компании по организации договорных поставок родовой общиной пос. Токма (юг Катангского района) мяса копытных и рыбы для столовой вахтового поселка, фактически, не имели успеха. Причина, по словам заведующего этой столовой, **частного предпринимателя**, расходы по закупке у общины продукции и ее транспортировке будут столь значительны, что дешевле закупить и доставить из Иркутска свиную вырезку, произведенную в Аргентине или Германии.

Столь же неутешительны прогнозы в отношении «возрождения» и, тем более, «развития» до состояния товарной рентабельности некогда традиционной для Катангского района оленеводческой отрасли хозяйства местных эвенков и северных якутов-оленеводов. Так, в 1980-х гг. по инициативе руководства базировавшейся в районе геодезической экспедицией было организовано оленеводческое хозяйство, которое должно было обеспечивать экспедицию мясной продукцией и, быть может, рассматривалось местной властью как попытка возрождения крупностадного оленеводства. С этими целями в район было завезено около 2,5 тыс. оленей. Буквально в течение 2-3 лет олени исчезли. Бóльшая часть оленей, обслуживаемых пастухами в режиме круглогодичного изгородного содержания, погибла от болезней, какая-то часть ушла с «дикими оленями», часть затравлена волками (не исключено, забита самими пастухами на мясо для своих нужд). Оставшихся оленей, по 5-10 голов, раздали тем эвенкийским домохозяйствам, которые либо продолжали вести круглогодичное кочевое хозяйство, либо еще **не потеряли навыки** ухода за оленями и использовании их в сезонном охотничьем промысле. По мнению нашего информатора эвенка Удигира, работавшего до выхода на пенсию штатным оленеводом местного колхоза, основной причиной неудачи в попытке возрождения оленеводства в этом поселении явилось **отсутствие навыков** у молодых эвенков и, еще более, их **явное нежелание** заниматься этим видом деятельности в режиме, практически, круглогодичного отрыва от семей и тех минимальных бытовых удобств, которые присутствуют в поселении.

Можно полагать, что оленеводство и зверовая охота **в товарном виде** не могут успешно и стабильно функционировать и, тем более, развиваться, вносить весомый вклад в муниципальный бюджет района не иначе, как в условиях **развитого рынка сбыта** произведенной продукции. Очевидно, этот же фактор является определяющим в отношении формирования **постоянного** и, не менее важно, **высоко оплачиваемого** штата занятых в этой отрасли сотрудников. **Более благоустроенный** (по сравнению с «традиционным») кочевой быт олене-

водов, наличие в районе производств **первичной подготовки и переработки** заготовленного сырья являются, на наш взгляд, непременными условиями «возрождения» традиционных отраслей хозяйства, вовлечения в эту сферу деятельности молодежи. Лишь при таком подходе к программам «возрождения» КМНС дадут ожидаемый эффект меры по введению в образовательные стандарты школ района таких дисциплин, как «оленеводство» и «охотоведение». **Лишь при этих условиях** и при соответствующем **участии** государства и бизнеса можно рассчитывать на то, что указанные виды «традиционного природопользования» не останутся «на бумаге» и станут основой для сохранения и развития «этнокультурной самобытности и этнической идентичности» коренного и русского промыслового населения района.

Второй вариант.

По примеру Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского национальных округов, администрация Иркутской области, руководствуясь собственной законодательной инициативой, выстраивает терпимые отношения между двумя субъектами природопользования: «родовыми общинами» эвенков и смешанными по этническому составу поселенческими общинами населения Катанги, с одной стороны, промышленными предприятиями – разработчиками природных сырьевых ресурсов, с другой.

Эти отношения предусматривают добровольно-принудительный порядок отчислений в муниципальный бюджет определенной, достаточной для сохранения и развития «культурных традиций» КМНС и «русскоязычных старожилов» доли доходов от добычи, переработки и продажи минеральных и лесных ресурсов. **Традиционное** кочевое охотничье-оленеводческое и промысловое хозяйство **в его современном состоянии** продолжит функционировать в узком круге оставшихся кочевых и полукочевых эвенкийско-якутских хозяйств, использующих вахтовый метод содержания поголовья оленей и освоения охотничьих «родовых угодий».

Остальная часть населения района частью мигрирует в промышленные центры области, частью трудоустроится в сфере нетрадиционной экономики (станет штатными работниками промышленных компаний и организаций, пополнит штат работников сферы бытового обслуживания, здравоохранения и образования), сохраняя за собой право на сезонные «любительские» охотничьи и рыболовные промыслы потребительского назначения.

Опять же по принципу «добровольно-принудительного соглашения» с областной и районной администрацией промышленные компании периодически снабжают оседлое и кочевое население всем перечнем «товаров первой необходимости» (средства транспорта и ГСМ, продукты питания и пр.). «Национально-культурное возрождение» окончательно уходит из сферы материальной в сферу духовной (ментальной) культуры (народные промыслы и ремесла, декоративно-прикладное искусство, национальные праздники, ритуально-фольклорные действа и пр.). В соответствии с государственными образовательными стандартами будет решаться проблема «возрождения национального языка», в учебные программы средних образовательных учреждений войдут «этнонациональные компоненты» (основы охотоведения, оленеводство, ондатроведение и прочие уже существующие элементы). В целом – в усеченном виде будет решена проблема «сохранения этнокультурного своеобразия и этнической идентичности» КМНС и приравненного к нему по международным стандартам иноязычного населения.

Третий вариант.

В соответствии с многочисленными рекомендациями добровольных «защитников прав КМНС» в Катангском районе создается «**Эвенкийский национально-природный парк** (заказник, заповедник)». Гарантии на «традиционное природопользование» (товарно-потребительское освоение таежных биоресурсов), а также на «возрождение и дальнейшее развитие этнокультурного наследия предков» получает исключительно эвенкийское население района. Русское старожилое и якутское население, на которое не распространятся действующие (в российской редакции) законодательные акты о «Территориях традиционного природопользования…» будет вынуждено либо записываться в «эвенки», либо искать источники трудовой занятости и денежного обеспечения в существующей, неуклонно сужаю-

щееся сфере, либо выезжать за пределы района (якуты – в Саха-Якутию, русские – в города и поселения юга Иркутской области).

Набирающие силу и постепенно расширяющие территориальные рамки своей деятельности Промышленные компании определят все сферы экономики и управления района, сохраняя в более или менее экологически чистом состоянии редкие локальные пятна обитания и хозяйственной деятельности КМНС. Тем более, что уже сегодня зона «традиционного природопользования» эвенкийских и смешанных по составу общин охватывает узкую (от 40 до 80 км) полосу левобережья долины Нижней Тунгуски и часть бассейна р. Непы, а «общинно-родовые» угодья пятнами разбросаны по оставшимся **пригодным** для промыслового использования участкам катангской тайги и тундролесья. Сегодня, в непосредственном соприкосновении (в 10 км от стационарного зимнего стойбища) с оставшимися урезанными участками «родовых охотниье-оленеводческих угодий» кочевых семей эвенков (всего 5 человек) ведутся буровые разведочные работы. По уже разработанным планам промышленного освоения природных ресурсов и в перспективе большая из 139 млн. кв. км часть территории района будет выведена из режима «традиционного природопользования».

На начало 2010 г., по данным председателя Ассоциации КМНС Иркутской области, кореной жительницы Катанги, эвенки Н.Г. Вейсаловой, численность эвенков в сравнении с данными переписи 2000 г. сократилась почти вдвое и составила всего **547** человек, включая грудных детей. Существует ли гарантия того, что, руководствуясь все теми же «государственными интересами», чиновники не сочтут **экономически целесообразным** переселить оставшуюся часть эвенков в «резервации», посадить их на иждивение к лесозаготовителям и нефтянникам и тем самым отчитаться об «успешно» проделанной работе по исполнению Постановления Правительства РФ от февраля 2009 г.? Только вряд ли это и есть искомое «устойчивое» социально-экономическое и этнокультурное развитие КМНС.

В заключение ещё раз отметим, что формирование территорий традиционного природопользования хоть и признается нами **необходимым**, но не представляется единственной самоцелью организации «охраняемых законом заповедников традиционности» КМНС и русского промыслового населения. По этой причине первый из отмеченных нами вариантов дальнейшего развития ситуации в этом направлении, безусловно, наиболее предпочтителен. И, прежде всего потому, что «особо охраняемые территории традиционного природопользования» (они же «национальные заповедники»), как это не покажется странным, наиболее соответствуют **биологической природе человека**, реальному **миропониманию свого места в природной среде** и надеждам на дальнейшую цивилизованную жизнь на «землях предков» всего населения Катанги.

Литература

Александров В.А. Черты семейного быта у русского населения Енисейского края XVII – начала XVIII в. // Сибирский этнографический сборник. – М.: Наука, 1961. – Т. III. – С. 3-26.

Алексеев В.П., Бромлей Ю.В. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей // СЭ. – 1968. – № 2. – С. 35-45.

Бахрушин С.В. Ясак в Сибири в XVII в. // Избранные работы по истории Сибири XVI-XVII вв. – М.: Наука, 1955. – Т. III. – С. 13-48.

Василевич Г.М. Эвенки Катангского района // Труды Института этнографии. Нов. серия. – М.: Наука, 1962. – Т. 78. – С. 63-67.

Долгих Б.О. Карта расселения соседских территориальных группировок народов Севера на 1926-1927 гг. // Общественный строй у народов северной Сибири. XVII – начало XX в. – М.: Наука, 1970.

Иванов А.А., Калихман А.Д., Калихман Т.П. Б.Э. Петри в истории Саянского перекрестка. – Иркутск: Оттиск, 2008. – 259 с.

Крупник И.И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. – М.: Наука, 1989. – 267 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири.– Иркутск, 1937. – Т. I; Иркутск, 1941. – Т. II.

Правительство Российской федерации. Распоряжение от 4 февраля 2009 г. № 132-р. Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока [Электронный ресурс] // www.government.ru/gov/results (дата обращения: 04.03.2010).

Рагулина М.В. Культурная география: теории, методы, региональный синтез. – Иркутск: Изд. Ин-та Географии СО РАН, 2004. – 168 с.

Сибирь. Пути устойчивого развития. (Социогуманитарный аспект). – Новосибирск: Наука, 2006. – 416 с.

Территории традиционного природопользования Восточной Сибири. Географические аспекты обоснования и анализа. – Новосибирск: Наука, 2005. – 206 с.

Тишков А.А. Судьба российского законодательства по защите прав коренных малочисленных народов Севера: комментарий у разбитого корыта // BioDat (электронный журнал), 2004 (www.biodat.ru/doc/lib/tishkov1.htm).

Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. – М.: Наука, 1985.

Туров М.Г. Современные проблемы социально-экономического развития малочисленных народностей Севера // Направления развития экономики Верхне-Ленского ТПК: Мат-лы совещ. – Иркутск, 1990. – С. 68-78.

Туров М.Г. Основные проблемы сохранения этнической идентичности и культурной автономии коренных народов РФ // Этнос и культура в условиях общественных трансформаций. – Владивосток: Дальнаука, 2004. – С. 86-92.

Туров М.Г. «Коренное» население Катанги (записки из полевого дневника 2005 г.) // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и развития. – Иркутск: Радиан, 2005. – С. 148-165.

Туров М.Г., Иноуэ К. Эвенки Средней Сибири: выживание в ретроспективе этнической истории (на русск.) // Взгляды на Сибирь / Ethnological Stude of Herders in Siberia. – Nagoya: Nagoya City University. College of General Education, 1996. – P. 12-97.

Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. – Иркутск, 2001. – Т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII – начала XVIII века.

Широкогоров С.М. Этнос. Исследования основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. – Шанхай, 1923.

Этническое развитие народностей Севера в советский период. – М.: Наука, 1987.

Turov M.G., Inoue K. The Ewenki of Middle Siberia. Retrospect of an Ethnic History // Slavic Research Center / Survival Viewed in the Hokkaido University. – Sapporo, 1997. – P. 165-173.

М.В. Шуньков

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ НА АЛТАЕ

Материалы палеолитических стоянок Российского Алтая демонстрируют наиболее подробную картину становления культурных традиций первобытного населения Северной Азии. Самыми содержательными в этом отношении являются палеолитические стоянки, расположенные в северо-западной части Алтая, в пределах долины р. Ануй – Карама, Денисова пещера, Усть-Каракол, Ануй-2 и др. На этих стоянках получен значительный объем археологических, литолого-стратиграфических и палеонтологических данных, позволяющих решать вопросы хронологии и динамики культурно-исторических процессов, моделировать природное окружение первобытного населения [Деревянко, Шуньков, Агаджанян и др., 2003; Derevianko, Shunkov, 2009].

К наиболее древнему этапу проникновения палеолитического человека на эту территорию относятся архаичные артефакты, обнаруженные в отложениях нижнего неоплейстоцена на стоянке Карама. В толще пролювиально-аллювиальных осадков, вскрытых на участке поло-

гого склона долины Ануя с отметками 50–60 м над урезом реки, зафиксирована культурная последовательность из четырех горизонтов обитания раннепалеолитического человека с выразительной галечной индустрией.

Верхний уровень находок связан с толщей красноцветных осадков, представленных грубоокатанным валунно-глыбовым материалом с плохо сортированным суглинисто-песчаным заполнителем, обильно насыщенным гравием и дресвой. Среди крупнообломочного материала преобладают крупнозернистые гранитоиды и эффузивы с включениями глыб светло-серого гранита. Часть из них подверглась интенсивному выветриванию, а некоторые глыбы разложились до дресвы. Особенности гранулометрического состава указывают на пролювиальный генезис отложений, хотя в подошве толщи отмечены включения сильновыветрелого мелкогалечного и гравийного материала, прошедшего стадию аллювиального транзита.

На территории Северо-Западного Алтая наиболее полная характеристика красноцветных отложений получена для разреза Черный Ануй, расположенного по правому борту долины Ануя в 20 км выше Карамы, на отметке 60 м над современным урезом реки [Деревянко, Лаухин, Малаева и др., 1992]. В этом разрезе вскрыта толща переслаивающихся сургучно-красных глинистых и пестроцветных щебнистых отложений с глинистым заполнителем табачного цвета. Из глинистых отложений табачного цвета получены раковины моллюсков, родовой состав которых характерен для эоплейстоценовых и ранненеоплейстоценовых отложений юга Сибири [Деревянко, Попова, Малаева и др., 1992]. В спорово-пыльцевых спектрах основной части разреза преобладает пыльца древесных и кустарниковых растений, в основном березы, а в красноцветных глинах – сосны обыкновенной и темнохвойных пород. В нижней части разреза отмечена пыльца экзотических для современной флоры Алтая растений: вяза *Ulmus laevis*, граба *Carpinus betulus*, липы *Tilia sibirica*, клена *Acer*, дуба *Quercus*, маньчжурского ореха *Juglans manshurica*, лещины *Corylus avellana*. Для глин табачного цвета, вмещающих раковины моллюсков, получена РТЛ-дата – 643±130 тыс. л.н. (РТЛ-510). Возраст вышележащих красноцветных отложений определен в 542±110 тыс. лет (РТЛ-509). Результаты РТЛ-датирования хорошо согласуются с палеонтологической характеристикой разреза и указывают на нижненеоплейстоценовый возраст этих отложений.

Судя по геолого-геоморфологической позиции в строении долины Ануя, время формирования красноцветов разреза Черный Ануй должно совпадать с эпохой накопления красноцветной толщи Карамы, следовательно, возрастной минимум существования здесь раннепалеолитической стоянки можно определить верхним рубежом нижнего неоплейстоцена.

Нижняя часть разреза, вмещающая три уровня раннепалеолитических находок, представлена толщей переслаивающихся субаквальных супесчаных и глинистых осадков с линзами и прослоями выветрелого галечного и гравийного материала и с хорошо выраженным педокомплексом из двух горизонтов почв типа слитоземов. Почвы подобного типа формируются в условиях теплого климата со среднегодовой температурой 8–12°С [Классификация.., 1997]. Для неоплейстоценовых отложений Сибири ископаемые почвы семейства слитоземов не характерны, что косвенно подтверждает относительную древность этого педокомплекса.

По результатам палинологического исследования установлено, что пыльцевые спектры из красноцветов и нижней части разреза Карамы содержат значительное число экзотических элементов дендрофлоры [Болиховская, Шуньков, 2005]. В их числе неморальные европейские и дальневосточные таксоны – граб сердцелистный *Carpinus cordata*, грабинник *C. orientalis*, хмелеграб *Ostrya sp.*, дуб черешчатый *Quercus robur*, липа сердцелистная *Tilia cordata*, липа амурская *T. amurensis* и липа маньчжурская *T. mandshurica*, вяз мелколистный *Ulmus pumila* и шелковица *Morus sp*. Наличие пыльцы этих растений и эколого-ценотические особенности обнаруженных экзотических таксонов позволяют определить возраст вмещающих отложений не моложе раннего неоплейстоцена.

Результаты климатостратиграфического расчленения разреза и полученные палеоклиматические реконструкции свидетельствуют о формировании этих отложений во время четырех палеогеографических этапов раннего неоплейстоцена, отвечающих сменам двух теплых и двух холодных эпох межледникового и ледникового рангов. В совокупности материалы палинологического анализа и другие аналитические данные позволяют предположить, что

накопление этих отложений соответствует стадиям 16–19 изотопно-кислородной шкалы [Bolikhovskaya, Derevianko, Shunkov, 2006], т.е. определить их возраст в диапазоне 600–800 тыс. лет.

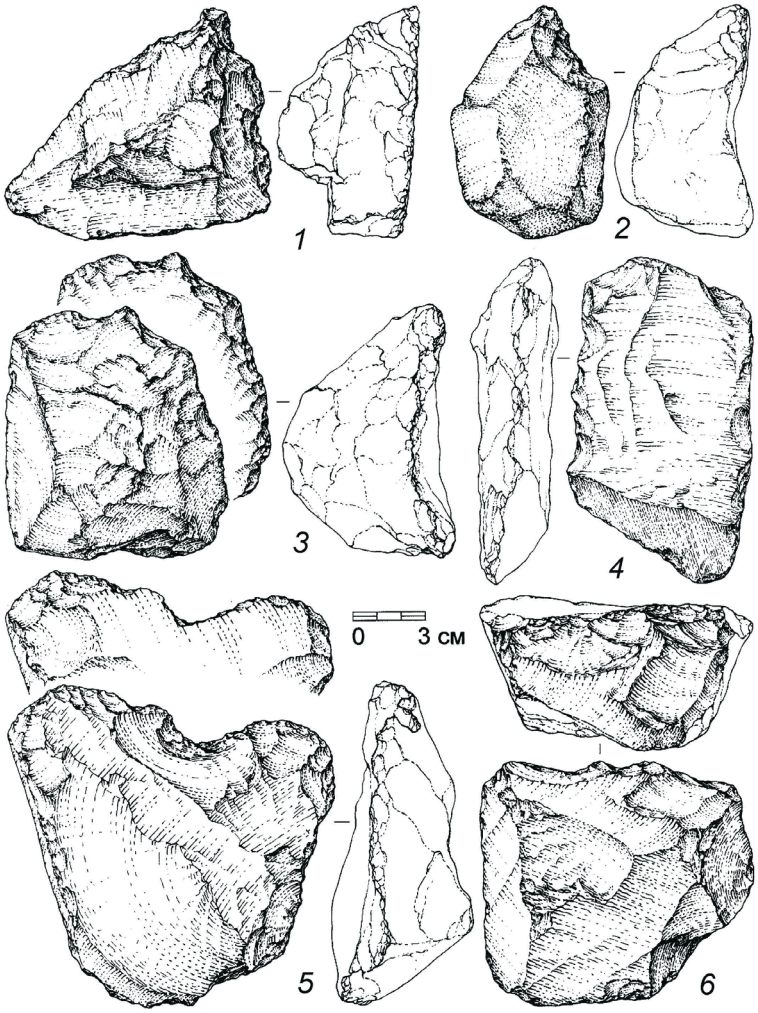


Рис. 1. Каменный инвентарь эпохи раннего палеолита. Стоянка Карама: *1–3* – орудия с шиповидным выступом в виде носика; *4* – скребло; *5* – чоппер; *6* – нуклевидный скребок

Археологические материалы Карамы представлены раннепалеолитическими индустриями галечного типа. В техническом отношении для них характерны приемы бессистемного и параллельного скалывания заготовок. Среди продуктов первичного расщепления представлены нуклевидно обколотые гальки с гладкими или грубо подправленными ударными площадками, а также сколы с субпараллельно ограненным дорсалом и подготовленной площадкой. Самой представительной категорией инвентаря являются скребла (рис. 1, *4*), выполненные в продольном, диагональном и поперечном вариантах. К другой ведущей группе орудий относятся чопперы (рис. 1, *5*) с прямым, выпуклым или вогнутым контуром рабочего края. Следующую по значению группу образуют зубчатые, выемчатые и клювовидные орудия, оформленные, главным образом, клектонскими анкошами. Остальную часть инвентаря составляют галечные орудия с выделенным шиповидным выступом в виде носика (рис. 1, *1–3*), массивные острия с широкоугольным рабочим элементом, ножи на долечных сколах с обушком-гранью, нуклевидные скребки, сколы с локальной ретушью.

Особо следует отметить в составе караминских материалов галечные орудия высокой формы с очень крутой или отвесной оббивкой рабочего края (рис. 1, *6*). Эти орудия близки по морфологии нуклевидным скребкам, впервые выделенным М. Клейндинст [Kleindienst, 1961] в раннем палеолите Восточной Африки. Позднее сходные по форме орудия были выявлены в доашельских и ашельских комплексах Олдувая [Leakey, 1971], а также на верхнеашель-

ской стоянке Гуабуо в западной части континента [Любин, Геде, 2000]. За пределами Африки подобные орудия известны среди материалов древнейших индустрий Юго-Западной Азии [Амирханов, 1991], Ближнего Востока [Clark, 1967; Bar-Yosef, Goren-Inbar, 1993], Кавказа [Любин, 1998; Любин, Беляева, 2004]. Появление и использование в разных регионах этих орудий наряду с чопперами, чоппингами и другими галечными формами раннего палеолита, скорее всего, результат конвергенции. Видимо, в сходных природных обстановках первобытные люди, придерживаясь сходных адаптационных стратегий, изготавливали специализированные макроорудия, необходимые в условиях определенной экологической ниши.

Раннепалеолитическая галечная индустрия Карамы свидетельствует о заселении территории Алтая популяциями *Homo erectus*, пришедшими, скорее всего, с первой миграционной волной из Африки [Деревянко, 2005]. В настоящее время это наиболее древние культуросодержащие слои с надежным литологическим и биостратиграфическим обоснованием, выявленные на территории Северной Азии.

Следующий документированный период древнейшей истории Алтая представлен археологическими материалами из базальных отложений Денисовой пещеры (слои 21 и 22), а также из аллювиальных осадков, выполняющих основание разреза палеолитической стоянки Усть-Каракол (слой 19). Физическими методами датирования возраст этих отложений определен в пределах 133–282 тыс. лет, что соответствует второй половине среднего неоплейстоцена [Деревянко, Лаухин, Куликов и др., 1992; Деревянко, Гнибиденко, Шуньков, 1998].

В среднем неоплейстоцене на этой территории климатические флюктуации были обусловлены изменением, главным образом, температурного режима. При этом они носили однонаправленный и постепенный характер. Как установлено по результатам комплексного анализа палеогеографических материалов из Денисовой пещеры [Агаджанян, Шуньков, 2009], теплые периоды среднего неоплейстоцена (тобольский и ширтинский межгляциалы, которые соответствуют, видимо, изотопным стадиям 9 и 7) отличались умеренно влажными климатическими условиями. В это время в долине Ануя доминировала лесная растительность. В периоды похолоданий (самаровский и тазовский ледниковые циклы, которые отвечают изотопным стадиям 8 и 6) на фоне общего ухудшения природной обстановки заметно уменьшались лесные массивы и увеличивались площади нивальных, степных и луговых биотопов.

Из отложений среднего неоплейстоцена получены небольшие, но типологически устойчивые наборы каменных изделий, которые по морфологии и стратиграфической позиции соответствуют ранним этапам среднего палеолита. Для индустрий из нижних слоев Денисовой пещеры характерны признаки леваллуазского расщепления, преимущественное использование отщепов в качестве заготовок орудий, преобладание в орудийном наборе скребел и зубчато-выемчатых форм. В наиболее древней индустрии стоянки Усть-Каракол большинство сколов, в т. ч. со следами вторичной обработки, имеет параллельные грани на дорсале и специально подготовленную ударную площадку. В составе орудий присутствуют скребла с продольно и конвергентно расположенными лезвиями, шиповидные изделия и выемчатые формы с клектонскими и ретушированными анкошами.

Устойчивое заселение среднепалеолитическим человеком территории Алтая относится к первой половине верхнего неоплейстоцена. Этому периоду соответствует формирование пачки слоев 12–20 в Денисовой пещере, слоев 12–18 на стоянке Усть-Каракол, слоев 13–19 на стоянке Ануй-3, а также литологического слоя 9 многослойной стоянки Кара-Бом в центральной части Алтая.

Согласно данным палинологического и палеозоологического анализов [Деревянко, Шуньков, Агаджанян и др., 2003], для этого периода выделено несколько последовательных фаз в развитии палеоклимата. Первая – теплая, относительно сухая фаза соответствует эпохе казанцевского межледниковья (изотопная подстадия 5е). В это время в растительных сообществах заметно увеличились площади сосново-березовых лесов с примесью широколиственных видов и резко сократились участки нивальных биотопов. Для второй прохладной влажной фазы в начале ермаковского времени (изотопная подстадия 5с) реконструированы природные условия, в которых примерно в равной степени распространялись луговые, степные и лесные ассоциации. Последующие, холодная сухая и холодная влажная фазы получили развитие в

ермаковское время (изотопная стадия 4). В первую из них резко сократились лесные массивы и расширились площади степных биотопов. С холодной влажной фазой связана активизация темнохвойных лесов и луговых ассоциаций.

Практически все среднепалеолитические индустрии Алтая развивались в рамках единой культурной традиции, внутри которой выделено несколько технических вариантов.

Материалы Денисовой пещеры и местонахождения Тюмечин-1 относятся к индустриям денисовского варианта [Деревянко, Шуньков, 2002]. В индустриях этой группы первичная обработка камня велась, главным образом, в традициях параллельного и радиального раскалывания. Леваллуазский метод расщепления представлен в достаточно развитом виде, хотя существенного влияния на технологический процесс он не оказал. Подавляющее большинство орудий изготовлено на средних и укороченных сколах. В составе типологически выраженного инвентаря преобладают скребла (рис. 2, *12, 18*), в т. ч. диагональных (рис. 2, *15*) и угловатых (рис. 2, *13, 17*) форм, а также зубчатые, выемчатые (рис. 2, *11*) и клювовидные (рис. 2, *5, 6, 14*) орудия. В небольших количествах присутствуют мустьерские остроконечники (рис. 2, *9*), резцы (рис. 2, *1–3, 7*) и двусторонне обработанные орудия. Изделия леваллуа отличаются четкой морфологией (рис. 2, *4, 8, 10, 16*), однако их удельный вес относительно невелик.

Рис. 2. Каменный инвентарь эпохи среднего палеолита. Предвходовая площадка Денисовой пещеры: *1 – 3*, *7* – резцы; *4, 8* – остроконечники леваллуа; *5, 6, 14* – клювовидные орудия; *9* – мустьерский остроконечник; *10, 16* – пластины леваллуа; *11* –выемчатое орудие; *12, 13, 15, 17, 18* – скребла

Несколько иной технико-типологический характер имеют индустрии кара-бомовского варианта [Деревянко, Петрин, Рыбин, 2000]. К ним относятся материалы стоянок Кара-Бом, Усть-Каракол, Ануй-3, Усть-Канской пещеры и пещеры Страшная. Для первичной обработки камня в них использовалось, главным образом, леваллуазское расщепление (рис. 3, *6, 7*), в

основном техника пластинчатого скола. Типологический облик инвентаря определяли леваллуазские остроконечники (рис. 3, *4, 5, 8*) и удлиненные сколы леваллуа, которые сочетались с разнообразными зубчато-выемчатыми формами (рис. 3, *1*) и орудиями верхнепалеолитической группы (рис. 3, *2, 3*).

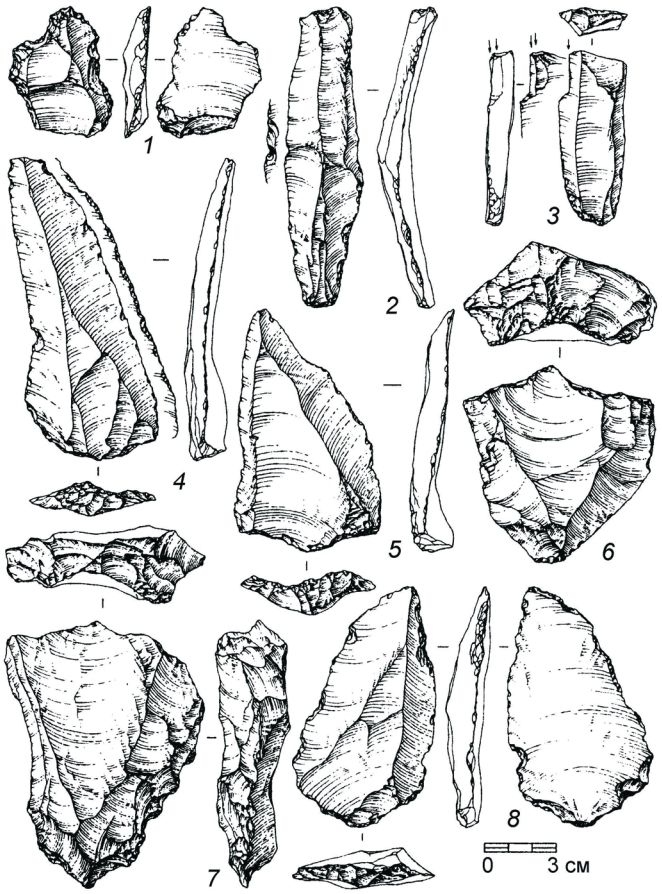


Рис. 3. Каменный инвентарь эпохи среднего палеолита. Стоянка Кара-Бом:
1 – выемчатое орудие; *2* – ретушированная пластина; *3* – резец; *4, 5, 8* – остроконечники леваллуа; *6, 7* – леваллуазские нуклеусы

В рамках кара-бомовского технического варианта важное место занимают среднепалеолитические индустрии многослойных стоянок Ануй-3 и Усть-Каракол, демонстрирующие хорошо развитую технику леваллуа (рис. 4, *1–3, 5–8*) и совершенство приемов бифасиальной обработки (рис. 4, *4*). Присутствие в составе инвентаря ярких образцов листовидных бифасов выделяет эти материалы в особый тип среднепалеолитической индустрии.

В отдельный, сибирячихинский вариант выделены среднепалеолитические материалы пещеры Окладникова и недавно открытой Чагырской пещеры [Деревянко, 2009]. Они отличаются от других алтайских индустрий хорошо выраженным мустьероидным обликом и большим количеством в составе инвентаря угловых скребел типа *dejete.*

Особый интерес представляет проблема антропологической принадлежности носителей среднепалеолитической культуры. На Алтае останки ископаемых гоминидов представлены одонтологическими материалами из двух пещер – Денисовой и Окладникова. Образцы зубов исследовались несколькими специалистами, в результате чего были получены разные интерпретации таксономической принадлежности этого материала.

Согласно первоначальному заключению, которое дал К. Тернер, зубы ископаемых гоминидов из алтайских пещер имеют ряд хорошо выраженных черт неандертальского одонтологического комплекса, тяготеющего к представителям европейских, а не азиатских групп *Homo neandertalensis* [Turner, 1988, 1990]. В.П. Алексеев, занимавшийся позже изучением этих находок, считал, что малочисленность и состояние образцов не позволяют однозначно определить их таксономическую принадлежность. По его мнению, морфологические осо-

бенности этих зубов допускают их связь с ископаемым человеком современного физического типа [Alekseev, 1998].

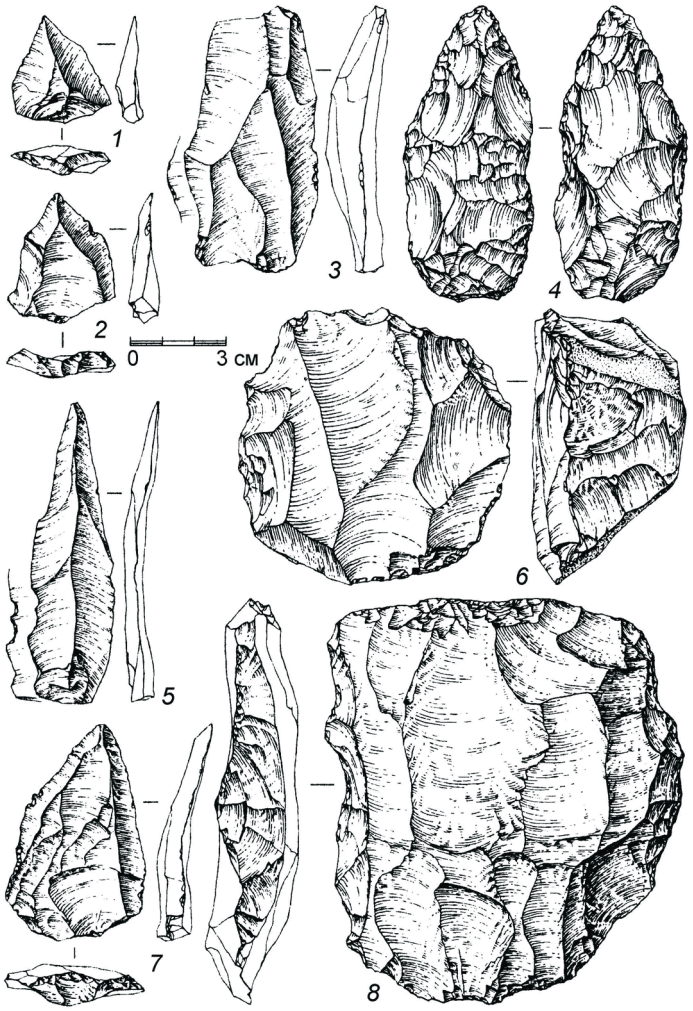


Рис. 4. Каменный инвентарь эпохи среднего палеолита. Стоянка Усть-Каракол: *1, 2, 5*, *7* – остроконечники леваллуа; *3* – пластина леваллуа; *4* – листовидный бифас; *6* – леваллуазский нуклеус; *8* – параллельный нуклеус

Последующий анализ одонтологических находок из алтайских пещер, проведенный Е.Г. Шпаковой, показал, что несмотря на отдельные архаичные черты, они могут принадлежать представителям ископаемого человека современного физического типа – ранним *Homo sapiens* [Шпакова, 2001]. Вместе с тем недавние палеогенетические исследования останков ископаемого человека из пещеры Окладникова свидетельствуют о их принадлежности неандертальцам [Krause et al., 2007].

Согласно хронологическим показателям и стратиграфической последовательности в разрезах алтайских многослойных памятников, в период от 50 до 40 тыс. лет начался переход к верхнему палеолиту. Начальная ступень верхнего палеолита на Алтае относится к каргинской эпохе верхнего неоплейстоцена, что соответствует стадии 3 изотопно-кислородной шкалы. Она включала две фазы – раннюю и позднюю – более гумидную и относительно сухую. Палеогеографические данные условий формирования слоя 11 в Денисовой пещере, толщи слоев 8–11 стоянки Усть-Каракол, слоев 11, 12 стоянки Ануй-3 и литологических слоев 4–6 стоянки Кара-Бом, включавших археологический материал ранней поры верхнего палеолита, свидетельствуют, что накопление этих отложений проходило в условиях общего смягчения климатической обстановки, сопровождавшегося значительным расширением общей площади лесных и луговых биотопов [Деревянко, Шуньков, Агаджанян и др., 2003].

Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае происходило по двум самостоятельным линиям развития – усть-каракольской и кара-бомовской – на основе последовательной трансформации технокомплекса среднего палеолита [Деревянко, Шуньков, 2004].

Усть-каракольский вариант развития объединяет индустрии Усть-Каракола, Денисовой пещеры, Ануя-3, Тюмечина-4 и, видимо, пещеры Страшная. В системе первичного расщепления в этих индустриях вместе с техникой параллельной редукции леваллуазских и простых площадочных нуклеусов начинают широко использоваться приемы серийного снятия удлиненных заготовок с призматических, конусовидных и торцовых нуклеусов, в т.ч. клиновидной формы. Прямым следствием прогрессивных технологических процессов явилось зарождение техники микропластинчатого расщепления, применявшейся как для получения собственно микропластин, так и для подготовки специальных форм верхнепалеолитических орудий. В типологических списках этих индустрий заметную роль продолжают играть скребла, в основном продольных вариантов, и зубчато-выемчатые орудия. В небольших количествах присутствуют изделия леваллуа. Самую выразительную часть орудийного набора образуют изделия верхнепалеолитических типов. Среди них наиболее показательны т.н. ориньякские формы: концевые скребки на пластинах (рис. 5, *6, 9, 11*); скребки высокой формы типа карене, оформленные микропластинчатыми снятиями (рис. 5, *8, 12*); срединные резцы, в т.ч. многофасеточные (рис. 5, *7*); крупные пластины с регулярной ретушью (рис. 5, *10, 14*), а также микропластины с притупленным краем (рис. 5, *1–3*). Характерным признаком этих индустрий служат бифасиальные орудия листовидной формы (рис. 5, *4, 13*). Дополняет коллекцию каменного инвентаря серия уникальных костяных орудий – миниатюрные иглы с просверленным ушком и острия-проколки из трубчатых костей крупных млекопитающих.

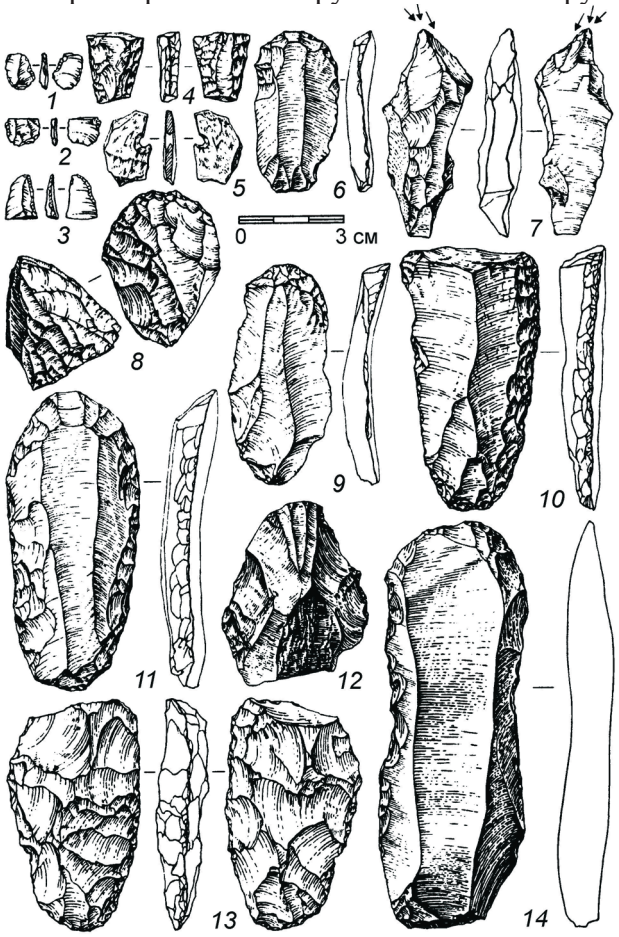


Рис. 5. Каменный инвентарь ранней стадии верхнего палеолита. Стоянка Усть-Каракол: *1 – 3* – микропластины с притупленным краем; *4*, *13* – листовидные бифасы; *5* – изделие из серпентина; *6*, *9, 11* – концевые скребки; *7* – резец; *8*, *12* – скребки высокой формы; *10*, *14* – ретушированные пластины

Другой важной особенностью этого круга индустрий являются индивидуальные украшения. Среди них подвески из зубов марала и лисицы, костяные пронизки с симметричными рядами глубоких кольцевых нарезок, бусины из бивня мамонта, кости и скорлупы яиц страуса, а также раковины пресноводных моллюсков с просверленным отверстием в основании.

Еще один примечательный компонент составляют бусины и подвески из мягкого поделочного камня (рис. 5, *5*), кольцо из белого мрамора и браслет из темно-зеленого хлоритолита. Трасологическое и технологическое изучение этих изделий показало, что при их изготовлении использовались приемы обработки камня, традиционно считавшиеся не характерными для эпохи палеолита [Деревянко, Шуньков, Волков, 2008]. Применялись шлифовка на абразивах, полировка кожей и шкурой, а также уникальные для палеолитического времени технологии – скоростное станковое сверление и расточка инструментом в виде рашпиля.

Кара-бомовский вариант развития ранней верхнепалеолитической традиции представлен индустриями стоянок Кара-Бом, Кара-Тенеш и, возможно, Малояломанской пещеры. Их технические особенности носят отчетливо выраженный пластинчатый характер. Большая часть нуклеусов имеет параллельную огранку и предназначена для получения удлиненных сколов (рис. 6, *9*), в том числе с помощью техники леваллуа. Вместе с тем отмечены новые технические приемы, характерные для скалывания микропластин, в т.ч. с торцовых разновидностей нуклеусов (рис. 6, *8*). Основным продуктом расщепления являются крупные пластины, на которых оформлено более половины орудий. В орудийном наборе заметное место принадлежит зубчато-выемчатым формам. Однако, ведущее положение в составе инвентаря занимают орудия верхнепалеолитической группы, оформленные, главным образом, на крупных пластинчатых заготовках – концевые скребки (рис. 6, *4*), срединные резцы (рис. 6, *1*), ножи с ретушированным обушком, удлиненные остроконечники (рис. 6, *2, 3, 5*), в т.ч. с вентральным уплощением основания (рис. 6, *6*), пластины с ретушью продольных краев (рис. 6, *7*). В этих индустриях отмечены также единичные образцы бифасиальных изделий и украшений из зубов животных, однако они встречаются эпизодически и не образуют устойчивых наборов изделий. В целом, облик этой индустриальной традиции определяется серийным производством крупных пластин и орудий на их основе.

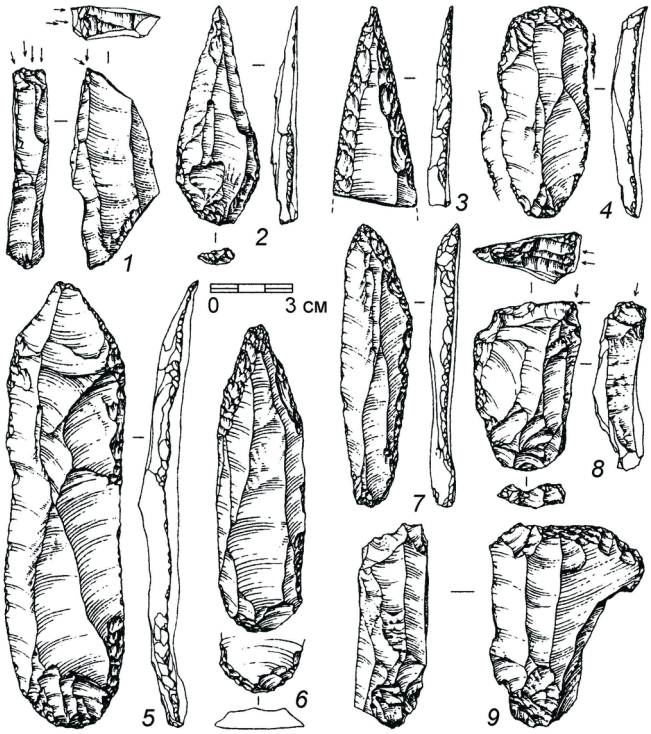


Рис. 6. Каменный инвентарь ранней стадии верхнего палеолита. Стоянка Кара-Бом:
1 – резец; *2, 3, 5* – остроконечники; *4* – концевой скребок; *6* – остроконечник с вентрально утонченным основанием; *7* – ретушированная пластина; *8, 9* – нуклеусы

Относительно ранняя хронологическая позиция алтайских комплексов начальной поры верхнего палеолита позволяет предположить, что выделенные на Алтае технологические тенденции во многом предопределили основные пути развития верхнепалеолитических традиций в Северной и Восточной Азии. Кара-бомовская традиция тесно связана с распространением на этой территории пластинчатых индустрий. Усть-каракольский технический вариант стимулировал развитие в верхнем палеолите этих регионов индустрий с торцовым микрорасщеплением и производством листовидных бифасов.

Характер следующего, среднего этапа верхнего палеолита на Алтае лучше всего отражают материалы культурных горизонтов 6–12 многослойной стоянки Ануй-2, чей абсолютный возраст определен серией радиоуглеродных дат в диапазоне от 23 до 27 тыс. лет. Основная часть нуклеусов этой индустрии выполнена в традициях параллельного расщепления, в т.ч. призматической и торцовой. Особую группу составляют небольшие нуклеусы торцовой, клиновидной и призматической формы, предназначенные для снятия микропластин. О развитой пластинчатой технике свидетельствует также относительно высокая доля удлиненных заготовок, среди которых широко представлены микропластины. В составе типологически выраженного инвентаря наибольшим разнообразием отличаются изделия верхнепалеолитической группы, в том числе концевые скребки и скребки высокой формы, срединные асимметричные и угловые резцы, ножи с ретушированным обушком и обушком-гранью, острия и долотовидные изделия. Не менее значимую группу составляют зубчатые и выемчатые изделия, образованные, в основном, ретушированными анкошами. Еще одну характерную черту индустрии представляют скребла разных форм – от простых продольных до двойных конвергентных типа лимасов. Наиболее выразительным компонентом инвентаря, определяющим специфику этого археологического этапа, является серия микроизделий – острия с притупленным краем граветтийского типа, миниатюрные скребки, проколки и микропластины с лезвиями, отделанными крутой ретушью.

Заключительный этап верхнего палеолита Алтая наиболее полно характеризуют материалы из слоя 9 в Денисовой пещере и слоев 11–14 в пещере Каминная [Деревянко, Маркин, Болиховская и др., 1999]. Судя по спорово-пыльцевым спектрам и составу фаунистических останков из этих отложений [Агаджанян, Шуньков, 2009], прогрессирующее похолодание в сартанское время (изотопная стадия 2) привело к наиболее ощутимому в неоплейстоцене ухудшению природно-климатической обстановки.

Позднепалеолитические индустрии Алтая, в целом, демонстрируют дальнейшее развитие технокомплексов предшествующего этапа. Это развитие проявилось в последовательном расширении базы пластинчатого расщепления, прежде всего, за счет более активного использования микропластинчатых технологий. В этих индустриях заметно увеличилось количество удлиненных сколов, среди которых возросла доля микропластин. В составе каменного инвентаря скребла, листовидные бифасы, зубчатые и выемчатые формы соседствовали с концевыми скребками на пластинах, резцами срединных разновидностей, долотовидными орудиями, микропластинами с притупленным краем и другими типично позднепалеолитическими изделиями. Особенно выразительны орудия и украшения из кости и зубов животных – иглы с ушком, острия-проколки, костяная основа вкладышевого орудия с пазом, обработанные костяные пластины, подвески из зубов оленя, цилиндрические бусины-пронизки, а также плоские бусины-колечки, изготовленные из скорлупы яиц страуса.

Таким образом, археологические и естественнонаучные материалы из палеолитических комплексов Российского Алтая являются в настоящее время наиболее представительными в изучении древнейшей истории Северной Азии. На этих многослойных объектах исследованы культурно-стратиграфические колонки, которые в совокупности отражают историю развития культуры первобытного человека и окружающей природной среды от ранней поры до заключительной стадии палеолитического времени.

Литература

Агаджанян А.К., Шуньков М.В. Развитие природных сообществ Северо-Западного Алтая в антропогене // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 2. – С. 2–18.

Амирханов Х.А. Палеолит Юга Аравии. – М.: Наука, 1991. – 344 с.

Болиховская Н.С., Шуньков М.В. Климатостратиграфическое расчленение древнейших отложений раннепалеолитической стоянки Карама // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 3. – С. 34–51.

Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 2. – С. 22–36.

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования *Homo sapiens sapiens* в Восточной, Центральной и Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 328 с.

Деревянко А.П., Гнибиденко З.Н., Шуньков М.В. Среднеплейстоценовые экскурсы геомагнитного поля в отложениях Денисовой пещеры (Горный Алтай) // Докл. АН. – 1998. – Т. 360, № 4. – С. 511–513.

Деревянко А.П., Лаухин С.А., Куликов О.А., Гнибиденко З.Н., Шуньков М.В. Первые среднеплейстоценовые датировки палеолита Горного Алтая // Докл. АН. – 1992. – Т. 326, № 3. – С. 497–500.

Деревянко А.П., Лаухин С.А., Малаева Е.М., Куликов О.А., Шуньков М.В. Нижний плейстоцен на северо-западе Горного Алтая // Докл. АН. – 1992. – Т. 323, № 3. – С. 509–513.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Болиховская Н.С., Орлова Л.А., Форонова И.В., Дупал Т.А., Гнибиденко З.Н., Ефремов С.А., Цынерт И.И. Некоторые итоги комплексных исследований пещеры Каминная (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. 5. – С. 98–104.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П. Характер перехода от мустье к позднему палеолиту на Алтае (по материалам стоянки Кара-Бом) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 31–52.

Деревянко А.П., Попова С.М., Малаева Е.М., Лаухин С.А., Шуньков М.В. Палеоклимат северо-запада Горного Алтая в эоплейстоцене // Докл. АН. – 1992. – Т. 324, № 4. – С. 842–846.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1. – С. 16–41.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3. – С. 12–40.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 2003. – 448 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Волков П.В. Палеолитический браслет из Денисовой пещеры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2. – С. 13–25.

Классификация и диагностика почв России / Л.Л. Ширшов, В.Д. Тонконогов, И.И. Лебедева, М.И. Герасимова. – Смоленск: Ойкумена, 2004. – 342 с.

Любин В.П. Ашельская эпоха на Кавказе. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 1998. – 192 с.

Любин В.П., Беляева Е.В. Стоянка Homo erectus в пещере Кударо I: Центральный Кавказ. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 2004. – 272 с.

Любин В.П., Геде Ф.Й. Палеолит Республики Кот д'Ивуар (Западная Африка). – СПб.: Петербург. Востоковедение, 2000. – 160 с.

Шпакова Е.Г. Одонтологические материалы периода палеолита на территории Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4. – С. 64–76.

Alekseev V. The Physical Specificities of Paleolithic Hominids in Siberia // The Paleolithic of Siberia. – Urbana; Chicago: Univ. of Illinois Press, 1998. – P. 329–335.

Bar-Yosef O., Goren-Inbar N. The Lithic Assemblages of Ubeidiya. A Lower Palaeolithic site in the Jordan Valley // Quedem. – Jerusalem, 1993. – N 34. – P. 1–266.

Bolikhovskaya N.S., Derevianko A.P., Shunkov M.V. The fossil palynoflora, geological age, and dimatostratigraphy of the earliest deposits of the Karama site (Early Paleolithic, Altai Mountains) // Paleontological Journal. – 2006. – Vol. 40. – P. 558–566.

Derevianko A.P., Shunkov M.V. Development of Early Human Culture in Northern Asia // Paleontological Journal, 2009. – Vol. 43. – N 8. – P. 31–39.

Clark J.D. The Middle Acheulian occupation site at Latamne, Northern Syria (first paper) // Quarternaria. – Roma, 1967. – T. 9. – P. 1–68.

Kleindienst M.R. Variability within the Late Acheulian Assemblage in Eastern Africa // The South African Archaeological Bulletin. – 1961. – Vol. 16, N 62. – P. 35–52.

Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M.P., Hublin J.-J., Hänni C., Derevianko A.P., Pääbo S. Neanderthals in Central Asia and Siberia // Nature. – 2007. – Vol. 449. – P. 902–904.

Leakey M.D. Olduvai Gorge: Excavations in Beds I and II, 1960–1963. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1971. – Vol. 3. – 306 p.

Turner C.G. II. Physical anthropology in the U.S.S.R. today. Part II // Quarterly Review of Archaeology. – 1988. – Vol. 8, N 3. – P. 4–6.

Turner C.G. Paleolithic Siberian Dentition from Denisova and Okladnikov Caves, Altaiskiy Kray, USSR // Current Research on the Pleistocene. – 1990. – N 7. – P. 65–66.

В.Е. Щелинский

Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН

ИССЛЕДОВАНИЕ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА ПРИАЗОВЬЯ*

Наличие раннего палеолита в Приазовье было установлено в середине прошлого века, когда были открыты местонахождения Цимбал на Таманском полуострове в южном Приазовье и Герасимовка на берегу Миусского лимана в северо-восточном Приазовье. Оба этих местонахождения не безупречны в археологическом отношении. Однако именно они позволили впервые поставить вопрос о возможном весьма раннем заселении первобытными людьми Юга России.

Местонахождение Цимбал связано с одноимённым песчаным карьером, расположенном у станицы Сенной приблизительно в 35 км к западу от г. Темрюка (рис. 1). В 1948 г. в ходе работ в этом карьере были найдены многочисленные костные остатки ископаемых животных. Их неоднократно собирали и впоследствии они были изучены Н.К. Верещагиным, который отнёс их к таманскому фаунистическому комплексу раннего плейстоцена [Верещагин, 1957, с. 67-68], выделенному В.И. Громовым [Громов, 1948, с. 460-461]. Костные остатки (не менее 17 видов животных, в том числе слонов, эласмотериев, носорогов, лошадей оленей и др.) залегали среди конгломератов и в ожелезнённых прослойках песка сравнительно не глубоко от современной поверхности. Кости лежали в основном горизонтально, но в некоторых случаях плоские кости, например, лопатки, были поставлены на ребро. Зафиксирован случай расположения лопатки и плечевой кости молодого слона на расстоянии 2,5 м друг от друга. Преобладали разломанные трубчатые кости, обломки черепов, роговых стержней оленей, изолированные зубы. Н.К. Верещагин полагал, что все эти остатки принадлежат погибшим животным. Трупы их первоначально захоронились в каком-то застойном водоёме – болоте, озере или в русле речки со слабым течением, а позднее слои со скелетами были размыты речными потоками и кости оказались рассеянными на значительной площади [Верещагин, 1957, с. 17-19]. Однако, судя по составу, расположению и сохранности костей нельзя исключать и того, что присутствие их на местонахождении, в какой-то мере, могло быть связано и с деятельностью раннепалеолитических людей [Щелинский, 2005, с. 421]. Это тем более вероятно, так как Н.К. Верещагин обратил внимание на наличие в костном материале явно намеренно расколотых костей животных. Из таких костей наиболее выразительными являются

** Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Древнейшее наследие и истоки творческих начал человека».*

«обломок диафиза бедра копытного величиной с благородного оленя и обломок пясти оленя или антилопы». По мнению исследователя, «скалывание стенок диафиза бедра произведено, несомненно, по свежей кости каким-то дробящим орудием». И он призвал археологов к дальнейшему изучению этого местонахождения, так как вероятная «находка каменных орудий в Цимбальском захоронении могла бы дать науке ценнейшие указания на наиболее древнее обитание в пределах СССР человекообразных существ» [Верещагин, 1957, с. 21].

Рис. 1. Карта. Раннепалеолитические местонахождения Приазовья:
1 – Цимбал, 2 – Богатыри / Синяя Балка, 3 – Родники, 4 – Кермек, 5 – Герасимовка

Открытие в Цимбале заинтересовало А.А. Формозова. В 1957 и 1962 гг. он нашёл в этом карьере два древнепалеолитических изделия: сильно патинизированный отщеп из коричневой окремнённой породы и дисковидное изделие, изготовленное из сходного материала, возможно служившее рубящим орудием. Эти находки, в совокупности с наблюдениями Н.К. Верещагина по костям, исследователь оценил как весьма значимые и высказал предположение, что «во время существования таманского комплекса фауны в Прикубанье уже жили древнейшие люди» [Формозов, 1962, с. 25-26; 1965, с. 10, 22]. Для своего времени это было смелое заключение, так как каменные изделия в Цимбале не связаны непосредственно с костеносными отложениями и были найдены на поверхности. Поэтому принадлежность их к фаунистическому комплексу, представленному в карьере, до сих пор кажется сомнительной [Любин, 1970, с. 20; 1984, с. 57]. И это сомнение, очевидно, останется до тех пор, пока в карьере не будут проведены поиски раннепалеолитических изделий, залегающих в одном контексте с костями ископаемых животных. Многое указывает на то, что такие изделия здесь, рано или поздно, будут обнаружены. В последнее время нами на этом местонахождении в осыпи под обнажением галечника с костями животных таманского комплекса были найдены несколько новых каменных предметов, как будто, со следами обработки. Местонахождение Цимбал, несмотря на слабую изученность, прочно вошло в список древнейших археологических памятников Евразии, возраст которых определяется в интервале 1,5 млн. – 780000 лет назад [Bosinski, 1996, p. 55].

На местонахождении Герасимовка (рис. 1), открытом в 1959 г. Н.Д. Прасловым, каменные изделия были собраны под обнажением бакинско-чаудинской террасы высотой 45 м над уровнем лимана. Из какого слоя отложений террасы происходят эти изделия достоверно неизвестно. Изделия окатанные, поэтому предполагается, что они залегали в галечнике под толщей морских осадков, в котором обнаружены костные остатки крупных и мелких млекопитающих: *Archidiscodon wűsti Pavl., Mimomys, Ellobius, Microtus, Lagurus*. Эти млекопитаю-

щие относятся к тираспольскому фаунистическому комплексу и указывают на среднеплейстоценовый возраст включающих их отложений.

Коллекция каменных изделий местонахождения состоит всего из 7 предметов из кремня. Среди них наиболее выраженными являются крупное нуклевидное орудие, больше напоминающее двусторонний чоппер с выпуклым лезвием, три массивных скребла высокой формы, изготовленные на обломках кремнёвых галек, и крупный отщеп с широкой неподготовленной ударной площадкой. Археологический материал местонахождения слишком мал для характеристики типа индустрии. Учитывая геологические условия и фауну местонахождения, Н.Д. Праслов считал его наиболее древним местонахождением на Русской равнине [Праслов, 2001, с. 11-12]. Г. Бозински включает это местонахождение в группу раннепалеолитических памятников Евразии, имеющих возраст 780000–500000 лет [Bosinski, 1996, p. 86, 89].

Изучение раннего палеолита Приазовье получило новый импульс в связи с открытием в последние годы в южном Приазовье ряда новых раннепалеолитических местонахождений. Речь идёт о стоянках Богатыри / Синяя Балка, Родники и Кермек [Щелинский и др., 2003, с. 265-267; Щелинский, Кулаков, 2007, с. 155-165; Bosinski et al., 2003, s. 79-89]. Эти стоянки находятся на северном (азовском) берегу Таманского полуострова вблизи пос. За Родину, в 25 км к западу от г. Темрюка (рис. 1).

Стоянка Богатыри / Синяя Балка

Стоянка Богатыри / Синяя Балка является опорным памятником раннего палеолита Приазовья. Сначала она была известна как местонахождение раннеплейстоценовой фауны крупных млекопитающих, вошедшее в литературу под названием «слои с *Elasmotherium* и *Elephas*» [Губкин, 1914, с. 587-590], позже – «Синяя Балка». Местонахождение получило статус стратотипа таманского фаунистического комплекса раннего плейстоцена [Громов, 1948, с. 460-461]. На нём работали многие палеонтологи и геологи [Верещагин, 1957; Дуброво, 1963: Лебедева, 1972; 1978; Вангенгейм и др., 1991], извлекая из костеносных отложений для своих исследований многочисленные костные остатки животных и, к сожалению, не ведали, что работают на археологическом памятнике. Образование костеносной толщи местонахождения связывалось с грязекаменным потоком, заполнившим древний овраг. Первоначальное же накопление костных остатков, попавших в грязекаменный поток, традиционно объяснялось накоплением трупов погибших животных в донных отложениях озёрных водоёмов, разрушенных позднее природными процессами. Однако после открытия в 2002 г. на этом знаменитом палеонтологическом местонахождении бесспорных раннепалеолитических каменных орудий прежняя точка зрения о его происхождении и геологических условиях стала мало убедительной и нуждалась в дополнительном обосновании или пересмотре [Щелинский и др., 2003, с. 265-268]. Тем более, что в результате предпринятых масштабных археологических раскопок на местонахождении впервые был получен полный разрез отложений, установлена стратиграфия и зафиксировано в нескольких литологических слоях совместное залегание костных остатков животных и многочисленных каменных орудий и отходов от их изготовления. Для археологов стало очевидным, что местонахождение является многослойной стоянкой раннепалеолитических людей. С учётом топонимики и прежнего названия, оно получило археологическое название «Стоянка Богатыри / Синяя Балка» [Щелинский, Кулаков, 2005, с. 116]. По результатам раскопок и комплексных исследований в настоящее время можно констатировать, что стоянка Богатыри / Синяя Балка залегает в нарушенном положении. Культуросодержащие отложения образуют аллохтонный блок, запрокинутый на север (азимут 195º, угол падения 75º). Его возникновение связано с развитием диапировой складки [Додонов и др., 2008а, с. 57]. Несмотря на смещение, в этом блоке чётко сохранилась стратиграфическая последовательность отложений и выявлены три культуросодержащих слоя, различающихся литологическими признаками. Два нижних слоя (слои 3 и 2) залегают in situ и имеют водное происхождение. Но поскольку в них содержатся не только обломки костей животных, но и каменные изделия (в основном не окатанные), можно предполагать, что формирование этих слоёв происходило не в прибрежной части мелководного бассейна, как полагал А.Е. Додонов [Додонов и др., 2008б, с. 53-54], а скорее на периодически заливаемом пляже такого бассейна. На это указывает и наличие в отложениях характерных для пляжной зоны мягких

глиняных окатышей. Очевидно, что люди жили и изготовляли орудия на пляже мелководного бассейна типа лимана или озера. При этом, судя по относительной малочисленности в этих слоях как костных остатков животных, так и каменных изделий, обитание людей носило кратковременный характер.

Сложнее обстоит дело с интерпретацией условий образования 1 (верхнего) культуросодержащего слоя стоянки, наиболее насыщенного костными остатками животных. Этот слой, в отличие от двух нижних слоёв, по-видимому, залегает в переотложенном положении, а его структура нарушена. Ряд признаков указывает на то, что в древности он либо сполз вниз по склону, либо был принесён селевым потоком на берег лимана. Однако, судя по хорошей сохранности в слое каменных изделий и наличию в нём анатомических групп костного материала, перенос культуросодержащих отложений произошёл одноразово, быстро и со сравнительно небольшого расстояния. Слой совершенно однородный. Как показали исследования, в нём нет поздних примесей ни среди костных остатков животных, ни в археологическом материале. Пока не ясны первоначальные условия формирования этого культуросодержащего слоя. Озадачивает большое количество в нём костных остатков крупных животных, прежде всего слонов и эласмотериев. Если бы не было среди этих костей многочисленных раннепалеолитических каменных изделий, вполне можно было бы согласиться с мнением геолога А.Е. Додонова, что первоначальное накопление костного материала происходило в кратерном озёрном понижении грязевого вулкана. Крупные животные использовали кратерное озеро с вязкой глиной как место водопоя и в качестве «грязевой ванны» и, утопая в сопочной грязи, погибали. Это предопределило высокую степень концентрации костных остатков крупных животных. В результате извержения грязевого вулкана сопочная грязекаменная масса вместе с костями вытекла в ближайший межсопочный озёрный бассейн или в прибрежную часть лимана, где отложилась в виде грязекаменной брекчии [Додонов и др., 2008б, с. 54]. Действительно, именно пресное озеро в кратере грязевого вулкана, скорее всего, могло быть на протяжении длительного времени притягательным местом для водопоя и «грязевых ванн» таких животных как слоны и эласмотерии. Однако погибали ли они здесь естественной смертью, утопая в грязи? Скорее всего, нет. А.Е. Додонов не учитывал наличие среди костей животных многочисленных раннепалеолитических орудий, однозначно свидетельствующих о том, что к озеру в кратере грязевого вулкана приходили не только крупные звери, но и раннепалеолитические люди. Можно, конечно, предположить, что люди питались трупами погибших животных, вытаскивая их на берег для разделки каменными орудиями. Однако столь же логично предполагать, что они и охотились здесь на обездвиженных в топкой грязи животных. Привлекательное для крупных животных пресное озеро в кратере грязевого вулкана, по всей вероятности, было местом постоянных посещений раннепалеолитических людей на протяжении длительного времени. Здесь они разделывали свою добычу, запасались мясом, которое, возможно, уносили на стоянки, расположенные поблизости. Таким образом, кости животных и остатки деятельности людей накапливались не только в озере, но и на берегу его. Впоследствии, возможно, в результате извержения грязевого вулкана или прорыва кратерного озера сформировавшийся на его берегу культуросодержащий слой был вынесен селевым потоком и переотложен на берегу солоноватоводного бассейна. На солоноватоводный бассейн указывает наличие в переотложенном культуросодержащем слое многочисленных морских микроскопических водорослей (динофлагеллят) [Simakova, 2009, p. 36]. Такова на сегодняшний день предварительная модель формирования верхнего культуросодержащего слоя стоянки Богатыри / Синяя Балка.

Изучение общей коллекции костных остатков на стоянке Богатыри / Синяя Балка, добытых раскопками 2005-2008 гг., показало, что во всех трёх культуросодержащих слоях стоянки костные остатки имеют сходный таксономический состав и принадлежат животным таманского фаунистического комплекса раннего плейстоцена. Представлены типичные формы этого комплекса: *Archidiskodon meridionalis tamanensis, Equus cf. Major, Elasmotherium caucasicum, Bison sp., Tragelaphini gen., Mimomys savini, Lagurodon arankae* и др. При этом особенностью состава костного материала стоянки является доминирование остатков слонов и эласмотериев. Находки костей лошадей, парнокопытных и других травоядных среднего

размерного класса единичны [Титов, Тесаков, 2009, с. 587], что, по-видимому, может свидетельствовать об избирательном характере промысловой деятельности обитателей стоянки.

Данные палинологических исследований образцов из культуросодержащих слоёв стоянки указывают на лесостепные и степные ландшафты и смешанные леса с присутствием вяза, дуба, граба, бука и грецкого ореха по долинам рек [Simakova, 2009, p. 36].

Из разреза стоянки были отобраны 3 образца для палеомагнитного изучения. Первичная намагниченность образцов может быть уверенно интерпретирована как обратная. Полученные палеомагнитные данные могут свидетельствовать о накоплении осадков на стоянке во время эпохи обратной полярности Матуяма (2,58–0,78 млн. лет). С учетом общепринятой корреляции местонахождений таманского фаунистического комплекса со второй половиной раннего плейстоцена (1,1–0,9 млн. лет), коррелятивный интервал может быть формально сужен до хрона C1r.1r (0,99–0,78 млн. лет). Однако новые биостратиграфические данные по крупным млекопитающим этого комплекса, могут указывать и на более древний возраст осадков стоянки и их корреляцию с хроном C1r.2r (1,77–1,07 млн. лет) [Додонов и др., 2008а, с. 58].

Общая коллекция каменных изделий стоянки в настоящее время насчитывает около 340 предметов (без учёта чешуек). Подавляющее большинство изделий происходит из 1 культуросодержащего слоя. Изучены 193 изделия, достаточно полно характеризующие каменную индустрию стоянки. Другая часть коллекции пока не описана.

Индустрия стоянки базировалась на местном каменном сырье, предварительно определяемом как окварцованный доломит (рентгеновские исследования). По своей достаточно высокой твёрдости и изотропным свойствам оно вполне было пригодным для расщепления и изготовления орудий. Орудиями из этого камня можно было выполнять любые работы. Природные отдельности этого сырья, широко распространённого поблизости от стоянки, в основном имеют форму обломков плит и плиток разной толщины. Особенно часто они встречаются в осыпях древних галечников и грязевулканических отложений, а также на современном морском пляже. Галечное сырьё в окрестностях стоянки отсутствует. В виде плитчатых отдельностей, в основном не окатанных, доломитовое сырьё преимущественно использовались и обитателями стоянки. Однако при общей петрографической однородности это сырьё было неодинакового качества. Помимо наличия плитчатых отдельностей разных размеров, оно различалось также структурой и плотностью, влиявших на его изотропность и характер расщепления. Внешне это отражается в разной степени выраженности на изделиях раковистого излома и его шероховатости. На основе этих признаков выделяются разновидности качественного и менее качественного сырья. Качественная разновидность сырья отличается мелкозернистой структурой и довольно высокой плотностью. Раковистый излом у такого сырья хорошо выраженный и довольно гладкий. Менее качественное сырьё имеет меньшую плотность, оно мелкопористое и с грубой структурой, что придаёт ему вязкость при расщеплении. Раковистый излом у этой разновидности доломита сильно шероховатый и не всегда отчётлив. Важно отметить, что обе разновидности сырья весьма часто можно видеть в одних и тех же плитчатых отдельностях. При этом плотная, качественная порода образует центральную часть плиток, тогда как их периферийная часть состоит из менее плотного материала с грубой структурой. Обе стороны плиток обычно покрыты рыхлой, сильно выветрелой коркой, безусловно, затруднявшей их обработку.

В индустрии использовались обе разновидности доломита. Однако предпочтение оказывалось более качественному сырью. Из него изготовлено 87,6% каменных изделий. Производился и некоторый отбор плиток, в основном по их толщине, для изготовления орудий разных категорий.

Каменные изделия стоянки в основной своей массе неплохо сохранились. Изделия не окатанные и не утратили острые края и рёбра, однако в большинстве своём они подверглись химическому выветриванию, в результате чего первичный материал горной породы был сильно выщелочен и преобразован. Изделия имеют белёсую, жёлтую, бежевую, коричневую и бурую с различными оттенками патину, варьирующую в зависимости от структуры и плотности исходного доломитового сырья. На поверхности изделий нередко можно наблюдать мелкие

и микроскопические трещинки от выщелачивания породы. Микрорельеф поверхности изделий слегка сглаженный и по этой причине на них почти не сохранились микроследы изношенности от использования в работе. Однако макропризнаки износа зафиксированы на ряде орудий.

Общий состав анализируемой коллекции каменных изделий:

1. Отщепы …….	70 экз.
2. Нуклеусы ……	16 экз.
3. Обломок плитки с негативами краевого расщепления ….	1 экз.
4. Орудия ……	106 экз.
Всего	193 экз.

Анализ обломков плиток, использованных для изготовления орудий, продуктов расщепления (дебитажа) и нуклеусов показывает, что технология первичного расщепления камня в индустрии стоянки была довольно сложной. Выделяются три способа получения заготовок для орудий:

1. Раскалывание плиток доломита с целью отбора подходящих обломков для изготовления орудий. При этом нередко практиковалась намеренная дополни тельная обколка обломков для придания им нужных размеров и форм.

2. Простое краевое расщепление плиток доломита.

3. Расщепление нуклеусов.

О раскалывании плиток доломита как способе получения обломков-заготовок для орудий свидетельствуют многочисленные орудия и некоторые нуклеусы, изготовленные на таких заготовках. Всего орудий на обломках плиток 55 экз. При этом только для 7 из них в качестве заготовок были использованы естественные обломки. Большинства же таких орудий (48 экз.) изготовлено на намеренно полученных обломках плиток. Процесс получения заготовок мог быть приблизительно таким. Первоначально раскалывались более крупные плитчатые отдельности. Затем отбирались подходящие обломки, которые при необходимости «доводились» до нужных размеров и форм обколкой краёв. Негативы раскалывания и обколки плиток хорошо сохранились на плитчатых заготовках и важно отметить, что по сохранности эти негативы ничем не отличаются от негативов последующей обработки и оформления орудий. Чаще всего раскалывались плитки толщиной 1-3 см, несколько реже – толщиной 3,1-5 см. Более толстые плитки раскалывались редко.

Простое краевое расщепление плиток доломита, являющееся как бы некоторым аналогом грубого нуклеусового расщепления, документируется соответствующими отщепами и обломками плиток (обычно крупных) с единичными негативами краевого расщепления. При этом плитки перед скалыванием с них отщепов не подвергались никакой подготовительной обработке: ударной площадкой служила одна из поверхностей плитки, как правило, покрытая коркой, а поверхностью скалывания – край плитки. Таким способом получали отщепы с характерным отличительным признаком. На них сохраняются участки обеих поверхностей расщепляемой плитки. Одна сторона плитки фиксируется на ударной площадке отщепа, как правило, прямой или слабо скошенной и покрытой плитчатой коркой. Другая сторона плитки сохраняется в виде вертикальной или скошенной плоскости с корочным покрытием на дистальном крае отщепа. В коллекции имеется 27 отщепов с отмеченным признаком. Правда, некоторые из этих отщепов, возможно, не были изготовлены преднамеренно и являются результатом обколки плитчатых заготовок при оформлении орудий.

С помощью простого краевого расщепления плиток изготавливались также своеобразные сколы другой разновидности. Мы назвали их «отщеповидные сколы». Это массивные широкие сколы, представляющие собой значительную часть расщеплённой плитки. При отделении такого скола удар наносился в точку, далеко отстоящую от края плитки. Поэтому отщеповидные сколы отличаются от обычных обломков плиток лишь наличием хорошо выраженной плоскости раскола или брюшка скола. Для краевого расщепления использовались плитки толщиной от 1 до 7 см.

Надо отметить, что ряд орудий в коллекции изготовлен на толстых крупные отщепах. Очевидно, что такие отщепы не могли быть получены расщеплением плиток или нуклеусов. Они были сколоты с крупных глыб.

Важную роль в первичном расщеплении играло и расщепление нуклеусов. В коллекции 15 нуклеусов и 1 аморфный нуклевидный предмет. Длина нуклеусов от 3,5 до 9 см. Из них 13 изготовлены на обломках плиток, 2 – на отщепах. Среди нуклеусов: 4 одноплощадочных параллельного расщепления, 5 грубопризматических, 2 бессистемного расщепления и 4 с негативом одного скола. Несмотря на это разнообразие форм, все нуклеусы довольно грубые. Они плохо подготовленные и мало сработанные.

Сколы, представленные в коллекции, невозможно разделить на намеренно изготовленные и технические сколы, связанные с изготовлением заготовок, нуклеусов и орудий. Всего зафиксировано 108 отщепов и 8 отщеповидных сколов. 37 отщепов и отщеповидные сколы были превращены в орудия с вторичной обработкой. Большинство отщепов имеет длину от 1 до 5 см. При этом много мелких отщепов длиной от 1 до 3 см. Отщепы, как правило, бесформенные или подчетырёхугольные, во многих случаях фрагментированные и редко не имеют на спинке более или менее крупного участка выветрелой плиточной корки. Среди отщепов с сохранившейся ударной площадкой (76 экз.) доминируют отщепы с прямой и скошенной площадкой, покрытой коркой плитки (72,4%). Отщепов с гладкой площадкой 15,8%, с точечной – 7,9%, с обработанной (двугранной, частично фасетированной) – 3,9%. Преобладают отщепы с низким, расплывчатым ударным бугорком (рис. 3: 3). Это указывает на то, что в индустрии стоянки для первичного расщепления доломита и изготовления каменных орудий применялись сравнительно мягкие отбойники (костяные или роговые). Однако не исключено использование примитивных каменных отбойников из окатанных обломков того же доломита, необработанная поверхность которых обычно была выветрелой и не плотной. Скалывающий удар таким отбойником оставляет на продуктах расщепления признаки, сходные с признаками использования мягких отбойников из рога и кости. Следует отметить, что, наряду с грубыми отщепами, в инвентаре стоянки имеются единичные сколы, которые отличаются довольно правильными очертаниями, удлинёнными пропорциями и параллельной огранкой спинки. Однако их ударная площадка не имеет следов обработки на нуклеусе и покрыта, как и у большинства отщепов, плиточной коркой.

Таким образом, можно констатировать, что технология первичного расщепления камня рассматриваемой индустрии, несмотря на её сложный характер, проявляющийся в разнообразии способов изготовления заготовок для орудий, была довольно неразвитой. При этом использование нуклеусов, как основной индикатор любой технологии изготовления сколов-заготовок, хотя и играло заметную роль в технологии первичной обработки камня этой индустрии, однако, находилось на довольно низком уровне развития. Слабое развитие нуклеусового расщепления при широком использовании простого краевого расщепления и элементарного разбивания (дробления) исходных отдельностей каменного сырья является характерной чертой технологии первичной обработки камня в индустрии стоянки.

Для индустрии стоянки характерны высокий процент оформленных орудий (54,9% от общего количества изделий в коллекции) и многообразие их категорий. Мелких орудий длиной 1-3 см всего – 11%. Важным показателем индустрии является преобладание орудий на обломках плиток, хотя примечательно и довольно большое количество орудий, изготовленных на отщепах (36,8%). Ручные рубила и даже проторубила пока не выявлены.

Несмотря на малочисленность в отдельных группах и наличие переходных форм, эти орудия можно разделить на ряд технико-морфологических категорий таких как:

1. Чопперы односторонние (12) и двусторонние (3) разных модификаций (рис. 2: 1, 2) ……. 15 экз.
2. Пики……. 11 экз.
3. Скрёбла массивные высокой формы …… 5 экз.
4. Скрёбла лёгкие (рис. 3: 4) ……... 15 экз.
5. Скребки нуклевидные …… 3 экз.
6. Острия массивные …… 5 экз.
7. Клювовидные орудия (рис. 3: 2) …… 11 экз.

8. Шиповидные орудия (рис. 3: 1) ……	4 экз.
9. Скребки ……	4 экз.
10. Зубчатое орудие ……	1 экз.
11. Выемчатые орудия ……	4 экз.
12. Комбинированные орудия ……	6 экз.
13. Отщепы с частичной обработкой краёв ……	12 экз.
14. Отщеповидные сколы с частичной обработкой краёв ……	4 экз.
15. Обломки плиток с частичной обработкой краёв ……	6 экз.
Всего	106 экз.

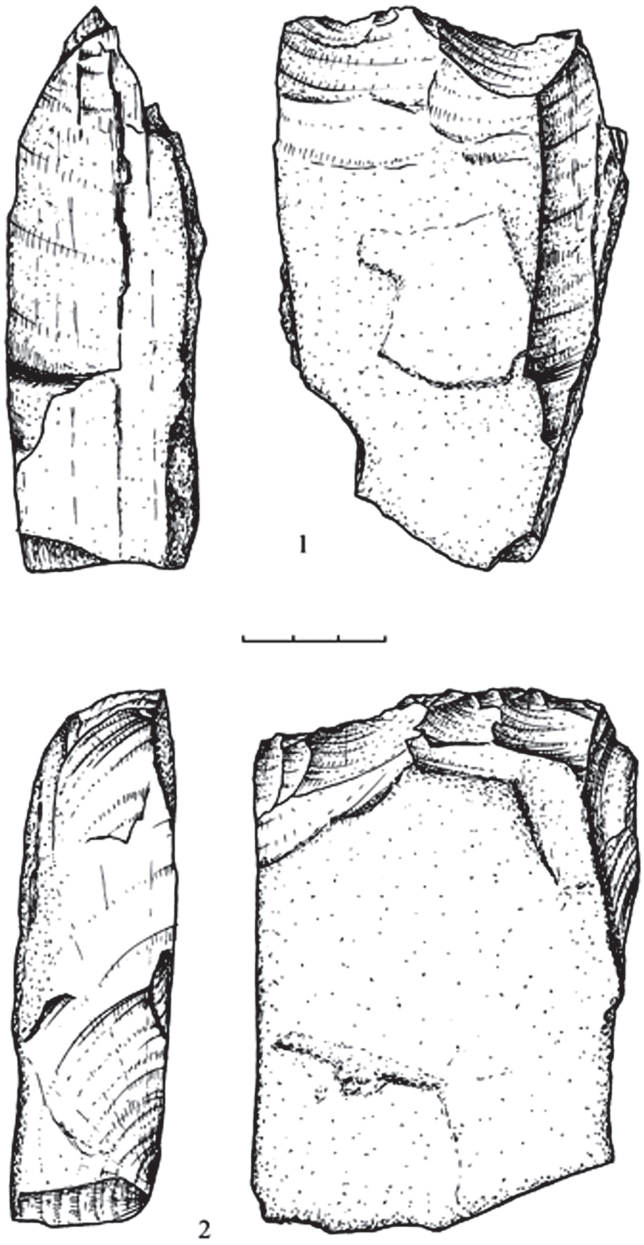


Рис. 2. Раннепалеолитическая стоянка Богатыри / Синяя Балка. Чопперы односторонние

Состав орудий стоянки типично раннепалеолитический.

Изучение основных составляющих индустрии стоянки Богатыри / Синяя Балка – технологии первичной обработки камня, состава категорий, приёмов изготовления и форм орудий приводит к выводу об общем сходстве её с олдувайскими индустриями Африки, Ближневосточного региона и Кавказа, описанными многими исследователями [Leakey, 1971; Григорьев, 1977; Борисковский, 1979; Амирханов, 2006; 2007; 2008]. На этом основании она определяется как олдувайская. При этом важно, что отнесение стоянки к олдуваю полностью согласуется с её геологическим возрастом.

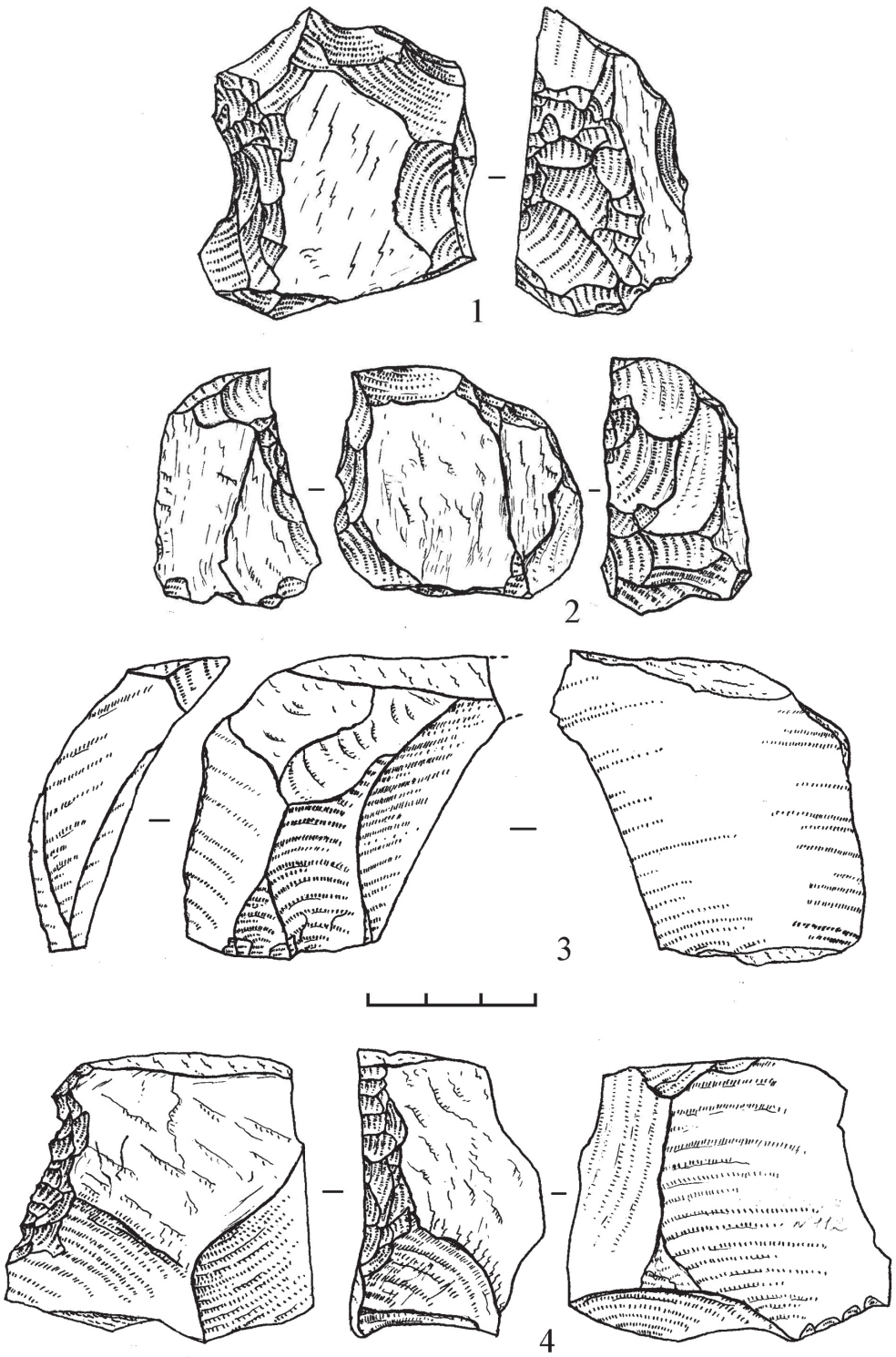


Рис. 3. Раннепалеолитическая стоянка Богатыри / Синяя Балка. Орудия:
1 – шиповидное орудие, 2 – клювовидное орудие, 3 – отщеп, 4 – скребло

Вместе с тем индустрия рассматриваемой стоянки не копирует типичные олдувайские комплексы и имеет выраженные технологические и технико-типологические особенности. Это позволяет выделить её в особый таманский вариант олдувая. Индустрия стоянки формировалась на местном не-кремнёвом плитчатом каменном сырье, что не могло не отразиться на технологии изготовления, равно как и на технико-типологическом облике орудий. Некоторые другие признаки индустрии стоянки (в частности, широкое использование мелких сколов в сочетании с ретушью при оформлении лезвий макроорудий и довольно большой процент орудий на отщепах), отличающие её от известных и несколько более ранних олдувайских

индустрий, возможно, объясняются также хронологическими причинами. В целом же своеобразие индустрии стоянки Богатыри / Синяя Балка можно интерпретировать как результат адаптации и длительного относительно изолированного развития культуры древнейших людей, носителей олдувайской традиции, в особых экологических условиях.

Стоянка Родники

Стоянка Родники находится неподалёку от стоянки Богатыри / Синяя Балка (рис. 1). Выделяются два её участка: восточный участок или Родники 1 и западный участок или Родники 2, не скоррелированные пока один с другим, но имеющие близкий по структуре и условиям залегания культуросодержащий слой [Щелинский и др., 2008, с. 25-27].

Отложения на стоянке образуют три генетически различных пачки. Верхняя сложена делювиальной супесью (около 1 м) с маломощной современной почвой. Среднюю пачку составляют плотные слоистые жёлто-серые («зеброидные») и серые прибрежно-морские пески мощностью от 3 до 12 м. Нижнюю пачку образуют погребённые пляжные отложения (мощность немногим меньше 1 м) в виде слоистого слабоокатанного грубообломочного материала с песчаным заполнителем. Эта пачка отложений является базальной и подстилается плотными тёмными глинами куяльника. На некотором удалении от береговых оползней вся толща отложений залегает in situ, хотя отмечается их общая блоковая деформация тектонического происхождения. Культуросодержащей является нижняя пачка отложений, состоящая из слоистого слабоокатанного галечника с глыбами доломита, окатышами плотной глины и серым песком в качестве заполнителя, разделённого (на участке Родники 1) прослойкой слабоокатанного гравия, также с глиняными окатышами и линзочками песка и алеврита. Возраст прибрежно-морских песков, перекрывающих культуросодержащий слой, определяется А.С. Тесаковым как апшеронский. Базальная пачка отложений (культуросодержащий слой стоянки) надёжно датируется обнаруженной в ней фауной мелких млекопитающих. В этой фауне представлены *Allophaiomys* cf. *Pliocaenicus Kormos*, *Lagurodon arankae*, Lagurini gen., *Mimomys cf. savini*, *Mimomys* cf. *Pusillus Méhely*, *Mimomys* sp., *Borsodia* sp., *Ellobius* sp., *Spermophilus* sp., *Allactaga* sp., *Spalax* sp.и *Allocricetus* cf. e*hiki Schaub.* Данные таксоны характерны для середины раннего плейстоцена в интервале 1,2-1,6 млн. лет назад [Додонов и др.. 2008б, с. 54; Shchelinsky et al., 2010]. Таким образом, по фауне мелких млекопитающих стоянка Родники, по-видимому, несколько древнее 1 культуросодержащего слоя стоянки Богатыри / Синяя Балка и, может быть, одновременна 2 и 3 слоям этой стоянки. Ландшафтно-климатические условия обеих стоянок, судя по палинологическим данным, были во много сходными [Simakova, 2009, p. 37].

Костные остатки крупных млекопитающих в культуросодержащем слое Родников единичные и представлены обломками. Некоторые из них принадлежат слону, другие неопределимы. Основными культурными остатками являются каменные изделия. В слое они распределяются в основном в рассеянном виде по 1-2 предмета. Однако прослежены и небольшие концентрации изделий, в которых крупные изделия встречены совместно с мелкими отщепами. Такое распределение изделий наводит на мысль, что перед нами остатки кратковременных, может быть, разовых стоянок раннепалеолитических людей, располагавшихся на берегу мелководного опреснённого бассейна. На опреснённый характер бассейна указывают обломки раковин дрейссен, встречающиеся в пляжных отложениях вместе с культурными остатками.

На двух основных участках стоянки Родники (Родники 1 и 2) в ненарушенном культуросодержащем слое в настоящее время выявлено около 200 каменных изделий. Все они описаны. Однако полностью изучена представительная коллекция из 87 изделий, происходящая из раскопок на восточном участке стоянки (Родники 1) в 2007-2008 гг. Среди изделий: 20 отщепов, 4 нуклеуса и 63 оформленных орудия. Эта коллекция достаточно полно характеризует каменную индустрию стоянки.

Исходным каменным сырьём индустрии был в основном тот же плитчатый окварцованный доломит, какой использовался на стоянке Богатыри / Синяя Балка. Однако некоторые отличия сырья Родников всё же прослеживаются. Орудия этой стоянки часто изготовлены из плотной мелкослоистой разновидности доломита, редко встречающейся на Богатырях /

Синей Балке. Обнаружен пока единственный мелкий отщеп из чёрного лидита, явно не местного происхождения. Отщеп был сколот с лидитовой гальки.

Как отмечалось, культуросодержащий слой стоянки представляет собой субаквальные отложения, сформировавшиеся в пляжной зоне на берегу мелководного бассейна. И, казалось бы, залегающие в них каменные изделия должны были быть окатанными. Однако таких изделий с более или менее отчётливыми признаками сглаженности поверхности водой в коллекции совсем немного (6 экз.). В большинстве своём изделия совершенно не окатанные и сохранили острые края. Это указывает на то, что изделия, брошенные людьми на пляже, не перемещались водой и были быстро «запечатаны» морскими отложениями апшеронской трансгрессии. Вместе с тем многие изделия подверглись сильному химическому выветриванию, преобразовавшему первоначальную структуру исходной породы камня.

Анализ сколов и нуклеусов, а также заготовок, превращённых в орудия, показал, что технология первичного расщепления камня в индустрии стоянки включала в себя три способа изготовления заготовок для орудий:

1. Раскалывание плиток доломита и отбор подходящих обломков в качестве заготовок для орудий. Отобранные обломки-заготовки нередко подвергались дополнительной обколке.

2. Простое краевое расщепление плиток доломита без какой-либо их предварительной подготовки.

3. Расщепление нуклеусов.

Эти способы изготовления заготовок для орудий зафиксированы, как мы видели, и в индустрии стоянки Богатыри / Синяя Балка. В Родниках особенно часто использовалось раскалывание плиток доломита. На обломках плиток изготовлено 69,8% орудий и 3 из 4 нуклеусов в коллекции. При этом, за исключением 6 случаев, обломки были получены именно намеренным раскалыванием более крупных плиток толщиной чаще всего 1-3 см. реже 3,1-5 см и совсем редко больше 5 см. Сходный отбор плиток для раскалывания отмечен и на Богатырях / Синей Балке. При этом на многих обломках плиток, использованных как заготовки для орудий, имеются негативы дополнительной обработки в виде обколки краёв, очевидно, с целью уменьшения их размеров и придания более подходящей формы. Простое краевое расщепление неподготовленных плиток доломита представлено не столь отчётливо, как на Богатырях / Синей Балке. В коллекции имеется всего 4 отщепа, изготовленных этим приёмом. Расщеплялись плитки толщиной от 2,2 до 5 см. Единичны и крупные массивные отщепы, отколотые от глыб доломита. Отщеповидные сколы отсутствуют. Единичные нуклеусы коллекции довольно грубые, плохо подготовленные и слабо сработанные. Однако приёмы их расщепления были различными. Данные нуклеусы, несмотря на их малочисленность, однозначно указывают на то, что в индустрии стоянки существовала устойчивая практика намеренного изготовления и использования такого рода изделий для получения сколов, служивших заготовками для орудий и простейшими орудиями. Однако эта технология была слабо развитой (предварительная подготовка и изготовление нуклеусов носили нерегулярный характер) и применялась, наряду с весьма архаичной технологией изготовления заготовок, путём элементарного раскалывания плиток.

Для характеристики продуктов расщепления мы располагаем 38 отщепами, 18 из которых были превращены в орудия с вторичной обработкой. Большинство отщепов (78,9%) имеет длину от 1,1 до 5 см. При этом велика доля мелких ощепов длиной 1,1-3 см. Отщепы, как правило, бесформенные, часто первичные и с участками плиточной корки. 20 отщепов из 30 с сохранившейся ударной площадкой имеют необработанную прямую или скошенную ударную площадку, покрытую плиточной коркой. На 9 отщепах ударная площадка гладкая и только на 1 она фасетированная. Ударный бугорок отщепов чаще всего низкий, расплывчатый. Сколы по своим признакам целиком соответствуют технологическим приёмам первичного расщепления камня, практиковавшимся в индустрии стоянки.

Важные сведения получены в результате анализа многочисленных оформленных орудий. Они составляют 72,4% (63 экз.) от всех изделий коллекции. Обращает на себя внимание, что 69,8% из них (44 экз.) изготовлены на обломках плиток, другие 28,6% (18 экз.) – на отщепах и только для 1 орудия использована галька. Орудия разных размеров. Однако мелких длиной

1-3 см всего 5 экз. Представлены орудия целого ряда технико-морфологических категорий, характерных для раннепалеолитических индустрий. Среди них:

1. Чопперы односторонние разных модификаций ……	9 экз.
2. Пики (рис. 4) ……..	3 экз.
3. Скребло массивное обушковое с двусторонней обработкой рабочего лезвия …	1 экз.
4. Скрёбла массивные высокой формы ……	3 экз.
5. Скрёбла лёгкие ……	5 экз.
6. Нуклевидный скребок ……	1 экз.
7. Частично двусторонне обработанные ножи с обушком ……	4 экз.
8. Острия массивные (рис. 5: 3) ……	6 экз.
9. Клювовидные орудия ……	4 экз.
10. Шиповидные орудия (рис. 5: 2) ……	6 экз.
11. Скребки (рис. 5: 4) ……	4 экз.
12. Зубчатые орудия (рис. 5: 1) ……	7 экз.
13. Выемчатые орудия ……	2 экз.
14. Комбинированное орудие (чоппер – клювовидное орудие) ……	1 экз.
15. Отщепы с частичной обработкой краёв ……	4 экз.
16. Обломок плитки с частичной обработкой края ……	1 экз.
17. Аморфные частично двусторонне обработанные изделия ……	2 экз.
Всего	63 экз.

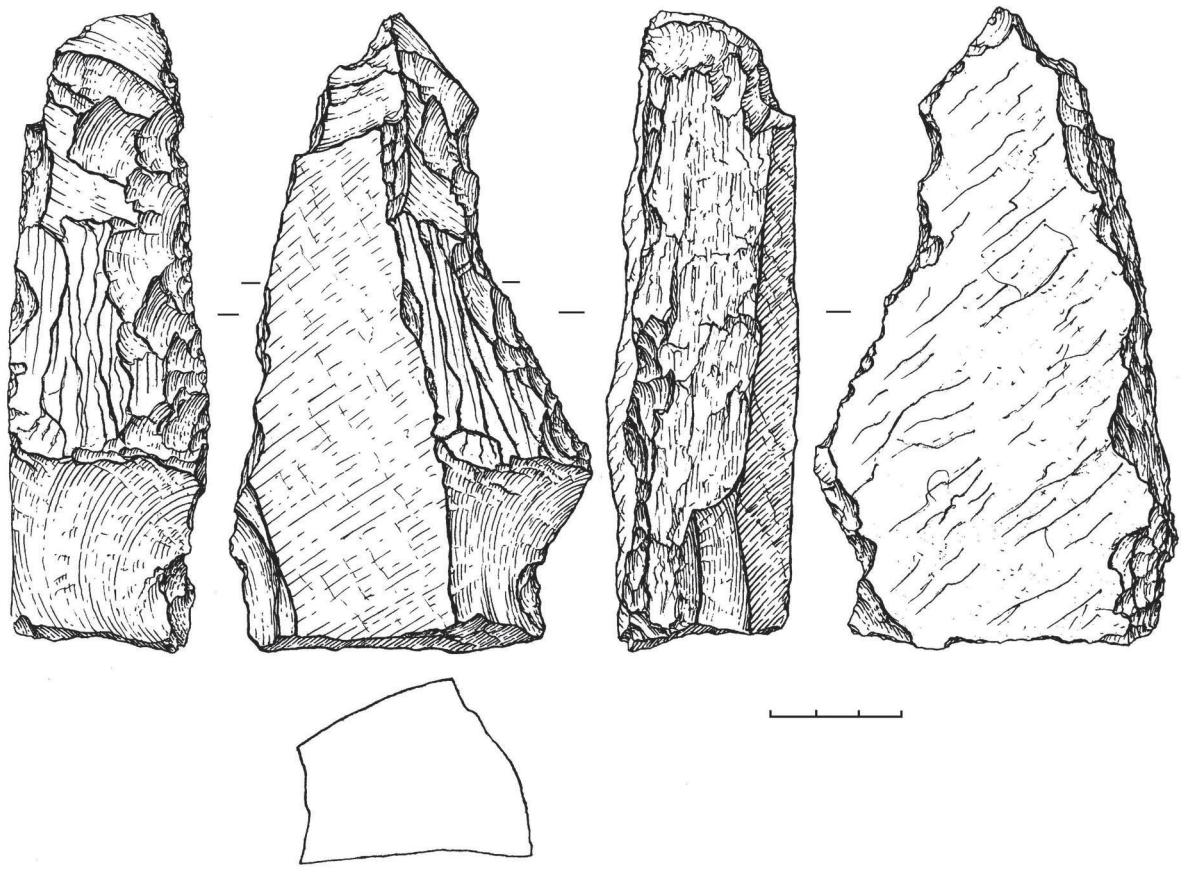


Рис. 4. Раннепалеолитическая стоянка Родники (Родники 1). Пиковидное орудие (pick)

Орудия в рамках категорий не стандартизованные и различаются степенью и характером отделки, что позволяет выделить среди них особые технико-типологические формы.

Высокий процент и разнообразие оформленных орудий – один из отличительных признаков индустрии стоянки Родники. Однако этот признак сочетается в ней с преобладанием орудий, изготовленных на обломках плиток. В технологии изготовления орудий стоянки чётко отражаются особенности технологии первичного расщепления камня, в которой превали-

ровало простое раскалывания плиток для получения заготовок в виде подходящих обломков, тогда как расщепление нуклеусов с целью получения сколов имело подчинённое значение.

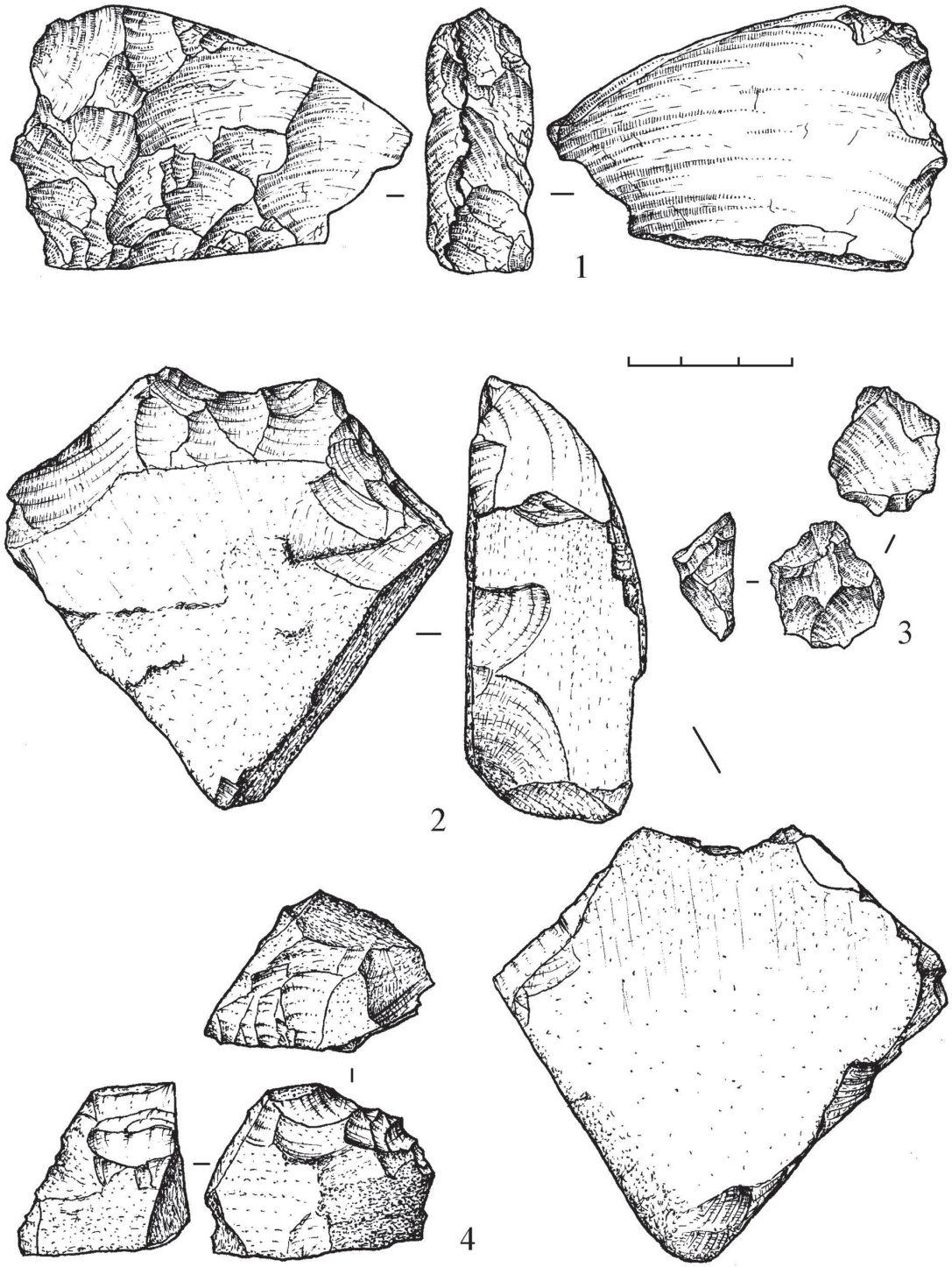


Рис. 5. Раннепалеолитическая стоянка Родники (Родники 1). Орудия:
1 – зубчатое орудие, 2 – шиповидное орудие, 3 – мелкое остриё, 4 – скребок

Индустрия стоянки Родники по технологии изготовления и составу орудий во многом сходна с индустрией Богатырей / Синей Балки и предварительно относится к таманскому варианту олдувая. Однако, по сравнению с индустрией Богатырей / Синей Балки, она выглядит несколько более развитой и представлена более разнообразным орудийным набором. Особенно обращает на себя внимание наличие в этой индустрии явно не случайных частично двусторонне обработанных орудий. Речь идёт не только о пиках, которым свойственна такая обработка. Наряду

с ними, в рассматриваемой индустрии имеются оригинальные частично двусторонне обработанные ножи с обушком, а также массивное обушковое скребло с двусторонней обработкой рабочего лезвия. Кроме того, в 2009 г. в комплексе орудий стоянки выявлен и небольшой бифас наподобие «рубильца». Этот протоашельский компонент в индустрии Родников в целом не меняет её олдувайского облика, но, безусловно, придает ей дополнительную специфику.

Стоянка Кермек

Стоянка Кермек открыта в 2008 г. Она находится в 250 м к западу от Родников. Судя по предварительным данным о геологических условиях залегания, эта стоянка может быть наиболее древней.

Стоянка связана со слоистой толщей раннеплейстоценовых отложений, состоящей из переслаивающихся глин, прибрежно-морских песков и галечников общей мощностью около 50 м. Толща сильно дислоцирована тектоническими процессами и образует моноклинальную структуру, в которой все слои круто наклонены в восточном направлении под углом 50-60°. Верх этой моноклинальной толщи срезан водной эрозией и перекрыт более поздней слоистой пачкой аллювиально-морских отложений. Причём эти отложения залегают горизонтально и не имеют каких-либо признаков тектонических деформаций.

Данный разрез хорошо известен в геологической литературе, так как в нём выявлены два разновременных местонахождения весьма древней фауны мелких млекопитающих: Тиздар 1и Тиздар 2. При этом остатки млекопитающих сопровождаются фауной солоноватоводных и пресноводных моллюсков. На основании этой малакофауны вся дислоцированная толща отложений разреза отнесена к верхнему куяльнику, верхняя граница которого проводится внутри палеомагнитного эпизода Олдувей (1,96 млн. лет назад) [Pevzner et al., 1998, p. 95-97]. Из верхней и нижней глинистых частей толщи были взяты образцы для палеомагнитного анализа, показавшие обратную намагниченность (эпоха Матуяма). Это подтверждает вывод о куяльницком возрасте толщи (Вангенгейм и др., 1991, с. 42-43). Местонахождение Тиздар 1 располагается в основании толщи, характеризуется наличием архаичной формы *Allophaiomys deucalion, Mimomys intermedius (=M. savini)* и других показательных таксонов и является типовым местонахождением древнейшей региональной зоны млекопитающих Восточной Европы MQR 11. Обе границы этой зоны древнее эпизода Олдувей [Вангенгейм и др., 2001, с. 85]. Местонахождение Тиздар 2 располагается приблизительно в середине толщи. По наличию *Allophaiomys deucalion, Lagurodon arankae, Prolagurus ternopolitanus* и некоторых других таксонов, оно отнесено к зоне MQR 10, верхняя возрастная граница которой располагается несколько ниже палеомагнитного эпизода Олдувей (около 2 млн. лет назад) [Там же].

Верхняя не дислоцированная пачка отложений, перекрывающая дислоцированную толщу, скорее всего, имеет среднеплейстоценовый возраст. В ней нами обнаружена почти целая нижняя челюсть лошади, которая, по определению В.С. Байгушевой и В.В. Титова, принадлежит *Equus cf. chosaricus*, характерной для хазарского фаунистического комплекса второй половины среднего плейстоцена.

Культуросодержащий слой стоянки Кермек залегает в нижней части дислоцированной толщи отложений в промежутке между палеонтологическими местонахождениями Тиздар 1 и Тиздар 2. Он связан с прослоем погребённых галечно-щебневых пляжных отложений с многочисленными раковинами пресноводных моллюсков: *Margaritifera sp.,Unio (Pseudosturia) sp.,Potomida sublitoralis Tschep., Dreissena polymorpha Pall.,Viviparus sp.,Valvata sp., Fagotia sp.* (определение Т.А. Яниной) и окатышами плотной глины. Возраст стоянки, если основываться на приведённых выше естественно-научных данных, определяющих её стратиграфическую позицию, составляет около 2 млн. лет. Безусловно, это лишь предварительная датировка стоянки. На самом деле, она может быть несколько моложе. Дальнейшие исследования фаунистических остатков, прежде всего мелких млекопитающих из культуросодержащего слоя, позволят уточнить возраст этой стоянки.

В культуросодержащем слое стоянки в результате его расчистки найдено 80 каменных изделий и единичные обломки костей животных, в том числе обломок эпифиза и фрагмент пластины зуба слона. Это довольно крупная коллекция изделий, позволяющая составить первое представление об индустрии стоянки. В составе коллекции выделяются:

1. Чопперы односторонние разных модификаций (рис. 6) …	5 экз.
2. Скрёбла массивные высокой формы ……	3 экз.
3. Нуклевидные скребки ……	2 экз.
4. Шиповидные орудия ……	5 экз.
5. Скрёбла (лёгкие) ……	5 экз.
6. Ножи частично двусторонне обработанные с обушком …	3 экз.
7. Небольшие частичные бифасы ……	2 экз.
8. Лимасовидные орудия ……	2 экз.
9. Остриё грубое ……	1 экз.
10. Скребки ……	2 экз.
11. Клювовидное орудие ……	1 экз.
12. Зубчатые орудия ……	7 экз.
13. Сколы, в том числе с частичной обработкой краёв ……	39 экз.
14. Обломки плиток с частичной обработкой краёв ……	2 экз.
15. Нуклеус ……	1 экз.
Всего	80 экз.

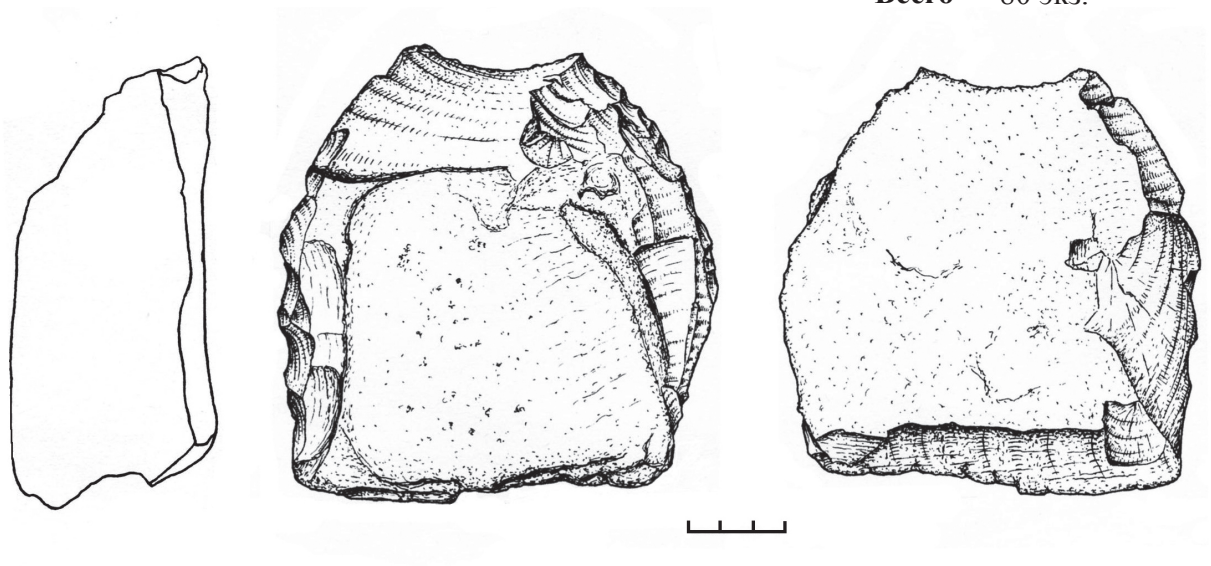


Рис. 6. Раннепалеолитическая стоянка Кермек. Чоппер односторонний

Состав орудий и предварительный анализ технологии их изготовления свидетельствуют об олдувайском типе индустрии стоянки Кермек и значительном сходстве её с индустрией Родников. Возможно, обе эти стоянки относятся к одной раннепалеолитической индустрии, существовавшей в раннеплейстоценовое время в южном Приазовье на протяжении длительного времени.

Таким образом, открытие и исследование ряда новых раннепалеолитических стоянок в южном Приазовье существенно дополняют наши представления о раннем палеолите Восточной Европы и Евразии в целом. Становится очевидным, что степные пространства Приазовья были заселены первобытными людьми, продвинувшимися в этот регион с юга скорее всего по Каспийскому и Черноморскому побережьям Кавказа [Амирханов, 2007, с. 24; Деревянко, Зенин, 2008, с. 10; Щелинский, 2007, с. 85], уже в первой половине раннего плейстоцена ориентировочно 1,4-1,6 млн. лет тому назад. Причём произошло это практически в одно время с появлением человека на Кавказе и в южном Закавказье. Этому, надо полагать, способствовали общий достаточно высокий потенциал культуры и адаптивные возможности отдельных популяций древнейших людей, равно как и благоприятные природные и экологические условия в Приазовье в начале четвертичного периода. Есть все основания полагать, что Приазовье сыграло весьма важную роль в процессе первоначального заселения человеком Европы.

Литература

Амирханов Х.А. Каменный век Южной Аравии. – М.: Наука, 2006. – 693 с.

Амирханов Х.А. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе (Предварительные результаты). – М.: Таус, 2007. – 52 с.

Амирханов Х.А. Сравнительная типолого-статистическая характеристика инвентаря стоянки Мухкай-1 в Центральном Дагестане (по материалам раскопок 2007 года) // Ранний палеолит Евразии: новые открытия: Мат-лы междунар. конф. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – С. 28-31.

Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества. – Л.: Наука, 1979. – 240 с.

Вангенгейм Э.А., Векуа М.Л., Жигало В.И., Певзнер М.А., Тактакишвили И.Г., Тесаков А.С. Положение таманского фаунистического комплекса в стратиграфической и магнитохронологической шкалах // БКИЧП. – 1991. – № 60. – С. 41-52.

Вангенгейм Э.А., Певзнер М.А.. Тесаков А.С. Зональное расчленение квартера Восточной Европы по мелким млекопитающим // Стратиграфия. Геологическая корреляция. – 2001. – Т. 9, № 3. – С. 76-88.

Верещагин Н.К. Остатки млекопитающих из нижнечетвертичных отложений Таманского полуострова // Тр. / Зоол. ин-та АН СССР. – 1957. – Т. 22.– С. 9-72.

Григорьев Г.П. Палеолит Африки // Палеолит мира. – Л.: Наука, – 1977. – С. 44-193.

Громов В.И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит) // Тр. / Ин-та геол. наук. Геол. серия. – 1948. – Т. 48, № 17. – С. 1-521.

Губкин И.М. Заметка о возрасте слоёв с Elasmotherium и Elephas на Таманском полуострове // Изв. / Импер. Академии наук. Сер. 6. – 1914. – Т. 8, № 9. – С. 587-590.

Деревянко А.П., Зенин В.Н. Древнейшие индустрии юго-восточного Дагестана // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М.: ИА РАН. – 2008. – Т. I. – С. 10-12.

Додонов А.Е., Трубихин В.М., Тесаков А.С. Палеомагнетизм костеносных отложений местонахождения Синяя Балка / Богатыри // Ранний палеолит Евразии: новые открытия: Мат-лы Междунар. конф. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008а. – С. 57-58.

Додонов А.Е., Тесаков А.С., Симакова А.Н. Таманское местонахождение фауны млекопитающих Синяя Балка: новые данные по геологии и биостратиграфии //Ранний палеолит Евразии: новые открытия: Мат-лы Междунар. конф. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008б. – С. 53-57.

Дуброво И.А. Новые данные о таманском фаунистическом комплексе позвоночных // Бюлл. Моск. об-ва испытателей природы. Отд. геол. – 1963.– Т. 38, № 6. – С. 94-99.

Лебедева Н.А. Антропоген Приазовья. – М.: Наука, 1972. – 108 с.

Лебедева Н.А. Корреляция антропогеновых толщ Понто-Каспия. – М.: Наука, 1978. – 136 с.

Любин В.П. Нижний палеолит // Каменный век на территории СССР. – М.: Наука, 1970. – С. 19-42.

Любин В.П. Ранний палеолит Кавказа // Палеолит СССР. – М.: Наука, 1984. – С. 45-93.

Праслов Н.Д. Палеолит бассейна Дона (проблемы стратиграфии, хронологии и развития культуры): Дис. … д-ра ист. наук. – СПб., 2001. – 46 с.

Титов В.В. Тесаков А.С. Таманский фаунистический комплекс: ревизия типовой фауны и стратотипа // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: Мат-лы VI Всерос. совещ. по изучению четверт. периода. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. – С. 581-582.

Формозов А.А. Относительная хронология древнего палеолита Прикубанья // СА. – 1962. – № 4. – С. 17-27.

Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. – М.: Наука, 1965. – 160 с.

Щелинский В.Е. Древнейшие раннепалеолитические местонахождения Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. – 2005. – № 5. – С. 415-429.

Щелинский В.Е. Палеолит Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа (памятники открытого типа). – СПб.: Европ. дом, 2007. – 189 с.

Щелинский В.Е., Бозински Г., Кулаков С.А. Исследования палеолита Кубани // АО 2002 г. – М., 2003. – С. 265-267.

Щелинский В.Е., Кулаков С.А. Раннепалеолитическая стоянка Богатыри (палеонтологическое местонахождение Синяя Балка) на Таманском полуострове: результаты исследований 2003-2004 годов // Проблемы палеонтологии и археологии юга России и сопредельных территорий: Мат-лы междунар. конф. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2005 – С. 116-118.

Щелинский В.Е., Кулаков С.А. Богатыри (Синяя Балка) – раннепалеолитическая стоянка эоплейстоценового возраста на Таманском полуострове // РА. – 2007. – № 3. – С. 7-18.

Щелинский В.Е., Додонов А.Е., Байгушева В.С., Кулаков С.А., Симакова А.Н., Тесаков А.С., Титов В.В. Раннепалеолитические местонахождения на Таманском полуострове (Южное Приазовье) // Ранний палеолит Евразии: новые открытия: Мат-лы Междунар. конф. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – С. 21-28.

Bosinski G. Les origines de l' homme en Europe et en Asie. Atlas des sites du Paléolithque in férieur. – Paris: Editions Errance, 1996. – 176 p.

Bosinski G., Ščelinskij V.E., Kulakov S.A. und Kindler L. Bogatyri (Sinaja Balka) – Ein altpaläolithischer Fundplatz auf der Taman-Halbinsel (Russland) // Erkenntnisjäger. Kultur und Umwelt des frühen Menschen. Festschrift für D. Mania. Veröffentlichungen des Landesamtes für Archäologie Sachsen-Anhalt-Landesmuseum für Vorgeschichte.– 2003. – B. 57, t. 1. – S. 79-89.

Leakey M.D. Excavation in Beds I and II, 1960-1963 // Olduvai Gorge.– Cambridge: Cambridge University Press. – 1971. – Vol. 3. – P. 1-306.

Pevzner M., Tesakov A., Vangengeim E. The position of the Tizdar locality (Taman Peninsula, Russia) in the magnetochronological scale // Paludicola. – 1998. –Vol. 2, № 1. – P. 95-97.

Shchelinsky V. E., Dodonov A. E., Baigusheva V. S., Kulakov S. A., Simakova A.N., Tesakov A.S., Titov V.V. Bogatyri / Sinyaya Balka and Rodniki. Early Paleolithic sites on the Taman peninsula (Southern Azov Sea Region) // Quaternary International. – Amsterdam: Elsevier Ltd., 2010 (in the press).

Simakova A. Palynologi study of the Early Pleistocene Bogatyry / Sinyaya Balka and Rodniki sites (Taman Peninsula, Russia) // The Quaternary of southern Spain: a bridge between Africa and the Alpine domain. – Tarragona: Universitat Rovira i Virgili, 2009. – P. 36-37.

A. Weber[1], R. Bettinger[2]
[1]Edmonton (Canada), University of Alberta
[2]USA, University of California Davis

BIOARCHAEOLOGY OF MIDDLE HOLOCENE HUNTER-GATHERERS OF CIS-BAIKAL, SIBERIA: AN OVERVIEW OF RECENT RESULTS

Introduction

Any serious discussion of the Neolithic and Bronze Age hunter-gatherers of Cis-Baikal, Siberia, must acknowledge the model of culture change presented by A.P. Okladnikov in the 1950s [Okladnikov, 1950, 1955], an account more comprehensive and far-reaching than any since. In contrast to the model of the time, Okladnikov did more than merely describe material culture, mortuary patterns, and culture history. Although drawing mostly from mortuary sites, his account nevertheless dealt with subsistence and diet, social, political and ethnic relations, and religious and ritual life. Half a century later these matters remain in the centre of archaeological research although they are being addressed with new methods that allow much improved level of insight.

Therefore, the goals of this paper is to summarize those recent results that have changed the most of our knowledge about the middle Holocene hunter-gatherers of the Baikal region and, at the same time, relate directly to Okladnikov's own interests. More specifically, I review the matters related to human population size and distribution, age structure, health and activity patterns, diet and subsistence, and mobility and territoriality – the focus of the long-term Russian-Canadian research pro-

gram conducted under the auspices of the Baikal Archaeology Project. The discussion is preceded by a brief description of culture history, mortuary variability and geography, all of which have recently received a thorough treatment elsewhere [Weber et al., 2010a and references therein].

Archaeological and Geographic Context

Culture History and Mortuary Variability

The culture history shown in Table 1 differs in only minor ways, mostly in terminology, from earlier versions developed on the basis of roughly 120 radiocarbon dates soon after they were produced in Russian laboratories in the 1980s [Mamonova & Sulerzhitskii, 1989; Weber, 1995; Weber et al., 2002]. This version is unlikely to change in fundamentals although the duration and boundaries of individual periods likely will [Weber et al., 2005, 2010b]. More specifically, the Middle Neolithic (MN) period perhaps is still somewhat longer, and each of the three mortuary traditions defining the Early Neolithic (EN), Late Neolithic (LN), and Early Bronze Age (EBA) are shorter than indicated here [Weber et al., 2010b]. It is important to emphasize that, contrary to what some scholars believe [e.g., Bazaliiskii, 2010], there is currently no empirical basis for defining a Mesolithic mortuary tradition [cf. Weber at al., 2010b].

No.	Cemetery name	No.	Cemetery name	No.	Cemetery name
1	Shchukino	52	Verkhneseredkino	103	Ust'-Tutra
2	Bol'shaia Mezhovka	53	Nizhneseredkino	104	Zhigalovo
3	Ershi	54	Zaimka	105	Tikhoe Pleso
4	Kuz'mikha	55	Ust'-Osa	106	Ust'-Ilga
5	Malaia Razvodnaia	56	Ostrov Osinskii	107	Niashenskii Perekat
6	Lesikha	57	Shivera	108	Turuka
7	Glazkovo	58	Riutino	109	Zakuta
8	Lokomotiv	59	Ust'-Uda	110	Podymakhino
9	Pereselencheskii Punkt	60	Serovo	111	Kirensk
10	Reka Kaia	61	Anosovo	112	Typta
11	Pad' Ushkanka	62	Igirma I	113	Fofanovo
12	Pad' Sukhovskaia	63	Igirma II	114	Khotoruk
13	Strel'bishche	64	Rasputino	115	Ulan-Khada II
14	Kitoi	65	Balinskaia	116	Ulan-Khada III
15	Usole	66	Moka	117	Ulan-Khada IV
16	Kalashikha	67	Rechka Kezhemka	118	Ulan-Khada V
17	Ostrov Rodion	68	Zaiarsk	119	Ulan-Khada VI
18	Shumilikha	69	Bol'shaia Mamyr'	120	Sagan-Nuge
19	Ust'-Belaia	70	Malaia Mamyr'	121	Shide I
20	Ponomarevo	71	Rechka Luchikha	122	Sarminskii Mys
21	Balushkina	72	Isakovo	123	Uliarba
22	Buret'	73	Monastyrskii Kamen'	124	Kulgana
23	Verkhniaia Buret'	74	Bratskii Kamen'	125	Khuzhir-Nuge VI
24	Sukhaia Pad' I	75	Shamanka	126	Elga III
25	Sukhaia Pad' II	76	Abakshino	127	Khalurinskii Mys
26	Pad' Chastye	77	Ostrov Fedorovskii	128	Shrakshura II
27	Pad' Lenkovka	78	Tushama	129	Shamanskii Mys
28	Ust'-Dolgaia	79	Karapchanka	130	Kharansa I
29	Pad' Sviataia	80	Ostrov Zhiloi	131	Kharansin I
30	Pad' Kalashnikova	81	Manzurka	132	Budun
31	Pad' Makhonkina	82	Ulus Khalskii	133	Ust'-Ilir
32	Sobachii Log	83	Khabsagai	134	Rechka Kezhma
33	Semenovo	84	Makrushino	135	Educhanka
34	Itsygun	85	Iushino	136	Ust'-Toisuk
35	Kamenka Ostrog	86	Belousovo	137	Elgen
36	Ust'-Ida I	87	Staryi Kachug	138	Kurma XI
37	Podostrozhnoe	88	Zvezdochka	139	Ilimsk
38	Kirpichnyi Sarai	89	Popovskii Lug	140	Shestakovo
39	Gorodishche	90	Rytvinka	141	Khuzhir-Nuge XIV

40	Gorodishche II	91	Makarovo	142	Shamanka II
41	Pad' Ugolnik	92	Shishkino	143	Kurma XIX
42	Garankin Log	93	Silinskaia	144	Bol'shaia Mezhovka 2
43	Pad' Nokhoi	94	Nikol'skii Mys	145	Tutura
44	Pad' Khinskaia	95	Nikolskii Grot	146	Zhigalovo Aeroport
45	Churinskii Lozhok	96	Verkholensk	147	Khonkoiskoe ozero I
46	Pad' Glubokaia	97	Ust'-Talma	148	Khadarta IV
47	Gudaev Log	98	Obkhoi	149	Borki
48	Selo Kazache	99	Ust'-Iamnaia	150	Stepnoe Kartukhai
49	Bumazhkino	100	Korkino	151	Sokhter IX
50	Golomyska	101	Zapleskino		
51	Evseevo	102	Vorob'evo		

Table 1. Culture history model of middle Holocene Cis-Baikal (after Weber et al. 2010b)

With regard to the mortuary variability, the EN pattern is clearly dominated by regional differences, the term «Kitoi» being cleanly applicable only to the large cemeteries from the upper Angara River and Shamanka II on South Baikal [Bazaliiskii, 2010]. In contrast, during the LN and EBA, regional similarities clearly prevail over local peculiarities. It is not uncommon that the EN graves outside of the Angara valley are difficult to classify typologically for they often have very few grave goods, lack red ochre, frequently display flexed body position, and fishing gear and arrowheads are conspicuously absent. In contrast, LN or EBA graves rarely pose similar problems.

Geography: Vegetation, Ungulates, Fish, and Climate History

Cis-Baikal, an area immediately north and west of Lake Baikal, features a markedly continental climate dominated by middle and southern taiga forests (Fig. 1). While average temperatures are regionally homogenous with effective temperatures (ET) consistently around 11˚C [Bailey, 1960], topography, geology, hydrography, precipitation, vegetation, and terrestrial and aquatic fauna are all highly variable across Cis-Baikal resulting in a substantial mosaic of the environmental conditions.

The downstream sections of the Angara and Lena River valleys feature thick taiga forests. The upper sections, however, display extensive pockets of open steppe forest and are connected by a stretch of open vegetation that runs along the Kuda River (right tributary of the Angara) and the Manzurka River (left tributary of the Lena). Being relatively dry (only c. 250 mm of rainfall annually), most of the Little Sea area is likewise open steppe. Open landscape prevails also in the middle section of the Irkut valley (i.e., the Tunka region), west of Lake Baikal.

The distribution of terrestrial food resources varies with vegetation. Roe deer and red deer favor open vegetation and would have been more plentiful in all four micro-regions than elk (moose) and musk deer, which would have favored the closed vegetation characteristic of the more densely forested parts of Cis-Baikal. The mountains along the northwest coast of Lake Baikal probably offered Middle Holocene hunters some combination of these. While available year round, all these herbivores would have been more readily taken in winter, concentrating hunting in the months with greatest snowfall, when snow made tracking them easier than in summer [e.g., Turov n.d.].

Fish are everywhere abundant, yet they vary in quantity and kind between micro-regions, in part because the fisheries themselves are for the most part independent. While the Little Sea and South Baikal obviously share the Lake Baikal fishery in common and both feature extensive shallows, the presence of many quiet coves in the Little Sea would offer somewhat better opportunities for fishing there. The riverine fisheries differ locally mainly in productivity: the upper and lower reaches of the Angara are markedly more productive than the middle, which is in turn markedly more productive than the upper Lena (Table 2) [Kozhov, 1950]. Lake Baikal fishery is more diverse in that the fishes of its vast littoral zone sort themselves, however rarely exclusively, into a few distinct habitats such as the open coast, gulfs (e.g., Proval' and Chivyrkui), estuaries (e.g., Selenga, Upper Angara, and Barguzin), and lagoons (*sor* in colloquial Russian; e.g., Posol'sk, Kurma). The Little Sea, with numerous very shallow (2–5m deep) and quiet coves in the south end (e.g., Ulan-Khada, Sagan-Nuge, Uliarba, Khuzhir-Nuge etc.) and the depths reaching 250m in the north, is also quite diverse and

often regarded as a separate zone. The habitat of the coves more resembles lagoons while the north is more akin to the open coast littoral [Weber 2003 and references therein].

Period	*Mortuary tradition*	*Angara, S. Baikal cal BP*	*Upper Lena cal BP*	*Little Sea cal BP*
Late Mesolithic	Lack of archaeologically visible mortuary sites	8800–8000	8800–8000	8800–8000
Early Neolithic	Kitoi and other	8000–7000/6800	8000–7200	8000–7200
Middle Neolithic	Lack of archaeologically visible mortuary sites	7000/6800–6000/5800	7200–6000/5800	7000/6800–6000/5800
Late Neolithic	Isakovo, Serovo Tightly flexed	6000/5800–5200	6000/5800–5200/5000	6000/5800–5200/5000
Early Bronze Age	Glazkovo, Tightly flexed	5200/5000–4000	5200/5000–3400	5200/5000–4000

Table 2. Cis-Baikal fish resources (after Kozhov 1950)

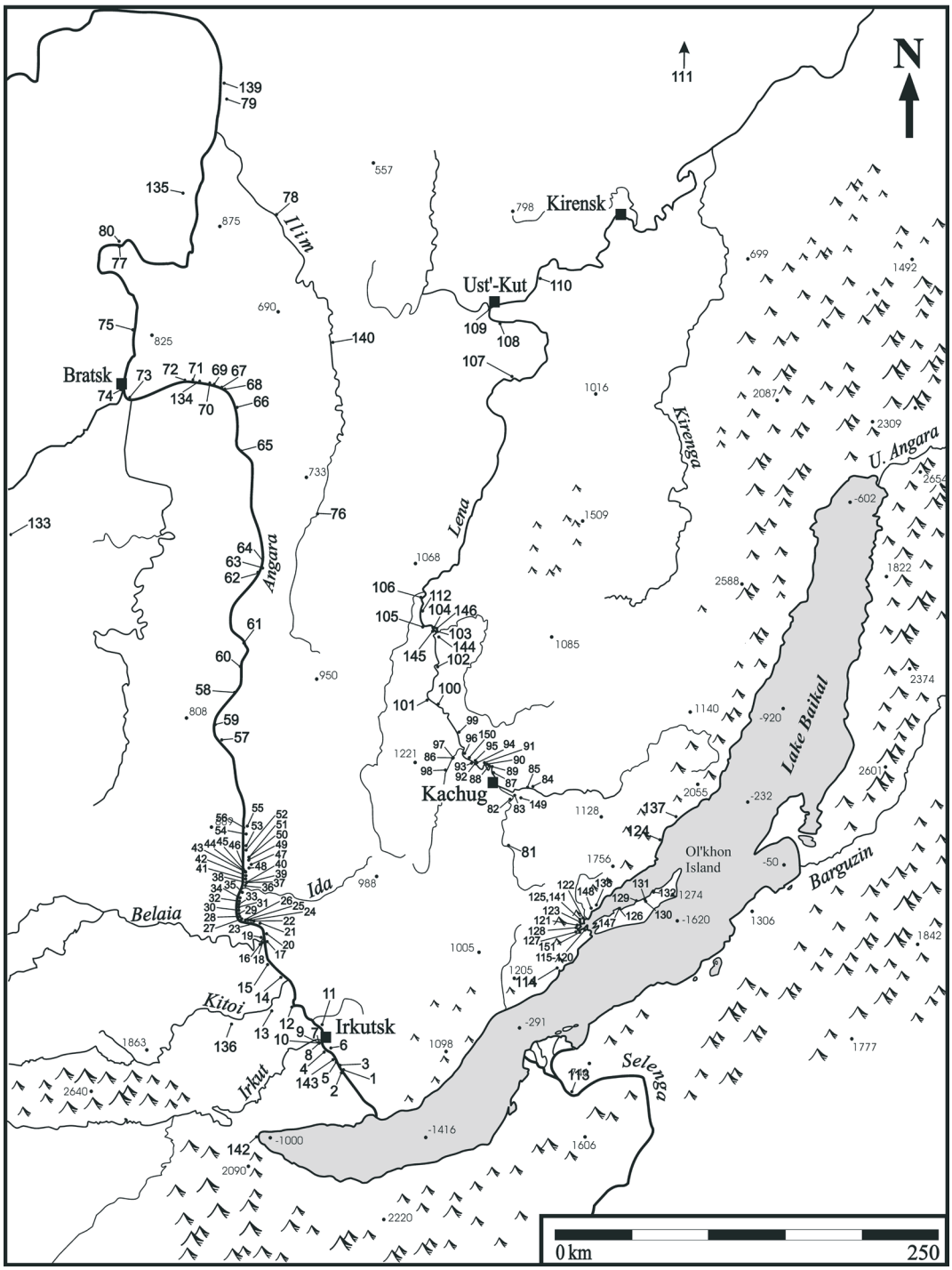


Figure 1. Map of the study area, location of all known Middle Holocene cemeteries, and habitation sites mentioned in the paper

Climate did change from relatively warm-wet to warmer-drier sometime around the observed MN discontinuity, but it is unclear whether its onset was in the EN, before the hiatus in formal cemetery use, or in the first half of the MN, within the hiatus [White 2006; White & Bush 2010]. This Middle Holocene climate change was at least partly the result of a weakening Asiatic paleomonsoon system, the moist air masses of which did not penetrate as far inland. Empirical data and numerical simulations suggest that the more arid areas south of Lake Baikal would have been more affected than the area northwest of the lake. Within Cis-Baikal, the effect of this climate shift would have varied substantially depending on local topography; micro-regions vegetated with open steppe and forest-steppe would have been more affected than those more thickly forested, which would have some effect on local hunting. At this point, however, the qualitative and quantitative aspects of this environmental change remain unclear at both regional and micro-regional scales.

Population

In foragers, population is a complex and important variable continuously interacting with the other elements of entire adaptive strategies [e.g., Binford, 2001; Kelly, 1995]. Since this variable has not been discussed previously in the case of the Baikal's Middle Holocene hunter-gatherers, it will be given more attention here. Unfortunately, population size, density and distribution are notoriously difficult to assess for prehistoric hunter-gatherers, and especially so for groups dwelling in very light and portable structures that leave little archaeological evidence, as in the Middle Holocene Cis-Baikal. This problem is, to some extent, rectified by the wealth of data from mortuary sites.

Size, Density, and Distribution

In general, hunter-gatherer habitation sites tell us more about the nature and distribution of human activities than about demographic parameters. The opposite may be true for cemeteries. While cemeteries directly inform us only about the distribution of dead people, as opposed to living ones, it is reasonable to assume that most dead were interred near where they lived. Delayed interment and reburial pose a problem here, but Middle Holocene Cis-Baikal cemeteries show little evidence of either, and thus the mortuary sites are reasonable proxies of population parameters. The question thus focuses on the population parameters that can be measured from mortuary data. In particular, the emphasis here is on three specific units of analysis and their potential meaning in demographic terms: the cemetery, the grave, and the individual.

The cemetery is defined as a spatially and temporally distinct locality with at least one grave. Setting these limits can be difficult, even arbitrary, especially when radiocarbon dating is unavailable and typological dating often undependable, but in most cases, reliable identification of this analytical unit is possible. Since cemeteries differ markedly in size and character [e.g., «community» vs. «specialized»; McKenzie, 2010], simple cemetery counts likely do not measure the size of local, micro-regional, or regional populations. The distribution, number, and size of cemeteries do, however, provide clues about community organization. Specifically, the number of concurrent «community» cemeteries is an acceptable proxy for the number of groups functioning in the entire Cis-Baikal and within its smaller micro-regions.

The grave can be defined as a physical facility providing a corporeal or symbolic resting place for one or more individuals. A major analytical difficulty here is that the number of individuals buried in many of the graves excavated during the early stages of Cis-Baikal archaeology is not known (Lokomotiv is a good example). Since we do not know how many individuals they denote, symbolic graves (cenotaphs) cause the same problem. Further, it is impossible in many cases to distinguish between a cenotaph and a grave whose human remains have completely disintegrated or have been ceremonially removed. All of this means that any attempt to estimate the number of individuals per grave, site, micro-region, and region is likely to be too low, perhaps unrepresentatively so. Despite this, as with cemeteries, graves can tell us something about local communities. The number of graves per cemetery, burials per grave, and the spatial arrangement of graves within cemeteries may be viewed as an indication of social organization at the community level – perhaps the size, number, and character of basic socio-economic units.

The third unit of analysis is the *individual*. Setting aside the difficulties of definition that also arise here, individuals provide the best evidence of the size and demographic profile of local, micro-regional, and regional population.

Further, examination of the available data requires additional explicit assumptions:

1. Inhumation of the dead in formal cemeteries by hunter-gatherers is a cultural variable of a binominal character, i.e., either it is practiced or it is not.

In hunter-gatherers, mortuary protocol, including inhumation in formal cemeteries, is a characteristic shaped in a complex fashion by a number of cultural variables, such as subsistence, access to resources, land tenure and territoriality, migrations and mobility, socio-political complexity, and population size and distribution, as well as environmental variables, such as spatial and seasonal variability in distribution, abundance, and density of food resources, climate, and topography [e.g., Dietler & Hayden, 2001; Hayden, 2001; Price & Brown, 1985; Price & Feinman, 1995]. The existing knowledge on the subject suggests that there is sort of a threshold of hunter-gatherer socio-economic complexity above which formal cemeteries are employed and below which they are not, other – less likely to be archaeologically observable – forms of disposal of the dead being used. Population density can be considered a practical proxy measure of that threshold in socio-economic complexity.

The fact that in the Baikal region the Mesolithic and MN groups did not use formal cemeteries is consistent with this generalization. Hypothetically, it is possible that one group would use both formal and informal cemeteries, i.e. archaeologically observable and unobservable. Such distinction would likely be culturally justified and thus some systematic bias should be visible in the archaeological record. For example, adults would be interred in formal cemeteries while children would be disposed of in rivers. This leads to the next assumption:

2. In the Baikal region, proportions of individuals interred in formal cemeteries relative to all dead are similar in all three culture historical periods (EN, LN, and EBA) as well as in all main micro-regions.

That this is a valid assumption seems to be confirmed by the lack of a major bias against one or another sex or age group or social standing identified on the basis of archaeological criteria. To the contrary, all various age groups from newborns and infants through to juveniles, adults and senescents as well as woman and men, the 'rich' and the 'poor', and even the shamans are known from cemeteries of all periods. Random factors, such as death in accidents or in remote locations and during seasons not suitable for inhumation (i.e., in winter), murders, drownings etc. likely did occur but they are rather expected to affect the archaeological record evenly across time and space. Consequently, such affects are unlikely to skew results of further analysis in a meaningful way.

Furthermore, the above assumption should not be taken to mean literally that, aside from lower overall numbers, cemetery populations fully mirror living populations with regard to their age and sex structure. It seems that some age groups, e.g. subadults (<15 years old), are clearly underrepresented at most cemeteries including those considered to be 'communal'. With these limitations considered together, the mortuary data allow reasonable but relative and approximate reconstruction as well as comparison of population size and distribution within and between the main micro-regions. While the demographic situation outside these micro-regions remains largely unknown, one should rather expect groups of much smaller size and lower density relative to the micro-regional centers.

Comprehensive examination of the available evidence is beyond the scope of this paper. As throughout this review, the goal is to highlight a few general observations with reference to number of cemeteries, graves, and individuals of known age within the four micro-regions. Omitting a handful of very small cemeteries not yet entered into our databases and results of the recent excavations at the EN Shamanka II cemetery, the dataset includes all sites with at least one grave of known relative age and excludes all graves of unknown age (Table 3). It represents 184 distinct cemeteries, 982 graves with relative age defined on the basis of either typological criteria or radiocarbon dating, and 1126 individuals. As mentioned earlier, the typological criteria are not entirely dependable. This is primarily applicable to all Mesolithic graves and EN graves outside of the Angara and South Baikal micro-regions. The small number of graves classified as Mesolithic, which actually should be reclassified as EN, is unlikely to bias conclusions. Some of the Little Sea graves classified as

LN or EBA may in fact be EN [Weber & Goriunova, 2005], but this can only be verified by future radiocarbon dating where skeletal material is still available. The lack of mortuary data precludes, of course, examination of Mesolithic and MN demography. Represented only by two localities (Shamanka II and Fofanovo), the South Baikal, the least archaeologically known Cis-Baikal micro-region, is also excluded.

Angara (from Baikal to Ilim, 991km)		Lena (source to Vitim, 1300 km)
Section 1 (Baikal–Irkut, 71 km)	2816 kg/km/year	228 kg/km/year
Section 2 (Irkut–Bratsk, 680 km)	735 kg/km/year	
Section 3 (Bratsk–Ilim, 240 km)	2916 kg/km/year	

Table 3. Distribution of middle Holocene mortuary sites in Cis-Baikal (results of the recent excavations at the EN Shamanka II cemetery are not included)

It is worth noting that the data presented in Table 3 partly reflect differences in recovery rates and visibility between the four micro-regions. Cemeteries in the Angara and upper Lena valleys are typically located on the first terrace and covered by alluvial deposits, the graves being invisible from the modern surface. Most of these mortuary sites were found as the result of river erosion or modern farming, gardening, and construction projects large and small. As a consequence, archaeological fieldwork has been more aggressively pursued along the more densely populated and accessible Angara than along the much less accessible upper Lena, the lower 200 km of which is essentially unknown archaeologically. Visibility is much better in the Little Sea micro-region, where most graves of all ages are evident as surficial stone clusters covering grave pits. While in the 1950s Okladnikov did not report any Middle Holocene Little Sea cemeteries, systematic archaeological work completed since has resulted in a substantial mortuary record.

Cemetery counts almost certainly also reflect micro-region size and amount of waterfront along major bodies of water, where cemeteries are invariably located. The Little Sea (including the part of the coast southwest of Ol'khon island to the mouth of the Anga River) has c. 300 km of waterfront, in contrast to the upper Lena which has 660 km, and the Angara 990 km; actually the rivers have twice that much if both banks are included in the calculation. Overall, visibility and recovery rates are more consistent within than between micro-regions. Little Sea sites are highly visible but the area is small. Angara sites are less visible but the area is relatively large, developed, and accessible, thus increasing the number of site finds. The Upper Lena is reasonably large, but being less developed suffers from lack of visibility and access, hence reducing the probability and frequency of site finds. These differences hinder but do not prevent reasonable comparisons, again mostly in relative terms, between micro-regions, especially given the large amount of data available.

Intra-regional Patterns

In the Angara valley, change is mainly organizational and spatial. Population size apparently remained relatively stable overall through time, with EN groups being fewer and substantially larger than LN and EBA groups. Kitoi cemeteries are largest on the upper section of the Angara, decreasing in size and number downstream; LN and EBA cemeteries are more evenly distributed. On the upper Lena and in the Little Sea, by contrast, the change is mainly in population size and perhaps organization. EN cemeteries are few and small; LN, and particularly the EBA, cemeteries more numerous and larger, especially in the Little Sea.

Inter-regional Patterns

The EN is the most spatially variable, the vast majority of EN cemeteries, graves and individuals being concentrated in the upper Angara valley. The few EN cemeteries known from the upper Lena and Little Sea are noticeably smaller, particularly in the Little Sea. By contrast, the LN and EBA cemeteries, graves, and individuals are more uniformly distributed across the three well-documented micro-regions. The only notable exception is the relative paucity of EBA cemeteries on the Little Sea, but the tally of graves and individuals increases to the level characteristic of the substantially larger Angara valley.

Local Group Structure

One particularly good measure of group organization that does not show up in Table 3 is the proportion of individuals interred in graves with multiple individuals, which would seem to reflect individuals, possibly relatives (see Genetic Relationships section), that shared an identity that dis-

tinguished them from others buried in the same cemetery. The best data here come from three large cemeteries, the EN Lokomotiv (Angara), Shamanka II (South Baikal) and EBA Khuzhir-Nuge XIV (Little Sea). The proportion of EN individuals interred in multiple graves is quite large: 65% (87 out of 133, excluding the «wolf» grave) at Lokomotiv and 75% (98 out of 130) at Shamanka II. In contrast, at EBA Khuzhir-Nuge XIV only 22% (20 out of 89) are from multiple graves. Furthermore, there are important distinctions in the arrangement of multiple burials. Kitoi multiple interments are invariably tightly stacked vertically, often in the head-to-toe position; LN and EBA multiple interments are usually laid out horizontally, and those of EBA are never head-to-toe [e.g., Bazaliiskii, 2003].This rather striking discrepancy may reflect different types of community organization, an EN form made up of several tightly organized units – social, economic, or political – that remained distinct within the larger group, and a EBA form lacking such subdivisions.

Summary

Overall, the data in Table 3 suggest that Cis-Baikal hunter-gatherer groups changed significantly in size, distribution, and organization during the Middle Holocene. The EN population was clearly concentrated in the upper Angara valley, and likely South Baikal, where it formed a few rather large centers, each highlighted by a major cemetery mostly made up of multiple burials that may represent important social, economic, or political subdivisions within the group as a whole. The LN and EBA population was larger, mainly as a function of growth outside the upper Angara, most noticeably in the Little Sea area during the EBA, the upper Angara population remaining rather stable. The larger LN and EBA population was more evenly distributed and sorted into smaller groups who mainly buried their dead individually, perhaps signifying affiliation with the group at large rather than subdivisions thereof. Thus, it seems possible that the smaller LN and EBA communities were more tightly knit, or at least less internally differentiated, than the larger EN communities, which seem to have been made up of many distinct subunits.

Unfortunately, nothing can be said about the origin of the EN pattern, or the transition from it to the LN and EBA pattern, for there is almost no mortuary record at all for the Mesolithic and MN. While the lack of formal cemeteries alone is rather a meaningful marker of the demographic situation, nevertheless direct comparison of the periods with formal cemeteries (EN, LN and EBA) and without (Mesolithic and MN) becomes impossible, as is the assessment of the demographic parameters during the latter two intervals.

Age Structure, Health and Activity Patterns

Our early thinking about these three important aspects of Cis-Baikal Middle Holocene hunter-gatherer adaptation developed from the osteobiographic examination of the Lokomotiv and Ust'-Ida I cemetery populations conducted by Link [Link, 1996, 1999; Weber et al., 2002]. Much research has been completed since this original assessment. First, extensive fieldwork was conducted at three other Middle Holocene cemeteries (Khuzhir-Nuge XIV, Kurma XI, and Shamanka II) which produced roughly 300 individuals for examination. Second, a large body of osteobiographic data was obtained from all five collections. Third, all five cemeteries, including Ust'-Ida I, were extensively dated by radiocarbon [Weber et al., 2006], reliably defining their chronological boundaries. And fourth, identification of 'community' and 'specialized' cemeteries by McKenzie [2006, 2010] made it clear that assessment of any kind of data provided by mortuary sites – osteobiographical, genetic, burial protocols etc. – requires careful definition of units of analysis. In this case, it now appears that the LN and EBA components at Ust'-Ida I are not only chronologically distinct, but also represent 'specialized' cemeteries. Consequently, Khuzhir-Nuge XIV is the only available LN–EBA 'community' cemetery that can be reasonably compared with the EN Lokomotiv and Shamanka II cemeteries – both of which are considered 'community.'

These new findings changed the early assessment of the osteobiographic situation. It now appears that the EN and LN–EBA groups displayed very similar age and sex structures and health status [Lieverse 2005, 2010; Lieverse et al., 2006, 2007]. The examined populations all appear to have experienced generally good dental and overall health, few injuries, minimal physical violence leaving discernible osteological marks, and a lifestyle that did not exert excessive physical stress. A few important differences with regard to activity patterns, however, are worth mentioning [Lieverse, 2010].

First, prevalence of enamel hypoplasia, an indicator of compromised health, was notably higher for the EN Lokomotiv (39.5%) than the LN–EBA Khuzhir-Nuge XIV (25.0%). Second, while exhibiting similar rates of osteoarthritis overall, EN and LN–EBA hiatus males and females displayed some interesting disparities in the skeletal distribution of this condition. The vertebrae and knees of EN males were more affected by osteoarthritis than those of EN females; the LN–EBA sample showed no such difference. Further, vertebral degeneration was less frequent among EN than LN–EBA females, while knee degeneration was more common among EN than LN–EBA males.

These findings are consistent with results of the biomechanical research reported by Stock et al. [2010]. Examination of the lower and upper body robusticity and loading suggests some meaningful differences between the EN and LN–EBA groups. First, the EN males display the highest of all sub-samples femur robusticity (lower body loading), higher than the EN females and higher than the LN–EBA males and females, the latter two showing little sexual dimorphism in this regard. Second, while sexual dimorphism in robusticity of the humerus (upper body loading) was negligible in both chronological groups, there is a significant trend toward lesser humerus robusticity among the LN–EBA groups.

These osteoarthritic and biomechanical differences likely imply profound differences in adaptive strategies between these two groups, particularly in weight and workloads, mobility, and division and organization of labor. LN and EBA groups likely traveled and laboured less, and distributed workloads more equitably, than EN groups, whose males bore the brunt of terrestrial travel and heavy labor.

Diet and Subsistence

Assessment of diet and subsistence is based on stable isotope signatures in human bone, currently the most direct and dependable method of evaluating this aspect of past adaptations and, in lesser degree, on cemetery locations. Our earlier analysis of nitrogen and carbon stable isotope ratios from samples representing the entire Cis-Baikal [Katzenberg & Weber 1999; Lam 1994] has been substantially expanded. The newly excavated cemeteries of Khuzhir-Nuge XIV, Kurma XI, and Shamanka II and the rest of the available specimens from the previously studied Lokomotiv and Ust'-Ida I collections were analyzed and a handful of specimens from other localities were examined too [Katzenberg et al., 2009, 2010]. While the samples from all documented micro-regions and periods provide unequivocal evidence for consumption of substantial amounts of freshwater foods – fish and seal – there is significant spatiotemporal variability within and between micro-regions.

The EN samples vary widely between micro-regions, spanning a range of ~6‰ in carbon, and ~4‰ in nitrogen, values. This probably reflects dependence on freshwater fish that differ substantially in abundance, kind, and carbon stable isotope signatures (~12‰) across Cis-Baikal. The close similarity of the Lokomotiv and Shamanka II values appears to be at odds with this view because, being so far apart and directly adjacent to rather different local fisheries, the riverine Angara against the lacustrine Lake Baikal, one would think they ought to have distinct isotopic signatures. This discrepancy, however, is not difficult to reconcile considering that Lokomotiv and Shamanka are the largest EN communal cemeteries and consequently both are likely a result of similar adaptive strategies, that both groups had, at least hypothetically, access to both fishers (i.e., on the Angara and Baikal) and other food resources, that they co-existed in time [Weber et al., 2010b], and, finally, that both groups likely interacted with each other on a regular basis. In this context, the observed isotopic similarity of these two samples is less of a surprise than the first assessment would suggest particularly against the background of the existing differences in a few aspects of the mortuary protocols.

The LN and EBA samples are much more homogeneous than those of the EN, but segregate into two distinct clusters (diets) separated by nitrogen values [Katzenberg et al., 2010]. The first diet is characterized by $\delta^{15}N$ values ranging between ~10 and 12‰ while the second cluster shows $\delta^{15}N$ values ranging from ~14 to 15‰. The former diet appears to consist mainly of game and fish (GF diet) while the latter is best accounted for by a nutritional intake of game, aquatic foods high in nitrogen, partly the piscivore pike and perch abundant in shallow coves and lagoons of Lake Baikal, and more importantly its seal (GFS diet), as attested by faunal remains recovered from many archaeological sites in this micro-region [Nomokonova et al., 2006, 2009a, 2009b; Weber et al., 1993,

1998, 2002]. Without these nitrogen rich foods, the Little Sea signature would approximate LN and EBA signatures in the rest of the Cis-Baikal. The Little Sea area features individuals with both the GFS and the GF diets, while the valleys of Angara and Lena are characterized by individuals with only the GF diet. This pattern regards both the LN and EBA although it is more conspicuous during the EBA perhaps due to the larger sample size.

A few additional observations complement this picture. The EN diet is quite different from the LN and EBA diets in the Angara Valley and Little Sea, but not on the upper Lena. On the upper Lena, the EN diet does not differ significantly from the LN and EBA diet, or, for that matter, from the LN and EBA diet on the Angara, which has a vastly superior fishery. In the Little Sea, the EN diet matches the LN–EBA GFS diet although the former sample size is small. The lower importance of fishing during EBA times throughout the Cis-Baikal thus had a homogenizing effect: the take from the immense Angara fishery now being no greater than that from the upper Lena, which was never very large to begin with, and the Little Sea.

Location of mortuary sites also provides important clues about Middle Holocene diet and subsistence (Fig. 1). All major EN cemeteries are located at or near major river mouths: Lokomotiv (on the Irkut), Kitoi (on the Kitoi), Ust'-Belaia (on the Belaia), Fofanovo (on the Selenga), and Shamanka II (on the Kultuchnaia, although this river is rather small). The LN and EBA cemeteries are not so located, being more evenly distributed along river courses, and, most symptomatically, on the riverless Little Sea of Lake Baikal, where they markedly outnumber EN mortuary sites (Table 3). River mouths, of course, are where the fish congregate while awaiting water temperatures to rise to the required level before migrating upstream to spawn. Thus, river mouth cemetery locations underscore the importance of riverine fishing to EN subsistence on the Angara, an emphasis that undoubtedly affected how labor was organized and largely determined the development of the Angara's Kitoi adaptation.

Although the discussion has focused thus far on fish and seal, the ungulates played the key role in both EN and LN–EBA Cis-Baikal subsistence. While on the surface the stable isotope data appear to suggest that large game did not assume a pivotal dietary role in Cis-Baikal until the LN–EBA times, a more careful examination of the isotope evidence shows that the importance of the ungulates in the Angara area during the EN is masked by consumption of certain fish that are simultaneously ^{15}N and ^{13}C enriched (e.g., ide, lenok, and black grayling) relative to ungulates (e.g., elk, red deer), which are uniformly ^{15}N and ^{13}C depleted, which causes isotopic values for ^{13}C and ^{15}N to be very strongly positively correlated in EN human skeletal remains [Katzenberg et al., 2010]. Therefore, there is no reason to view the role of large game during the EN to be any lesser than during the LN–EBA.

In summary, the EN culture represented in the large cemeteries of the upper Angara and South Baikal seems to have developed a rather specialized subsistence strategy centered on river fishing. The available evidence suggests that EN groups elsewhere, on the upper Lena and Little Sea, pursued a less specialized subsistence, in which hunting was primary and fishing supplementary, more akin to that which characterized LN and EBA hunter-gatherers throughout the Cis-Baikal. LN and EBA samples reflecting this GF diet differ mainly in stable isotope values of nitrogen that are higher in the Little Sea than on the Angara and upper Lena simply because the Little Sea afforded access to aquatic foods occupying higher trophic positions that were either less abundant or accessible (perch and pike), or entirely absent (Baikal seal) elsewhere thus resulting in the GFS diet.

Regional Mobility and Territoriality

Mobility and territorial behavior are best addressed using dietary evidence (carbon and nitrogen stable isotope ratios) just reviewed, and strontium isotope signatures in human bone and teeth, the latter considered to be a more direct measure of mobility than the former. In our first attempt at this, we proposed that Kitoi individuals and groups pursued a restricted range of resources within spatially limited annual ranges – well defined and fixed annual territories that centered on the upper Angara valley and the Irkut, Kitoi, and Belaia rivers, its major left tributaries. This scenario was believed to account best for the observed variability in carbon and nitrogen stable isotope ratios [Weber et al., 2002]. Additional geochemical data from Shamanka II and the EN component of the Kurma XI cemetery, and several of the lines of evidence discussed above, completely support that

view. Preliminary results of strontium stable isotope work suggest that the groups represented by the cemeteries of Lokomotiv and Ust'-Ida I, in the Angara valley, and Khuzhir-Nuge XIV, on the Little Sea, all used different home ranges [Haverkort et al., 2008, 2010].

For LN and EBA mobility, two alternative hypotheses were initially suggested: one invoked groups traveling to pursue the most abundant resources available in diverse settings across the whole of the Cis-Baikal area, the other a less regionally mobile pursuit of a broader range of resources within specific micro-regions. Both models adequately accounted for the similarities in carbon and nitrogen stable isotope values that all LN–EBA samples appeared to share. At that time, however, only one sample from the Little Sea (the Shamanskii Mys cemetery on Ol'khon Island) was examined. More recent bone and tooth geochemistry work on a larger sample, including a large suite from the Little Sea, now suggests that the second model is more accurate [Haverkort et al., 2008, 2010; Katzenberg et al., 2010; Weber et al., 2003]. While occurrence of the GFS diet only among the Little Sea LN–EBA samples suggests mobility restricted to this general area, presence of the GF diet in the Khuzhir-Nuge XIV sample implies migrations from the other micro-regions as suggested also by the strontium signatures (Weber & Goriunova n.d.). Although these data make it clear that the micro-regions were socially connected, perhaps exchanging mates, the isotope data make it even clearer that LN and EBA communities remained firmly established in their respective micro-regions.

Summary and Conclusion

The material reviewed in this paper reveals a number of correlations between various cultural and environmental variables. In the first pattern, one that applies to all culture historical periods with formal cemeteries (EN, LN, and BA), the spatial distributions of mortuary sites, open landscape (steppe or parkland), and good fisheries (riverine or lacustrine) are all correlated. In other words, mortuary sites concentrate not only in places where best fisheries exist, but also where open landscape would support sizable herbivore population. The remaining associations are as follows:

1. During the EN, the uneven distribution of fish resources with regard to species diversity, abundance, accessibility, and seasonality is correlated with the uneven distribution of the human population and cultural heterogeneity. Furthermore, the poorer overall community health, the more extensive male travel and heavier workloads appear to be correlated with the higher reliance on fishing.

2. During the LN and EBA, the more even distribution of terrestrial game (herbivores) and more even distribution of the human population are correlated with the cultural homogeneity. Additionally, the better overall community health, the lesser travel and workloads and more equitable distribution of labor between males and females appear to be correlated with the higher reliance on game hunting.

Viewed together, these patterns emphasize the most general observation emerging from this discussion—more specifically, the noticeable relationship between cultural characteristics and the biophysical environment of Cis-Baikal.

That two or more variables are correlated with each other does not, of course, imply existence of causal relationships between them, however, such associations do suggest where causal mechanisms may be found. For example, the correlation between the poorer overall health, more extensive male travel and heavy labor of the EN groups from the Angara and South Baikal and greater reliance on fishing in these groups, does not mean that activities related to fishing resulted in the empirically observable distribution and prevalence of arthritis in EN males and females. Just the opposite, the direct responsibility for the documented pattern, more than likely, rests with hunting not fishing. Increase in population density along with the greater emphasis on fishing likely have led to smaller and more circumscribed hunting grounds close to camp sites along the riverine fisheries, thus resulting in depletion of game there and necessitating the search of new hunting territories. Consequently, it would have been not the fishing directly but the longer logistical hunting trips to less populated areas, the transport of the procured game back to river camps, and the accompanying division of labor by gender that would have to be viewed as the mechanism resulting in the observable distribution and prevalence of arthritis among the EN groups on the Angara and South Baikal.

The patterns identified above have a few important consequences for our understanding of the Cis-Baikal's Middle Holocene hunter-gatherer prehistory as well as for directing future research. First, they suggest that environmental factors may have indeed played a decisive role here. Second, while terrestrial hunting in micro-regions featuring open steppe-forest vegetation was a necessary element of long-term economic stability for all Middle Holocene foragers, it was likely fishing that instigated the development of the more complex adaptations, particularly on the upper Angara and south Baikal during the EN. Third, termination of the EN, LN, and BA periods of hunter-gatherer complexity, or at least some of them, was likely related, in the first order, to the depletion of the game resources and, in the second order, to the overall socio-economic stress resulting from it rather than to the depletion of the aquatic food resources. And fourth, the observed correlations imply that in order to understand and explain the Middle Holocene culture change in Cis-Baikal it is necessary to examine not the interactions between the correlated variables alone but rather interactions between the variables from which those correlations result. The material reviewed here suggests that it is the natural environment, subsistence strategies (including technology), and demography that require such examination. The critical role in the examination of the first two topics will be played by archaeology of habitation sites, which in many respects provide information complementary to mortuary data, and the results supplied by bioarchaeological studies of human remains. It is expected that the recent excavations conducted by the Baikal Archaeology Project at two such sites, Bugul'deika and Sagan-Zaba on Lake Baikal, will provide a number of new important insights.

Period	Category	Micro-region				
		Angara	U. Lena	Little Sea	S. Baikal	Total
Mesolithic	Cemeteries	3	1			4
	Graves	3	1			4
	Individuals	1	2			3
Early Neolithic	Cemeteries	13	8	5	2	28
	Graves	143	25	18	72	258
	Individuals	194	19	19	142	374
Late Neolithic	Cemeteries	27	11	11		49
	Graves	110	42	40		192
	Individuals	127	49	51		227
Neolithic	Cemeteries	9		2		11
	Graves	10		2		12
	Individuals	10		4		14
Bronze Age	Cemeteries	54	21	15	2	92
	Graves	197	91	189	39	516
	Individuals	204	58	203	43	508
Total	Cemeteries	106	41	33	4	184
	Graves	463	159	249	111	982
	Individuals	536	128	277	185	1126

Table 4.

Резюме

Данная статья освещает вопросы связанные с размером и распределением человеческой популяции, ее половозрастной структурой, здоровьем и образом деятельности, питанием и жизнеобеспечением, миграциями и территориальностью, основываясь на результатах исследований, осуществленных в рамках «Байкальского археологического проекта». Новые данные демонстрируют корреляцию между культурными признаками и особенностями окружающей среды. Для раннего и позднего неолита, и раннмего бронзового века распределение мест захоронений соотносится с открытыми пространствами (степи и лесостепи), и местами богатыми рыбными ресурсами (речными или озерными). Другими словами, места захоронения дислоцируются не только в местах, где сосредоточены рыбные ресурсы, но также в местах, где открытые пространства поддерживают значительного размера популяции траво-

ядных животных. Другие корреляции следующие: (1) в течение раннего неолита неравномерное распределение рыбных ресурсов с учетом разнообразия их видов, обилия, доступности и сезонных колебаний соотносится с неравномерным распределением человеческой популяции и культурной гетерогенностью; более того, низкий общий уровень здоровья популяции и более продолжительные походы мужчин и тяжелы нагрузки соотносятся с более высокой зависимостью от рыбных ресурсов; (2) в течение позднего неолита и раннего бронзового века более равномерное распределение наземных животных (травоядных) и более равномерное распределение человеческой популяции соотносится с культурной гомогенностью; в дополнение, более высокий общий уровень здоровья популяции, меньшая протяженность походов и меньшая нагрузка, а также более равномерное распределение труда между мужччинами и женщинами соотносятся с более высокой зависимостью от охоты на животных.

Bibliography

Bailey H.P. A method of determining the warmth and temperateness of climate // Geografiska Annaler. – 1960. – Vol. 42 (1). – P. 1–16.

Bazaliiskii V.I. Mesolithic and Neolithic mortuary complexes in the Baikal region of Siberia // Prehistoric hunter-gatherers of the Baikal region, Siberia: bioarchaeological studies of past lifeways. – Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2010. – P. 51–86.

Bazaliiskii V.I. The neolithic of the Baikal region on the basis of mortuary materials // Prehistoric foragers of the Cis-Baikal, Siberia. – Edmonton: Canadian Circumpolar Press, 2003. – P. 37–50.

Binford L.R. Constructing frames of reference: an analytical method for archaeological theory building using ethnographic and environmental data sets. – Berkeley: University of California Press, 2001. – 624 p.

Dietler M., Hayden B. Feasts: archaeological and ethnographic perspectives on food, politics, and power. – Washington: Smithsonian Institution Press, 2001. – 432 p.

Haverkort C.M. et al. Hunter-gatherer mobility strategies and resource use based on strontium isotope ($^{87}Sr/^{86}Sr$) analysis: a case study from Middle Holocene Lake Baikal, Siberia // Journal of Archaeological Science. – 2008. – Vol. 35. – P.1265–1280.

Haverkort C.M., Bazaliiskii V.I., Savel'ev N.A. Identifying hunter-gatherer mobility patterns using Strontium isotopes // Prehistoric hunter-gatherers of the Baikal region, Siberia: bioarchaeological studies of past lifeways. – Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2010. – P. 217–242.

Hayden B. Richman, poorman, beggarman, chief: the dynamics of social inequality // Archaeology at the millennium: a sourcebook. – NY.: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2001. – P. 231–272.

Katzenberg M. A., Goriunova O.I., Weber A.W. Paleodiet reconstruction of Early Bronze Age Siberians from the site of Khuzhir-Nuge XIV, Lake Baikal // Journal of Archaeological Science. – 2009. – Vol. 36. – P. 663–674.

Katzenberg M.A. et al. Diet reconstruction and stable isotope ecology in the Lake Baikal region // Prehistoric hunter-gatherers of the Baikal region, Siberia: bioarchaeological studies of past lifeways. – Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2010. – P. 175–192.

Katzenberg M.A., Weber A.W. Stable isotope ecology and paleodiet in the Lake Baikal region of Siberia // Journal of Archaeological Science. – 1999. – Vol. 26 (6). – P. 651–659.

Kelly R.L. The foraging spectrum: diversity in hunter-gatherer lifeways. – Washington: Smithsonian Institution Press, 1995. – 544 p.

Kozhov M.M. Presnye vody Vostochnoi Sibiri (bassein Baikala, Angary, Vitima, verkhnego techenia Leny i Nizhnei Tunguski). – Irkutsk: Irkutskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1950. – 367 p.

Lam Y.M. Isotopic evidence for change in dietary patterns during the Baikal Neolithic // Current Anthropology. – 1994. – Vol. 35 (2). – P. 185–190.

Lieverse A.R. Bioarchaeology of the Cis-Baikal: biological indicators of Mid-Holocene hunter-gatherer adaptation and cultural change. – Ph. D. Ithaca: Cornell University, 2005. – 224 p.

Lieverse A.R. et al. Osteoarthritis in Siberia's Cis-Baikal: skeletal indicators of hunter-gatherer adaptation and cultural change // American Journal of Physical Anthropology. – 2007. – Vol. 132. – P. 1–16.

Lieverse A.R. Health and behavior in the mid-Holocene Cis-Baikal: biological indicators of hunter-gatherer adaptation and cultural change // Prehistoric hunter-gatherers of the Baikal region, Siberia: bioarchaeological studies of past lifeways. – Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2010. – P. 135–174.

Lieverse A.R., Weber A.W., Goriunova O.I. Human taphonomy at Khuzhir-Nuge XIV, Siberia: a new method for documenting skeletal condition // Journal of Archaeological Science. – 2006. – Vol. 33 (8). – P. 1141–1151.

Link D.W. Boreal forest hunter-gatherer demography and health during the Middle Holocene of the Cis-Baikal, Siberia // Arctic Anthropology. – 1999. – Vol. 36 (1-2). – P. 51–72.

Link D.W. Hunter-gatherer demography and health in the Cis-Baikal Neolithic. – Ph. D. Chicago: University of Chicago, 1996.

Mamonova N.N., Sulerzhitskii L.D. Opyt datirovaniia po ^{14}C pogrebenii Pribaikal'ia epokhi golotsena // Sovetskaia Arkheologiia. – 1989. – N 1. – P. 19–32.

McKenzie H.G. Mortuary variability among Middle Holocene hunter-gatherers in the Lake Baikal Region of Siberia, Russia. – Ph. D. Edmonton: University of Alberta, 2006. – 374 p.

McKenzie H.G. Variability in Bronze Age (~5200–4000 Cal BP) mortuary practices in the Little Sea microregion, Cis-Baikal // Prehistoric hunter-gatherers of the Baikal region, Siberia: bioarchaeological studies of past lifeways. – Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2010. – P. 87–106.

Nomokonova T.Iu., Losey R.J., Goriunova O.I. Prehistoric fishing on Lake Baikal Siberia: analyses of faunal remains from Ityrkhei Cove. – Saarbrücken: VDM Verlag, 2009b. – 124 p.

Nomokonova T.Yu., Losey R.J., Goriunova O.I. Predvaritel'nyi analiz faunisticheskikh materialov s mnogosloinoi stoianki Ityrkhei (Maloe More, ozero Baikal) [Preliminary analysis of faunal remains from the multilayered habitation site Ityrkhei (Little Sea, Lake Baikal)] // Izvestiia Laboratorii Drevnikh Tekhnologii. – 2006. – N 4. – P. 166–177.

Nomokonova T.Yu., Losey R.J., Goriunova O.I. Rekonstruktsiia rybnogo promysla na ozere Baikal (analiz ikhtiofauny so stoianki Ityrkhei) [Reconstruction of fish procurement on Lake Baikal (analysis of ichtyofauna from Ityrkhei site] // Rossiiskaia Arkheologiia. – 2009a. – N 3. – P. 12–21.

Okladnikov A.P. Neolit i bronzovyi vek Pribaikal'ia (chast' I i II). – M.: Izd-vo AN SSSR, 1950. – 411 p. – (Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR. – Vol. 18).

Okladnikov A.P. Neolit i bronzovyi vek Pribaikal'ia (chast' III). – M.: Izd-vo AN SSSR, 1955. – 371 p. – (Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR. – Vol. 43).

Price T.D., Brown J.A., eds. Prehistoric hunter-gatherers: the emergence of cultural complexity. – Orlando: Academic, 1985. – 450 p.

Price T.D., Feinman G.M., eds. Foundations of social inequality. – NY.: Plenum Press, 1995. – 308 p.

Stock J. et al. Skeletal morphology, climatic adaptation and habitual behavior among the mid-Holocene populations of the Cis-Baikal, relative to other hunter-gatherers // Prehistoric hunter-gatherers of the Baikal region, Siberia: bioarchaeological studies of past lifeways. – Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2010. – P. 193–216.

Turov M.G. Khoziaistvo evenkov taezhnoi zony Srednei Sibiri v kontse XIX – nachale XX v. (printsipy osvoeniia ugodii) [Economy of the Evenki of the Central Siberia taiga at the turn of the 19th and 20th centuries (principles of land use)]. – Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta (in press).

Weber A.W. Bio-geographic profile of the Lake Baikal Region // Prehistoric foragers of the Cis-Baikal, Siberia. – Edmonton: Canadian Circumpolar Institute Press, University of Alberta, 2003. – P. 53–76.

Weber A.W. et al. Radiocarbon dates from Neolithic and Bronze Age hunter-gatherer cemeteries in the Cis-Baikal region of Siberia // Radiocarbon. – 2006. – N 48(3). – P. 1–40.

Weber A.W. The Neolithic and Early Bronze Age of the Lake Baikal region, Siberia: a review of recent research // Journal of World Prehistory. – 1995. – N 9. – P. 99–165.

Weber A.W., Creaser R., Goriunova, O.I., Haverkort C.M. Strontium isotope tracers in enamel of permanent human molars provide new insights into prehistoric hunter-gatherer procurement and mobility patterns: a pilot study of a Middle Holocene group from Cis-Baikal // Prehistoric Foragers of the Cis-Baikal, Siberia. – Edmonton: Canadian Circumpolar Institute Press, 2003. – P. 133–153.

Weber A.W., Goriunova O.I. Hunter-gatherer migrations, mobility and social relations: a case study from the Bronze Age Baikal region, Siberia // Bioarchaeology of individual life histories. – Oxford: Archaeopress, British Archaeological Reports, International Series (in press).

Weber A.W., Goriunova O.I. Khronologiia mogil'nika Kurma XI (ozero Baikal) po arkheologicheskim in radiouglerodnym dannym // Izvestiia Laboratorii drevnikh tekhnologii Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universitet. – 2005. N 3. – P. 186–90.

Weber A.W., Katzenberg M.A., Schurr T.G., eds. Prehistoric hunter-gatherers of the Baikal region, Siberia: bioarchaeological studies of past life ways. – Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2010a. – 344 p.

Weber A.W., Link D., Katzenberg A.M. Hunter-gatherer culture change and continuity in the Middle Holocene of the Cis-Baikal, Siberia // Journal of Anthropological Archaeology. – 2002. – N 21. – P. 230–299.

Weber A.W., Link D.W., Goriunova O.I., Konopatskii A.K. Patterns of prehistoric procurement of seal at Lake Baikal: a zooarchaeological contribution to the study of past foraging economies in Siberia // Journal of Archaeological Science. – 1998. – N 25. – P. 215–227.

Weber A.W., McKenzie H.G., Beukens R. Radiocarbon dating of Middle Holocene culture history in the Cis-Baikal // Prehistoric hunter-gatherers of the Baikal region, Siberia: bioarchaeological studies of past lifeways. – Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2010b. – P. 27–50.

Weber A.W., McKenzie H.G., Beukens R., Goriunova O.I. Evaluation of radiocarbon dates from the Middle Holocene hunter-gatherer cemetery Khuzhir-Nuge XIV, Lake Baikal, Siberia // Journal of Archaeological Science. – 2005. – N 32. – P. 1481–1500.

Weber, A.W., Konopatskii, A.K. & Goriunova, O.I. Neolithic seal hunting on Lake Baikal: methodology and preliminary results of the analysis of canine sections // Journal of Archaeological Science. – 1993. – N 20. – P. 629–644.

White D. Holocene climate and culture change in the Lake Baikal region, Russia. – Ph. D. Edmonton: University of Alberta, 2006. – 220 p.

White D., Bush A.B.G. Holocene climate, environmental variability and Neolithic biocultural discontinuity in the Lake Baikal region // Prehistoric hunter-gatherers of the Baikal region, Siberia: bioarchaeological studies of past lifeways. – Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2010. – P. 1–26.

Сообщения

А.Л. Заика
Красноярск, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

О МУЗЕЕ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ В ВУЗЕ

Традиционно музеи древней истории, культуры, археологии и этнографии, создаваемые при исторических факультетах, соответствующих кафедрах преследуют своей целью предметное освещение исторических процессов на ранних стадиях развития человечества, и в той или иной мере включены в общий учебный процесс. В зависимости от качества, степени научной значимости выставочного материала, хранящихся в фондах экспонатов музеи могут пользоваться популярностью в научных кругах.

По формам выражения вузовские музеи в концептуальном плане формирования экспозиций, как правило, однотипны. Построение выставочного материала осуществляется по хронологическому принципу от древности к поздним периодам. Приоритетную роль играют древние технологии производства (обработка камня, кости, гончарство, плавка металлов), широкие экспозиционные площади отведены для иллюстрации хозяйственной жизни, развития военного дела через предметы в виде орудий труда, вооружения. Духовная культура, как правило, отражена на периферии определенного хронологического раздела в виде предметов искусства, культовых изделий (в разряд которых часто попадают непонятные современнику артефакты). Фрагменты наскального искусства приводятся обычно как дополнительный материал, в качестве иллюстрации различных сторон жизни (охотничьи и скотоводческие сюжеты, батальные сцены). Как свидетельство развития духовной культуры в соответствующем контексте древних форм религии петроглифы представлены в виде трудно объяснимых фантастических образов или более понятных сцен камлания шаманов.

Подобная стереотипная ситуация объясняется идеологическими установками прошлого столетия, когда музейное дело было поставлено на политические рельсы пропаганды приоритетов материального производства в древней культуре и антирелигиозной борьбы с «пережитками прошлого». Взяв на вооружение лучшие традиции «старой» музейной школы мы должны продуктивно использовать современные выставочные технологии для успешной музейной работы. Соответственно, возникает проблема формирования концепции современного отечественного музея, определения основных целей и задач музейного дела, теоретических и практических разработок в деле внешнего оформления и внутреннего содержания экспозиций. Актуальность проблемы остро ощущается на примере вузовских музеев, особенно, если они участвуют в деле формировании будущих педагогических кадров, и более того – гуманитарного направления.

В стратегическом плане музей (прежде всего – вузовский) должен нести функцию очага культуры для молодежи. Любой музей древней истории, созданный для хранения, изучения, публичного представления музейных коллекций и предметов, касающихся археологического и этнографического изучения истории народов региона, в рамках ВУЗа должен выступать не только как центр учебной, но и просветительской, воспитательной работы для студентов и учащихся школ. В своей работе он должен ориентироваться на формирование и развитие научно-познавательного интереса к истории родного края, уважительного отношения к культурно-историческому наследию далекого прошлого, на сохранение и пропаганду памятников археологии, истории и культуры народов Сибири.

Задача пропаганды, популяризация древнего культурного наследия актуальны на сегодняшний день. В наше сложное время перемен, когда человек, порой теряет уверенность в завтрашнем дне, необходимо вспомнить старую мудрость: не зная прошлого, нельзя идти в будущее. «Народ, не знающей своей истории, подобен сироте, не помнящего своего родства». Соответственно, музеи в своих экспозициях должны проводить генеральную линию **связи времен**: от древности до современности.

Наряду с **временной вертикалью**, должна присутствовать **пространственная плоскость** исторических соответствий. Мы со школьной парты впитали ход событий мировой истории, а что лежит у нас буквально под ногами – не знаем. Ни о сибирских вариантах скифской культуры, ни о гуннской экспансии, Великом переселении народов, ни о монгольском нашествии, ни о северных трафиках Великого Шелкового Пути… Вместе с тем, многие энциклопедические факты и события истории нашли свое отражение на местном уровне, причем, на десятки и сотни лет раньше общеизвестных, что и должно прозвучать в экспозиционно-выставочной деятельности.

Концептуально мы должны также кардинально поменять отношение к древней культуре и древнему человеку – ее создателю, ее носителю. Отложить амбиции и заставить посетителя взглянуть на древние достижения не сверху вниз, а на паритетном уровне, а в ряде случаев – и с нижних ступенек развития культуры. Элементарными были технологии, примитивными были изделия. Но – не сам человек! Во всяком случае, когда достиг вершины биологической эволюции. Также мы должны поменять отношение к древней культуре в плане расстановки приоритетов. В данном случае необходимо несколько отходить от традиций популяризации материальных сторон жизни и показать определенные доминантные позиции духовной культуры в истории развитии человеческого общества.

В тактическом плане хотелось бы поделиться некоторыми предложениями практического характера, руководствуясь опытом участия в различных музейно-выставочных проектах. Выставочные залы должны представлять собой не вещевой склад и не витрину антикварной лавки. В то же время – не яркие витражи супермаркетов и не подиум восковых фигур, не аллегорические картины прошлого и не полигон ассоциативных железобетонных конструкций. Экспозиционное пространство должно быть организовано в русле определенной концепции.

В данном случае необходимо делать акцент на то, что архаичное человеческое общество на любой ступени организации (род, клан, племя) в большей степени объединяло не столько общая форма ведения хозяйства, и даже не схожесть языка или близость родства, сколько – единство верований. Любая родственная группа не только имела общего мифического предка, свои родовые святилища, культовые места, но и обладала более интернациональной системой мировосприятия, которая стимулировала межэтнические контакты, межрегиональные отношения.

Таким образом, необходимо показать не только, **что делал** древний человек, но и – **о чем думал**, во что верил, как воспринимал окружающий мир. Традиционная постеночная россыпь выставочного материала должна быть связана с несущей стержневой идеей мировоззренческого характера в виде объемной конструкции, иллюстрирующей модель мироустройства, характерной для соответствующего этапа развития культуры. В данном случае она может выступать как метафора (мировая гора, река жизни и смерти, мировое дерево, мировое яйцо), так и реальная вещь, ее соразмерный или гипертрофированный дубликат (идол, изваяние, священный камень).

Учитывая ограниченность пространства вузовских музеев (часто для экспозиции выделяется площадь традиционной учебной аудитории), необходимо максимально полно использовать имеющиеся объемы для выставочной деятельности (ниши, оконные проемы, выступы несущих конструкций и т.д.). При желании в экспозиционное пространство можно включить не только стены и пол, но и потолок помещения. Вместе с тем, при оформлении выставочного зала необходимо избегать угловых конструкций, а при их наличии – сглаживать их. Продуктивны арочные дверные проемы, дугообразные диорамы в углах помещения, скошенные плоскости боковых стенок вертикальных витрин, многоугольность подиумов и горизонтальных витрин и др. С одной стороны, это будет не совсем рациональным использованием имеющихся площадей, с другой – достижением психологически комфортного, гармоничного восприятия материалов экспозиции.

С целью акцентирования внимания посетителя на базовых позициях музейной выставки вообще и тематики очередного раздела, в частности, экспозиционная площадь должна быть затемнена, за исключением основных символов, объемы которых находятся в зоне локаль-

ного освещения. Закольцовывать объем пространства может слегка подсвеченный размытый фон «псевдо-скального» неширокого фриза с эталонными образами петроглифов, расположенного у потолка по периметру стен зала. «Подвешенная» реальность предполагает соответствующее «закадровое» музыкальное сопровождение.

Гармоничное сочетание подобных внешних эффектов зрительного и акустического характера психологически настраивает посетителя на волну приобщения к чему-то таинственному, познанию скрытой за порогом веков человеческой реальности.

Последующее, более предметное восприятие экспозиции происходит по мере посещения витрин, подиумов, расположенных по траектории экскурсии. Во избежание распыленности внимания желательно использовать поэтапное включение их освещения. В результате только на завершающем этапе экскурсии вся экспозиционная площадь предстает в полном объеме и в сознании посетителя воспринимается (после получения необходимой информации) как законченная картина развития древней культуры во всех ее проявлениях. В противном случае, когда в традиционных вариантах выставочный зал изначально равномерно освещен, и каждый объект ярко представлен, калейдоскоп зрительной информации мешает сконцентрировать внимание на очередном объекте экскурсии, не смотря на все усилия экскурсовода. Тем более, если посетители – группа школьников.

Немаловажное значение имеет форма этикетажа представляемого материала. Аннотации должны быть краткими и емкими по существу, сами этикетки – неброскими и не контрастировать с общим фоном. Иначе мы рискуем превратить витрину в лоскутное одеяло или выставку товаров с белыми заплатками ценников. Приоритет выставляемого раритета над сопровождающей и дополнительной информацией должен соблюдаться неуклонно. В то же время тематика любого раздела экспозиции, по необходимости, должна быть понятна без помощи экскурсовода. Соответственно, развернутая информация, с которой желает ознакомиться посетитель, может быть вынесена на периферию экспозиции и представлена в различных видах в зависимости от топографии и технического оснащения помещения.

Выставочный материал желательно размещать на вертикальных или наклонных легко сменяемых основах. Горизонтальная экспозиция предметов малоэффективна для их восприятия. То же касается низких горизонтальных витрин. Мобильность выставочного материала предполагает оперативность смены экспозиции, ее обновление, перемещение в учебных и научно-исследовательских целях, презентацию за пределами музея.

В настоящее время, как мне кажется, не совсем этично помещать реальные останки погребенных при моделировании захоронений той или иной древней культуры. Более того, обилие скелетов в экспозиции (даже в виде муляжей) создает опасность превратить залы музея в публичный кладбищенский склеп. Между тем, именно по формам погребального обряда, антропологическому типу погребенных, характеру сопроводительного инвентаря в науке производится идентификация многих древних культур. Соответственно, необходимо использовать другие формы презентации данной категории экспонатов. В частности, эффективны баннерные технологии с использованием прозрачных основ и внутренней подсветки. Когда, например, пластиковое полотно с качественным фото (желательно в реальный размер объекта) помещается внутрь смоделированной погребальной/надмогильной конструкции. Грамотно подобранное фото и умело поставленный свет, наряду с внешним объемным антуражем, помогут достичь желаемого результата. Более того, зрительно можно достичь эффекта наличия в экспозиции «подпольных ниш», «углубить» выставочное пространство. Получить необходимую информацию о захоронении, ознакомиться с погребальным инвентарем посетитель может на отдельном выносном стенде, полке витрины (замечено, что артефакты, выложенные вместе с реальным костяком, как правило, теряют свою аттрактивность).

Ориентируясь на вышеизложенный ряд позиций концептуального плана, мы, надеюсь, сможем решить ряд задач, не выходя из зала музея: пробудим научно-познавательный интерес к древнему прошлому, уважение к нему, у посетителя появится гордость за богатство истории родных мест. Первичные эмоции патриотического характера в конечном итоге заложат краеугольный камень в воспитании гражданской ответственности за сохранение историко-культурного наследия своего Отечества.

М.В. Константинов
Чита, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Первые упоминания о древностях Забайкалья принадлежат Н.Г. Спафарию (1675), И. Идесу и А. Брандту (1892), направлявшихся в Китай в составе русских посольств. В 1724–1725 гг. в Забайкалье работала академическая экспедиция Д.Г. Мессершмидта, которая в рамках комплексных исследований ставила перед собой задачу выявления древностей.

Участники второй академической экспедиции Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин в 1735 г. обследовали городища и провели раскопки плиточных могил у Городищенской слободы при слиянии Онона и Ингоды, а также у Читы и в районе Еравнинских озер. На Аргуни они обратили внимание на Вал Чингисхана. Перу Г.Ф. Миллера принадлежит сочинение «О древних памятниках в уездах Селенгинском и Нерчинском».

В 1772 г. экспедициями П.С. Палласа и И.Г. Георги в степных районах Забайкалья, в том числе на Аге, отмечались многочисленные древние погребения, названые чудскими или даурскими.

В XIX в. А. Павлуцкий и другие инженеры Нерчинского горного округа неоднократно отмечали следы древних рудных разработок на серебряных и других месторождениях.

С 1818 г. известен эпиграфический памятник «Чингисов камень», найденный в Приаргунье и доставленный в 1832 г. в Петербург. Во время сибирской поездки по Забайкалью М.М. Геденштром (1830) у Гусиного озера выявил оленный камень, который в дальнейшем был перевезен в Троицкосавский (Кяхтинский) музей.

В 1850-е учитель из г. Верхнеудинск Д.П. Давыдов обнаружил древние погребения в Хоринской степи, а в долине р. Иволги – оленный камень, ставший экспонатом Иркутского музея.

В 1865–1867 гг. П.А. Кропоткин и И.С. Поляков открыли древние стоянки в Тунке, на побережье оз. Байкал и во время путешествия из Бодайбо до Читы. И.Д. Черский и Н.И. Витковский исследовали древности Селенги. В 1890 г. на рр. Хилок и Чикой отмечали наличие писаниц и погребений врач Н.В. Кириллов и геолог В.А. Обручев.

С 1892 г. археологические исследования проводил кяхтинский врач Ю.Д. Талько-Грынцевич. За 16 лет деятельности им раскопано около 500 погребений от неолита до средневековья, в том числе до 100 погребений гуннов (хунну), что явилось доказательством их исторического существования. Серию древних стоянок на Селенге и Чикое открыли краеведы А.П. Мостиц и П.С. Михно. Усилиями краеведов в Кяхтинском краеведческом музее создана археологическая экспозиция.

С 1880 г. исследования в Забайкалье проводил А.К. Кузнецов, открывший древние стоянки и погребения по реках Нерча, Онон, Ингода. Он первым провел исследования Кондуйского городка монгольского времени. Им созданы музеи с археологическими стендами в Нерчинске и Чите.

В Государственном институте народного образования в 1920–1922 г.г. археологию преподавали А.К. Кузнецов, Е.И. Титов, В.Я. Толмачев. С 1926 г. в Забайкалье работали иркутский профессор Б.Э. Петри и его ученики. Так, А.П. Окладников открыл памятники в Фофаново на р. Селенге. Эти исследования продолжил М.М. Герасимов; музейные коллекции в Кяхте и Чите изучал Г.Ф. Дебец. В 1923 г. на р. Онон открыл древние стоянки С.И. Руденко. Археологическая экспедиция АН СССР во главе с Г.П. Сосновским в 1927–1929 гг. в бассейне р. Селенга выявила комплекс памятников от палеолита до средневековья. В 1930 г. в окрестностях Читы проводили поиски стоянок и погребений А.И. Махалов и И.И. Михалкин.

С 1947 г. более 3-х десятилетий Забайкалье систематически исследовал А.П. Окладников, опубликовавший серию монографий, научно-популярных книг и статей. Им открыта мастерская каменного века на Титовской сопке, стоянки Чиндант и Арын-Жалга на р. Онон, Шилкинская пещера, десятки петроглифов, выделена бурхотуйская культура железного века

[Окладников, 1976; Окладников, Запорожская, 1969, 1970; Окладников, Кириллов, 1980]. В его экспедиции работали археологи: А.Д. Столяр, Н.Н. Диков, В.Е. Ларичев, З.А. Абрамова, С.Н. Астахов, Р.С. Васильевский, А.П. Деревянко и др., антрополог Н.Н. Мамонова, геологи Н.А. Флоренсов, С.М. Цейтлин, палеонтолог Н.Д. Оводов и другие.

С 1950 г. в Читинском государственном педагогическом институте (ЧГПИ) трудился М.И. Рижский. Ему принадлежат главы о древнем Забайкалье в «Истории Сибири» и научно-популярная книга «Из глубины веков» (1965).

В 1956–1958 гг. сотрудники Института археологии АН СССР (г. Москва) С.В. Киселев и А.Е. Евтюхова исследовали памятники монгольского времени Кондуйский городок и Хирхиринское городище. Отдельный отряд этой экспедиции под руководством Ю.С. Гришина в бассейне р. Онон исследовал памятники эпохи металла [Гришин, 1975, 1981]. С 1960 г. велись интенсивные исследования Иволгинского городища хунну на р. Селенга отрядом Ленинградского государственного университета под началом А.В. Давыдовой. С 1960-х гг. действуют археологические отряды и экспедиции БНЦ СО РАН под руководством Е.А. Хамзиной и П.Б. Коновалова [Хамзина, 1982; Коновалов, 2008].

С 1965 г. формируется археологический отряд ЧГПИ под руководством И.И. Кириллова. Исследовались стоянки Громатуха, Доронинское, Танга, Сухотино-1 на р. Ингода, проводились разведки по Онону, Хилку, Чикою. Организуется археологические практики для студентов-историков [Кириллов, Рижский, 1973; Кириллов, 1979].

С 1971 г. в ЧГПИ действуют Верхнеамурская и Чикойская археологические экспедиции.

Верхнеамурская экспедиция под руководством И.И. Кириллова, Е.В. Ковычева, с участием О.И. Кириллова, О.А. Яремчук, проводила исследования в Восточном Забайкалье, охватывая все археологические эпохи. Исследователями разработана периодизация палеолита, выделены локальные варианты неолита, отрыты дворцовская культура эпохи бронзы, погребальные и культовые памятники культуры плиточных могил, дуройская культура эпохи сяньби, дарасунская и ундугунская культуры эпохи средневековья, русские поселения XVII–XVIII вв. [Ковычев, 1984; Кириллов и др., 2000].

Чикойская экспедиция проводит исследования в Западном Забайкалье, которыми руководили М.В. Константинов [Константинов, 1994, 2008], А.В. Константинов [Константинов, 2001], Л.В. Екимова, И.И. Разгильдеева, О.В. Кузнецов, М.Н. Мещерин, С.Б. Верещагин. Открыты памятники мустье, выделены культуры позднего палеолита, определена характеристика мезолита, разработана периодизация неолита – бронзы, исследованы этноархеологические памятники XVIII – начала XX вв.

Сотрудниками обеих экспедиций опубликованы монографии, научно-популярные книги и учебные пособия, на материалах экспедиций создан вузовский Музей археологии Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета, действуют Лаборатория археологии и этнографии и Лаборатория палеоэкологии.

С 1980-х начали проводить исследования отряды Центра по сохранению историко-культурного наследия и Читинского областного краеведческого музея им. А.К. Кузнецова. Отряды работали под руководством В.К. Колосова, С.Г. Васильева, А.М. Мамкина, С.А. Афанасьева, П.В. Мороза и других. В результате проведено изучение памятников в зоне строительства федеральной автодороги Чита–Хабаровск, пополнены фонды и создана новая археологическая экспозиция в музее.

На юге и востоке Забайкалья работали экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН (И.В. Асеев, А.И. Мазин, С.В. Алкин), Института археологии, этнографии, истории ДВО РАН (А.Р. Артемьев, Н.Н. Крадин), Иркутского технического университета (А.В. Харинский). На севере Забайкалья археологические памятники исследовали А.Н. Алексеев, Н.Н. Кочмар (Якутский государственный университет), Иркутского государственого университета (М.П. Аксенов, В.М. Ветров и др.).

В Западном Забайкалье исследования проводили археологи из г. Улан-Удэ Л.Г. Ивашина [Ивашина, 1979], Н.В. Именохоев, Л.В. Лбова [Лбова и др., 2008], В.П. Конев, В.И. Ташак, С.В. Данилов, Б.Б. Дашибалов [Дашибалов, 1995], А.Д. Цыбиктаров, Л.Г. Ярославцева и др.

На юго-западе Забайкалья гуннские погребения изучал археолог из Петербурга С.С. Миняев. Исследования в Бурятии позволили расширить хронологический диапазон региональной истории, включив в нее эпоху мустье, а также получить новые данные по древним культурам охотников и номадов. В БНЦ СО РАН открыт Музей археологии. В Этнографическом музее г. Улан-Удэ представлены под открытым небом перемещенные с первоначальных мест погребальные комплексы.

К археологическим исследованиям Забайкалья причастны краеведы Р.Н. Ступников, Ю.С. Орлов, М.К. Савватеев, О.Ю. Черенщиков, А.Ю. Литвинцев, С.Ю. Литвинцев, Р.Г. Федотов, В.И. Варфоломеев и др.

Усилиями археологов ЧГПИ в содружестве с учеными других центров проведена Всесоюзная конференция «Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири» (1986), Международная конференция «Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе» (1996), «Древние культуры Азии и Америки» (2003) и др.

Состоялось три (1980, 1988, 1999) Региональные археолого-этнографические студенческие конференции (РАЭСК) Чите. В 1998 г. РАЭСК состоялась в Улан-Удэ. В ЗабГГПУ с 1992 г. действует аспирантура по направлению «археология».

Литература

Гришин Ю.С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. – М., 1975.

Гришин Ю.С. Памятники неолит, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. – М., 1981.

Дашибалов Б.Б. Археологические памятники курыкан и хори. – Улан-Удэ, 1995.

Ивашина Л.Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. – Новосибирск, 1979.

Кириллов И.И. Восточного Забайкалья в древности и в средневековье. – Иркутск, 1979.

Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И. Дарасунский комплекс археологических памятников (Восточное Забайкалье). – Новосибирск, 2000.

Кириллов И.И., Рижский М.И. Очерки древней истории Забайкалья. – Чита, 1973.

Ковычев Е.В. История Забайкалья I – сер. II тысячелетия н.э. – Иркутск, 1984.

Коновалов Л.Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). – Улан-Удэ, 2008.

Константинов А.В. Древние жилища Забайкалья. – Новосибирск, 2001.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ; Чита, 1994.

Константинов М.В. Провинциальная археология. – Чита, 2008.

Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья. – Новосибирск, 2008.

Окладников А.П. История и культура Бурятии. – Улан-Удэ, 1976.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. – Л.: Наука, 1969, – Ч. 1; 1970. – Ч. 2.

Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. – Новосибирск, 1980.

Хамзина Е.А. Археологические памятники Бурятии. – Новосибирск, 1982.

И.И. Разгильдеева
Чита, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского

НОВЫЙ ПАМЯТНИК УСТЬ-МЕНЗА 14 (ЛАГЕРНАЯ)

В 2007 г. попытка хозяйственного обустройства археологического лагеря на территории Усть-Мензинского урочища привела к открытию нового памятника, связанного с аллювиальными отложениями II террасы р. Мензы. При выкапывании шурфа под погреб в средней части террасы, в 85 м от современной бровки (высота над меженным уровнем р. Мензы 7,35

м), на глубине 3 м был обнаружен культурный горизонт эпохи палеолита. Каменный инвентарь включал выразительные скребла на массивных галечных сколах, продукты дебитажа. С комплексом артефактов были связаны крупные валунчики и гальки, которые указывали на возможность выявления древних хозяйственных структур. Памятник получил название Усть-Менза–14 (Лагерная). В 2008-2009 гг. работы по его изучению были продолжены. Общая площадь вскрытия составила 29 кв.м. и позволила получить интересные материалы.

Культурный горизонт связан с основанием перигляциального аллювия II надпойменной террасы, залегает на глубине 2,9–3,25 м. Вмещающие отложения представлены прослоем хорошо отмытого мелкозернистого песка белёсого цвета. Подстилает горизонт плотный слой серо-сизых илов. Мощность культурного горизонта различна. Она определяется уклоном поверхности в сторону реки и сложным микрорельефом – наличием углублений-промоин, проходящих по мерзлотным клиньям полосами, пересекающими поверхность. По линиям размыва идут скопления артефактов, которые были смыты и переотложены в древности благодаря деятельности водных склоновых потоков. Поверхность практически всех артефактов сильно замыта. Между тем, анализ микростратиграфии слоя, хорошо выраженная система мерзлотных клиньев и линий размыва, характер включающих и подстилающих культурный горизонт отложений, коллекция каменных артефактов позволяют говорить об общем хозяйственно-культурном контексте выявленных материалов и рассматривать их как единый комплекс.

Каменный инвентарь представлен крупными массивными изделиями (в основном, галечными скреблами и отбракованными сырьевыми основами нуклеусами-желваками), многочисленными первичными сколами и отщепами. Кроме того, пространство структурировано камнями валунно-галечного типа, часть из которых использовалась в качестве отбойников и плит-наковален. Анализ коллекций, планиграфия участка свидетельствуют об открытии фрагмента рабочей площадки с направленной деятельностью. Характер первичных сколов указывает на использование местного сырья (метаморфизированные песчаники, микрокварциты, кварциты, микросланцы, плохого качества яшмоиды – определение П.В. Мороза) и применение биполярной техники расщепления галечных форм. Оформление рабочих кромок орудий выполнялось грубой оббивкой или отжимной ретушью с использованием жесткого ретушера-отбойника. Интересным является присутствие в коллекции скрёбел и сколов из эффузивных пород, которые не встречаются в местных галечниках. Зафиксированы единичные микросколы из очень качественного сырья – пластичной многоцветной яшмы, халцедона, вулканического стекла.

Видимо, мелкие осколки были смыты интенсивным водным потоком, что объясняет практическое отсутствие микродебитажа – отдельные чешуйки и единичные микропластинки обнаружены под камнями или в трещинах мерзлотных клиньев. Остеологические материалы представлены двумя микроосколками эмали зуба животного и двумя неопределимыми фрагментами костей размером менее 4 см. В заполнении слоя на участке площадью около метра прослеживались микровкрапления угля. Отмечается интенсивная окраска слоя и поверхностей крупных артефактов кристаллами омарганцевания – косвенное свидетельство заболоченности/оводненности древней поверхности.

С точки зрения планиграфии следует отметить, что слой подстилает очень плотный горизонт ила, который является условной границей размыва клиньев. Этот слой остановил развитие трещин и предотвратил проседание находок ниже. Кроме того, в южном ближнем к реке углу раскопа илистый слой образовал бугор-площадку около 4 кв.м на котором располагались крупные камни. Среди них массивный валун-наковальня (0,96х0,6 м) с вогнуто-выпуклой поверхностью покрытой выщербинами. Горизонтальное положение верхней поверхности плиты обеспечивал подтолкнутый под нижнее ребро крупный уплощенный окатанный скальный обломок. Рядом, под ребром «наковальни», находились три отбойника и скребло. На данном участке найдено пять скрёбел из крупных галечных сколов, восемь отбойников – кварцитовые и гранитовые гальки и валунчики стандартизированной формы и веса, оббитые и расколотые гальки (сырьевые основы и куски отбойников), первичные сколы и отщепы.

Коллекция орудий (2009 г.) включает две крупные пластины с ретушью (скребла-ножи), 12 скрёбел, 4 обломка орудий с фрагментами ретушированных кромок (два – скрёбел, два – зона крепления в рукояти), долотовидное орудие и 16 целых отбойников. Общий анализ материалов нового памятника Усть-Менза–14 (Лагерная) еще не завершен, однако в рамках палеолитических горизонтов памятников Усть-Мензы впервые обнаружен комплекс с признаками стоянки-мастерской, где представлена биполярная техника расщепления на базе местного сырья. Предварительно, на основе стратиграфического положения и характера археологических материалов горизонт датируется начальной стадией сартанского криохрона [Карасёв, 2002].

Литература

Карасёв В.В. Кайнозой Забайкалья. – Чита, 2002. – 128 с.

С.С. Тихонов
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

СИМВОЛИКА ЭКСПЕДИЦИЙ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ИХ ИСТОРИИ

Полагаю, что история археологии многогранна, ведь с одинаковым успехом можно анализировать становление личности отдельного ученого (или научного коллектива) и его деятельность, процесс исследования памятников или археологических культур, историю изучения региона … ну и так далее, поскольку во многом история археологии – tabula rasa. В соответствии с направлением историографических работ ученый использует источники. Ими могут быть разного характера публикации (историографические, мемуарные, методические, научные и т.д.), документы, хранящиеся в архивах как государственных, так и ведомственных, и личных (переписка, служебные записки, характеристики, научные заметки или материалы для подготовки публикаций), полевые отчеты, кино-, фото-, видеоматериалы, археологические коллекции, газетные публикации, записи радио- и телепередач. В последние 15-20 лет появился и быстро формируется массив машиночитаемых данных на электронных носителях (на серверах, CD или DVD дисках). Не будем сейчас вести речи о классификации источников, а попытаемся рассмотреть еще один – флаги экспедиций.

На кафедре первобытной истории Омского государственного университета в кабинете В.И. Матющенко долгое время лежал принадлежащий ему обычный брезентовый рюкзак-«мячик». Я его много раз видел, но, конечно, содержимым не интересовался. Как оказалось, в нем хранились флаги экспедиций, которыми руководил Владимир Иванович. Я не знаю, где он воспринял традицию изготовления и подъема флага экспедиции (может быть, в экспедициях А.П. Окладникова в середине 1950 гг.? По крайней мере, именно там В.И. Матющенко узнал о празднике «День археолога»), но когда он жил в Томске, то есть до середины 1970 годов, традиция эта уже существовала, о чем мне рассказывали выпускники исторического факультета ТГУ, ныне работающие в Омском университете. Выглядела «церемония» примерно так: некая группа, чаще старшекурсников, руководила этим процессом, в который сам Матющенко не вмешивался, хотя «руку держал на пульсе», гласно или негласно одобряя ход процесса. Необходимо было срубить и ошкурить пяти- или шестиметровую «лесинку» для мачты-флагштока, приделать к ней «прилады» для подъема и спуска флага, наконец, сделать сам флаг. Процедура его подъема была стандартной: построение экспедиции, небольшая речь начальника, подъем флага, пение археологического гимна. Действо происходило ближе к вечеру, часа за полтора-два до ужина. Вечер этих суток считался праздничным, поэтому после подъема флага члены экспедиции сообща готовили вкусный обильный ужин, плавно переходящий в посиделки у костра с песнями и рассказами. Ужин мог затянуться до утра. И так продолжалось из года в год. Этот ритуал существует до сих пор в экспедициях его учеников,

по крайней мере, омичей. Предположу, что сама традиция подъема флага экспедиции. скорее, происходит от пионерских ритуалов, нежели от военно-морских. Во-первых, потому, что там ритуалы со знаменами другие, во-вторых, Владимир Иванович в армии не служил.

Всего сохранилось около двух десятков флагов. Самый ранний, можно предположить, сделан при раскопках могильника у д. Ростовка (Омский район Омской области), поскольку на треугольное полотнище нашиты изображения коленчатого ножа и копья с крюком, похожие на ростовкинские. Следующий по времени флаг сделан при раскопках саргатских курганов у д. Новооболонь (Горьковский район Омской области). Их В.И. Матющенко копал в 1975 г. Это два флага археологических экспедиций ТГУ, но на новооболонском есть аббревиатура СИАЭ – Среднеиртышская археологическая экспедиция, следовательно, этот год и есть дата ее образования. Другие флаги СИАЭ относятся к экспедициям в Еловке (Кожевниковский район Томской области), Мурлинке (Тарский район Омской области), конечно, Окунево (Муромцевский район Омской области), и Кала-Журга (Усть-Каменогорская область КазССР, ныне Республика Казахстан).

Не будем останавливаться на особенностях тканей и способах изготовления флагов, отметим только, что есть техника рисования, аппликации, вышивки; полотнище могло быть из куска палатки, простыни, вкладыша к спальному мешку. Обычно на полотне имеется аббревиатура «СИАЭ», год и место проведения экспедиции и какие-то археологические сюжеты. Рисунки или вышивки лопат, шпателей, конечно, универсальный, но малоинформативный сюжет. Изображения черепов указывают на раскопки могильников. Более интересны сюжеты, указывающие на какие-то особенности экспедиции. Например, хорошо проработан горшок на флаге СИАЭ-75, указывающего на саргатскую принадлежность могильника. Показана особенность раскопа СИАЭ-81 – одиночная береза на могильном поле, которая в годы раскопок в Еловке спасала экспедицию от палящего солнца во время перерывов. Флаг СИАЭ-83 отражает географическую ситуацию расположения Мурлинского городища и преобладающую растительность – бор. Жучок с буквой «Э» на спинке – это клещ. Был нашит после того, как одну из девушек увезли в больницу в Омск в тяжелом состоянии после укуса клеща. Этот же «жучок» – свидетельство одной из шуток: на вопрос чем «отличается энцефалитный клещ от простого?» следует «правильный ответ: «у энцефалитного на спинке есть буква «э». Время появления ответа – конец 1970 – начало 1980 гг. Об особенностях почвы на памятнике Кала-Журга указывает наличие кирки, больше похожей на геологический молоток, а обвившая его змея символизирует множество щитомордников. На флаге СИАЭ-88 есть изображение медвежье головы – стилизация изображения на бронзовой бляхе потчевашского времени, найденной в этом году. Есть изображения, указывающие на особенности быта – на флаге СИАЭ-87 есть девиз – «Qvousqve tandem abutere OVODUS patientia nostra». В знаменитой фразе из речи против Катилины его имя заменено на слово ovodus – латинизированная форма русского слова «овод», что указывает на чрезвычайное обилие кровососущих насекомых в этом году. На одном из флагов СИАЭ (год не указан, но примерно конец 1980 – начало 1990) в нижнем углу есть изображение хозяйственной палатки («хозки»), обнесенной колючей проволокой, пограничная вышка и надписи – «Сегодня тушенки не будет» и «Осторожно – завхоз», что на самом деле не показатель прижимистости этого важного лица в экспедиции, а свидетельство начала формирования одного из праздников СИАЭ – «Дня взятия Бастилии».

Имеется флаг отряда А.И. Петрова, который вел разведку на правом берегу Иртыша в 1977 г. Великолепно показан маршрут экспедиции и места расположения найденных памятников, но еще более интересны портреты участников, по которым узнать человека легко. Реалистичны изображения людей и одежды на флаге десанта СИАЭ-88. На флаге экспедиции И.Г. Глушкова (СИАЭ-82, Крахалевский отряд) изображен он сам в виде карточного туза в панаме. Здесь сразу два смысла – туз как руководитель экспедиции, и указание на игру в карты, поскольку игра в «66» в это лето была необычайно популярна. Характерны для него (Игоря Геннадьевича) стойка с опорой на лопату и скрещенными ногами, и головной убор – панама. Есть флаги других отрядов Среднеиртышской археологической экспедиции, в том числе и с изображением бытовых сцен. Не смотря на то, что каждый флаг индивидуален, все вместе они содержат информацию о каких-то особенностях экспедиций.

Полагаю, что правильными будут следующие выводы:

– флаги экспедиции можно рассматривать как источник для изучения истории экспедиции;

– на некоторых флагах имеются сюжеты, которые не нашли отражения в полевых отчетах или полевых дневниках, но сохранились в памяти участников;

– каждый флаг уникален, но его символика понятна только его изготовителям или членам экспедиции, «герольды» других экспедиций могут ошибиться при чтении смысла флага.

Возможно, флаги не такой уж информативный источник, но они не заслуживают и пренебрежения, поскольку любые сведения по истории археологии являются важными и нужными.

Содержание

Уважаемые коллеги! ... 3

Статьи

Алкин С.В. К вопросу о связи культуры плиточных могил Забайкалья и культур эпохи раннего металла Внутренней Маньчжурии ... 4

Бураева О.В. К вопросу о присоединении Байкальского региона к России ... 11

Васильев С.А. История изучения палеолита в России ... 20

Волков П.В. Технология изготовления предметов персональных украшений ... 27

Герасимова М.М. Палеоантропология прибайкальского неолита: история изучения и современные проблемы ... 34

Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии ... 50

Дроздов Н.И., Артемьев Е.В., Макулов В.И., Чеха В.П. Изучение археологических памятников Куртакского археологического района в береговой зоне Красноярского водохранилища (история, методика, результаты и перспективы) ... 66

Крадин Н.Н. Особенности взаимодействия кочевников и народов Дальнего Востока в древности и средневековье ... 79

Лбова Л.В. Формирование кадрового резерва в археологии Сибири: состояние и перспективы ... 90

Леви К.Г., Задонина Н.В. Природно-климатические изменения в позднем плейстоцене – голоцене северного полушария: анализ радиоуглеродных хронологий ... 93

Скрынникова Т.Д. Монгольский улус XVII века ... 109

Табарев А.В. Некоторые итоги и перспективы развития американистики в Новосибирском научном центре ... 119

Тишкин А.А. Проблемы периодизации истории и возможный подход при построении культурно-хронологических схем в археологии Евразии ... 129

Тураев В.А. Традиционные культуры в условиях модернизациии реформ: проблемы и перспективы ... 136

Туров М.Г. Традиционное природопользование в ретроспективе этнической истории коренного и русского старожилого населения Катангского района Иркутской области ... 144

Шуньков М.В. Особенности развития палеолитических традиций на Алтае ... 161

Щелинский В.Е. Исследование раннего палеолита Приазовья ... 172

Weber A., Bettinger R. Bioarchaeology of middle holocene hunter-gatherers of Cis-Baikal, Siberia: an overview of recent results ... 188

Сообщения

Заика А.Л. О музее археологии и этнографии в вузе ... 203

Константинов М.В. Забайкальская археология в историческом развитии ... 206

Разгильдеева И.И. Новый памятник Усть-Менза 14 (Лагерная) ... 208

Тихонов С.С. Символика экспедиций как источник по изучению их истории ... 210

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЕВРАЗИЙСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ,
ЭТНОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ

Материалы докладов ведущих ученых
на V (L) Российской (с международным участием)
археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых
4-9 апреля 2010 г., Иркутск

Ответственный редактор – д.и.н., профессор Г.И. Медведев

Издательство «Оттиск»
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 19.03.2010 г. Формат 60/84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 19,74. Уч. изд. л. 21,4. Тираж 350 экз. Заказ № 194.

Отпечатано в типографии «Оттиск»
664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 28.
тел. 34-32-34.
E-mail: ottisk@irmail.ru